

Агагельды
Алланазаров

ОЧАГ

12+

Агагельды Алланазаров

Очаг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48818632

SelfPub; 2019

Аннотация

Автор воссоздаёт события начала XX века, рассказывая о том, как населявшие южные районы Туркменистана наполовину кочевые семьи принимали новую советскую власть, о колхозном строительстве и тяжёлой судьбе тех людей, которые подвергались репрессиям, унижениям и которых ссылали в далёкие края. «Очаг» представляет собой не до конца раскрытые и не полностью отражённые в произведениях страницы истории жизни не только туркменского, но и многих других народов прежнего Союза, волею жестокой судьбы разбросанных по всей стране. Эпоха и судьбы народов находят в романе глубокое и широкое осмысление.

Содержание

Глава	5
Глава	196
ГЛАВА	389

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Посвящается деду моему Оразгелди сыну Кымыш Гаплана, бабушке моей Огулджума – дочери Мамед-Хана Дуеджи, отправленных в ссылку в 30-е годы в дальние края и там оставшихся навсегда.

В 1917-1930 годах число сосланных из Туркменистана раскулаченных баев превысило 900 человек, в те же годы в поисках лучшей доли из республики выехало около 4 миллионов человек.

(Историческая справка)

Глава

I

Состоящие из шести стен-крыльев три белые кибитки семьи Кымыш-дузчы (дузчы – человек, имеющий дело с солью – занимающийся добычей, очисткой, продажей) выстроились в ряд в начале села. Кибитки были поставлены близко друг от друга, к тому же чуть выше от окружающих домов, их приподнятые крыши были похожи на устремлённые в небо купола, отчего напоминали не жилища человека, а соединённые друг с другом мечети и медресе.

Арык, берущий своё начало вдали от села, у истоков Мургаба, отобрав у полноводной реки часть воды, ещё какое-то время кружив по равнине, дойдя до обрыва, оттуда резко разворачивается в обратную сторону и течёт на север, спускаясь в низину между холмами Пенди и селом Союнали. Уже оттуда, облизывая нижнюю часть холма, на котором стоят кибитки Кымыш-дузчы, несёт свои бурные воды и дальше.

Как сам Кымыш-дузчы, его дома тоже выглядели гордо и величаво

К южной окраине села Союнали плотно подступали холмы Пенди – раскинувшейся с севера на юг пустыни, они чувствовали себя здесь хозяевами, в то время как северную окраину заняли холмы Гарабила, и чем южнее они поднимались, тем выше к небу тянулись их верхушки. Потому-то

Союнали не было похоже на обычное село, оно больше напоминало окруженную высокими стенами крепость. По ночам окрестные холмы были похожи на караванных верблюдов, разгрузившихся и присевших возле села на отдых, чтобы ещё до наступления рассвета загрузиться мешками и тихонечко продолжить путь.

В среднем из трёх своих домов жил сам Кымыш-дузчы со своей старухой и подросшими детьми своих сыновей, а каждый из боковых домов занимали его сыновья с малыми детьми.

В этой долине союналийцы жили на протяжении двух-трёх человеческих поколений. Они выкорчевали окружающие село заросли, осушили топкие болота, в которых плескались дикие кабаны, и в течение многих лет своим тяжким трудом возделывали землю, превращая её в прекрасную пашню, которая в последние годы щедро делилась с людьми выращенным урожаем. Может, поэтому союналийцы были так сильно привязаны к своей земле, не мыслили своей жизни вдали от неё и свою дальнейшую судьбу связывали только с ней.

Кымыш-дузчы не владел несметным числом голов скота, не был старейшиной села, он просто жил достойно и был уважаем всеми. В селе его семья имела средний достаток. Он зарабатывал его тяжким трудом в течение сорока лет. В сорок лет он женился на 28-летней дочери Гурбан бая Огулджемал, вместе с ней вырастил двух сыновей и приобщил их

к труду. В глазах своих односельчан он был честным тружеником. Удача улыбнулась ему, когда стал разводить крупный рогатый скот. Сейчас в его собственности было около пятидесяти коров, а в отаре паслось ещё полсотни голов овец. И вот уже много лет его две невестки – жёны сыновей доили возле дома порядка десяти-пятнадцати отелившихся коров. Кымыш-дузчы и прежде не был человеком бедным, но после того, как женил сыновей на дочерях состоятельных односельчан, стал ещё зажиточнее.

Старшему сыну он взял в жёны одну из дочерей почитаемого всеми небедного Маммет хана из племени дуечи, младшего сына женил на одной из хорошо воспитанных дочерей Яз бая.

Вот тогда-то, после шестидесяти с лишним лет непросто-го существования без особого достатка, наступила нынешняя пора жизни Кымыш бая – спокойная, достойная, состоятельная. Сам Кымыш-дузчы к этому времени был человеком преклонного возраста: белая борода, в руках трость, поверх свободной рубахи из белого миткаля был накинут халат – дон. Старик ходил немного сгорбившись, и отдалённо напоминал ангела.

И всё равно, даже состарившись, он не отстранился совсем от домашних забот, пока сыновья пахали в поле, старик присматривал за домашней скотиной. Оседлав своего ослика, выходил в поле и доверху нагружал его стогами с накошенной травой.

Сыновьям, которые исправно выполняли все необходимые дела, не очень-то нравилось, что их старый отец занимается нелёгким трудом, ездит за травой для скота. Им хотелось, чтобы отец наконец-то отдохнул по-настоящему, ведь ему многое в этой жизни досталось нелегко. Испытывая чувство вины и жалея его, сыновья старались найти для отца нужные слова.

– Отец, пора бы вам уже и на заслуженный отдых. Мы ведь всё, что надо, делаем сами...

Зачастую большинство из тех, кто считал себя стариком, начинали верить в то, что они дошли до финишной черты и надо готовиться к уходу, а потому ходили от дома к дому, посещая все религиозные мероприятия – садака, свадьбы, не отказывались ни от каких других приглашений, постепенно превращаясь в толпу сельских суфиев. Но Кымышу-дузчы такие «суфиевские» походы почему-то были не по душе. Совсем не нравилось ему прятаться в доме будто бы в ожидании смерти. О своём положении Кымыш-дузчы говорил с юмором, поддевая жену: «Если я, не выходя из дома, неделю-другую проведу рядом с Джемал, то начну говорить её словами и заниматься женскими делами: месить тесто, раскатывать его, печь лепешки, корочке, и сам превращусь в женщину». На что бабушка Джемал тут же парировала: «А кто тут готов доверить тебе тесто и скалку?».

Каждый раз, когда в народе заводили разговор о состоятельной жизни Кымыша-дузчы, люди говорили: «Арык течёт

всегда в одном и том же месте», вспоминая его деда Мухамметгылыча сакан сердара, выходца из малого племени чаканлар.

Но не всегда жизнь была милостива к нему, и было время, когда чаканларам и как и самому Кымышу было нелегко выживать.

Хотя, как и многие счастливцы, он был из семьи, от предков которой ему должны были остаться и скотина, и состояние. В те времена, когда сарыки жили в Мары, старейшина семьи Мухамметгылыч сердар был уважаемым человеком, и обращались к нему почтительно. Причём, в ставших легендами рассказах того времени имя Мухамметгылыча сердара зачастую упоминалось рядом с именем Гырмызы кела, некоторое время слывшего ханом племени сарыков. В этих рассказах говорилось о том, что эти два человека, хотя и были разными по возрасту, объединившись, вместе правили сарыками. Они сумели уберечь свою землю от внешнего врага, добились солидарности местных беков и обеспечили своему народу пятнадцать-двадцать лет спокойной жизни. После того, как они добились мирной жизни, у людей начало расти поголовье скота, в песках паслись овцы, за которыми следовали по три-четыре ягнёнка. В те годы некоторые из наиболее состоятельных баев, кичась своим богатством, заказывали золотых петухов, которых прикрепляли к фасаду своего дома. Но, как ни старались Гырмызы кел и Мухамметгылыч сердар добиться мира, им не всегда это удавалось, потому

что окрест находились такие могучие ханства, как Хивинское, желающие покорить и поработить весь мир.

В этот период Хива совершала набеги на своего соперника Бухару, на казахские, каракалпакские, афганские племена, настраивала их друг против друга и сталкивала их. Эти народы устали от набегов, страдали, ненавидели Хиву и даже сложили стих о её бесчинствах:

Туган ненен туганы
Сен жау эткен Хива.
Акылбеин туйбинде,
Дозах болуп биткен Хива¹.

Как-то раз этот жестокий хивинский хан пришёл со своим войском в Мары, разграбил его, а потерявшего бдительность Гырмызы кела взял в плен. Мухамметгылыч сердар в эту пору с частью своих родственников находился на летнем пастбище в Пендинской степи, выпасал овец.

Гырмызы кел, знавший о чудесном спасении Мухамметгылыча сердара, верил, что тот, узнав о случившемся, не станет сидеть, сложа руки, обязательно что-нибудь придумает для его спасения. И когда хивинский хан в пути спрашивал у своих военачальников: «Ну как там чувствует себя этот непослушный туркменский хан?», и ему каждый раз отвечали: «Ваше ханское высочество, он время от времени бормо-

---

¹ 1. Перевод из каракалпакского народного творчества. *Брата с братом врагом ты сделала, Хива, На лоне земле стал адом для народов ты, Хива!*

чет себе под нос: «У меня есть сердар по имени Мухамметгылыч!» и идёт с высоко поднятой головой». Тогда хивинский хан, довольный результатами своего похода, не обратил на эти слова никакого внимания, напротив, говорил: «Пусть этот туркмен, ослиный вор, что хочет, бормочет, я его в Хиве на глазах у всего народа повешу на виселице, и все увидят туркмена, проглотившего свой собственный язык!».

Как только до Мухамметгылыча сердара дошёл слух о произошедшем с его народом, он тут же отправил весточки текинским и бурказским бекам Теджена, бекам салыров, населявших окрестности Иолотани. Сам же, собрав своих людей, тотчас отправился в путь.

Когда до Хивы оставался день пути, объединённые туркменские силы, обойдя врага, заняли удобные позиции. На рассвете, когда вражеское войско успокоилось, посчитав, что дело сделано, что они уже в безопасности, туркмены неожиданно напали на них и застали врасплох. Не ожидавшие от противника такого внезапного удара на этом месте, воины хивинского хана были вынуждены ретироваться, бежать с поля боя. Во время схватки с вражескими воинами в низине Мухамметгылыч сердар встретил Гырмызы кела.

– Эй, хан, давай, теперь сам руководи своими воинами и своим оружием! – крикнул сердар и кинул тому саблю. Гырмызы кел на лету схватил брошенную в его сторону саблю. Один из джигитов тотчас же подвёл к нему коня. Оседлав коня, он помчался за врагом, на скаку опуская на головы во-

инов свою саблю, при этом с гордостью произнося слова, которые, как заклинание, повторял всю дорогу, пока бил врага:

– Ведь я говорил же вам, вонючий хан, что у меня есть Мухамметгылыч сердар? А вы не верили мне, вот теперь получайте!

Лишившись своего немалочисленного войска и с трудом добравшись до дворца, хивинский хан после этого провозгласил Мухамметгылыча сердара своим злейшим врагом. Это привело к тому, что кровавая вражда между Мухамметгылычем сердаром и Хивой длилась почти полвека.

Спустя семь-восемь лет после случившегося ушёл из жизни и Гырмызы кел. Мухамметгылыч сердар был вынужден перебраться в Лебап и служить Бухарскому эмиру. Так начался второй и достаточно затяжной этап его противостояния с Хивинским ханом...

Перед концом жизни Мухамметгылыч сердар вернулся домой и жил среди своих марыйских родственников. Когда в возрасте восьми-девяти лет Кымыш видел своего деда, которому в ту пору было больше восьми десятков лет. Сгорбившись, дед всегда сидел на почётном месте в доме, всем своим видом напоминая нахохлившегося Беркута со сломанным крылом. Задубевшая кожа его лица была смуглой, разрез глаз чуть раскосый, глаза карие-зеленые как у всех чаканларов, обритая голова чуть вытянута, но окладистая белоснежная борода по-настоящему украшала его лицо. Вот таким и запомнил деда Кымыш. Среди родственников он жил

в отдельном доме вместе с женой, которую все звали Тотам эне.

В волосах Тотам эне тогда только-только появилась первая седина, это была приветливая женщина среднего роста. Она была самой младшей женой Мухамметгылыча сердара. Они жили в специально для них поставленной большой шестистенной юрте, с ними также жили две их общие дочери и два старших мальчика любимого его внука Мулькамана.

Тотам эне была заботливой матерью и бабушкой, но также она заботилась и о своём престарелом муже. Следила за тем, чтобы его одежда была чистой и свежей, готовила только ту еду, которая нравилась деду, словом, окружила его заботой и вниманием.

Когда Тотам эне в качестве благодарности была отдана Мухамметгылычу сердару, у него уже было семь жён, а девочке на тот момент исполнилось всего четырнадцать лет.

Мухамметгылычу сердару тогда было за пятьдесят, но он ещё был полон сил, с шашкой наголо лихо скакал в седле коня. Люди из племени ходжи, выдававшие дочерей только за своих, на этот раз сами же нарушили собственные правила. А всему этому причиной была та огромная помощь, которую оказал им Мухамметгылыч сердар в трудную минуту.

...Вот и в тот раз Бухара, время от времени устраивавшая волнения, проявила беспокойство. Народ снова поднял восстание против Бухарского эмира. На этот раз среди тех, кто надеялся свергнуть эмира Бухары с престола, были предста-

вители религиозных племен, живущих в городе и его окрестностях. Но разве эмир, катающийся как сыр в масле, с лёгкостью отдаст свою власть? Так что и на этот раз эмиру удалось применить силу и подавить бунт. Впоследствии он жестоко расправился со всеми бунтарями, в особенности с теми, кто стоял во главе восстания. Он повсюду преследовал ходжей и сейитов, поднявших восстание, уничтожал, бросал в темницы, подвергал их бесчеловечным пыткам. Впоследствии, вспоминая это восстание, придворный летописец Агехи напишет: «В те годы с виселиц Бухары свисали тела, а на земле валялись в пыли и гнили тоже трупы этих смутьянов ходжи и сейитов...».

И только после этого, потеряв множество народа, в поисках помощи ходжи обратились к Мухамметгылычу сердару. В то время верный военачальник Бухарского эмира Мухамметгылыч сердар с семьёю своими жёнами, пять из которых были разных национальностей – две таджички, узбечка, казашка, туркменка, а также с детьми особняком проживал в отдельной крепости в предместье Бухары. Когда прибежали и просили Сердара заступился за овлядов².

И хотя эмир уважал своего военачальника, ему не понравилось, когда тот пришёл просить за них.

– А-ха... Сердар, ты тоже с ними?

Мухамметгылыч не спешил с ответом. Он стоял молча, едва заметно ухмыляясь. Эмир понял этот жест своего сер-

---

². Овляды – представители племени святых.

дара. Это были невысказанные слова: «Если бы я там был, результат мятежа был бы иным» ... Эмир понял его и после этого смягчил свой тон.

– Сердар, с каких это пор ты попал в их сети? – недовольно произнёс он продолжая разговор.

– Ваше Величество Эмир, случилось то, что случилось. Они уже и сами раскаиваются в том, что связались с бунтарями. К тому же они являются потомками нашего Пророка Мухаммеда. А наша Бухара считается одной из святых центров в мусульманском мире. Если вы накажете их, разве дух пророка не будет недоволен от Вас сказав: «Разве нет ли там почесть-уважение к нам?» – не скажет ли он?

Упоминание пророка и того света несколько смягчило эмира. Наконец, после некоторого молчания он произнес:

– Сердар, раз уж ты пришёл просить за них, я не буду отказывать в твоей просьбе. Но я не собираюсь оставлять их рядом с Бухарой... Не стану их убивать, но ты уведи их отсюда, куда хочешь уведи, да подальше, чтобы глаза мои их не видели!

После этого на двух огромных караванах Мухамметгылыч сердар перевёз бунтарей в Мары. По слухам, после этого исход ходжей из окрестностей Бухары и их переселение в Мары длилось ещё два-три месяца.

Увидев прибывшие вместе с сердаром в Мары толпы народа, местный люд выразил недовольство.

– Ай, сердар акга! Ладно бы десять, двадцать человек ты

привёл с собой, да откуда же столько ходжей набралось? А ведь наши предки завещали же нам: «Богатства хотите отдайте, но землю не отдавайте никому чужому!» Разве это не получается ли заветам предков?

И тогда Мухамметгылыч сердар, показав на арык своей родни, сказал переселенцам: «Пока что расположитесь здесь, лишь бы воды из арыка Чакан арыка хватило вам для питья. Мы не станем сеять и выращивать растения, займёмся разведением овец в пустыне». Обиженный на земляков из-за их недовольства, сердар бросил им в лицо: «А я посмотрю, как вы обойдётесь без молитв и религиозных обрядов без них!».

После того, как они вместе начали жить в этом месте, родственникам Мухамметгылыча сердара помимо прозвища «чаканы» присвоили и наиболее распространённые в ту пору в Мары прозвища «ходжабеги». Но после того как сарыки переселились из Мары в Пенди, это прозвище почти забылось. И лишь изредка эта кличка использовалась рядом с именами небольшой части чаканов – представителей племени бяшбелалар.

Народу Мухамметгылыч сердар больше запомнился благодаря своему последнему делу, совершенному в возрасте девяносто лет.

В одной из последних стычек с врагом в Мары сарыки вынуждены были покинуть город. И тогда прямо на полях боя пришлось переизбрать своего старого хана Пақыр ишана. На его место стал ханом храбрый Сары хан. Молодого, девят-

надцати с половиной лет отроду человека, сделав его своим предводителем племени.

И тогда именно в этот момент Сары хан, ощутив на своих плечах всю эту тяжесть ответственности за свой народ, посмотрел по сторонам, словно ища поддержки, и вспомнив стал называть имена людей, которые в прошлом были надёжной опорой для своего народа:

– Эх, вот сейчас был бы Гырмызы кел хан, Мухамметгылыча сердар, они бы указали нам верную дорогу!

Тогда один из сердаров, стоявших около него на коне, сказал ему:

– А-хов, Сары хан, Гырмызы хана-то ты не найдёшь, давно нет его на свете, а вот Мухамметгылыч сердар жив. Правда не знаю, на что он может сгодиться...

Неожиданное известие обрадовало Сары хана. Приказав он своим военачальникам Магсуту хану и Аганиязу сердару продолжить оборону-битву, он сказал: «Если Мухамметгылыч сердар жив, тогда мы сможем спасти свой народ без больших потерь», после чего он с несколькими всадниками отправился в село Союнали, где жил Мухамметгылыч сердар, чтобы как можно скорее встретиться с прославленным сердаром и посоветоваться с ним.

Сары хан спешил с коня у дома Мухамметгылыча сердара и ворвался к нему. Первые слова, которые он произнёс, были:

– Акга, спаси свой народ!

Когда Мухамметгылыч сердар, побеседовав с ним узнал, кто такой Сары хан, после чего между ними состоялся следующий разговор:

– Сынок Сары, я ведь уже одной ногой в могиле стою, мне осталось-то жить всего ничего.

На что Сары хан возразил:

– И всё же, сердар акга, народу сейчас никак не обойтись без вашего совета и руководства. Пусть вам немного осталось жить, но даже это небольшое время вы должны посвятить своему народу, помочь нам в этот трудный момент выбрать правильную дорогу, и возглавить его сторону. Ну а дальше есть Аллах, он не оставит нас!

После этих разговоров Сары хану наконец удалось уговорить Мухамметгылыча сердара встать во главе отступающего народа. Но старик согласился помочь молодому хану, если будут выполнены его условия. «Во-первых, людей следует переселить в Пенди, где наши летние пастбища. Мы должны отступать вдоль берега Мургаба и идти наверх.

В таком состоянии я вряд ли смогу усидеть в седле коня. Так что приготовьте для меня крытую повозку, я мог бы оттуда управлять теми, кто следует со мной, а мне, чтобы можно было в ней лежать и отдыхать. А за мной в дороге нужен будет уход, привезите мою дочь, вышедшую замуж в Хорасан. Она поймёт меня, будет ухаживать за мной и через нее я буду управлять народом, передавать мои указания людям, пусть она сидит в задней части повозки.

Во время отступления племена должны идти придерживаясь нашим старым порядкам в таких случаях, чтобы сохранить единство, по порядку дополняя друг друга сплоченно.

Пусть впереди пойдут Союнали-Беден. Если в дороге вдруг понадобится дипломатия. Из них всегда выходили наши дипломаты. Они лучше и справятся с этим делом.

На случай, если враг прорвёт ваши ряды с правого фланга, пусть там идут наши отважные жантайы по кличке «острые ножи», они смогут дать любому врагу достойный отпор. Наши хорасанцы дружны и тверды, пусть они замыкают наши ряды...

Когда разговор дошёл до этого места, Сары хан не выдержал, потому что его племя долго не упоминалось. Он интересовался местами своего племени во время отступления, и он спросил:

– Акга, а где должны идти наши байрачи?

На что Мухаммегылыч сердар ответил:

– Байрачи – ханский народ, немного избалованный. Пусть они сплотятся и где-нибудь посередине идут.

Наставления Мухамметгылыча сердара понравились Сары хану, и он тот миг погрузился в раздумья. Ему хотелось выразить признательность старому сердару, сказать, что его помощь в трудные моменты не будет забыта, что народ обязательно отблагодарит его после наступления мира. Он сказал:

– Сердар акга, пока на земле останется хоть один предста-

витель племени сарыков, каждый из них будет вам должен по пуду зерна!

После этого Сары хан поступил именно так, как советовал старый вождь. Смастерив крытую повозку, он усадил в нее старого сердара и поставил её впереди толпы, бегущей от врага. В задней части повозки посадили его шестидесятилетнюю дочь, которую разыскали и привезли сюда. Его распоряжением внука Мулькамана вместе поставили с пятью-шестью всадниками. Он и со своими людьми поддерживал связь между отступающими и воинами Сары хана в поле сражения. В то же время он был охранником деда возле его повозки.

Всю дорогу старик через этих приближённых передавал указания отступающим. Это позволило народу и армии в трудную минуту стать единым целым и слаженно действовать.

На третий день полчищу врага удалось прорвать ряды отступающего и охранявшего свой народ войска Сары хана, и они пошли истреблять отступающий народ. Узнав об этом, Мухамметгылыч сердар тотчас же остановил прямо на этом месте народ и принял меры для обороны. Сплотив их, велел этим людям вооружиться всем, что есть, – ножами, ножницами, вилами и прочими острыми и режущими предметами, и когда враг приблизится, напасть на него и отбиваться всеми силами. При этом он велел людям кричать и устраивать как можно больше шуму. А сам из повозки это время руко-

водил, следил за действиями народом, учил его, подбадривал отбиваться от врага, словом, стал для людей вождём.

Пока не подросли на помощь всадники Сары хана, старик сумел со своими людьми дать достойный отпор врагу. Люди были горды тем, что ими руководит такой легендарный человек, как Мухамметгылыч сердар, и искренне верили в победу и храбро дрались.

Через несколько дней, когда с врагом было покончено, Сары хан вместе с несколькими всадниками прибыл в расположение. К тому времени отступающий народ уже достиг долины Пенди. Поняв, что погони больше нет, люди разбрелись по долине, народ отдыхал после тяжёлых схваток с врагом и верил, что Мухамметгылыч сердар всё ещё находится в повозке, на своём месте, и думает о своих людях, заботится о них. Сопровождавшая его дочь сидела рядом с телегой прямо на земле. Когда же она увидела направлявшихся в их сторону всадников, подумала, что это не простые люди, и снова вскочила в арбу и заняла там своё место.

Когда всадники подъехали ближе к повозке, один из них обратился к сидящей на ней женщине:

– Ну-ка, сообщите сердару акга о моём прибытии!

Дочь сердара не сразу признала Сары хана, а потому не захотела говорить ему правду.

– Акга мой спит, сказал, чтобы без срочной необходимости не будили его! – сухо ответила женщина.

– Будите, да поскорей! – уверенно приказал всадник, по-

сле чего сразу представился: – Я Сары хан!

Только после этого дочь сердара откинула полог и показала хану пустую повозку и рассказала ему о случившемся.

... Неделю назад её отец Мухамметгылыч сердар ушёл из жизни, но перед смертью наказал дочери: «Пусть народ вплоть до прибытия Сары хана не знает о моём уходе, иначе растеряется». Дочь так и поступила. По дороге вместе с людьми Мулькамана она тайно похоронила отца, о чём и рассказала Сары хану.

Выслушав дочь Мухамметгылыча сердара, Сары хан подумал: «Оказывается неспроста сердар акга велел доставить именно ему дочь из Хорасана и посадить её в хвосте повозки». Он был благодарен и Мухамметгылычу сердару и его смыслёной дочери за то, что они не бросили его в трудную минуту. И сейчас он вспомнил слова, которые беспрестанно повторял пленённый когда-то Хивинским ханом Гырмызы кел, и с гордостью вслух произнёс эти слова ещё раз: «Я же говорил Вам, что у меня есть сердар по имени Мухамметгылыч!»

Вот так Сары хану, по совету старого сердара, действуя разумно, удалось спасти свой народ от разобщения и гибели, а большую часть его благополучно переселить в долину Пенди. И именно тогда Союнали стал одним из тех сёл, которое Мухамметгылыч сердар перевёл из Мары.

Не то, чтобы от предков в наследство остались скотина или имущество какое, после ухода из Мары семья Мухамметгылыча сердара стала сильно бедствовать и превратилась

в одну из нищенствующих семей. Как только они обосновались по возвращению в Пенди, скончался глава семейства Мулькаман, получив тяжёлое ранение в одном из боёв в Мары. А ещё меньше чем через год, не выдержав свалившегося на неё горя, ушла из жизни хозяйка дома, оставив после себя пятерых сыновей и одну дочь, а ведь она была счастливой женой и матерью, ни в чём прежде не знала нужды... Никто почти не знал, в каком месте дороги тогда похоронен сам Мухамметгылыч сердар. Когда они прошли Иолотань, тогда внук сердара Мулькаман принёс бухарские ичиги деда, в которых он ходил в последнее время, его кожаный ремень с железной петлёй с одной стороны, в которой он носил свою саблю, и отдал жене со словами: «Сложи всё это в узелок, и спрячь в укромном месте». Вот только тогда хозяйка дома поняла, что с её старым свёкром что-то случилось.

Расставшись с близкой роднёй, семья Мухамметгылыча сердара испытала невероятные трудности, их кривая хибарка стояла рядом с кибиткой брата деда Акмухаммета чакана.

И они, осиротивши остались никому не нужными на всём белом свете бесправные пять сирот. Было время, когда они нанимались на подённую работу за кусок хлеба, и тогда некоторые злобные нелюди из села позволяли себе насмехаться над сиротами: «Эй, голытьба, имена-то у вас вон какие, сплошь на гылычи (сабля) кончаются – Арнагылыч, Озбекгылыч, Мухамметгылыч, Джумагылыч да Одегылыч, на самом же деле вы простого столового ножа не стоите!»

После Марыйского сражения родня Мухамметгылыча сердара долго не могла прийти в себя. Самое ужасное, что вслед за дедом ушли из жизни отец и мать, и остались сироты одни, и не было рядом никого, кто мог бы помочь и поддержать их. И если у человека нет ни коня, ни родни, стоит ему упасть, как уже встать на ноги становится почти невозможным.

И вот пять братьев, пять сирот, не покидая друг друга, начинают жить, как придётся.

Время от времени их навещала сестра, выданная замуж за хорасанца. Она привозила с собой каждый раз немного продуктов, как могла, подкармливала братьев. Мыла, стирала, наводила порядок в доме, старалась как-то облегчить жизнь братьев.

Она всей душой хотела поднять братьев, поставить их на ноги. Возмущалась: «Да разве же вас можно назвать потомками того почтимого Мухамметгылыча сердара, при имени которого содрогалась вся Хива. Если вы будете вот так вот болтаться без дела, кто отдаст за вас свою дочь?! Когда вы станете нормальными людьми?». Жалея братьев, плакала...

И если бы спустя годы не состоялась та знаменитая на всю округу свадьба у Магсут хана, семья, возможно, никогда бы не очнулись от своего летаргического сна. Что это была за свадьба! Её устраивал Магсут, который когда-то был ханом племени, повёл за собой представителей своего племени и в трудное время спас их от разорения и уничтожения. У та-

кого человека и глашатай должен иметь высокий голос. И потом, свадьбы таких людей, как правило, другие люди считают своими. В тот раз один из сирот правнуков Одегылыч пришёл на эту свадьбу и смешался с остальными гостями. Сегодня гостей обслуживали все женщины и мужчины племён гулджа и ганлыбаш. На убой пригнали почти целую отару овец. В котлах готовились плов, чекдирме, детей и гостей кормили по очереди, щедро угощали их. Женщины в белых и жёлтых накидках, невестки и молодые девушки группами шли на той, ведя за собой детишек. Приятные голоса женщин, сливаясь с грубыми голосами мужчин и шумными голосами детишек, создавали невероятную какофонию...

Одеклыч, набив живот вкусной едой возле казанов, отправился туда, где устраивались поединки борцов. Площадь для борьбы уже была окружена людьми, они шумели и что-то выкрикивали. Одеклыч нашел себе место в задних рядах и там удобно устроился. Вообще-то, если вдруг повезёт, он и сам не был прочь поучаствовать в схватке. Он и прежде на всяких тоях пробовал свои силы в борьбе. И почему же он на этом тое не может выступить? А тем более на торжестве такого уважаемого человека, как Магсут хан?! Одеклыч не заметил, как у него созрело решение вступить в схватку с кем-нибудь из борцов-пальванов.

На свадьбу Магсут хана прибыли высокие гости: принцы, сердары, баи, ханы из Мары и Теджена, Сарахса и Машата, Керки и Йолотани, и это придало торжеству ещё больший

престиж. Понятно, что на таком тое призы будут не меньшими, чем конь или верблюд. На свадьбу Махсут хана из Иолотани вместе с несколькими своими приближёнными людьми прибыл, и сам главный хан племени сарыков Сары хан... Тогда, на поле боя, когда надо было выбирать другого хана, одним из тех, кто предложил избрать Сары хана главным человеком сарыков, был и Магсут хан. А когда в 1868 году Сары хан разделил племя на две части и ради земли и воды переехал в долину Аманяпа, возглавлять оставшихся в Пенди людей он доверил Магсут хану. И потому главный хан сарыков никак не мог не приехать на эту свадьбу. На одном краю площадки, на которой будет проходить борьба, расстелили ковры и паласы для высоких гостей. Одеклыч любовался узорами ковров, сейчас они были похожи на цветущие по весне холмы, такими яркими были их краски! Тем временем вдруг появились несколько джигитов, разгоняя зевак, они выкрикивали: «Освободите путь, сейчас сюда идут ханы и беки, они будут наблюдать за поединками!». «Подвиньтесь, подвиньтесь!» – выкрикивали они, тут и там отодвигая толпу от края площадки, а если кто-то не спешил этого делать, могли легонько пройти по нему плёткой. Камча коснулась и спины Одеклыча. Он тоже, как и другие, проталкивался вперёд. Обернувшись, Одеклыч увидел медленно идущих, беседуя между собой, Магсут хана и Сары хана, а за ними следовали другие принцы крови. Тем временем появился еще один из джигитов, прокладывая дорогу высоким го-

стям, он расталкивал сидящих, выкрикивая: «Отодвиньтесь, отодвиньтесь! Сары хан идёт смотреть борьбу, двигайтесь!» Кого-то он пинал ногами, по другим прохаживался плетью. Огнём вспыхнула и спина Одеклыча. Он и сам не заметил, как вскочил с места. Набросившись на джигита с камчой, выхватил у того плеть, ударил ею по коленям и разломил надвое деревянную рукоять, после чего выкинул её в сторону. Обиженно пробормотал:

– Ну и что, что приехал Сары хан? Кто он? В лучшем случае, он такой же, как мы, а в худшем в подмётки наших башмаков не годится.

Пока люди разнимали джигита с Одеклычем, Сары хан со своей свитой подошёл уже к ним еще ближе. Он даже в этот момент услышал унижительные слова в свой адрес вспылчивого гордого юноши. Подойдя к драчунам поближе, Сары хан увидел бледного от злости Одеклыча он остановился. Ничего не говоря, некоторое время пристально разглядывал юношу. После чего обратился к нему:

– Ну, что, парень, ты только что сказал, что Сары хан в лучшем случае такой же, как мы, а в худшем случае он нам в подмётки не годится. Объясни, что ты этим хотел сказать. Сможешь ответить за свои слова?

Слова, брошенные Одеклычем в запале, задели Сары хана за живое. Юноша не сразу нашелся, что ответить хану. На него сейчас смотрела собравшаяся вокруг хана толпа народа и поэтому он немного растерялся. И он понял, что своими

словами навлёк на свою голову неприятности. Теперь надо было как-то выбираться из этой ситуации. Мудрый Сары хан догадался, что вырвавшиеся из уст юноши слова, не просто имеют подоплёку, что они не на пустом месте возникли.

– Чей ты будешь, какого роду-племени? – спросил хан.

Одеклыч понял, что хан, задавая этот вопрос, хочет решить, как поступить с этим несдержанным молодым человеком дальше. Стараясь не показывать волнения, ответил с достоинством:

– Моего деда, хан ага, звали Мухамметгылыч сердаром...

Собравшиеся увидели, как при упоминании имени Мухамметгылыча сердара сразу изменилось выражение лица Сары хана. Опустив голову, он, словно что-то вспоминая, о чём-то задумался, потом лицо его просветлело, морщинка между сдвинутыми бровями разгладилась. А ведь люди подумали, что этот задиристый паренёк навлёк на себя беду, однако ошиблись. И вдруг неожиданно хан сняв с себя накиннутый на плечи чекмень из верблюжьей шерсти, почестью набросил его на плечи юноши со словами:

– У сарыков немало долгов перед Мухамметгылычем ага!

После этого, он удивив собравшихся, вместе со своей свитой пошёл дальше.

Но разве останется без внимания юноша, которого приветил человек такого ранга как Сары хан?! Через короткое время после этого события купцы – союналийцы братья За-

ир чопчи и Таир чопчи пригласили Одеклыча и взяли его на работу грузчиком на свой караван. Так в жизни Одеклыча начался новый этап. Вместе с караваном он побывал на рынках Герата, Меймене, Мары, Машата, Хивы, повидал другие страны, общался с разными людьми. В другой раз, оказавшись в Бухаре, он разыскал оставшихся там родственников своего деда Мухамметгылыча сердара и стал заново общаться с потомками деда, рождёнными от таджикских, казахских, бухарских евреек, узбекских женщин.

Братьям-купцам этот безотказный и трудолюбивый, смелый юноша нравился. Через год он встал во главе конного караула каравана из десяти наездников. Сам он объяснял свой успех тем, что дух деда-сердара оберегает сирот, и что встреча с Сары ханом не была случайностью. Спустя некоторое время при помощи Одеклыча его братья Арнаклыч, Озбекгылыч и Джумагылыч смело увели из отчих домов дочерей Алаша бая, Келдже бая и Довлат бая и женились на них. Всё получилось по поговорке: «Сирота сам себе пуповину перерезает». Опасаясь гнева тестей, сироты поначалу жили тихо в окрестных джунглях. Но после того, как Таир чопчи и Заир чопчи вступились за Одеклыча и его братьев, с родичами девушек было достигнуто согласие. Женатые парни вернулись в село и стали жить и трудиться наравне со всеми. После того, как в доме, где раньше не было ни одной женщины, появились сразу три, им не составило труда потом сосватать девушек за Мухамметгылыча и Одеклыча, заплатив за них

калым, как говорят туркмены «за молоко матери».

Народ, который всё учитывал и всему знал цену, не мог оставить без внимания жизнь пятерых братьев, женатых, встающих на ноги, обзаводящихся домами и скотиной. Видя, как эти пять сирот выросли в пятерых состоятельных мужчин, умеющих постоять за себя – про таких туркмены говорят «бела ялы», то есть «умелый, ловкий, хитрый», народ называл братьев «бяшбелалар», то есть «пять ловкачей». Окрепнув, братья пришли на помощь и своей сестре из Хорасана, которая после смерти мужа осталась с двумя детьми на руках и очень бедствовала. Для неё они построили юрту рядом с собой. Так часть гапланов – чакан-ходжабеги разделилась надвое, и теперь родственников сирот стали называть бяшбелаларами. Из них дольше всех прожил и до сих пор топтал землю Кымыш-дузчы. Когда Кымышу было около шестидесяти лет, он познакомился с человеком по имени Гулам перс, у которого была лавка на рынке Тахтабазара. Наладив с ним приятельские отношения, он помимо земледелия занялся ещё одним делом.

Как-то при встрече перс Гулам поделился с Кымышем своими проблемами, сказал, что ему нужен человек для поставки товаров и пока он не найдёт такого человека, предложил Кымышу попробовать себя в этом деле, возить ему соль из Ероюландуза. Так Кымыш вначале сам занимался доставкой соли, а затем подключил к этому делу и своих парней. Они возили соль для лавки перса Гулама.

Ероюландуз был естественным месторождением соли, образовавшимся в низине между холмами Бадхыза. Если выехать на верблюдах из Союнали, до места был путь в день-полтора. Кымыш возил оттуда соль для лавки перса Гулама в больших чувалах. И хотя доход от соли был невелик, всё же это был ходовой товар, приносящий двойную, а то и тройную прибыль. Всего через год с небольшим к двум тягловым верблюдам Кымыша добавились ещё два верблюда для перевозки грузов. Он и сам теперь добирался до места верхом на ходкой кобыле, потому что стал более состоятельным человеком. И если прежде Кымыш только доставлял персу Гуламу соль, то теперь, поставив в своем доме мельницу, смалывал, просеивал соль, отчего его доходы значительно увеличились. Невестки смалывали, просеивали соль и придавали ей товарный вид. Оставшиеся комки соли использовались в корм скотине. Перед каждым базарным днём рано утром Кымышы усаживали возле дома верблюдов и нагружали их чувалами с солью. Позже перемолотая и очищенная соль стала пользоваться на рынке большим спросом. Перс Гулам был доволен своим соледобытчиком. Несколько лет они дружили семьями, ходили в гости друг к другу. А когда перс решил переезжать в Мары, свою лавку в качестве благодарности он оставил младшему сыну Кымыша Оразгылычу. Союналийцы и прежде, посещая базар, видели, как Кымыш с персом Гуламом, лёжа внутри лавки, распивают чай, а сын Кымыша Оразгылыч отпускает покупателям соль – кому фунт, а кому

и пуд, и рассчитывается с ними. Словом, ведёт торговлю.

Таким образом на какое-то время основными поставщиками и торговцами соли на рынке Тахтабазара была семья Кымыша.

Кличка «Кымыш-дузчы» приклеилась к нему после того, как он занялся солью. В 1922 году новая власть забрала у Кымыша его солевую лавку и передала её государству. Семья была готова отдать и верблюдов вместе с чувалами, лишь бы избавиться от дальнейших гонений, давления. Однако, когда Оразклыча лишили солевого дела, они поставили чёрную метку на его имени как солепромышленника и владельца предприятия по производству соли. В дальнейшем эта метка сыграет злую шутку с судьбой Оразклыча и поставит крест на жизни младшего сына Кымыша...

...Когда мир перевернулся, и люди начали истреблять друг друга, называя то большевиками, то баями, то басмачами, когда всем стало тесно под солнцем и люди начали стрелять друг в друга, имя Кымыш-дузчы преобразовалось в Кымыш-бая, и были дни, когда у него поголовье крупного рогатого скота составляло около пятидесяти коров. Кымыш бай по возможности сторонился всех этих стычек и разборок, верил, что в этом случае ему удастся сохранить благополучие и покой своей семьи. «Я буду плыть по течению и смогу сохранить семью от бед, которые могут обрушиться на неё», – думал он и втайне надеялся на благополучный исход. «Веди себя хорошо, и будешь сыт» – говорил он себе и ста-

рался никому не противоречить и не возражать. И даже когда самые богатые баи вместе со своей скотиной и имуществом двигались мимо него в сторону Афганистана, он не стал никуда уезжать, по-своему объясняя своё решение: «Что бы ни случилось, пусть это случится на Родине, и пусть наше тело съедят местные черви, ведь в чужих краях нас никто не ждёт с распростёртыми объятьями...» И его женатые сыновья последовали примеру отца. А когда советская власть объявила, что в селе образуется колхоз и у людей начали отбирать скотину, Кымыш-дузчы вместе с сыновьями, оставив одну корову для молока детишкам, отвели и добровольно сдали в колхоз пятьдесят голов своего скота. «Будем живы, будет у нас ещё и скот, и другое имущество наживём» – сказали они себе. Сказав сыновьям, что с такими людьми шутки плохи, именно Кымыш посоветовал им вступить в колхоз. Он верил, что, поступив так, сможет сохранить целостность семьи, что и государство учтёт и обязательно поощрит их за такой благородный поступок, в случае необходимости заступится за них. По правде говоря, пока что никто и не стремился причинить им зло, ничего плохого этой семье не делал. Сыновья Кымыша-дузчы, хотя и числились дайханами-единоличниками, как и прежде, односельчане-колхозники очищали оросительные сети, пахали и сеяли, словом, занимались привычным делом – земледелием. И думалось им, что так будет всегда.

...Сегодня был один из ясных весенних дней. Только что перестал идти дождь. Мир дышал влажным чистым воздухом. Земля потихоньку начала подсыхать.

Высаженные в ряд возле дома Кымыша абрикосовые деревья уже давно покрылись пышным белым цветом, напоминающим наряд невесты, и источали тонкий аромат. Радуюсь прекращению дождя, громко чирикали воробьи, перелетая с ветки на ветку.

Огулбике, только что с чашкой в руках выскочившая во двор, чтобы покормить кур, вдруг резко повернула обратно. Стоя на пороге дома, волнуясь, сияя и громким голосом сообщила радостную весть:

– Вернулась, бабушка, вернулась!..

Вначале, глядя на неё, все подумали, что домой вернулись сыновья Оразгелди и Оразгылыч, которые вот уже месяц находились на полевых работах, ночевали прямо в поле и домой не приходили.

Пора бы уже им домой вернуться. Семья соскучилась, все уже давно стали поглядывать на дорогу.

Не успела Огулбике, сообщив радостную весть, вприпрыжку убежал обратно, как два мальчика-погодка семи и восьми лет, которые в это время ногами массировали спину лежащего в доме деда, – Алланазар и Аганазар бросили своё занятие и спеша выскочили на улицу, чтобы посмотреть, кто

же вернулся, не обращая внимания на слова бабушки Джемал, велевшей им одеться, чтобы не простыть. Мальчишки на улице вместо своих отцов увидели у ворот рядом с положенной поперёк доской свою любимицу – чёрную корову, которую ещё совсем недавно их дед и отец отогнали в колхоз.

Мальчики радостно завопили: «Вернулась наша чёрная корова, домой вернулась!». Огулбике радовалась больше всех, ведь это она первой увидела корову, и теперь миску с зерном, приготовленным для кур, поднесла корове.

После возвращения чёрной коровы дом Кымыш-дузчы враз опустел. И если старшие выскочили во двор, разве любопытные малыши могли усидеть дома?! Рахманназар, который до этого играл с лежащим возле бабушки младшим братом Рахмангулы, протянув руку к двери, завопил: «Я тоже хочу туда, посмотреть хочу на чёрную корову!»

А в это время бабушка Джемал, посадив рядом с собой двух невесток, поставила на середину большую миску с мукой, чтобы замесить на подогретой воде тесто и с утра пораньше испечь в тамдыре лепешки-чуреки. Одна из невесток месила тесто, то скатывая его в комок, то разминая кулаками, а другая, если было нужно, подливала тёплой воды из тунче – маленького кумгана, в котором кипятили воду для чая.

Кымыш-дузчы в эти дни, если не было какой-то необходимости, ссылаясь на дождливую погоду, практически не выходил из дома, целыми днями валяясь в красном углу дома,

то засыпая, то бодрствуя. Сейчас он всем своим видом напоминал состарившегося и обессиленного льва. Этому крупному ширококостному старику было под восемьдесят, похоже, старость постепенно лишала его былых сил. Когда старик, опираясь на посох, вышел из дома, его глазам предстал удивительная картина. Бабушка Джемал, выскочившая из дома вместе с Рахманназаром вслед за поднявшими шум мальчишками, гладила лоб, намокшую под дождём шею чёрной коровы, ласково, как с человеком, разговаривая с ней:

Моя скотина – моя душа,
Моя скотина – моё богатство,
Молоко моё и чал,
Как же я люблю свою скотину!³

– Что, соскучилась, поэтому и пришла сюда? – ласково заговорил с коровой и Кымыш-дузчы. – Думаешь, мы не скучали по тебе, не хотели видеть тебя? Ещё как хотели, кажется, старуха даже пару раз ходила к колхозному коровнику, возле забора стояла, на тебя смотрела. Да разве животное, которое так любили, так лелеяли и баловали, может забыть это?

А чёрная корова, словно понимая и слушая человеческую ласку, стояла, понуриив голову. А ведь доброе слово и бессловесной скотине тоже приятно!

---

³ Если наступит такое время и будет написана история этого села, сельские жители сообщат тому летописцу: поголовья крупного рогатого скота колхоза «Гызыл гошун» основу составляют коровы Кымыша бая, тогда и семья Тагана тоже сдала в колхоз шесть своих тягловых верблюдов.

Замесив тесто и поставив его подходить, невестки Огулджума и Амангуль вслед за всеми тоже вышли из дома. Чёрная корова всех вытащила из дома, никого не оставила равнодушным.

Кымышы, окружившие чёрную корову, сейчас испытывали какое-то радостное волнение, возвышенное чувство казалось, как будто в прошлые добрые времена вернулась. Каждому из них хотелось угостить свою любимицу чем-то вкусным, каким-то необыкновенным лакомством.

И хотя Кымыш-дузчы видел пасущихся в колхозном стаде своих коров, старался не обращать на них внимания, потому что они были для него уже чужими. А вот животные, не ведая и не понимая, что происходит среди людей, при виде своих хозяев начинали жалобно мычать, как бы спрашивая: «Неужели ты не забереешь нас домой?» Кымыш-дузчы, прослышав от людей, что скотину в колхозе часто держат впроголодь, сильно расстраивался.

– Ах, негодяи! Если вы не в состоянии ухаживать за животными, зачем было отнимать их у людей?

Так он выражал свое недовольство колхозным руководством.

Выйдя во двор, каждая из невесток взяла на руки Рахманназара и Рахмангулы, которые, прижавшись к подолу бабушки Джемал, во все глаза смотрели на корову и не могли понять, за что ей оказывают такие почести. Глядя друг на друга, невестки из-под яшмака прошептали: «Почему корову не

загоняют в стойло, а держат на дворе?»»

И хотя невестки произнесли эти слова шёпотом, их услышал стоявший в сторонке и подтягивавший свой отвисший кушак Кымыш-дузчы. Некоторое время он стоял в задумчивости, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем окинул взглядом внуков Аганазара и Аллланазара.

– Эй, Алладжан, Акгыджан, вы что, так и будете держать гостью на пороге?

Мальчишкам только того и надо было. Подбежав к корове, они вдвоем подняли бревно, перегораживавшее вход во двор, и отнесли его в сторонку. Все остальные тоже отступили, открыв корове путь. После этого чёрная корова, стуча копытами, уверенно пошла вперёд, к загону из глинобитных стен, крытому соломой, всем своим видом показывая, что дорогу к себе домой она хорошо знает. Толпа из членов этой большой семьи последовала за ней.

Да они ведь Кымышы – одна из семей, хорошо знающая, как обращаться с домашними животными. И поэтому в этой семье скотина всегда вовремя получает корм и воду, за ней с удовольствием ухаживают. Такая скотина не потерпит, чтобы кто-то бил её плетью по спине, тогда она попросту может снизить надои. А вот окруженная вниманием и любовью скотина всё сполна отдаст своим хозяевам. Недаром говорится, что скотина выпивает воду из глаз своего хозяина.

Возвращение чёрной коровы в родное стойло разволновало и до слёз тронуло всех членов семьи Кымышы-дузчы,

как взрослых, так и детей. Детям совсем не хотелось уходить от коровы, им хотелось как можно дольше общаться с ней, гладить её, ласкать. Они не знали, чем отблагодарить свою кормилицу за такую любовь и преданность семье. Аганазар и Алланазар принесли ей по охапке сена, которое держали в сарае и понемногу выдавали своей единственной корове. Огулбике принесла треснутый таз, в который складывали тыквенные очистки и луковую шелуху, и поставила его перед чернушкой. Несколько раз перед коровой, которая, насытившись, стояла и облизывалась, ставили миски с водой.

Когда наступило время вечерней дойки, Кымыш-дузчы, не желая ненужных пересудов других о том, будто бы он тайком увёл корову домой, чтобы забрать её молоко. И зная, как расстроятся внуки, он сказал: «Надо вернуть корову, детки, надо. Давайте не будем нарываться на неприятности. Отведите корову и оставьте её рядом с колхозным коровником». Корову отводить он послал внуков Алланазара и Аганазара. Некоторое время, опираясь на трость, смотрел им вслед, стараясь утешить младших плачущих внуков:

– Если будет суждено, ваша чёрная корова ещё вернется в свой дом!

Поверив деду, ребяташки стали хором спрашивать:

– Когда, когда же она вернётся домой?!

Направляясь в дом, старик по ходу сказал:

– Когда этому будет суждено.

Бабушка Джемал, жена Кымышша-дузчы, из суеверия верила, что после того, как чёрная корова посетила родной дом, обязательно должно случиться что-то хорошее. Предчувствие не обмануло старую женщину. На следующий же день после многодневной работы в поле верхом на одном коне, положив поперёк седла сверкающие на солнце лопаты, домой вернулись сыновья Оразгелди и Оразгылыч.

Семья вот уже больше недели ждала их возвращения, считая, что пора бы им уже быть дома. Как и прежде, очистка оросительных сетей и в этом году оказалась тяжёлой и изнурительной долгой работой. Но это была работа, результаты которой должны проявляться в течение всего предстоящего года. Все каналы были тщательно прорыты и очищены, и теперь в любое время вода реки, словно прирученная скотина, послушно потечёт туда, куда покажет человек, обильно орошая поля, она придёт и в село.

По привычке проснувшись рано утром, Оразгелди немного задержался в доме, пока натягивал на себя халат – дон. Тьма ещё не совсем рассеялась, на улице дул прохладный влажный ветерок, смешанный с запахом дыма. Солнце ещё не вышло из-за немного просветлившегося горизонта. Вчера вечером Оразгелди думал о посевах озимой пшеницы, посаженной в пойме реки, и решил, что с утра пораньше сходит туда, посмотрит, как поднимаются посевы.

Во дворе в сооружённом из глины очаге уже пылал огонь. Старики, которые вставали раньше всех, уже были на ногах. Бабушки Джемал не было видно, но из загона доносился знакомый приятный голос, напевающий во время дойки коровы песню, похожую на колыбельную.

Обычно утром корову доила одна из невесток, и чаще всего это была Огулджума, жена старшего сына. Но бабушка хотела, чтобы сегодня её невестки, наконец-то дождавшиеся своих любимых мужей, подольше понежились в постели. Бабушка Джемал хорошо знала, каким сладким бывает сон в объятьях любимого после долгой разлуки.

Перешагнув через высохший арык сбоку от выстроившихся в ряд урючных деревьев, Оразгелди увидел отца, идущего с другого конца участка с кумганом в руках после совершения обряда омовения перед утренним намазом. Когда они поравнялись, отец заметил осунувшееся лицо сына, вид у него был усталый.

– Что так рано вскочил, мог бы ещё немного поспать!

– Хочу дойти до реки, посмотреть, как там наши посевы зерновых.

– Мог бы дня три-четыре отдохнуть, пока усталость после такой тяжёлой работы не уйдёт! А пшеница в неплохом состоянии. С неделю назад я с детьми отвёз туда пару телег навоза, разбросал по полю.

– Ничего, удобрений посевам никогда не бывает много. Я тоже отвезу одну телегу навоза, а заодно посмотрю, что да

как.

– Можно и так...

Кымышу-дузчы показалось, что его сын чем-то озабочен, что его что-то тревожит.

И хотя солнце уже появилось на горизонте и начало светать, день всё ещё был во власти ночи, несмотря на то, что сейчас кто-то невидимый схватился за край тёмно-серого покрывала, напоминающего подол женского платья и опустившегося на землю вчера вечером, и теперь резко откинул его.

В низинах между холмами Пенди, куда дневной свет проникает позже, чем в другие места, всё ещё было темно, здесь царили остатки ночи.

Прежде чем впрячь кобылу в телегу, Оразгелди решил угостить её чем-нибудь вкусным, чтобы она набралась сил. Лошадь, привыкшая к утреннему угощению, сейчас стояла, вытянув шею, всхрапывая, нетерпеливо била копытами о землю. Расставшись с отцом, Оразгелди не заставил свою алашу долго ждать, войдя под крытый соломой навес, где его ждала кобыла, снял с деревянной стойки торбу, зашёл в сарай и наполнил её овсом, принес торбу коню, после чего подошел к телеге, которая стояла, упираясь задом в стог сена, подняв длинные передние деревянные оси вверх. Эта картина создавала впечатление, будто телега собирается нанизать на свои оси остатки плывущих мимо облаков.

Вместо коня впрягшись в телегу, Оразгелди перетащил её

к выходу в другом конце двора, рядом с которым была приготовлена кучка навоза. С верхней и нижней части кучки поднимался лёгкий пар, и это было похоже на горку сложенных для костра дров, под которыми только-только разожжён огонь. От кучки навоза исходил горьковатый, бьющий в нос запах.

Вернувшись в дом, чтобы взять рабочий дон и папаху, Оразгелди увидел жену. Лёжа на боку, Огулджума кормила грудью только что проснувшегося и плакавшего младшего сына Рахмангулы, успокаивая поглаживала его с любовью по спине.

– Он уже проснулся? – Оразгелди кивком головы показал на жену и сына.

– Так ведь он ранняя пташка, – ответила Огулджума, ласково глядя лоб сына.

Вообще-то Огулджума проснулась сразу же после мужа. Она собиралась выйти во двор, чтобы по привычке накормить мужа перед работой. Но проснулся Рахмангулы, и ей пришлось остаться дома.

Видя, что ребёнок снова уснул, Огулджума осторожно вынула из-под него свою руку, на которой лежала голова сына. Затем взяла ещё одну подушку и подложила под бок мальчика, чтобы он не мог скатиться в сторону.

– Я сейчас встану. Сниму с молока пенку и принесу тебе, – сказала она и поспешила на улицу.

– Не обязательно! Мне сейчас ничего не хочется есть. Ап-

петита нет. Дети съедят.

– Дети и без того не голодают, им тоже достается. Ты всё же перекуси немного, съешь сливки с куском лепёшки. Силы появятся!

Забота жены тронула Оразгелди. Он понял, что та не успокоится, пока не накормит мужа перед работой.

– Хорошо, только носи завтрак поскорее! – Оразгелди снова снял сменную папаху и положил её рядом с собой. А сам присел к сачаку (скатерти), одна сторона которого была откинута и приготовлена для трапезы. Не заставив долго ждать, Огулджума принесла полную чашку сливок и поставила перед мужем. Только накормив его и проводив на работу, она могла чувствовать себя спокойно.

Огулджума была видной женщиной. Несмотря на то, что немного располнела после родов, это ничуть не испортило её фигуру, напротив, придало ей своеобразную красоту. До замужества Огулджума была стройной девушкой чуть выше среднего роста, с миндалевидными глазами на смуглом лице. Оразгелди встречал её на всевозможных сельских торжествах, и она понравилась ему. Да и девушка тайком тайком с интересом посматривала на него. А вот так они впервые дали понять друг другу о своих чувствах. Огулджума однажды через молодую женщину, выданную замуж за соседского юношу из племени бьяшбелаларов, тайком отправила Оразгелди любовно вышитую своими руками тубетейку. Ответ на подарок не заставил себя долго ждать. Не прошло и недели, как

башбелалары направили к ним сватов за невестой для Оразгелди.

В те дни по селу ходило много приятных разговоров о двух зрелых сыновьях Кымыш-дузчы. О юношах говорили с восхищением.

Огулджума, хоть и вышла из состоятельной семьи, была человеком скромным, преданным семье, в которую пришла. Чувствовалось, что она хорошо воспитана, многое умеет, что у неё золотые руки и добрый нрав. С первого же дня после замужества Огулджума уверовала в то, что вся её дальнейшая жизнь и судьба будут связаны только с Оразгелди, что она будет согрета теплом мужчины, которого полюбила всем сердцем.

Попав в семью Кымыш-дузчы, Огулджума, окружённая теплом любимого человека, родив и вырастив двух дочерей и трёх сыновей, стала образцовой матерью и любимой женой. Она была благодарна Всевышнему за то, что он даровал ей такую судьбу. Огулджума радовалась тому, что служит людям, занявшим в её сердце так много места.

Оразгелди, который обычно старался не замечать любовь и ласку в глазах жены, её усталый вид, сейчас вдруг увидел в её взгляде какую-то тревогу, беспокойство. Подумав немного, он сразу же понял причину этих переживаний. Такое же беспокойство плескалось и в глазах самого Оразгелди. Не ошибся и старый Кымыш, только что встретивший сына во дворе. На лице Оразгелди промелькнула тень, похожая на

ть пролетевшей птицы, было видно, что его что-то серьезно тревожит.

...Эта тревога была связана с неожиданным появлением вчера поздно вечером председателя колхоза Нурджумы. Дети уже давно были во власти сна, сладко сопели во сне. Оразгелди при тусклом свете лампы был занят важным делом – как на лапшу нарезал на полоски кусок телячьей шкуры. Разложив вокруг себя инструменты – ножи и ножницы, он старательно сплетал из этих полосок камчу. Дело подходило к концу, и он уже собирался отойти ко сну. Дети, как куры, спать ложились рано, поэтому досматривали уже десятый сон, наглухо была заперта изнутри и дверь в комнату Кымыша-дузчи. Да и Огулджума сняла с головы борук, отложила его в сторону, повязала голову легким платком, после чего сняла с себя талисман-тумар с отрывками сур из Корана, который носила на боку, и тоже положила рядом. Она уже была готова лечь в постель, но в это время залаяла собака, извещая о приближении кого-то чужого. Тем временем раздался знакомый голос, увещевавший собаку:

– Алабай, Алабай, лежать, Алабай!

Голос был совсем близко, почти у порога дома.

Оразгелди отложил работу в сторону, накинул на плечи дон, чтобы выйти за дверь и встретить позднего гостя, но тут как раз раздался его голос:

– Еген⁴, а, еген, ты не спишь?

Дождаясь ответа Оразгелди, человек, покашливая, зашёл в дом. Его неожиданное появление вызвало тревогу у него. Этим человеком был председатель вновь образованного колхоза по имени Нурджума. Он был из того же племени гапланов, что и Оразгелди. Являясь одним из двоюродных родственников отца бабушки Джемал Гурбан бая, он считал детей Кымыша-дузчы своими племянниками. Вот и сейчас его привело сюда это родственное чувство, желание позаботиться о них. Пришёл он для того, чтобы предупредить старшего сына Кымыша Оразгелди о сгущающихся над их головами чёрных тучах.

Ответив на приветствие позднего гостя, коротко расспросив его о семье, Огулджума вышла во двор, чтобы на угасающем огне костра вскипятить воду для чая. Сев на кошму, Нурджума всем своим видом показал, что у него секретный разговор. Наклонившись к Оразгелди, он стал ему вполголоса нашептывать:

– Еген, мы хотели на сегодняшнем собрании представить тебя середняком и принять в колхоз, но у нас ничего не вышло. Трое из пяти членов приёмной комиссии высказались против твоей кандидатуры.

– Кто это, дядя? – Оразгелди вопросительно посмотрел на Нурджуму, у которого и так был виноватый вид. А у Оразгелди в этот момент был такой вид, словно он был готов вскочить с места и немедленно отправиться к тем людям.

– Сельсовет Ягды поначалу ни к одной стороне не при-

мкнул. Но тут встал с места Хардат, так называемый коммунист, и завопил:

– Народ, что ж получается? Мы ведь знаем, что и у Гувандык бая, и у Кымыш бая, и у Ямат бая имелись десятки голов крупного рогатого скота и сотен овец. И если мы сегодня сделаем вид, что не замечаем их богатств и припишем к середнякам, это будет равносильно тому, что пустить в отару волка. Разве не так? Разве это не будет нашим неверием в слова великого нашего вождя Ленина, который сказал «Сытый голодному не товарищ» или же в слова великого Сталина, призывавшего коммунистов вести непримиримую борьбу с баями и кулаками, басмачами и муллами? Разве это не будет означать, что мы сами становимся двуличными большевиками? И потом, обо всём этом обязательно узнают наверху... И тогда никого не поглядят по головке!

После такой пламенной речи выступающего председатель сельсовета, по всей вероятности испугавшись, что тот донесёт на него куда следует, при втором голосовании поднял руку против тебя. Таким образом, их стало большинство. А мы с Гуртом остались в меньшинстве, и наше мнение никого не интересовало.

Ночной рассказ Нурджумы всполошил Оразгелди, расстроил его. Ему показалось, что за нежеланием принимать его семью в колхоз кроется какой-то тайный коварный смысл. А ведь ещё пару лет назад новая власть готова была любого желающего привлечь на свою сторону, она всех

подряд принимала в кооперативы. Кымышы тогда оказались в числе тех, кто предпочёл остаться единоличным дайханским хозяйством и своим трудом зарабатывать хлеб насущный. Они считали, что положение единоличников не станет таким уж плохим. Но теперь, похоже, в политике власти относительно единоличников что-то изменилось.

Потчужа гостя чаем с вареньем и сухофруктами, которые Огуджума разложила на сачаке, Оразгелди пытался понять, откуда возникло это противостояние, что стало причиной его отверженности. Он вспоминал свои прежние отношения с каждым из участников того собрания. Продолжая поддерживать беседу с ночным гостем, он думал о том, что вначале новая власть схватилась с Кымышами, а теперь хочет окончательно расправиться с ними, вот только не знает, как это сделать. Поведение новой власти напоминало состояние тяжелобольного человека, узнавшего о своей неизлечимой болезни и чувствующего, что эта болезнь унесёт его в могилу, оттого ставшего раздражительным и вспыльчивым. А ведь народ всячески угождал ей, этой власти. Когда потребовалось, люди отдали свои земли, надо – отдали скотину. Богачи, не желавшие конфликтовать с новой властью, отогнали сотни своих коров и овец в колхозное стадо, а ведь это имущество они наживали годами, для этого трудились в поте лица.

И Оразгелди, и его младший брат Оразгылыч уже давно подумывали о вступлении в колхоз. И хотя у них забрали

скотину, впоследствии обоим братьям было сказано, что вопрос о приёме в колхоз членов состоятельных семей будет рассматриваться позже. Недавно приезжал ответственный работник ОГПУ Васка Аман и провёл в селе собрание, на котором непринятие коммунистами в колхоз членов семей Ямат бая, Кымыш бая и Сейит бая объяснил классовой борьбой с угнетателями и за проявленную большевистскую бдительность объявил благодарность председателю сельсовета Ягды Нарлы, Курбану чунне, председателю колхоза Нурджума Озбеку. Он тогда сказал:

– Богатым людям нельзя верить, они враги большевиков или же их пособники. Не в одном, так в другом месте обязательно проявят свою сущность, – размахивая кулаком, говорил он.

...И хотя свет чадающей лампы был тусклым, Нурджума после этого увидел выступившие на лбу своего визави мелкие капельки пота. Оразгелди слушал его молча, погружённый в свои мысли, и за всё время не проронил ни слова. Из всех сил старался не показывать виду, но Нурджума почувствовал, какая буря бушует в душе Оразгелди.

Сказав своему племяннику всё, что хотел сказать, Нурджума засобирался, сообщив, что ему надо ещё в одно место попасть, и даже не стал ждать, когда подадут специально для него готовящийся ужин.

Когда Оразгелди провожал председателя колхоза и своего дядю Нурджуму, на небе уже перемигивались яркие звёзды.

Было тепло. Вдохнув чистый тёплый воздух полной грудью, Нурджума мечтательно произнёс:

– До чего же чист воздух! И ветерок приятный дует. Земля напиталась влагой, можно уже и начинать сеять. – Затем, словно вспомнив о чём-то, повернулся к Оразгелди. – Ты когда засеял свою землю хлопчатником?

– Да, нет, пока что некогда было заниматься этим. – В его голосе прозвучало недовольство.

– Что ж ты так в этом году припозднился, еген, ведь Кымыши всегда раньше всех засевали земли.

На что Оразгелди хотелось ответить: «А что мы получили в прошлом году, когда посадили и собрали урожай? Ну ладно, сняли урожай, где теперь его сбывать, разве остались места для торговли? Урожай надо сдавать в амбары сельсовета, а он до сих пор не заплатил единоличникам за хлопок. Хоть и обещал это сделать. Говорят, председатель сельсовета с криками набрасывается на тех, кто приходит просить свои заработанные деньги».

Но тут же подумал о том, что сам он с этим вопросом ещё не ходил в сельсовет, собиравшись сделать это в ближайшее время, поэтому нехотя произнёс:

– Ну, да, в этом году мы немного припозднились.

Председатель Нурджума не мог не понимать, отчего так охладел к работе Оразгелди, который всегда отличался трудолюбием и был примером для других. Тем не менее, он совершенно не одобрял того, что Оразгелди тянет с севом

хлопчатника. На прощание сказал племяннику:

– Еген, не тяни, займись севом хлопчатника, помни, что старики говорили: «Кто сеет, и кто шьёт, получит своё» ...

... Не погоняя впряженную в телегу лошадь, Оразгелди медленно выехал из села. Конь натужно тянул гружённую доверху телегу. От тяжести груза на крупе и вокруг ушей лошади начали появляться капельки пота. Оразгелди шёл рядом с телегой, одной рукой держась за её край, а в другой держа поводья. В случае необходимости он выравнивал телегу, подталкивал её сзади, тем самым помогая коню.

И хотя солнце ещё не показалось, там, где оно восходит, вспыхнула алая заря, будто кто-то снизу поднял наверх огромную яркую лампу. Этот свет придавал белизну плывущим по небу мелким облакам, и это было похоже на красивое заснеженное поле.

С востока задул легкий утренний ветерок, похоже, он зародился в одном месте с солнцем. Повеяло утренней прохладой, но чувствовалось, что совсем скоро воздух прогреется.

Оразгелди вспомнил вчерашний разговор с председателем колхоза. Как же так вышло, что жизнь настолько изменилась, что какая-то неведомая злая сила превратила в ничтожества уважаемых людей, а вчерашние ничего из себя не представляющие люди вроде Ягды-кемсита и Хардата-кепретилчи неожиданно оказались на вершине власти и теперь вертят судьбами людей! Он никак не мог понять, отчего всё это случилось, почему перевернулся их привычный мир и

разрушил размеренную и счастливую жизнь. Какая лавина смела их с этого пути и разве можно устоять перед такой могучей силой?!

Понятно, отчего Хардат при любой возможности старается навредить им. Его поведение объяснялось просто: лет шесть-семь назад в их отношениях появился холодок. Это было связано с тем, что двоюродный брат Хардата выкрал уже сосватанную другим парнем двоюродную сестру Оразгелди и женился на ней, опозорив бьяшбелаларов. А до этого они считали себя людьми близких друг другу племён, были в хороших отношениях и помогали друг другу.

Когда родственник Хардада опорочил девушку и навёл тень позора на род бьяшбелаларов, представитель его рода по имени Ахмет-забун⁵, несмотря на молодость отличавшийся крутым нравом, пришёл советоваться к Оразгелди как к старшему своего племени, предложил отомстить Хардаду, опорочившему девушку из его семейства. Но тогда Оразгелди успокоил юного мстителя, напомнив, что в свое время и мать убежавшей девушки была уведена из дома близких Хардата, что их дядя Озбекгылыч акга усадил её на коня и увёз с собой. Так что это не считается позором, просто они отомстили за тот давний случай. После для примирения приходили уважаемые люди села, и тогда напряженность в отношениях между двумя семьями несколько ослабела. А если бы не был этот случай со временем забылось бы всё.

А село ничего не забывает, всё помнят, обо всем ведется счет, особенно если это связано с людской честью.

В этот раз тоже вышло именно так...

Однажды во время очистки каналов на поле среди двух молодых людей из разных племён вдруг возник спор.

Когда Оразгелди увидев, что парень из другой стороны не прав, взял сторону своих. А это не понравилось представителям других племён. Один из них моментально противостоял Оразгелди и с горяча напомнил ему «старую рану», упрекая ехидными улыбками.

– Кто вы такие, чтобы вас не трогали? Хотите сказать, что у вас есть честь? Разве не было, когда старший брат Хардата увёз вашу сестру и опозорил вас перед народом. А у вас же не нашлись тогда гордость и сила, не смогли вы – баяшбелалар отомстить за сестру, смыть позор. А сейчас изображаете себя человеком недотрогой, человеком-достоинством...

Оразгелди тогда не ожидавший такого поворота событий и не мог допустить такого унижения своих соплеменников перед другими. Не в силах был справиться со своим гневом и подозвал моментально нескольких своих джигитов.

– Эй, Ахмет, Баллы, Махы, быстро седлайте коней и отправляйтесь к Хардаду, обрейте головы его женщинам!.. – приказал он.

Вот так подожжён был фитиль противостояния. Парни баяшбелалары отправились в село и под крики и вопли обрили головы жены, дочери и сестры, оскорбили честь и дом

Хардада.

Нет, конечно, Хардад не считал это мезтью за причинённое зло ими раньше. Но и выступить против этих парней тогда он не осмелился. Затаил злобу и ждал только удобного момента, чтобы отомстить своему недругу.

И вот сейчас этот долгожданный момент, чтобы расправиться с Кымышами настал.

В это смутное время, когда вокруг разгораются нешуточные страсти, не допустить кого-то в колхоз было самым страшным злом, какое только можно причинить человеку. И если колхоз напоминал большое стадо, то непринятые в него семьи были похожи на горстки отсеянных овец, оставленных на заклание шакалам. Как волки находят ослабевших, отбракованных ягнят, так и этими семьями впоследствии интересовалось ОГПУ, этих людей допрашивали, пытали, а то и до убийства доходило. Люди, которых беспричинно не принимали в колхоз, догадывались, что их может ждать в дальнейшем, а потому начинали потихоньку складывать имущество и готовиться к переселению. И хотя вчера во время беседы Нурджума не стал открыто советовать, как им поступать, но по тону его разговора можно было понять, что им следует на какое-то время, пока не утихнут страсти, поменять место жительства. Тем не менее, Оразгелди, считавший, что Хардад таким вот образом мстит ему за давнюю обиду, что и он сам при случае поступил бы так же, то и не очень-то обиделся на него, считая Хардада человеком, имеющим право на

мечь.

Но что сделано, то сделано. Волосы отросли, но туман того позора ещё долго не рассеялся. Правда, село восприняло этот случай как ещё одно проявление мести за поруганную честь, и отложило его в своей памяти. Посчитав, что бьяшбелалары отомщены, село немного успокоилось. К тому же этот случай показал, что Оразгелди как старший может настоять на своём, что даже в это беспокойное, жестокое время бьяшбелалары смогут постоять за себя и никому не дадут себя в обиду. Мысленно Оразгелди перешёл к ещё одному из тех, кто на собрании возражал против вступления его семьи в колхоз, – стал думать о Ягды-кемсите. Он представил себе этого человека: чуть выше среднего роста, упитанный, хорошо питаясь, в последнее время сильно раздался, превратился в квадратного кемсита (кемсит – председатель сельсовета), с вечно припухшими веками и красным ободком вокруг глаз как у не выспавшегося человека. Но самым примечательным в этом человеке была его густая порось. Волосы торчали у него и из ноздрей носа с горбинкой, и из ушей, волосатой была его грудь, черные завитки волос выглядывали сквозь ворот просторной рубахи.

Оразгелди обиженно посмотрел на человека, которого только что представлял, и у него невольно вырвалось:

– Можно подумать, как будто ты ягнёнок незнакомой овцы!

После прихода в Союнали советской власти Ягды-кемсит

стал одним из тех, кого эта власть как представителя угнетённого класса приветила и взяла под своё крыло. Теперь он носил военный френч как у товарища Сталина, который выглядывал из-под шелкового дона, на голове у него была богатая черная бурка с лоснящимися завитками, на поясе ремень с пистолетом в кобуре. Он с видом победителя восседал на резвой лошади и чувствовал себя принцем крови. До прихода советской власти отец Ягды-кемсита Нарлы-гамышчи, как и все на селе, занимался земледелием, нанимаясь батраком к зажиточным односельчанам. Помимо земляных работ Нарлы-гамышчи ходил по селу в поисках наёмной работы, имел дело с камышом: для кого-то собирал камыш и строил мазанки, для кого-то старательно собирал камыш и делал из него щиты для стен кибиток, отделявал их узорами.

Отец Нарлы-гамышчи попал в это село в те давние времена, когда на соседей совершались набеги, и был для жителей чужим. Человек по имени Аман ях разбойник привёз его рабом в подростковом возрасте. Мальчик был услужлив, скромен, не требовал больше того, что ему давали. Когда он превратился в юношу, Аман ях отнесся к нему как к родному, построил для него дом и женил на подходящей девушке. С тех пор его потомки жили и продолжали род в этом месте.

Кымыш-дузчы был одним из тех жителей села, кто поддерживал с Нарлы-гамышчи хорошие отношения. Когда видел, что тот бедствует, оказывал ему всяческую помощь. Он приглашал его к себе, если надо было выполнить какую-то

работу, связанную с камышом, и щедро оплачивал эту работу. Провожая, каждый раз говорил ему: «Дорогой, Нарлы, если твоей семье не хватает молока и кефира, не стесняйся, отправляй детей с миской к Джемал».

Как-то раз одна из коров Кымыш-дузчы отелилась сразу двойней. Такое явление туркмены считали предвестником приближающейся беды, к тому же коровы редко приносили больше одного телёнка сразу. Из суеверия люди старались как можно быстрее избавиться от второго плода, и одного сразу отдавали пастуху или же кому-то из неимущих, чтобы человек мог обзавестись скотиной. Вот и в тот раз Кымыш-дузчы вспомнил про Нарлы-гамышчи, решил отдать ему телёнка.

Когда Оразгелди, стреножив ягнёнка, на руках принёс его в дом Нарлы-гамышчи, радости того не было предела. Взяв телёнка на руки, он ходил с ним, от радости не зная, куда поместить скотинку, то ли в дом, то ли в сарай.

– Ну, конечно, это же наш любимый дядя Кымыш, родной нам человек! – взволновано бормотал счастливый обладатель телёнка.

Но тем же вечером, вместе с детьми какое-то время порадовавшись приобретению, Нарлы-гамышчи принёс детёныша коровы обратно.

– Ах, Кымыш ага, не надо сейчас отрывать его от матери, пусть немного пососёт мать, окрепнет, чтобы мог сам кормиться травой да сеном, после чего я заберу телёнка. Дома у

нас нет молока, мне нечем будет кормить телёнка, и я не хочу потерять то, что так счастливо пришло ко мне в руки! – Наше телёнка уже висел амулет, вдетый в пёструю плетёную нить – аладжу, чтобы потом можно было опознать своего. Забрал он своего телёнка гораздо позже, когда тот уже превратился в крупную стельную корову. Веря, что от богатого к другому человеку достаток переходит, Нарлы-гамышчи долгое время жил с чувством благодарности Кымышу-дузчы.

Оразгелди сейчас думал о том, какими тёплыми были отношения между их двумя семьями тогда, и никак не мог понять, отчего Ягды-кемсит не поддержал его вступление в колхоз, искренне обижался на него. А он верил, что находясь у власти Ягды-кемсит поддержит его кандидатуру, ему бы удалось избежать надвигающейся в виде большевиков беды. Земляки говорили о Ягды-кемсите: «С тех пор, как Ягды стал выходцем из класса угнетённых, из кожи вон лезет, чтобы показать свою власть. И над кем? Над своими же односельчанами. Да, раб он и есть чужак, ждёт счастливого случая, чтобы отомстить за свои бывшие унижения! Такого большевик поманит пальцем, и он готов мать родную продать!» Видя, что эти разговоры имеют под собой почву, Оразгелди по-настоящему расстраивался.

После прихода советской власти прошло уже более десяти лет. Она всё больше пускала корни, закреплялась на этой земле. Но с её приходом жители села оказались не у дел, не знали, как себя вести и куда идти. Их словно подхватило вих-

рем, и они уже были не в состоянии думать о чём-то ином, кроме спасения собственных жизней. Правда, не было ничего непонятного в том, как поведут себя большевики. Придя к власти, они сразу же разделили народ на два класса. Богачи превратились в угнетателей неимущих, а бедняки – в угнетённых. Причём, в тех, кого угнетали из века в век, не позволяя им жить лучше, и всячески унижали. Лишь с приходом большевиков эти несчастные получили волю и стали сильными.

И вот с тех пор советы, будто силой захватив неприступную крепость, начали бесчинствовать, убивая тех, кто выступал против них, других отправляя в ссылку, третьих топча и оставляя тех, кого могли использовать. Словом, становились врагами.

После того, как большевики начали проявлять свою суть, первыми бежали сельские баи, владевшие несметными стадами овец и крупного рогатого скота. Распродав скот, они набивали хурджуны серебром и золотом, погрузжали их на лошадей, а часть оставшегося скота вместе с семьями забирали с собой и перебирались в Афганистан. У тех же, кто потерялся и не успел бежать, большевики экспроприировали скотину и имущество, а самих сажали, расстреливали, уничтожали. И это продолжалось и до сегодняшнего дня.

В село Союнали, находившееся немного в стороне от дороги, большевики пришли через три-четыре года после того, как в 1917 году свергли царя. Во главе отряда всадников из

тридцати-сорока человек с гордо поднятыми флагами находился человек по имени Демьян. Это был усатый загорелый мужчина тридцати пяти – сорока лет, с обтянутыми кожей впалыми щеками и острым взглядом. Он носил короткую кожаную куртку. Причём, в этот раз неприятности пришли не со стороны Мары, как это было всегда, а с юга – со стороны Кушки.

И когда большевики покончили с большими баями и взялись за оставшихся людей, называя их прихвостнями баев, ишанами и муллами, стало ясно, что это только начало их большой игры. Люди надеялись, что покончив с зажиточными баями, истребив их, большевики успокоятся. Позже они поняли, как жестоко ошибались, надеясь на благоразумие новой власти, в особенности после того, как людей стали называть басмачами и под этим предлогом грабить имущество, скотину, безжалостно уничтожать тех, кто пытался защищать свою веру, бросать в тюрьмы непокорных. Народ понял, что число людей, с которыми советская власть должна разделаться, будет расти с каждым днём. И потом, большевикам незачем было учиться как разобщать и настраивать людей друг против друга, им было не занимать опыта, ведь именно таким способом, сея между людьми вражду, им удалось в 1917 году скинуть царя с престола. В том, что этот метод самый верный, ещё на заре революции убедил сам Ленин. Он тогда объяснил, что будет, если поступать именно так. Сказав «После советской страной сможет управлять да-

же кухарка», он посеял в душах невежественных людей слабую надежду на то, что и они, пойдя дорогой большевиков, со временем смогут стать хозяевами этой страны. На собственном примере Ленин показал, что любое специально организованное восстание может помочь в захвате власти. И тогда толпа, поверившая обещаниям новой власти, стала похожа на бестолковое стадо баранов, гонящихся за первой травкой. А в это время большевики, вместе с местными собаками и ишаками погоняя это стадо, убедили людей в том, что они очень скоро смогут занять место высокомерного вожака, который, тряся жиденькой бородкой и звеня висящим на шее колокольчиком, решает, в какую сторону вести стадо. На самом же деле это большевики вели это стадо в нужную им сторону. Забыв о многовековой народной мудрости, гласящей: «Имущество разграбленного дома попадёт в дом, который настигнет такая же участь», большевики, чтобы увеличить число своих сторонников, некоторым из них щедро раздавали дома и имущество бежавших из страны баев, ишанов и мулл, другим отдали землю, коней и верблюдов, третьим, наиболее преданным, несмотря ни на какие достоинства, присуждали звания большевистских руководителей. Одним из таких счастливицков, исполнявших роль холощёного козла в стаде, стал Ягды-кемсит.

...Погрузившись в свои мысли, Оразгелди не заметил, как дошёл до реки. Высокий берег реки отвесно спускался к воде, внизу Мургаб торопливо нёс свои воды, напоминая

женщину, ощутившую позади себя присутствие незнакомого мужчины и с гулко бьющимся сердцем спешащую поскорее унести с этого места ноги.

Задувший вчера пополудни и постепенно набирающий силу восточный ветер всё ещё не стих. Он прочёсывал заросли прошлогодних камышей на берегу реки, которые сейчас, повалившись друг на друга, белой стеной лежали на поверхности воды, легонько обдувал их, после чего доносил запахи прелой травы.

На той стороне реки чуть поодаль виднеются контуры крепости афганского «Беркута»⁶ – бека этой крепости. Спрятанная в подбрюшьё холмов Гарабила и выглядывающая из-за них крепость не кажется чем-то рукотворным, скорее, она похожа на высеченную руками гигантского богатыря часть бархана, оставленную в сторонке. Когда взгляд Оразгелди упал на афганскую крепость, он снова вспомнил своих удравших туда земляков. В числе переселившихся на чужбину семей были, и родственники по линии жены – родня Маммет хана дуеджи. Семья Маммет хана дуеджи во главе старшего сына Акынияза перешла на ту сторону реки всего-навсего полтора года тому назад и осела в афганском селе Марчак. Хотя, казалось, уж если кому-то не следовало оставаться на месте, так это Акыниязу баю, который какое-то время возглавлял род дуеджи в селе Союнали вместо своего покойного отца и даже успел поработать в государственной

---

⁶ Бургют – (Беркут). Так называли афганского наместника.

должности.

Ещё совсем недавно он был известен как старый знакомый и близкий человек главы госудраства Гайгысыза Атабаева. Приезжая в эти края, Атабаев одно чаепитие проводил в доме своего старого знакомого Гуллы эмина, а в другой раз становился почётным гостем Акынияза бая.

В те дни Акынияз бай возглавлял открытую в районе организацию под непонятным названием Госкомитет. Не прошло и пары лет, как Атабаев пригласил его в Ашхабад и направил на руководящую работу в Керки. Получив новое назначение, он вернулся в Союнали, забрав с собой в Керки в качестве джигита-телохранителя одного из сыновей родственника Кымышша-дузчы по имени Баллы. Верхом на двух конях пробираясь меж барханов, они пересекли пески Гарабила и караванными тропами добрались до Керки. Проработав чуть больше года, он так и не пустил там корни, ему не была по душе эта работа, и скоро он засобирался обратно. До этого, встретив он Атабаева в Ашхабаде, обратился к нему за помощью, просил защитить жителей Керки, которых ОГПУ стал истреблять, называя то баями, то ишанами и муллами, а ведь многие из этих репрессированных были уважаемыми людьми. Если и дальше так пойдёт, скоро в Керки никого не останется, приезжай, увидишь всё своими глазами и наведи порядок, просил Атабаева Акынияз бай. И потом ещё долго ждал его в Керки. Убедившись потом, что Атабаева не дождаться, а ОГПУ начало с особой жестокостью рас-

правляться с людьми, он же как человек, возглавивший жителей этого города, не в состоянии защитить их, в один прекрасный день спешно собрал всё своё окружение и сам себя освободил от занимаемой должности, назначив приказом на это место своего заместителя. В ту же ночь снялся с места и отправился в сторону Пенди. Что ж, если он, находясь у власти, этой власти не имеет, не остаётся ничего другого, как с этой властью распрощаться. Перебравшись вдвоём со своим джигитом из Керки в Тахтабазар, он и там недолго находился. Очень скоро, собрав всю свою родню, имущество и скот, избежал Советов и благополучно перебрался в Афганистан.

От села Союнали граница находилась недалеко. Стоило перебраться на другой берег Мургаба, и там уже начиналась афганская земля. И всё же переходить на ту сторону было рискованно, граница охранялась, а схватки и перестрелки в том месте были делом привычным. Но Акынияз бай совершенно спокойно пересёк границу, в полдень его чабаны перегнали отару через реку.

Жители села тогда были немало удивлены, и разговоры о переходе Акынияза бая в Афганистан длились ещё довольно долго. Одни говорили: «Ай, наверняка у него был предварительный сговор с Атабаевым, Акынияз не тот человек, он не из тех, кто станет отрезать, семь раз не отмерив». У других было иное мнение: «Большевистские солдаты хорошо знают, кому они могут преградить путь. А попробовали бы они встать на пути у сыновей Маммет хана дуеджи, эти бо-

гатыри быстро разделались бы с ними. Поэтому лучше всего сделать вид, что не знаешь и не видишь их».

Но были и те, кто считал, что такой человек, как Акынияз бай, никогда ничего не делает без предварительной тщательной подготовки, значит, он мог договориться как с русскими, так и с афганцами и найти какой-то другой путь. Оразгелди вспомнил, как в те дни, когда переселялись дуеджи, его жена Огулджума испекла целый тамдыр чуреков и разносила садака по соседским домам от имени своих братьев, желая им благополучно добраться до места. Пару месяцев назад Ахмет, сын младшего брата Кымыш-дузчы посетил Афганистан, дня два гостил у тестя, отвезя им кое-какие забытые при отъезде вещи. Увидел, как они устроились, и привёз от них пламенные приветы. Ахмет забун тоже был женат на одной из сестёр Акынияза бая, считался его зятем. Сватом его тоже стал Кымыш-дузчы, он сказал родственникам девушки: «Мы и так являемся родней, а теперь породнимся ещё больше», и сам сыграл парню свадьбу. Вернувшись из Афганистана, Ахмет тогда сказал: «Акынияз бай и там числится приближённым «Беркута», он помогает всем, кто перебирается отсюда. И Гутлы хану, который уехал из Бедена, он помог обзавестись землёй и водой. Сам-то он со своей семьёй живет очень хорошо». Выслушав Ахмета, Кымыш-дузчы высказал своё мнение:

– Конечно, Акынияз умный человек, рассудительный, знает, что ему делать, но мне кажется, что в этот раз, бросив

свою страну, он ошибся.

На что Ахмет задумчиво произнёс:

– Как бы там ни было, всё же мусульманская страна...

– Так-то оно так, но разве не предкам нашим, многое повидавшим на своём веку, принадлежат слова: «Даже если он ругает или бьёт, все равно нет лучше, чем своего народа и Родины», давая понять, что он совершенно не одобряет поступка своего свояка.

Этот энергичный старший сын Маммет бая нравился Кымышу дузчи и до того, он женил своего сына Оразгелди на одной из его сестёр. Ему нравилось, как тот умеет говорить на публике, да и люди всегда хорошо отзывались о нём: «У Маммет хана все сыновья достойны, но Акынияз среди них самый главный». И хотя Кымыш в тот раз ничего не сказал в осуждение побега Акынияза из родного села, ему это было не по душе. Он старался найти этому поступку объяснение и оправдание: скорее всего, люди вынуждены были бежать от гонений, а когда всё утрясется и встанет на свои места, они вернутся обратно, желая этого, думал Кымыш-дузчы. И верил, что при первой же возможности Акынияз бай тоже поступит именно так.

...Пшеничное поле у реки было похоже на раскинувшееся вокруг зелёное море. Эта картина подняла Оразгелди настроение, воодушевила его. Эту красоту он мысленно сравнил с хорошенькой женщиной, принарядившейся и нетерпеливо ожидающей возвращения мужа из дальней поездки.

Отложив поводья, Оразгелди соскользнул с телеги и опустился на корточки на краю раскинувшегося вокруг зелёного поля. Сняв с головы папаху, надел её на одно колено, достал большой носовой платок и отёр им пот с обритой головы, с шеи и лба. Любуясь зелёными всходами и думая о завтрашнем урожае, он ласково погладил нежную зелень.

Пшеничное поле порадовало Оразгелди, подняло ему настроение. Куда-то отошли вчерашние переживания, уступив место приятным мыслям о том, что совсем скоро пшеница созреет и начнётся жатва, после чего пшеничные зёрна превратятся в муку, из которой выпекут вкусные ароматные лепёшки и заполнят ими сачаки. Ему даже показалось, что хмурое небо очистилось, посветлело, а мир вокруг стал ярче и теплее.

Оразгелди понимал, что на свете нет ничего вечного. Разве не было сказано: «Не бывает сорок лет голода и сорок лет сытости»? Всё на свете проходит, только Оразгелди казалось, что эти дни проходят слишком медленно, к тому же и с тяжким грузом за спиной. Как портится погода, так и судьбы вдруг резко меняются, для этого достаточно любого повода.

И хотя пшеничное поле напоминало зелёное море с едва заметным плеском волн, обойдя его со всех сторон, Оразгелди, будучи прирождённым земледельцем, сразу же заметил, что в некоторых местах всходы были не такими яркими по цвету. А ведь семена по всему полю разбрасывали одни и те же. Видно, почва в тех местах была не такой здоровой, ей

нужна подкормка и уход, как за больным. Надо бы туда пару телег навоза накидать, удобрить землю, тогда и всходы оживут и станут ярко-зелёными, как все остальные. А вообще-то пшеница не из тех культур, которая требует особого ухода, она неприхотлива. Достаточно хорошо вспахать и удобрить землю, вовремя провести посевную, в случае необходимости пару раз оросить всходы, после чего можно готовить вилы и сита.

Разбросав деревянными вилами в нужных местах привезённый навоз, Оразгелди подумал: «Однако ещё пару телег навоза не помешало бы». Он вдруг вспомнил про старый колхозный коровник. В прошлом году после обильных дождей река разлилась и унесла с собой часть колхозного коровника. Оразгелди тоже был тогда одним из тех, кто помогал колхозу переносить размытый коровник в другое место. А некоторое время назад он обратил внимание на то, что на том месте осталось много навоза. Он тогда подумал: «Надо бы забрать навоз отсюда и разбросать по полям, он вон уже в перегной превратился». К тому же, это место было намного ближе, легче навоз взять здесь, чем ехать за ним в село. Оразгелди решил, что наберёт там две-три телеги навоза. Он пошёл вдоль берега реки, обходя стороной небольшие лужицы, поросшие камышом и тамариском.

У реки паслись коровы, которых только что подоили и отпустили на волю. Разбредясь по лужайке, они щипали высохшую травку. Кажется, снова пойдёт дождь. Весенний ветерок

гнал по небу тучи в сторону Мары. Временами из-за туч выглядывал кусочек светлого неба, похожего на тело не знавшей загара женщины. Тучки бросали на землю таинственные взгляды, словно говорящие: «Ну, вот, мы уходим!», будто желая, тобы и земля, разделившись на островки, последовала за ними.

Временами вода реки, натыкаясь на преграду, образовывала небольшую запруду, на поверхности которой можно было видеть, как блестит чешуя выпрыгивающих из воды рыб. Это было время, когда рыба шла на нерест, и в азарте любовных игр совершала прыжки и выскакивала из воды.

Медленно катя телегу, Оразгелди заметил, как из брода в нижнем течении реки вышли три-четыре коровы, шедшая впереди них пожилая корова вдруг остановилась увидев его, опознала значит своего бывшего хозяина и посмотрела на него, вытянув шею, словно в ожидании чего-то. Животные всегда узнают своих хозяев, и Оразгелди тоже узнал свою корову. Сидя в телеге, он мысленно погладил её по спине, по шее. Услышав за спиной шаги, обернулся и увидел пастуха в накинутом на плечи халате и с посохом в руках. Обратив внимание на поведение жёлтой коровы, улыбнулся: «Бедное животное, узнало своего хозяина», – произнёс он и многозначительно улыбнулся.

– Похоже, это так, смотрит, не отрывая взгляда, бедняга, – отозвался Оразгелди.

– Ах, брат, к чему сомнения, уж кто-кто, а животное ни-

когда не забывает доброты и ласки, хороших кормов. Это человек может забыть добро, а животное никогда не забывает. Ты разве не видишь, как ведёт себя кобель твоего дяди Гувандык бая? Уж сколько времени прошло, как бай, скрываясь от большевиков, бежал в Пырары⁷, а собака до сих пор сторожит его дом, в тени дома, положив голову на золу тамдыра, лежит. Всё ждёт своего хозяина.

– Да, старики когда-то говорили: «Чья скотина? Кому Бог прикажет, тому она и принадлежит», – ответил Оразгелди, стараясь не показывать, как он расстроен из-за того, что пришлось отдать колхозу свой скот.

– Ну, да, конечно, нам только и остаётся смириться... – Одной рукой придерживая ворот халата без застёжки, он пытался натянуть его на себя, но тот никак не поддавался. Пастух стал ругать себя за беспечность. – Нет, этот дон никому не доставит удовольствия, такой же противный, как Ягды-кемсит. То и дело раскрывается, полы его расходятся, и холод пронизывает тело насквозь. Надо бы, придя домой вечером, кинуть его жене и заставить, чтобы она пришила тесёмки, но ведь это же я, как только попадаю в тепло дома, обо всём на свете забываю.

Озираясь по сторонам, пастух обошёл телегу Оразгелди стороной и отправился на поиски отбившихся от стада коров.

А дальше вышло по поговорке: «Вспомни волка, и он

тут же появится». Когда Оразгелди во второй раз наполнял телегу навозом из старого коровника, то вначале услышал стук конских копыт, а затем на боковой дороге появился Ягды-кемсит верхом на сером норовистом коне Гувандык бая, коне, которого забрал колхоз. Было件нятно, что он как хозяин ехал проведать скотину в новом коровнике. Занятый своим делом, Оразгелди сделал вид, что не замечает того, надеясь на то, что кемсит проедет мимо. Всё равно пока что он неплохо относился к Ягды-кемиту, не считал его своим ярым противником и не ждал от него ничего плохого, однако после вчерашнего разговора с Нурджумой предпочёл не встречаться с ним. Он думал, что даже если столкнётся с ним, ничего хорошего от него ждать не следует. Поравнявшись с Оразгелди, Ягды-кемсит узнал его и остановил коня. Концом нагайки приподнял спавшую на глаза папаху, поздоровался:

– Оразгелди ага, салам алейкум!

– А, это ты, кемсит? – ответил на приветствие Оразгелди, отметив про себя, что раньше Ягды-кемсит к его имени прибавлял слово «акга», означающее родственную связь, а теперь вот он стал «ага», уважительное обращение к старшему.

– Знаю, что вы благополучно закончили газы – земляные работы, подготовили оросительные сети, это хорошо!

– Ну, да, работы закончили...

– И это самое главное, а с остальным что-нибудь придумается. В этом году и осадков было достаточно, так что земля напиталась влагой. Посмотри, как зазеленели пшеничные

поля, глаз радуют! Теперь бы ещё и хлопчатник вовремя засеять.

– Думаю, с этим тоже всё будет в порядке.

Оразгелди не очень-то был настроен поддерживать возгорженный разговор Ягды-кемсита, поэтому ответил сдержанно.

– Время ещё есть. И потом, вы хорошо разбираетесь в земледелии, так что вам лучше знать.

Слушая Ягды, пребывавшего в хорошем настроении, про себя Оразгелди думал: «Ну, что тут скажешь, раб он и есть раб чужой. При любой возможности старается показать себя, начинает бахвалиться». То, что должность ему досталась очень даже хорошая, Ягда кемсит понял только после того, как занял её. Естественно, в рамках своих полномочий. Он был человеком настроения, и если ему кто-то был по душе, расхваливал его, убеждая в том, что он ничуть не хуже других, а потом и вовсе мог вознести этого человека до небес. Невзирая на его недостатки, он считал этого человека мудрее, способнее других, смелее. Вот уже два-три года Ягды-кемсит был главой села Союнали, плыл по течению, считая, что эта должность дана ему пожизненно, а значит, он может использовать её в своих интересах, для удовлетворения личных потребностей.

Попрощавшись, Ягды-кемсит продолжил путь, но вдруг остановился, словно вспомнив о чём-то:

– Оразгелди ага, если у вас не хватит семян для сева хлоп-

чатника, мы поделимся с вами, я из города выписал, достаточно привезли. Приходи в контору, когда я буду на месте!

Неожиданное предложение Ягды-кемсита о помощи вызвало у Оразгелди растерянность. Он не мог забыть слова Нурджумы о том, кто был против его вступления в колхоз. После того ночного разговора с председателем колхоза Оразгелди стал думать о том, что Ягды-кемсит, к которому он прежде относился неплохо, теперь будет всячески вредить ему и не упустит ни одной возможности для этого. И хотя предложение было сделано на полном серьёзе, поначалу Оразгелди воспринял его как сказанное для красного словца во время нечаянной встречи. И всё же, хотя слова эти и были произнесены по ходу разговора, в них не ощущалось никакого скрытого смысла, каких-то ухищрений.

Опираясь на черенок воткнутых в землю вил, Оразгелди долго ещё смотрел вслед удаляющемуся Ягды-кемситу, думая о том, что в седле коня вчерашний мальчишка кажется внушительнее, властнее. И размышлял о превратностях судьбы.

Странное существо человек, которого сотворил Бог. Ещё вчера он держал камень за пазухой и готов был в любой момент запустить им в тебя, а вот сегодня произносит такие правильные слова. Каждый раз, думая о Ягды, Оразгелди представлял Нарлы гамышчи – человека, на худощавом лице которого выделялся внушительный нос с горбинкой, чьи руки никогда не знали покоя: то он раскладывал камыши, то

сплетал их, то складывал, подготавливая к перевозке. Похоже, у такого трудолюбивого человека и сын получился таким же.

Встреча и разговор с Ягды-кемситом немного успокоили Оразгелди, на душе у него и стало немного стало светло.

* * *

И в этом году в Пенди весна пришла добрая. Подходил к концу сев хлопчатника. Дайхане трудились в поле с раннего утра до позднего вечера, стараясь не упустить ни одного погожего денька. Да и земля, напитанная влагой и вспаханная ещё осенью, была готова к приёму семени. Сейчас земледельцы закладывали основы будущего урожая. Погода сопутствовала дайханам, временами шёл дождик, увлажнял почву, и поэтому на этот раз не было необходимости перед севом увлажнять землю, как это было в засушливые годы, и заново перепахивать её.

В один из таких дней секретарь Пендинского райкома партии Ата Хымлыев, вернувшись с большого совещания в Ашхабаде, решил, что надо сразу же собрать местных руководителей, чтобы по горячим следам обсудить вопросы, поднятые в столице, и на другой же день после возвращения созвал специальное совещание. Вначале приглашённые из сёл люди собрались у здания райкома и, разделившись на небольшие группы, о чём-то беседовали. Зная о том, что секретарь

райкома Ата Хымлыев вернулся из Ашхабада, гадали: «Интересно, о чём он будет говорить? Какие вести привёз оттуда?». Когда же их пригласили в зал для совещаний, они увидели, что там уже сидят люди. Рядом с Ата Хымлыевым находились и другие руководители района. Возле секретаря райкома они заняли места соответственно своим должностям.

Сам Ата Хымлыев занял место за покрытым красным сукном главным столом. Позади него на стене висел большой портрет Сталина в красивом обрамлении. Кивком головы секретарь райкома приветствовал входящих в зал, внимательно всматриваясь в их лица. Взгляд Сталина с портрета на стене был направлен на сидящих в зале и напоминал взгляд голодного волка, неожиданно появившегося в дверях незапертой овчарни.

Справа от Ата Хымлыева разместился председатель райисполкома Маммет Поллы. Внимательно слушая выступающего, он время от времени поднимал голову, словно хотел задать какой-то вопрос, бросал взгляд на секретаря райкома и по привычке поглаживал начинающие седеть усы, украшавшие его крупное смуглое лицо. После назначения председателем райисполкома в этом районе, он как-то окреп, стал солиднее, превратился в уверенного руководителя. Начальник ОГПУ Иван Сызран, по-туркменски говорящий с акцентом, похожим на татарский, вместе со своим заместителем голубоглазым Аманом орусом расположился слева от него.

Оба они носили одинаковую серо-коричневую, как у Сталина, военную форму, а также фуражки с огромным козырьком, напоминающим водяную тыкву в разрезе.

Чтобы донести до слушателей то, о чём говорилось в Ашхабаде, Ата Хымлыев нанизывал однозначные слова друг на друга, подчеркивая их значимость. И хотя совещание в Ашхабаде было посвящено ходу весенних полевых работ в республике, он незаметно перевёл разговор на постановление партии от 1930 года, о котором говорил назначенный Москвой первый секретарь ЦК компартии Туркменистана Яков Попок. Речь шла о том, как на местах выполняется решение партии о непримиримой борьбе с кулачеством. С трибуны Яков Попок заявил о том, что на местах эта работа ведётся крайне медленно, что некоторые из местных руководителей, забыв о том, что являются советскими руководителями, потворствуют кулакам. Слова выступавшего заронили в души находящихся в зале людей тревогу. Да и сам Ата Хымлыев, сидя за спинами других руководителей, думал: «Как бы кулак Попока не обрушился на наши головы!». В самом деле, если покопаться, всегда можно найти у человека недостатки.

Собравшиеся в зале люди сидели, опустив головы, и вид у них был такой, словно они только что отнесли на кладбище и похоронили кого-то из близких. Никто из них не проронил ни звука, в зале воцарилась гробовая тишина. Лишь временами кто-то из руководителей простуженно кашлял, тем самым нарушая тишину. Выражение лиц, сидящих без слов

говорило о том, что они хорошо понимают важность принятого партией постановления, но в решении данного вопроса и сами допустили некоторую оплошность, поэтому сидели с виноватым видом.

С некоторым пафосом доложив о том, что говорилось на совещании в Ашхабаде, Ата Хымлыев подчеркнул, что замечания, сделанные выступавшими на совещании высокопоставленными чиновниками, поставленные ими задачи касаются не только других, но и имеют непосредственное отношение к руководителям их района. Взвинтив сельских руководителей, секретарь райкома, поглаживая свой выступающий вперёд подбородок, перешёл к конкретным примерам из своего района.

Секретарь райкома, и сам постоянно живущий в страхе, имена тех колхозников, которые собирался назвать на этом собрании, заранее обсудил с начальником ОГПУ Иваном Сызранам.

Словно пытаясь взять на мушку кого-то из сидящих в зале, Ата Хымлыев, сощутив один глаз, медленно обвёл зал взглядом. Наконец его взгляд задержался на сидящих у входа на сдвоенных стульях, словно школьники, сложив ладони на коленях, представителях колхоза «Гызыл гошун» Ягды-кемсите и председателе Нурджуме. Почувствовав, что Нурджума хочет что-то сказать ему, Ягды-кемсит заёрзал на стуле. Он без конца гладил свой вздёрнутый нос, на котором выступили капельки пота, и было видно, как он волнуется.

– Вот, например, здесь присутствуют товарищи – председатель сельсовета села Союнали Ягды Нарлы, и председатель колхоза «Гызыл гошун» этого же сельского совета Нурджума Овез. Это люди, которым советская власть доверила работу на местах. Тем не менее, в последнее время, зачастую забывая о своих должностях, эти товарищи соблюдают интересы зажиточных людей, которых следовало бы объявить кулаками, и даже в некоторых случаях предоставляют им те же льготы, которыми пользуются члены колхоза.

По правде говоря, Нурджума совершенно не ожидал такой критики. Он считал, что для критики вообще нет никаких оснований, напротив, ему казалось, поскольку проводимая им на селе работа идёт успешно, районное руководство отметит это, скажет о нём доброе слово. Колхоз «Гызыл гошун» одним из первых в районе завершил сев хлопчатника. Давным-давно очищены и подготовлены оросительные сети, в любой момент можно было убирать плотину и пускать воду. Сейчас в разгаре окот овец, словом, небольшие достижения наблюдались и в других отраслях. Казалось бы, здесь нет никаких оснований для неприятного разговора. И потому критика Ата Хымлыева была похожа на желание подпортить настроение хоть кому-нибудь.

– У нас есть точные сведения о том, что в этом колхозе в ходе весеннего сева нескольким богатым семьям выделяли семена хлопчатника, предназначенные для колхозников. На том Ашхабадском совещании первый секретарь партии то-

варищ Попок верно подметил, что, к сожалению, на местах ещё остались люди, поддерживающие отношения с представителями зажиточного сословия, что вместе с ними льют воду на одну и ту же мельницу. – В этом месте речи секретаря райкома заместитель начальника ОГПУ Аман орус, до того сидевший с важным видом и будто раздувавшийся на глазах, едва заметно обернулся и с недовольным видом посмотрел в ту сторону, где сидели Ягды-кемсит и Нурджума башлык. В его взгляде читался вопрос: «В самом деле?». В это же время Ягды-кемсит, не ожидавший, что меч критики обрушится на их головы и надеявшийся, что это не коснётся их, сидел тихо, низко опустив голову, словно хотел спрятаться от посторонних взглядов.

Каким бы грозным ни был взгляд Амана оруса, на Нурджуму он особого впечатления не произвёл. Напротив, высокомерие этого выскочки разозлило председателя колхоза, задело его за живое.

Хотя Нурджума производил впечатление человека слабого, на самом же деле отличался он когда надо мужеством. Народ помнил его смелые поступки, совершенные ещё в подростковом возрасте. Волею судьбы он отправился мстить, когда ему не было ещё и пятнадцати лет. И с честью прошёл это испытание. Он тогда вступился за жену старшего брата, которая была замужем уже несколько лет. Так вот, когда мужа той долго не было дома, односельчанин по имени Андым каким-то способо склонил её на свою сторону и увёз, что-

бы жениться на ней. Вот тогда-то юному мстителю пришлось обнажить свою короткую саблю. Вместе с двумя мужчинами -родственниками он пустился в погоню за ними. Они догнали беглецов вдали от села, на старой дороге Пенди – Керки. Андым, думая, что ему удалось оторваться от села на достаточное расстояние погони не ждал и в это время отдыхал, расположившись на вершине одного из холмов. Они чаёвничали с беглянкой Гульджемал, тесно прижавшись друг к другу.

Андым увидев мчащуюся в его сторону тройку лошадей, сразу же понял, что это его мстители, и схватился за саблю, лежавшую рядом. И подумав о том, что одному ему не справиться с тремя всадниками, стал искать способ разобщить их. Когда скачущий во главе мстителей Розы-чолак (хромой) оказался близко, он крикнул ему, что поведение того – настоящая трусость:

– Эй, Розы-чолак, разве я вашу женщину забрал, прибыв к вам с целым войском, что вы целый отряд снарядили за мной? Да вы самые настоящие трусы, выходите против меня по одному, если вы такие смелые!

Розы-чолак остановился и отступил, пропуская сначала Нурджуму как близкого родственника оскорблённого мужа женщины.

– Иди, сынок, отомсти ему! Смой свой позор!

Видя, как мальчишка, обнажив короткую саблю, помчался прямо на него, Андым понял, что его хитрая уловка уда-

лась. Когда конь юноши подлетел совсем близко и был готов растоптать противника, хитроумный Андым снял с себя дон и несколько раз встряхнул его в воздухе. Испуганный конь Нурджумы отскочил в сторону. Но какие бы уловки ни использовал хитроумный Андым не позволить противнику вплотную приблизиться к себе. Разозлённый Нурджума верхом на коне старался. Натягивая поводья коня, он нападал то с одной, то, с другой стороны. Но скоро Розы-чолак видел, что хотя Нурджума был на коне, Андым не сдастся, напротив, он всеми способами изматывать мальчишку. Наблюдая это со стороны, Розы-чолак определил для себя что силы неравны. Вот-вот Андым одалеет юношу. И тогда Розы-чолак не мог спокойно сидеть он снял с седла лежавшую поперёк многозарядную винтовку, и он выстрелил, когда поднималась рука с саблей Андыма.

Обливаясь кровью и пытаясь доить Нурджуму, Андым снова выкрикнул, обвинив Розы-чолака в трусости:

– Эй, чолак, да ты как баба поступил!

На что Розы-чолак ответил:

– Ничего, я просто уравнивал ваши силы. А разве с твоей стороны не трусость воевать с зелёным мальчишкой?! Ну, а теперь все равны, если тебе по силам, одолей его!

И тогда Нурджума, внутри которого всё ещё пылал огонь мщения, своей шашкой смертельным ударом снёс голову Андыма...

Вспыльчивость в жизни Нурджумы односельчане объяс-

няли тем, что он тогда видел кровь...

Когда секретарь райкома стал связывать милосердное отношение к кулакам с семенами хлопчатника от колхоза, председатель райисполкома Маммета Поллы беспокоился; менялось его лицо, то немного краснея, то бледнея. Словно надеясь на то, что эта стрела пролетит мимо и не коснется его, он сидел с низко опущенной головой, старался не замечать взглядов союналийцев, которые после критических замечаний повернулись в его сторону и взглядами спрашивали: «Что всё это значит?».

Делясь с земляками излишками хлопковых семян, Ягды и Нурджума решали этот вопрос не самостоятельно. В те дни в село по делам приезжал председатель райисполкома, и они советовались с ним: «Как быть, если единоличникам не выдать немного семян, они не смогут провести посевную!» На что тогда же получили ответ:

– Нельзя допустить, чтобы земли пустовали. Если у вас образовались излишки, поделитесь с ними. Мы же облагаем их налогами, когда урожай поспевает, значит, в этом году возьмём с них больше налога. И потом, даже если мы с ними делимся, урожай ведь не уходит на сторону, опять же к нам возвращается.

По тому, как сейчас чувствовал себя Маммет Поллы, Ягды-кемсит подумал про себя: «Похоже, товарищ Маммет Поллы не успел посоветоваться с секретарем райкома». И понял, что тот сейчас не в состоянии вступить за них, а все

критические замечания адресованы ему и Нурджуме.

По природе своей несколько беспокойный Нурджума, подумав о том, что его ответ может прозвучать против Ата Хымлы, не смог долго молча переваривать сказанное, как это делал Ягды-кемсит. Почесал затылок, заёрзал на месте, давая понять, что у него испортилось настроение. Сейчас ему хотелось развеять тучи, сгустившиеся над ними после слов секретаря райкома, рассказать людям, что стало причиной таких упрёков. Когда же секретарь райкома сделал паузу, как вдруг Нурджума неожиданно встал с места, возразил:

– Товарищи, что это за разговоры такие пошли, о чём это? – давая понять, что он не согласен с высказанной критикой.

– А разве неправда то, что было сказано про вас, союзники! – вопросом на вопрос ответил Ата Хымлы, которому не понравилось, что его перебили.

Не считаясь со статусом секретаря райкома, Нурджума продолжил в том же духе:

– Может, оно и не неправда, но уж точно и не совсем правда! Колхоз завершил сев хлопчатника. И потом, даже если мы хотели и дальше сеять, у нас нет для этого готовых освоенных земель. Остались семена, где-то с пуд-полтора пуда, вот мы и раздали их нескольким семьям единоличников. По крайней мере, мы не выдавили из этих семян масло и не съели его. И не выбросили семена в овраг. А у некоторых единоличников есть земля, да нечем её засеять, а если и есть

семена, то самая малость. И в том, люди, в какой-то степени виноваты мы сами. Давайте вспомним, как мы в прошлом году поступили с урожаем хлопка, полученного единоличниками. Сначала забрали половину в виде налога, это раз. А потом, заявив, что сверху району спустили дополнительный план, забрали у них и остатки семенного материала... Разве это не глупость – оставить землю незасеянной? И потом, даже если единоличник снимает богатый урожай, куда он девается, не на сторону же уходит, опять же своему государству достаётся. Разве не так?

Когда выступление Нурджумы дошло до этого места, Аман орус, слушавший всё это время с недовольным видом, – ему не нравилось, что Нурджума вступил в спор с чиновником такого ранга – решил высказаться упрёком. Посмотрев сначала на секретаря райкома, а затем на своего начальника, сидевшего с отсутствующим видом, словно ему была неинтересна вся эта перепалка, и произнёс. Подошел к вопросу с другой стороны:

– Неужели ты, Нурджума, думаешь, что без единоличников колхоз пропадёт?

Договорив, он резко обернулся и одернул полы рубахи с видом человека, готового прямо сейчас напасть на Нурджуму.

Поняв, что слова Нурджумы стали поводом для их травли со стороны ОГПУ, Ягды-кемсит озабоченно произнёс:

– Нет, ты посмотри на этого, а ведь он, высказавшись та-

ким образом, надеется, что его словам поверят. Сидел бы себе тихо, напротив, повинился бы, мол, нечаянно это случилось, ошиблись, исправимся, так нет ведь, надо громогласно заявить о себе, показать, кто есть, кто!

Обычно на таких собраниях руководители ОГПУ брали слово в числе последних. Но на этот раз правила были нарушены. Ясно же, что слова Нурджумы не понравились Аману оруссу, вот он и решил таким образом отомстить ему. Вышеясь над всеми с видом победителя, он словно спрашивал: «Кто ещё так думает?» Поворачивая голову из стороны в сторону, он со злобью посмотрел на собравшихся в зале людей.

А потом и вовсе стал распаляться. Кажется, он всю свою злость собирается выместить на Нурджуме. Однако, заговорив, он повёл разговор издалека, как это делали многие руководители.

– Товарищи, есть один разговор, который надо бы знать, чтобы потом из него извлечь уроки для себя, – начал он своё выступление.

Уже по тону речи заместителя начальника ОГПУ, собравшиеся поняли, что сказанное им должно касаться каждого из них.

А вообще-то люди хорошо знали Амана орусса, его манеру говорить, он всегда давал понять, как гордится своей должностью, но ещё он умел подстрекать и давить на людей, натравливать их друг на друга.

– Среди нас, товарищи, есть люди, потребляющие хлеб-соль большевиков и предающие их, потому что никак не могут вырваться из родственно-имущественных сетей. На этот счёт у нас достаточно сведений... Недавно один из сельских руководителей помогал одному баю, который бежал за границу, а перед тем зарыл в землю всё свое зерно, так вот, когда он на нескольких верблюдах вернулся за ним, нашлись люди, которые в ту же ночь помогли ему отрыть спрятанное зерно, погрузить на верблюдов и вывезти из страны.

Аман орус не называл никаких имён, будто не знал, на кого возвести напраслину, кого оклеветать, и поэтому говорил на каком-то непонятном птичьем языке. У него была такая манера, он никогда не говорил всей правды, всегда что-то недоговаривал, и люди начинали строить догадки. Прекрасно знал, что в таком случае всё сказанное незамедлительно отложится в сознании всех слушателей, и это будет похоже на то, как сразу же приклеивается тесто к раскалённым стенкам тамдыра.

Приведя этот пример, Аман орус собирался затем адресовать упрёк Нурджуме и Ягды-кемситу, который сидел с низко опущенной головой с видом человека, совершившего непростительный проступок, виновному. Он хотел сказать им: «И то, что вы сделали, равносильно тому, что бежавшему в Афганистан баю была оказана помощь, поэтому и вас можно назвать предателями». Но то ли подействовал тон разговора, то ли почувствовал, что сгустившиеся над головами

других чёрные тучи могут задеть и его, в этом месте выступления Амана оруса вдруг вскочил с места председатель колхоза имени Кагановича Джотды майдаджа:

– Кто это, Аман ОГПУ? Если такой человек присутствует среди нас, я сам ему глотку перегрызу! – размахивая руками и тряся головой, он стал озираться по сторонам искав глазами среди этих людей. И если бы Аман орус назвал сейчас хотя бы одно имя, можно было не сомневаться, что он сразу бросится на этого человека. Джотды-майдаджа был одним из тех, кто поднялся с приходом советской власти, а до того влачил нищенское существование, перебивался с хлеба на воду. Он был благодарен советской власти за то, что она так высоко подняла его, предоставила ему такую высокую должность. Он был одним из тех, кто искренне поверил новой власти и всем сердцем служил ей. Он считал своим долгом показывать людям свою преданность новой власти, доказывать её на деле. Этому соответствовал и его несколько заносчивый характер. Когда на одном из недавних собраний начальник ОГПУ сказал, что каждое село должно предоставить списки людей, которых следует привлечь как кулаков, многие потупили взоры, посчитав для себя такой поступок неприличным. Лишь один Джотды майдаджа раньше всех вскочил с места и, стоя, загибал пальцы, называя имена пятерых своих односельчан, которых следовало привлечь к ответственности как кулаков. Работники ОГПУ тогда сказали: «На местах надо работать так, как Джотды ага, брать с него пример». И

если бы Аман орус сейчас назвал какие-то имена, здесь вполне могли начаться самые настоящие собачьи бои. Для этого достаточно было натравить Джотды-майдажду. Амано орус в этот раз не понравилось вмешательство коротышки Джотды, потому что его выходка могла превратить затеянный им серьёзный разговор в фарс, игру для развлечения собравшейся в зале публики. Оратор в один момент с недовольным видом замолчал. На лицах сидевших людей появились едва заметные усмешки. Как бы там ни было, Джотды майдаджа был серьёзен как никогда.

Аман орус почти приготовился назвать имя человека, о котором говорил, но, видя, как повёл себя Джотды, который мог устроить потасовку в помещении серьёзной организации, промолчал.

Напротив, и ведущий собрания секретарь райкома Ата Хымлы, и сам Аман орус постарались утихомирить разбушевавшегося коротышку: «Успокойтесь, Джотды ага, успокойтесь!»

А после секретарь райкома постарался сгладить возникшую неловкость: «Даже если мы так говорим, это вовсе ничего не значит, не стоит акцентировать на этом внимание». Желая разрядить обстановку, он говорил спокойно. Названные недостатки и замечания адресовал не одному селу, а всему району.

Поскольку примирительные голоса звучали со всех сторон, Джотды в конце концов успокоился и сел на своё место.

В зале воцарилась непонятная тишина.

После этого несколько снизился пыл и у Амана орус, хотя и начинал он свою речь тоном обвинителя. Покосившись на Джотды-майдаджу, он всем своим видом выразил недовольство тем, что его перебили, своё выступление продолжил уже без прежнего вызова. Подчеркнув важность и своевременность задач, поставленных на совещании в Ашхабаде, он коротко подвёл итоги своего выступления, хотя до того собирался произнести обширную речь, привести примеры. И всем стало понятно, что предыдущий разговор сошёл на нет.

Когда же после Амана орус слово попросил молодой председатель колхоза «Тязе ёл» («Новый путь») Яздурды Бекназаров, все подумали, что и он построит своё выступление на итогах ашхабадского совещания. Молодой председатель был человеком крупным, широкой кости, богатырского телосложения, смуглым. Взяв слово, он встал с места, всем своим корпусом навис над сидящим перед ним и обратился к только что завершившему своё выступление Аману орусу:

– Товарищ Аман, я хочу у Вас спросить?

– Говори, Яздурды, – с места ответил Аман орус, согласно кивнув этому могучему парню.

– Вот о чём я хочу сказать вам. Если помните, товарищ Аман, пару месяцев назад житель нашего села Берди Готур оглы был обвинён в неблагоприятном поступке и арестован.

– Да, этого смутьяна я сам арестовал и увёз из села. А как

же, если он противник, мы вынуждены его наказать. Поймали, допросили, обвинили, наказали. Это наша обязанность.

– С этим-то я согласен, – в словах Яздурды прозвучали нотки недовольства. Это почувствовал, и Аман орус, похоже, молодой председатель собирался задать ему не совсем корректный вопрос. С надменным выражением лица он посмотрел прямо в глаза молодого председателя, холодным взглядом желая пригвоздить его к месту. А заодно приготовился дать ответ этому выскочке. Молодой человек догадался, что Аман орус напоминает ему о том, кто есть кто, пытается подавить его. Заговорил, не глядя в глаза оппоненту:

– Вы тогда обвинили парня в том, что он переправил в Афганистан серого колхозного иноходца, и за это арестовали его.

– Помню.

– А если помните, то Берди Готур не переправлял того коня в Афганистан.

– Как это понимать? Не переправлял коня, которого переправил в Афганистан? – вопросом на вопрос молодого человека ответил Аман орус. Он потребовал от молодого председателя колхоза объяснений. В поисках поддержки Яздурды посмотрел по сторонам, после чего продолжил:

– Товарищ Аман, этот наш конь освободился от привязи и ушёл не в Афганистан, а далеко в пески, туда, откуда мы забирали его.

– Ага, вернулся, значит? – горькая усмешка в устах Ама-

на оруса дала понять людям, какой смысл вложил он в свои слова. Сейчас эти двое были похожи на людей, сцепившихся друг с другом из-за предмета, который не смогли поделить.

– Да, товарищ Аман, наш конь ржёт в своем стойле!

– А ты знаешь, откуда вернулся этот конь? Откуда ты знаешь, не из Афганистана ли вернулся конь в своё стойло? Или ты думаешь, что конь, освободившийся от привязи, не может вернуться из Афганистана, оттуда, куда его увели? И потом, Берди Готур во время допроса и сам признался в том, что перегнал колхозного коня в Афганистан. У нас есть его показания, заверенные отпечатком пальца.

Этот неожиданно вспыхнувший разговор закончился тем, что Аман орус стал победителем, поскольку сразу же давал ответы на все вопросы молодого председателя, а Яздурды остался в проигрыше и подозрении. И потом, кто может рассчитывать хоть на какую-то победу, когда действует всемогущий ОГПУ? Переиграть Амана оруса было невозможно, слишком он был уверен в своих силах, гордился своей должностью, хотя и вышел из самых низов. Про таких говорят: из грязи в князи. Да, сейчас наступило их время, время, когда они не знали поражений. Это ещё раз доказал Аман орус, без промедления отвечавший на двусмысленные вопросы молодого председателя. А вот молодой председатель после этой словесной перепалки оказался занесённым в число неблагонадёжных с низким чувством патриотизма⁸.

Как бы там ни было, оставалось согласиться с Аманом орусом. И потом, выступая на совещании, начальник ОГПУ товарищ Иван Сызран сказал: «Нам не по пути с теми, кто поддерживает баев и кулаков».

Молодому председателю, не ожидавшему, что его выступление обернётся таким образом, что он не найдёт, что ответить Аману орусу, поскольку тот подавлял своим напором, не оставалось ничего иного, как пойти на попятный и согласиться со сказанным. Во время пылкой речи Амана оруса про себя молодой председатель думал: «Кто же не знает, как вы умеете выбивать показания из человека, попавшего в ваши лапы? Но я не думаю, что попавший к вам в руки Хеззи батыр не умолял вас не пытаться его, он готов был признаться даже в том, что убил Ленина, только не пытайте меня, лучше сразу пристрелите!» – просил он». Поняв, что ему не по силам тягаться с ОГПУ, больше не сказал ни слова. А ведь ещё утром, отправляясь на собрание, он собирался сообщить радостную весть о возвращении коня, освободить из заключения Берди Готура и вместе с ним вернуться домой, в село. Но ни о чём таком не знал молодой председатель Яздурды

считает себя властителем и патриотом в высоком смысле этого слова, а о гвардии старшем лейтенанте Яздурды Бекназарове, которого сегодня упрекали в недостатке патриотизма... В 1942 году, в самый разгар войны, военная газета «Отважные патриоты» в передовой статье пишет: «Красный воин! Ты должен бить врага и уничтожать его так же, как батальон гвардии старшего лейтенанта, отважного сына как Яздурды Бекназарова!» И была в этих словах высокая гордость за нашего земляка, на поле боя, показывавшего храбрые примеры патриотизма.

Бекназар, когда поднимал этот вопрос. Он думал лишь о своём односельчанине, который находился в застенках ОГПУ в городе. Но уже случилось всё, что должно было случиться после предъявления Берди Готуру обвинения. Обвинив его в нанесении ущерба колхозу, работники ОГПУ отправили Берди Готура в далёкую ссылку по дороге горя и лишений.

...Постепенно разговор вернулся в прежнее русло, без конца упоминались опять Ашхабад, Попок. Говорилось о том, что из этого своевременного выступления должны быть сделаны правильные выводы, тогда жизнь колхоза расцветёт пышным цветом. Но теперь все речи были похожи, как близнецы-братья, не были эти выступления искренними, напротив, выступающим хотелось, как можно скорее отделаться, и поэтому сидящие в зале люди не воспринимали их, им казалось, что всё это говорится не для них, а для кого-то другого.

Среди присутствующих были и руководители, которым хотелось при удобном случае задать руководителям ОГПУ ещё вопросы. Не так давно не только из колхоза «Тязе ёл», но и из Союнали, Байрача, Эрдена и Хорасана, из колхоза «Пограничник», заселённого при царе сосланными с Украины хохлами, были арестованы и увезены на допрос в город люди. Двое из них были жителями колхоза «Гызыл гошун». Нурджума шёл на это собрание с намерением встретиться с руководителями ОГПУ и выяснить у них хоть что-то о судьбе своих односельчан. Узнав о том, что он собирается в город, родственники арестованных умоляли председателя колхоза

привести им хоть какую-то весточку об их близких. Женщина, чей сын тоже находился в застенках ОГПУ, утирая концом лёгкого желтого платка слёзы, умоляла: «Даже если ты не сможешь освободить его и привезти домой, узнай хотя бы, жив ли мой сын, уж очень зловещие сны мне снятся. С тех пор, как его забрали, я не нахожу себе места ни дома, ни на улице, все ночи напролёт проливаю слёзы, спать не могу!». Но, видя на примере председателя колхоза «Тязе ёл», как извращаются заданные вопросы, в результате чего задающий вопрос сам становится чуть ли не врагом, Нурджума решил повременить, спросить уже после собрания, в спокойной обстановке, зайдя к начальнику ОГПУ в качестве просителя.

Нурджума был не прочь оставить разговор с ОГПУ о своих односельчанинах на потом, после собрания. Он надеялся, что в таком случае ему повезет, удастся поговорить с начальством с глазу на глаз, и найти общий язык и с Аманом орусом. Сославшись на дела, он после собрания расстался с Ягды и по-новому занялся отставленным делом.

Пройдя мимо добротных, красивых, сложенных из кирпича домов бывших зажиточных купцов, он прошёл ещё немного и достиг здания ОГПУ. Эта организация располагалась в самом последнем доме в ряду бывших байских домов. Войдя во двор, Нурджума увидел стоящих на привязи с правой стороны знакомых коней Амана оруса и Сызрана. Чуть в сторонке стояла гнедая лошадь Сызрана, впряжённая в удобную и просторную крытую карету, экспроприрован-

ную у купца-армянина. На ней Сызран особенно любил ездить. При виде стоящих на привязи коней, Нурджума успокоился. Значит, все на месте, можно не переживать, что кто-то куда-то уехал по делам.

В приёмной Амана оруса Нурджуму встретил одетый по военной форме высокий юноша с глазами, как у совы, он увлечённо вчитывался в какой-то документ. Выслушав Нурджуму, юноша – секретарь доложил: «Сейчас у товарища Аманова находится человек из колхоза «Гызыл Гошун», – и указал ему на свободное место среди людей, ожидавших своей очереди на приём. Но когда юноша с совыими глазами сказал, что у Аманова находится человек из колхоза «Гызыл гошун», Нурджума ощутил неприятный холодок внутри себя. «Кто бы это мог быть? Уж точно не Ягды-кемсит, он ведь только что зашёл в кабинет председателя Маммета Поллы, чтобы о чём-то посоветоваться с ним». Это мог быть Хардат кепретил, приехавший из города под предлогом получения товара, или же налоговый Баллы. Расстояние было небольшим, поэтому из села редко кто приезжал в город. Но ведь Нурджума видел их перед поездкой, и никто из них не сказал, что тоже собирается в город. Тогда кто же это может быть, что за человек находится в кабинете заместителя начальника ОГПУ?

Когда ждёшь, время останавливается. А тот, что был в кабинете, всё никак не покидал его, будто свататься приехал. В это время юноша с совыими глазами с каким-то докумен-

том в руках вошёл в кабинет начальника, и дверь осталась немного приоткрытой. Стали слышны доносящиеся оттуда голоса. Знакомый голос. Нурджума превратился в сплошной слух, тем более, что и сидел он ближе всех к двери кабинета.

– Конечно, бдительность и ещё раз бдительность! – это был зычный голос Амана оруса. Он как раз прощался со своим собеседником.

– Будем бдительны, товарищ Аман! Уверяю вас, товарищ Аман, буду доносить обо всём, что творится на селе!

Этот грубый и глуховатый голос, словно говоривший вплотную придвинулся к своему визави, принадлежал Хардату кепретчили.

Увидев Хардата, выскочившего из кабинета Аманова и без оглядки прошедшего мимо, Нурджума ощутил горячую волну по всему телу. Вообще-то он и раньше подозревал, что Хардат поддерживает с Аманом связь. Но по простоте душевной до сих пор ему и в голову не приходило, что тот был доносчиком и осведомителем. Но вот именно в эту минуту ему вдруг вспомнилось, как Хардат на собраниях заявлял: «Если что, можно посоветоваться с товарищем Аманом».

Заручившись поддержкой Амана и получив от него новые указания, окрылённый Хардат, не обращая внимания на сидящих, легкой походкой вышел из здания ОГПУ. После этого, поняв, что ему не стоит идти к Аману, что толку от его визита не будет никакого, Нурджума бросил ждущим своей очереди людям: «Я скоро вернусь!» – и быстро покинул по-

мещение, словно у него появились неотложные дела.

Ему стало ясно, что птичка, которую он намеревался поймать, уже давным-давно поймана, ощипана и готова для жарки в котле при помощи таких пособников ОГПУ как Хардат.

* * *

В Союнали продолжалась непонятная, беспокойная жизнь. Дни тянулись один другого тоскливее, они были похожи на осенний ветер, который пригонял то пыль и грязь, то гнал чёрные тучи, заставляя людей с тоской смотреть на небо, и казалось, что уже ничего хорошего не стоит даже ждать.

Через два-три дня после ночного разговора с Нурджумой несколько человек из рода бяшбелаларов собрались в доме Кымыш-дузчы, чтобы решить, как им быть дальше. Семья только что поужинала, уже убрали сачак, и сыновья Кымыш-дузчы были заняты традиционным после вечерней трапезы чаепитием, тихо о чём-то переговаривались, готовясь расходиться по домам. Невестки, уже поужинавшие прихватив с собой детей, разошлись по своим кибиткам.

В помещении стоял запах дыма от очага, не прогоревшего полусухого тамариска.

Когда начали собираться в доме близкие родственники, бабушка Джемал отправила старшую внучку Аклжагуль во двор за казаном, чтобы подогреть оставшуюся еду и подать

гостям, и поставила холодный котёл на очаг.

Когда дрова в очаге разгорелись, пламя костра, смешавшись с тусклым светом масляной лампы, стоящей на перевернутой старой деревянной миске, осветило комнату ярким светом. Стали отчётливо видны озабоченные лица сидящих мужчин.

Не обращая внимания на слова одного из деверей, сказавшего «Гелнедже (обращение к жене старшего брата), не стоит беспокоиться, мы уже поужинали», заботливая бабушка Джемал сказала им: «Поедите столько, сколько сможете» и подогретую еду вместе с лепёшкой поставила перед мужчинами.

Собравшиеся какое-то время тихо беседовали и понемногу ели. Говорили в основном о ходе сева хлопчатника, о том, что для подкормки колхозные земли удобрили навозом, золой. Словом, под руководством Ягды и Нурджумы всё делали хорошо и вовремя провели сев.

Кымышу-дузчы не хотелось верить в плохое, он надеялся, что постепенно всё встанет на свои места. Однако и он чувствовал, как чёрная тень большевистских стервятников уже летит на крышу его дома тоже. Теперь по селу с некоторых пор гуляли невесть откуда взявшиеся неприятные слухи. Поговаривали о том, что «Правительство собирается прибрать к рукам земли единоличников Гуллы эмина, Джуманазара бая, Тайыр бая, забрать у них землю и воду и передать колхозу». Зачастую среди имён этих людей появлялось и имя Кы-

мышья-дузчы. Больше всего этими слухами в основном занимались женщины. Стоило встретиться двум женщинам где-нибудь, как они часто между собой заводили разговор о наиболее болезненном. Причём, многие переживали за эти семьи, которые не пришли ко двору новой власти, и конечно были по-другому думающие если с нами что случится, остальные заживут лучше.

Иногда, приходя к арыку за водой, женщины отставляли в сторону свою посуду и, бросая взгляд в сторону дома Кымышья-дузчы, разговорились друг с другом: «Ну, что, слышала?» Рассевшись на земле, они иногда забывали, зачем сюда пришли, и горячо обсуждали то, что ждёт всех впереди. Некоторые из них так увлекались сплетнями, что порой домашние начинали волноваться, уж не унесла ли их вода, и посылали за ними. Да и другие женщины вдруг спохватывались, что слишком долго заняты сплетнями, восклицали: «Ой, девчонки, что-то мы заговорились! Надо собираться, пока наши мужья, как Нумат гарын, с плётками в руках не погнали нас отсюда!» Упомянув Нумата гарына, с плёткой в руках постоянно рыскавшего по селу в поисках своей гулящей жены и при этом ругавшегося, они быстро отправлялись по домам. В один из таких дней, находясь на поминках, Огулджума заметила, как две женщины, низко надвинув на глаза свои поминальные пуренджеки и забыв о том, где находятся, о чём-то тихо перешептывались, взглядом показывали друг другу на неё. Одна из женщин была краснолицей, у

второй было худое лицо с крупным носом, не совсем знакомое, скорее всего, она в этом селе оказалась случайно. Огулджума несмотря на то, что не слышала их шёпот, но поняла, они тоже говорят о том же. Об нависшей угрозе, беды на их дом.

Среди тех, кто сейчас собрался в доме Кымыша-дузчы, чужих не было, это были сыновья его братьев, ушедших в мир иной раньше него. И все они сейчас жили по соседству со стариком.

Всем было ясно, что опасность, как слепополуденная тень, то уменьшаясь, то увеличиваясь, подходит всё ближе, нависла над ними, и от неё уже никак не спрятаться, значит, надо что-то предпринимать. Близкие собрались в доме дяди, чтобы сообща решить эту проблему, выслушать старика и поступить так, как он посоветует.

Нет, конечно, сложившаяся обстановка ни для кого не была новостью, чем-то неожиданным. Советская власть, взяв в свои руки бразды правления, измывалась над народом, держала его в своём кулаке. Всем было ясно, что своего она добьётся любой ценой. Зная повадки тех, кто сильнее, народ хорошо понимал это. А то, что со временем все станут равны, советская власть говорила в самом начале своего прихода.

Ахмет забун и Баллы, скрестив ноги, сидели напротив Кымыша-дузчы. На лицах читалось беспокойство. Временами Ахмет, слушавший других, вдруг начинал хмуриться, словно что-то вонзалось ему в бок, брови сходились на пе-

реносице, и было видно, что, хотя он слушал говоривших, мысли его были совсем в другом месте.

Оразгелди, считавшийся крепче и старше других, сидел всё на том же месте – около отца, прислонившись к стоявшему за спиной сундуку со сложенными на нём спальными принадлежностями. Он молча обдумав разглядывал собравшихся в их доме двоюродных братьев. Все были погружены одними и теми же мыслями. Все тянули время, никак не могли перейти к основному разговору, ради которого собрались в этом доме. Младший сын Кымыша-дузчы Оразгылыч вместе со своими ровесниками Махы и Магсудом, Ховелом и Сахетдурды молча сидел немного в сторонке.

От очага Джемал мама передала собравшимся чайник с заваренным чаем и пиалы. После того, как Джемал мама со словами «Идите, поиграйте со своими братишками» выпроводила и своих помощниц Акджагуль, Огулбике. В комнате остались только взрослые.

Кымыш-дузчы был благодарен племянникам, которые пришли к нему за советом, несмотря на то, что советской власти не нравилось, что эти ребята общаются с теми, кого эта власть преследует. Помнили эти парни добро, ведь было время, когда Кымышу приходилось делить с ними свой кусок хлеба, подкармливать их. Он мысленно думал: «И в самом деле, получилось по поговорке: в сытости чужой, в трудную минуту – родной». Племянники ждали, что сейчас либо сам Кымыш, либо его старший сын Оразгелди произнесут:

«Ребята, не откладывая на завтра, мы намерены перебраться в Пырар, вы же поможете перетащить вещи через реку». Эти слова конечно должны были быть произнесены кем-то из хозяев дома. Оставаться здесь и дальше было попросту опасно. Это было равносильно тому, чтобы добровольно положить голову на плаху. Однако сидящие в доме вели себя так, словно им ничего не было известно о гуляющих по селу тревожных слухах, а если и было известно, они не придавали им значения, будто их это не касалось, уж слишком спокойными они казались.

После последних длившихся несколько дней затяжных дождей земля никак не просыхала, да и семян не хватало, поэтому отдельные единоличные хозяйства припозднились с севом хлопчатника. И это немного беспокоило земледельцев. Как правило, поздние посевы требовали много ухода, за ними надо было смотреть, как за больным ребёнком. Но если до двадцать второго июня, до того, когда солнце даст обратный ход, удастся хотя бы один раз полить посевы, дело пойдёт на лад. После этого как по заказу ползут вверх зелёные росточки с лепестками в виде мышинных ушек. Остальное будет зависеть от твоего старания. Если вовремя поливать и вносить удобрения, не дать почве пересохнуть и превратиться в комки, вовремя обрабатывать междурядья, да от сорняков очищать, и не заметишь, как твои посевы быстро догонят те, которые были высажены раньше.

Собравшиеся говорили о чём угодно и никак не могли

приступить к главному разговору, ради чего и собрались здесь.

Когда же худощавый Махы, пальцами ковыряя узоры кошмы, рассказал, как Оррам кел, недавно назначенный заведующим колхозной фермой крупного рогатого скота близкий родственник председателя сельсовета, высказывался о семье Кымыше дузчы, настроение людей заметно ухудшилось. Было видно, что они забеспокоились. Казалось, вот сейчас разговор повернёт в нужное русло.

Изображая Оррама, он повторил его слова в той же издевательской интонации:

– Оказывается, этот старичок Кымыш-дузчы в одиночестве ест сырые сливки и наслаждается жизнью. Ну да, человек знает себе цену, о здоровье своём печётся. А его сыновья якобы угощают тех, кто заходит к ним, изображают из себя хлебосольных, чтобы все вокруг знали об этом. «Люблю я сырые сливки со свежеиспечёной лепешкой», – говорят они. Можно подумать, как будто другим это не нравится, когда найдут. Вот ведь бесстыжие, знают, что говорить!»

Чувствовалось, что этот издевательский полушутливый рассказ на всех подействовал по-разному. Ахмет вспыхнул, вскочил с места, воскликнул: «Вот свинья!» Баллы внимательно смотрел на Оразгелди, ожидая его реакции. Сахетдурды, раздувая ноздри, хотел что-то сказать, но передумал, схватился за щёку, будто у него заболел зуб, и тоскливо молчал. Сидевшая у очага Джемал мама, близко к сердцу прини-

мающая все разговоры о своей семье, не выдержала, вспыхнула, будто кто-то поднёс к её фитилю огонь. Кочергой вороша угли в очаге, она, даже зная, что женщине не стоит вмешиваться в разговоры мужчин, всё же не удержалась, заговорила возмущённо:

– Что, этим советам кроме моих сыновей не за кого больше взяться? Среди тех, кто стрелял в большевиков, родственников Кымыша не было, и среди басмачей их нет. Всю жизнь копаются в земле, трудятся, как проклятые. Можно подумать, сыновья Кымыша как будто жён башлыков соблазнили...

Потом сама же ответила на сказанные в сердцах собственные слова:

– На что моим сыновьям ваши безмозглые жёны, страшилки, у них вон какие свои красавицы жёны...

Вспышка Джемал мама вызвала на смущённых лицах, сидящих тёплые улыбки.

Все сидящие в доме считали Джемал маму матерью всех баяшбелаларов, а значит, и их матерью, относились к ней с огромной любовью и уважением. С того дня, как Кымыш ага взял на себя ответственность за всех баяшбелаларов, она была его верной помощницей. И с тех пор эти двое подставляли плечо тем, кто нуждался в помощи, искали и находили заблудших и возвращали в свой стан, давали им кров и еду, помогали завести семью. Вот и те, кто сейчас находился в доме, были вскормлены у миски с молоком Джемал мама,

те, кого она вывела в люди наравне со своими детьми. И до сих пор дети из бедных семей баяшбелаларов поутру, кто самостоятельно, а кто и с младшим братом-сестрой на горбу, стекались к дому Джемал мама, где для них с вечера была заготовлена еда: в миску с молоком подсохшая лепешка, а рядом миска со сливками. Вдоволь наевшись, дети расходились по домам, всю дорогу вспоминая вкусное угощение бабушки Джемал. Все эти годы, с любовью обслуживая баяшбелаларов, Джемал мама потихоньку старела. Мать гордилась тем, что почтение, с которым относились к её состарившемуся мужу, постепенно переходит к их старшему сыну Оразгелди, а женские заботы взяла на себя его жена.

Когда к её мужу и сыну приходили за советом, она никогда не уходила в сторону, не говорила, что женщине нечего делать среди мужиков. Сидела у очага, подавала мужчинам еду и чай, внимательно прислушиваясь к их разговорам.

Кымыш-дузчы, после этого недовольный тем, что его жена вмешивается в разговор мужчин, покосился в её сторону, взглядом давая понять, что негоже ей так вести себя. А затем, предупреждая новый всплеск её эмоций, воскликнул требовательно: «Женщина!», указывая ей на её место.

Обычно Джемал мама сдержанна, завести её не так-то просто, но в этот раз она не сдержалась, вспыхнула. А вообще она никогда не оставляла без ответа разговоры, наводящие тень на плетень её дома. Однако сегодня она не могла промолчать, слишком несправедливыми показались ей при-

ведённые слова, поэтому тот, кто произнёс их, становился похожим на вышедшего на охоту волка, а Джемал мама превращалась в быка, рогами вперёд пошедшего на врага, чтобы защитить своего телёнка. Поскольку такой характер был присущ многим женщинам, вспышка Джемал мама мало кого удивила.

– Да он же по происхождению из рабов, откуда ему знать такие вещи? – Баллы как ни в чём не бывало продолжил перебитый разговор.

– Кишка тонка, – одобрил его слова Махы, ладонью оттирая выступивший пот со лба. Ахмет забун тоже хотел что-то сказать, но, подняв голову, заметил на лице Оразгелди улыбку, когда речь зашла об Оррам куле.

– Оразгелди акга, отчего ты улыбаешься?

– А что же ещё нам остается, кроме улыбки, когда видишь, как быстро меняются люди.

– Что, нам и в самом деле ничего другого не остаётся? – подвергая сомнению слова Оразгелди, наконец, произнёс Ахмет, про себя же подумал: «Всё же должен быть какой-то иной выход из создавшегося этого положения».

Когда шёл сюда, Ахмет знал, что над этим домом сгущаются тучи, считал виновными в этом Ягды-кемсита и Хардата, про которого в народе с удивлением говорили, что он плотно дружит с Аманом орусом, что даже первые созревшие дыни на своей грядке относит не своим детям, а детям Амана оруса чтобы угодить ему. Ахмет люто ненавидел обо-

их, поэтому сейчас шёл сюда с намерением посоветоваться, как поступить с этими людьми. И хотя многие бьяшбелалары не показывали виду, что новая власть давит на них, тем не менее, были обижены на неё. Вообще-то, если бы кто-то из них вышел вперёд и сказал: «Пошли, ребята, покажем им, на что способны!» и взялся руководить остальными, они были непрочь расправиться с представителями власти на местах, уж слишком те стали зарываться. Но для того, чтобы выйти на тропу войны, одного желания недостаточно. Здесь непременно нужен был совет и напутствие Кымыш-дузчы, который был старше всех, много увидевший и знающий.

– А вы будьте умнее, парни, – заговорил Кымыш-дузчы тоном советника. – Люди разные бывают, среди них есть и порядочные, но есть и плохие, есть и трусы, есть и смельчаки. Пусть, кто хочет, смеётся, видно, хватает и завистников, которые не могут вынести чужого благополучия. Пока вас персонально не трогают, живите спокойно. Бог ведь всё видит, не зря туркмены говорят: «Подбрось яблоко в небо, пока оно падает вниз, всё может измениться». Вы же видите, как волею судьбы те, кто ещё вчера был нищ и голоден, был никем, сегодня оказались во власти, другими людьми руководят. Когда Аллах хочет кому-то помочь, он всегда найдёт путь. Без воли Всевышнего на Земле ничего не происходит. И нам эту судьбу не кто-то вручил, это Господь ниспослал её. Может, оно и к лучшему. Он сам хорошо знает, что делать. Говорят, Аллах удивляется: «Почему раб Божий, когда я ему

даю, хватает меня за ноги? Я ведь поддерживаю его!» Это же обменная ложка, сегодня она в твоих руках, а завтра может оказаться в руках совсем другого человека. Сейчас эта ложка в других руках, и пока не наступит ваша очередь, лучше всего не высовываться, напротив, поддакивать им, лишь бы не трогали.

– Ай, вряд ли к нам хоть когда-нибудь вернётся наша прежняя жизнь, – горестно заявил Оразгылыч, и в голосе его прозвучали обида и безнадёжность. Перед тем, как заговорить, он долго откашливался, прочищал горло. После его слов наступила тишина, лица у всех были задумчивы, было понятно, что они согласны с этим утверждением. Ахмет немного подвинулся вперёд, и когда разговор снова зашёл о тех, кто сейчас у власти, он так и не понял увещающей речи старшего родственника, призывавшего к терпеливому ожиданию невесть чего. Он был убеждён, что сейчас самое время кое-кого поставить на место, дать по мозгам.

– Кымыш акга, мне кажется, что это Хардат наговаривает на вашу семью, потом, есть ещё пара-тройка приспешников кемсита, которым можно было бы как-нибудь ночью свернуть шеи. Иначе они и дальше, прикрываясь новой властью, будут бесчинствовать.

Слова Ахмета остались без ответа, повисли в воздухе, и лишь спустя какое-то время снова заговорил Кымыш:

– Не стоит этого делать, Ахмет!

– Но ведь тогда они не успокоятся!

– Даже если и так, то, что предлагаешь ты, не выход.

– Ну, тогда сами укажите нам путь! – вступил в разговор и Баллы, давая понять, что является единомышленником Ахмета-забуна.

Кымыш-дузчы видел, как волнуются его родственники, тем не менее, оставил без ответа их мнение, хотя в душе и был с ними согласен. И когда Оразгелди, до сих пор сидевший молча, погружившись в свои мысли, заговорил, всё внимание собравшихся переключилось на него. Он сидел ближе всех к лампе, поэтому его лицо казалось спрятанным за дымкой тумана.

Человеческий разум сродни куриному zobу, в который птица складывает что ни попадя – камешки, кусочки мела, зернышки, забытые девчушками на песке бусинки, оторванные пуговицы, – чего только в нём нет...

Содержать народ в тюрьмах и подвергать пыткам, целыми семьями вместе с детьми ссылая в неведомые дали... года два три до тридцатых годов вроде бы всё это поутихло, но теперь началось ещё с новой силой. Причём, как казалось, теперь все эти гонения приобрели зловещий характер. И было непонятно, когда этой бойне придёт конец.

Когда Оразгелди рассказал об этом, объясняя действия Хардата, его слова произвели на собравшихся примерно одинаковое впечатление. Но Ахмет на этом не успокоился, он снова придвинулся вперёд и заговорил первым:

Оразгелди акга, мы задевали только тех, кто задевал нас,

мы отомстили им.

Он произнёс эти слова, убеждённый в своей правоте. На лицо Сахетдурды набежала тень:

– Мы сделали только то, что должны были сделать.

Кымыша-дузчы порадовало согласие его племянников с его сыновьями, то, что они ощущают кровное родство.

Но сейчас, когда правят народом большевики, использовать эту силу, это единение не было никакой возможности. В противном случае, это было бы похоже на то, будто ты сам себя поджигаешь. И потом, Кымыш-дузчы видел, как в последние годы редеют ряды людей, умеющих отвечать за свои слова, некоторые же, словно давно готовились к этому, немедленно приспособились к новой обстановке. И хотя кое-кто на словах оставался прежним и изображал близость, чувствовалось, что и от них не стоит ждать никакой поддержки.

Недоверие, возникшее между людьми с приходом большевиков, разрасталось, словно сорная трава. Гонения, которым в эти дни подвергались люди, невольно порождали грустные мысли: «Неужели руководители из Кремля ложатся вечером спать с мыслью: чтобы ещё такое устроить людям завтра, какой вред им причинить?».

Время стремительно несло к отметке, запечатлённой в истории под названием тридцать седьмые, – годам, отмеченным наивысшим террором и репрессиями. Считанные годы оставались до этого страшного времени. В селе многих богачей раздели до нитки, отняв у них скот, землю и воду, но и

этого им казалось мало, надо было под каким-то предлогом до конца истребить народ. Собственно, советские должностные лица не очень-то и искали свои жертвы, они не хватали таких людей за шиворот, зато при каждом удобном случае не упускали возможности назвать их представителями класса угнетателей и запутавшимися в сетях религии. И то, что единоличные крестьянские хозяйства сами себя обихаживали, лучше колхозников умели возделывать землю, использовать воду, большевики считали для себя унижением.

И хотя они никому не лезли в глаза, не выпячивали свои способности, семья Кымыш-дузчы числилась среди тех, кто был не по нраву новой власти. И хотя было непонятно, что ещё нужно новой власти от состоятельных людей, Кымыш-дузчы старался донести до земляков то хорошее, что принесли советы, если только сам верил в это. К тому же он был человеком, которого уважали и слушались люди, у него по любому вопросу было своё мнение. Не задумываясь над тем, что кому-то могут не понравиться его слова, он прямо говорил обо всём, что нравилось ему самому. Например, Кымышу-дузчы нравилось, что новая власть привела в село образованного человека, чтобы тот обучал грамоте ребятишек. Нравилось Кымышу и то, что новая власть поставила небольшой домик, побелила его, а внутрь усадила доктора в белом халате по имени Марь Иван, которая будет лечить жителей села от всех болезней – глаза, лысых, слепых, хро-мых, кривых.

А если кто-то кривил рот, видя во всём этом проделки беса, он говорил: «Эй, люди, если кто-то делает хорошее, не стоит его бить по рукам, радуйтесь, если избавят вас хотя бы от одной болезни. И уж если на то пошло, сельский знахарь Нобат-табип при всём своем желании не в состоянии обслужить всех, и потом, узнав о его чудесах, люди приезжают и из соседних сёл. Это ведь путь благоденствия, значит, путь Бога. Поэтому надо называть бесами не тех, кто творит добро, совершает благие дела, а тех, кто мешает им, встаёт на их пути». Он с удовольствием вставал на защиту добрых дел советов и старался приобщить к этому и своих односельчан.

Народу помнится и его разговор с Парлан баем, случившийся среди людей, собравшихся посмотреть на то, как вспахивает землю появившийся в селе первый трактор. Народ считал Парлан бая одним из тех, к чьему мнению прислушиваются, чьи предсказания чаще всего сбываются. В этом мнении утвердили людей и его действия, предпринятые после того, как на село пришла и укрепились советская власть. Несмотря на то, что Ягды-кемсит сдал ОГПУ двух его младших братьев как представителей класса угнетателей, Парлан бай после этих поисков крыши для своей семьи женил своего старшего сына на его сестре и тем самым породнился с ним. Когда же кто-то из близких стариков упрекал его, говоря: «Вместо того, чтобы мстить, ты породнился с этими людьми», он отвечал: «А я решил, что лучше быть внутри врага, чем снаружи», объяснив, что тем самым постарался

оградить себя и своих детей от преследований. И он не ошибся, с тех пор никто не смел даже близко подойти к его семье. Напротив, когда вставал вопрос о сроках начала сева и стрижки овец, Ягды-кемсит советовал людям:

– Идите, спросите у такого опытного человека, как Парлан ага! – отдавая ему почести как стороне сватов.

... В тот день, прослышав о том, что появившийся трактор вспахивает землю на краю села, толпа людей собралась там, чтобы своими глазами посмотреть на это невиданное чудо. Вернее, трактор-то они уже видели, но то, как он взрыхляет землю, для них было невидалью, чем-то нереальным.

Восточный ветер доносил плеск волн Мургаба, влагу, пропитанную запахами свежевспаханной земли. Собравшиеся отовсюду люди, толпясь у края поля, удивлённо следили за работой трактора. Кто-то восхищался тем, как трактор, волоча за собой соху, самостоятельно выполнял работу, которую должны были делать сто человек с лопатами. Управлял этой машиной полноватый, краснолицый, с седыми волосами русский человек по фамилии Волков, пригнавший трактор из города, а рядом с ним в кабине сидел взятый в ученики сельский юноша Ораз, сын Агаджана мурта.

Накинув поверх старенького домотканого дона⁹ из верблюжьей шерсти, Кымыш-дузчы тоже находился среди односельчан, пришедших посмотреть на работу трактора. Взяв в руки горсть мягкой земли из пашни, пальцами растёр её

на ладони, думая о том, насколько машина облегчает ручной труд, и это радовало его. Парлан бай, стоявший в сторонке в окружении трёх-четырёх человек, желая узнать мнение Кымыша, обратился к нему:

– Дузчы ага, если этот тяжелый трактор будет так потопчит нашу землю, не получится ли так, что она потом ни на что не будет пригодна?

– Чем это он портит землю? – вопросом на вопрос ответил Кымыш, не совсем понимая, куда клонит его собеседник.

– Но ведь это же тяжелая железная махина, если она будет кружить по полю и продавливать почву, разве не затвердеет после этого земля? А ведь у нас пушистые земли, мы их лишний раз лопатой трогать боимся.

– Бай, конь зарабатывает почести ногами. Видишь же, и этот ноги переставляет ничуть не хуже.

– Что ни говори, яшули, но железного коня трудно сравнивать с живым конём... И потом, я говорю о том, что он не годится для обработки полей, напротив, он делает землю жёсткой.

– Ты, может, и имеешь своё мнение, но ведь и русские знают, что делать. Человек, который смастерил железного коня и вдохнул в него жизнь, наверняка знал, на что он должен согнуться. И уж во всяком случае, он знает это лучше нас с тобой.

Хотя Кымышу-дузчы казалось, что он говорил убедительно, после стало понятно, что он всё же задел своими убеж-

дениями самолюбие Парлан бая, когда сказал, что человек, построивший эту машину, знает не хуже нас. Не найдя согласия, Парлан бай, повысив голос, словно оправдываясь перед собравшимися, сказал:

– Знаешь что, яшули, я даже могу поспорить, что этот трактор, вспахав землю, ничего хорошего не добьётся.

– Парлан бай, ты, может, и будешь спорить, но не с нами. Скажи, есть хоть один человек, на спор играя в камешки – дюзюм, обыграл наших гапланцов? А если думаешь, что можешь выиграть, то ошибаешься. Знаешь ведь, наши ещё те спорщики! Тебе известно, что время от времени в нашем кругу появляются спорщики и из другой местности тоже, чтобы переспорить нас, но ещё ни разу им не удалось переспорить наших гапланов. Скажи, где ещё ты такое видел?

Видя, как еще сильнее распаляется его собеседник, Кымыш-дузчы, желая успокоить того, произнёс свои слова с небольшой долей иронии. Однако, вышло наоборот, его визави распалился не на шутку, слова Кымыш-дузчы подлили масла в его огонь. Он рассердившись, сказал сгоряча:

– Если от этого трактора будет хоть какая-то польза, я нахлобучу на себя борук¹⁰ жены и пройду по селу! – в сердцах бросил тот.

Собравшиеся восприняли его слова как неуместную шутку, заулыбались.

Видя, как трудится трактор, Кымышу-дузчы хотелось от-

---

¹⁰ Борук – головной убор женщин.

ветить Парлан баю: «В таком случае, люди очень скоро увидят, как ты в боруке жены ходишь по селу», но не стал говорить этого, поступил по-стариковски мудро, не произнёс озорные слова, которые чуть было не сорвались с языка. Ограничился многозначительной улыбкой.

Этот диалог с Парлан баем в народе восприняли так, будто всё было сказано намеренно, с определённой целью, а именно, одобрять всё, что делается советской властью, поддерживать её действия.

Когда на дворе, между двумя домами, появился какой-то шум, словно кто-то с кем-то ссорится, находившиеся в доме люди переглянулись, словно спрашивая: «Что бы это значило?». Вдруг дверь резко распахнулась, и на пороге появились внуки Кымыш-дузчы Аганазар и Алланазар, соревнуясь, кто из них первым добежит до деда. Вбежав в дом, каждый из них сообщил о своём первенстве: «Я первый, да – я первый!»

Эти два внука были гордостью Кымыш-дузчы, его бесконечной радостью. И сами мальчишки считали, что имеют больше, чем другие внуки, прав на любовь деда и бабки.

Где бы ни был Кымыш-дузчы, он с благодарностью Всевышнему любовно произносил имена своих внуков. Всегда просил для них здоровья, благополучия, доброго имени. И тогда перед его мысленным взором возникали эти два мальчика, как два юных жеребца, скакавших по земле. Разница в возрасте у них составляла всего один месяц, поэтому семья

одевала их одинаково – белые рубахи, чёрные штанишки, на головах тубетейки с талисманом на макушке. Давая внукам имена, старик постарался, чтобы они были созвучными, поэтому назвал мальчиков Алланазаром и Аганазаром. И вот уже года три-четыре они жили не со своими родителями, а с дедом и бабушкой, им было приятно жить рядом с ними в одном доме. А когда мальчишки толкались у входа, стараясь первыми зайти в дом, на лицах домашних появлялись счастливые улыбки.

И лишь Оразгылыч, которому не нравилось поведение мальчиков, нахмутив брови, обернулся, чтобы урезонить детей:

– Что это за шум, разве нельзя вести себя потише?

Видя, что сын недоволен поведением мальчиков и хочет остановить их, чтобы они пропустили взрослых, Кымыш-дузчы махнул в его сторону рукой, давая понять, что не стоит этого делать:

– Не трогай их, они к своему деду пришли!

А те, не обращая внимания на замечание Оразгылыча, уже пробежали мимо него, подскочили к деду и сразу же заняли места по обе стороны старика.

– Сидите тихо! – сказал и Оразгелди, не желая, чтобы дети слушали разговоры взрослых. Всем своим видом он выражал недовольство, словно хотел сказать: «Идите туда, откуда пришли!». Обиженно посмотрев на Оразгелди, мальчишки крепче прижались к деду. Ласково посмотрев на внуков,

Кымыш-дузчы обнял их с двух сторон. Этим жестом он как бы говорил: «Сидите спокойно, я никому не дам вас в обиду». Тем временем Аганазар обратился к деду: «Деда, давайте спать, пусть эти дяди тоже идут домой. Акджагуль и Огулбике уже давно спят в том доме». И в самом деле, время было позднее. Да и сельские ишаки, издающие свои трубные звуки рано утром и поздно вечером, выпустив пар, уже давно умолкли. Со двора не доносился и лай собак, которые обычно присоединялись к рёву ишаков и устраивали какофонию звуков. Мир погрузился в тишину, словно кто-то намеренно увёл подальше всех орущих и лающих животных.

Давно уже наступило время сна, но Кымыш-дузчы всё еще не мог сказать своим пришедшим к нему за советом племянникам ничего путного. Всё его поведение говорило о том, что он не похож на человека, готового в любую минуту подняться, чтобы отправиться в Афганистан. И потом, разве человек, собравшийся переезжать, не позаботится о том, чтобы ничего из имущества не было забыто? Кымыш-дузчы был спокоен, похоже, он совершенно не чувствовал угроз со стороны новой власти, мало того, верил, что она не причинит его семье никакого зла.

После этого гости, переглядываясь друг с другом и испросив у Кымыша-дузчы разрешения, собрались уходить.

В качестве ответа на незаданные вопросы племянников Кымыш-дузчы на прощание сказал: «Бог есть. Он поможет, не даст нас в обиду, Он хорошо знает, что надо делать», дав

понять им, что полагается на Бога, и благодарно, тепло распрощался со своими гостями.

Оразгелди с Оразгылычем вышли во двор, чтобы проводить ночных гостей и разойтись по своим домам. Как бы ни старались Кымышы в присутствии родственников казаться спокойными, они давно уже чувствовали, что беда может подкрасться к ним в любую минуту. Вместе с тем они хорошо знали, что, чему бывать, того не миновать. Тем не менее, верили, что выход найдётся прежде, чем случится беда, поэтому не спешили совершать какие-то действия.

Оразгелди и Оразгылыч хорошо знали, если в их дом придёт беда, именно она ляжет на их плечи. В основном они, два брата, должны будут противостоять ей, чтобы защитить стариков и детей. Где-то в сознании подспудно сидела мысль о том, что схватка эта будет непростой, уж слишком силы были неравными.

И уж если на то пошло, ещё был жив Кымыш-дузчы, опора дома, как вожак, который уже не в состоянии вести за собой отару, он всё же напоминал о своём существовании в этой отаре. Да и народ до сих пор не забыл, что они являются потомками Мухамметгылыч сердара, и это тоже прибавляло им авторитета, уважения.

На открытом воздухе ночная прохлада ощущалась особенно остро. А тьма, спустив сверху своё плотное чёрное покрывало, накрыла всё вокруг. И теперь все предметы имели одинаковые очертания и были похожи на эту ночь. Дома, ки-

битки, виднеющиеся вддали холмы – все они сейчас казались миражами, заготовленными на зиму стогами сена. Растущие вокруг деревья превратились в густой дым, вырывающийся из тамдыра. Вдали шумели воды Мургаба, с наступлением ночи эти звуки стали сильнее, и от этого казалось, что река изменила своё течение и совсем близко подошла к селу.

Оразгылычу хотелось наедине со старшим братом поговорить о том, что волнует всех, обсудить с ним некоторые вопросы и что-то уточнить. Он считал своего старшего брата человеком более опытным, многое знающим.

На улице, они еще немного продолжили о повседневных заботах.

Разговор начал не Оразгылыч, как он того хотел, а Оразгелди, просовывая руки в рукава накинутаго на плечи дона.

– Оразгылыч, ты проверил всходы хлопчатника? Есть там какие-то упущения?

– Да, я был там, всё хорошо, всходы поднялись равномерно.

– Наш хлопчатник немного позже колхозного взошёл... У них-то проблем с семенами не было, поэтому сев они провели раньше нас. А у нас, единоличников, все семена отобрали, поэтому перед началом посевной у нас их не было.

– Наша земля и навозом хорошо удобрена. Ведь осенью, перед тем как отправиться на газы¹¹, ты натаскал навоза вдоволь. Смешавшись со вспаханной землей, удобрение и зим-

нюю стужу спокойно перенесло...

– Нам бы до того, как на стрижку овец уйти, хотя бы первый полив провести. Успеем...

– Пусть земля немного подсохнет, иначе вода останется на поверхности, не впитается в почву.

– Если мы дадим всходам достаточно воды и удобрений, наш хлопчатник догонит колхозные всходы.

– Тогда, может, нам открыть яму с навозом позади коровника, которую мы в позапрошлом году закрыли, там, наверно, уже перегной образовался.

– И об этом я помню. Думаю, он уже готов, если мы смешаем его с водой и этим раствором зальём поля, наши всходы быстро пойдут в рост. Но не в этот раз, первый полив проведём сейчас, а когда вернёмся со стрижки, дадим растениям еще удобренную воду.

Представив, как зеленеют всходы хлопчатника на их собственном наделе земли, братья разошлись по своим домам.

* * *

Как в степи одни за другими поочерёдно раскрываются цветы, так и у земледельцев поочерёдно наступают заботы. То ли оттого, что было просторно, то ли потому, что они были ближе к солнечным лучам, первыми по весне распускались цветы на холмах, покрывая их светло-голубым ковром. Когда же они начинали разбрасывать вокруг себя полусухие

листья, это значило, что их очередь прошла, и они говорят другим цветам: «Всё, настала ваша пора!». После этого голубенькие цветочки, будто превратившись в красные цветки с тонкими лепестками, все сразу спускаются с холмов в сторону села. И тогда обочины дорог, склоны холмов, края арыков и оврага становятся красными от маков. Создаётся впечатление, что всё село Союнали, расстелив ковры и паласы, замерло в ожидании дорогого гостя.

Придёт время, и они – маки передадут время цветения сельским деревьям. И тогда каждое из бесчисленных деревьев, покрытых шапкой белых цветов, будет напоминать величавые белые кибитки, приготовленные для встречи невесты. И вот уже перед вами красавец Союнали, наполненный дурманящими запахами белых цветов!

Придёт срок, и они отцветут, а на месте цветков появится завязь будущих плодов, а очередь цветения перейдёт к огурцам, дыням, арбузам, тыкве – плодам, требующим изобильной воды.

Наступило время весенней стрижки овец, значит, надо отправляться на летнее пастбище. У каждого из сыновей Кымышы-дузчы в отаре было по шестьдесят-семьдесят голов мелкого рогатого скота. Овцы были ещё одним из источников дохода семьи после земледелия. Оразгелди и Оразгылыч ежегодно в это время отправлялись на стрижку овец, а оттуда возвращались нагруженные большими мешками – чувалями с шерстью, и были похожи на купцов, провернувшись

удачную сделку.

А затем все связанные с шерстью работы переходили к женской половине семьи и растягивались на много месяцев. Шерсть мыли и взбивали, после чего пряли. Из пряжи вязали носки и варежки, готовили необходимые кушаки и скручивали толстые верёвки – танапы. Закатав рукава платьев, все женщины вместе раскладывали шерсть на камышовой подкладке, сверху из крашеной в разные цвета шерсти раскладывали узоры в виде цветочков и орнаментов. А потом скачивали в рулоне временами обливали кипятком и катали до тех пор, пока не получались кошмы, подстилки, серпики – занавесы из кошмы для верхней открывающейся части кибитки, басырыки – попоны, узуки, используемые также для покрытия верхней части кибитки.

Проснувшись рано утром, Оразгелди вспомнил, что им с братом сегодня предстоит отправиться в путь. Он натянул на себя дон и папаху, решив пойти и ещё раз накормить животных перед дорогой. Сытый ишак легко одолевает любое расстояние, у него хорошее настроение, поэтому он почувствует себя конём.

Начало светать, и звёзды, ярко светившие всю ночь, начали потихоньку тускнеть, уступая небесную ширь дневному свету. Во дворе у очага уже хлопотала Джемал мама, желая накормить сыновей молоком со сливками перед тем, как они отправятся в дальнюю дорогу. Она уже поставила на огонь котёл с молоком, которое только что, спешно подоив коро-

ву, принесла старшая невестка Огулджума. Кымыша-дузчы, обычно встававшего раньше всех, не было видно, но увидев в кормушках скота траву, Оразгелди понял, что отец уже выходил из дома. А сейчас, совершив омовение, пошёл в дом, чтобы прочитать намаз. Оразгылыч тоже уже проснулся, из дома доносилось его бормотанье:

– Ты уже собрала меня в дорогу?!

– Вон, я на всякий случай положила ещё одну смену одежды. А еду мать сложила в хурджун.

– А куда ты дела мой старый просторный дон, который я надеваю во время стрижки овец?

– Ох, чуть не забыла! Сейчас принесу, я вчера его постирала и повесила на улице.

– Думаешь, высох?

– Высох, конечно. На улице нет сырости.

– Ну, иди!

Каждый раз, прежде чем отправиться на стрижку овец, союналийцы собирались у холма в центре села, торчавшего там, словно пупок, и прозванного «холмом спорщиков гапланов». Уже мимо дома Кымыша по одному – по двое начали проезжать на конях и ишаках стригали.

Когда Оразгылыч, прихватив хурджун с вещами, вышел во двор, Оразгелди стоял, поглаживая гриву и седлая своего коня-алашу в скотном дворе.

Постелив кошму на секи – глинобитное возвышение для сидения под деревом, Огулджума уже носила туда сачак и

пиалы, ложки и продукты, которые употребляли вместе с молоком.

В доме Кымышей всё еще продолжались последние хлопоты, связанные с проводами двух сыновей. На дороге снова появились два всадника, они не спеша двигались в сторону «холма спорщиков». В седле ишака, возвышаясь, сидел крепкий, квадратный парень. Увидев на выходе со двора, спешащего Оразгылыча, чуть было не упавшего под тяжестью хурджуна, они переглянулись между собой и о чём-то весело заговорили. На лице квадратного юноши на ишаке появилось озорное выражение. Ехидно улыбнувшись, он кивнул в сторону Оразклыча:

– Эй, Кымышы, вы до сих пор спите в обнимку с солнцем? На стрижку не собираетесь?

Хотя это был парень, с которым и прежде обменивались шутками, его утренняя шутка не понравилась Оразгылычу. Не сходя с места, крикнул в ответ:

– Эй, пухан, закрой рот, найди кого-нибудь другого для своих словесных упражнений!

– Или вы тоже, как ваш акга отец, не можете оторваться от длинных подолов своих баб?

Не успел парень договорить, как из дома донёсся хрипловатый голос возмущённого Кымышы:

– Ах, негодяй, кто это там?!

Испугавшись голоса старика, шутник наклонился, словно хотел спрятаться, и ладонью запечатал рот. Тем временем

на пороге появился и сам Кымыш-дузчы. Узнав парня, стал ласково выговаривать ему:

– А-а... Джумадурды, это ты, оказывается? А ну, повтори ещё раз только что произнесённые слова! Ну, да, весь в своих дядь пошёл! – Последнюю фразу Кымыш произнёс, имея в виду дядей парня, которые тоже любили пошутить, но под его словами имелся совсем другой смысл: «Если бы ты пошёл в отца, не был бы таким, знал бы место и время для таких высказываний!»

Но и те слова молодого человека не были простой шуткой, за ними стоял разговор, который до сих пор при случае вспоминали отдельные односельчане, и связан он был с теми днями, когда Кымыш-дузчы женился.

В тот раз один из друзей Кымыша, сказав, что теперь расходов в доме станет больше, предложил ему: «Друг, возьми чабанскую палку, приходи ко мне чолуком – подпаском, будем пасти чужой скот, из молока делать сарган, а из шерсти – одеяла. А потом и сами заведём по три-четыре овечки». Тот хотел забрать Кымыша с собой в пески. Но Кымыш-дузчы это предложение не устраивало, и он постарался вежливо отказать.

– Друг, ты меня не трогай, я плохо переносу пустыню.

Однако чабан, вознамерившись любой ценой увести Кымыша с собой, и не думал отступаться. В конце концов, Кымыш не выдержал, пришлось ему сообщить истинную причину своего отказа:

– Эй, друг, ты меня не трогай, в сорок лет у меня появилась женщина, и если я сейчас отдалюсь от её подола, ничего хорошего не будет! Уж лучше я буду рядом с ней.

Вот тогда-то и пошли все эти разговоры. И шутка Джумы, который хотел задеть Оразгылыча, как раз была связана с теми разговорами.

А юноша, получивший удовольствие от того, что сумел воспользоваться случаем, чтобы задеть Кымышей, всю дорогу довольно улыбался, временами оглядываясь и как бы спрашивая: «Ну, как я их?!»

Когда Оразгелди во второй раз вошёл в дом, чтобы взять хурджун с вещами, Огулджума заканчивала подшивать рубаху, чтобы он взял её с собой в дорогу, и зубами откусывала нитку. Увидев вошедшего мужа, она оторвалась от своего занятия и взглядом спросила, как у него дела. Стоя у порога и привыкая к темноте комнаты, Оразгелди ладонью оттер со лба выступивший пот. Дети всё ещё находились во власти сладкого сна. Вчера Рахманназар, ревнуя отца ко всем остальным и не желая делить его с кем-либо, лёг рядом с ним, но сейчас откатился и лежал, прижавшись к сундуку у стены. Следующий после него Рахмангулы, заняв люльку старшего брата, сладко посапывал в ней. Временами сладко облизывал губки. С любовью разглядывая сыновей, Оразгелди зевнул, немного потянулся, подумав о том, каким сладким бывает сон на рассвете.

Связанная с неизвестностью, началась тревожная, беспо-

койная жизнь, и было непонятно, когда и как она закончится. Конечно, ничего хорошего не было в том, что семью не приняли в колхоз, назвав их представителями класса угнетателей. Это было похоже на то, будто часть людей отделили от остальных, сказав им: «Идите, куда хотите, и живите, как хотите!» Больше всего беспокоило всех будущее детей, и если обстановка не изменится, как о том мечтают люди, детям будет особенно трудно. Мысли о судьбе детей не давали покоя, и Оразгелди почувствовал, как сильно он любит их, насколько роднее они стали. Хурджун с вещами, который он обычно с легкостью закидывал за спину, оттянул плечо, и Оразгелди понял, что жена, которой было поручено собрать его в дорогу, положила в него много лишнего. Каждый раз, когда сыновья собирались в дорогу, Джемал мама, собирая для них провиант, говорила: «У меня память уже не та, я обязательно что-нибудь забуду. Гелин (невестка), займись этим сама!» – говорила она, обращаясь к Огулджума. Хоть и не говорила старая об этом вслух, но считала, что старшая невестка гораздо проворнее младшей, да и старательнее.

Взвешивая хурджун в руках, Оразгелди бросил недовольный взгляд на жену, которая в это время стояла рядом и торопливо засовывала в карман хурджуна только что подшитую рубаху.

– Наверняка, опять напихала в него сушеной дыни и дынного сухого варенья! – напомнив жене, что она каждый раз таким способом утяжеляет его хурджун, до краёв наполняя

его.

Да, собирая мужчин в дорогу, Огулджума помимо продуктов первой необходимости – чая, лепёшек, каурмы – жареной баранины, муки и масла обязательно клала гурт – солёные кисломолочные шарики, чтобы могли бросить в рот и пососать, сушеную дыню – как и сухое варенье из дыни, курагу. Огулджума по взгляду мужа поняла его безмолвный упрёк: «Лучше бы ты это оставила детям, нам-то зачем?»

– Ты о детях не беспокойся, для них тоже всего этого в достатке. И потом, наши дети не очень-то и едят всё это, даже когда перед ними выложишь. Могут захотеть, если увидят у кого-то в руках эти сладости, но в другое время даже не вспоминают о них. Вон, в сарае висит полмешка сушёного урюка прошлогоднего урожая.

Прежде чем выйти из дома, Оразгелди ещё раз окинул комнату взглядом, вспомнив о том, что хотел наказать жене перед уходом:

– Если опять, как в тот раз, какая-то из отданных колхозу коров придёт сюда, немедленно верните её обратно, пусть кто-нибудь из мальчишек отгонит её в колхозный коровник! Не угощайте скотину ни травой, ни водой, иначе она будет всё время возвращаться сюда!

– Но у этих несчастных животы прилипли к хребту, не похоже, что кто-то заботится о них.

– А каким должно быть животное, у которого нет хозяйна?..

– Ну, если не считать нашей чёрной коровы, остальные вроде бы уже смирились со своей участью...

– Не хочу знать ни о чёрной корове, ни о пёстрой корове, жена, лишние разговоры нам не нужны. И без того власть не знает, к чему придраться, если дело касается нас, так и ищут, что бы такое сотворить с нами, так что не приближайтесь к ним, будьте как можно дальше! – требовательно произнёс Оразгелди. Чувствовалось, как он разгневан.

С улицы среди сонных детских голосов донёсся голос Джемал мама, которая ласково выговаривала внукам, проснувшимся в такую рань:

– Вы-то что вскочили с постелей, отчего бы вам ещё не поспать?

– Бабушка, а акгам уже уехали в пески?

– Вон, хлопчут, скоро поедут.

– Они и нашего ишака-коня забирают?

– Ну, да, и коня забирают, и ишака, там транспорт им нужен будет.

– А тогда куда мы будем впрягать арбу, когда с дедом поедем на пшеничное поле?

– Не знаю.

– Но ведь дедушка говорил, что мы на телеге поедем.

– Ах, детка, ты хоть не морочь мне голову с утра пораньше! Если с дедом не найдёте, куда впрячь телегу, впряжёте меня!..

Последние слова бабушки Джемал вызвали на лицах у

всех невольную улыбку.

Когда Оразгелди во второй раз забросил хурджун на плечо, собираясь уходить, стоявшая рядом с ним Огулджума, желая ему светлой дороги и скорейшего возвращения домой, воспользовавшись тем, что они были одни дома, положила руку на плечо мужа, а головой приникла к его груди. С давних пор, когда Огулджума была молодой невесткой, и по сей день, провожая мужа в путь, если рядом никого не было, она с пониманием и любовью прощалась с ним.

Тем временем со двора снова донёсся голос Джемал мама, недовольной тем, что сыновья задержались в доме и долго не выходят оттуда:

– Что это твой акга, как зашёл в дом, никак не выйдет оттуда, или же с женой расстаться не может, помогает ей отыскать затерявшийся клубок? Кобелиные сыновья с характерами отца, вот они кто. Видно же, в кого они пошли, куда им от этого деться. Понятно же, люди не станут болтать попусту, если на то не будет повода...

После таких слов пристыженные Оразгелди и Огулджума быстро распрощались. Они поняли, что задержались чуть дольше положенного. Не ощущая тяжести хурджуна, Оразгелди мигом выскочил из дома. Когда он поравнялся с матерью, стоявшей у очага с кочергой в руках, та снова обрушила на него свои упрёки:

– Тебя что, в кокон завернули, парень?!

– Иду уже! – на ходу бросил Оразгелди.

В словах матери, сказавшей про кокон, он уловил совсем другой смысл: «Уж не в подоле ли жены ты запутался?»

А ведь Джемал мама уже давно приготовила завтрак для сыновей, всё стояло на своих местах на сачаке.

И хотя последние приготовления к отъезду сыновей в пески в доме Кымыш-дузчы делались спешно, всё равно они никак не заканчивались. А ведь подготовка к сегодняшнему дню началась загодя, дня за два-три. И потому нынешние действия семьи были похожи на то, будто они запутались в какой-то паутине и никак не могут выпутаться из неё, из раза в раз повторяя попытки.

Так что желание Оразгелди и Оразгылыча тронуться в путь засветло, пока село не проснулось, оказалось неосуществимым. Когда сыновья всё же уселись, чтобы позавтракать, Джемал мама с любовью подала каждому из них по полной миске горячего молока. Из дымящейся миски исходил аппетитный запах.

– Поешьте хорошенько с чуреком! – велела она сыновьям.

По утрам у обоих сыновей не было аппетита. Но зная, что мать не выпустит их, хорошенько не накормив, сделав вид, что едят с удовольствием, задержались немного у сачака. Знали, что матери, до сих пор считавшей их малыми детьми, это понравится, и она будет довольна.

Накинув на плечи чекмень, Кымыш-дузчы ушёл в конец двора и там, ругаясь на кур, разбросавших повсюду щепки и другой мусор, вилами разгребал его. Оттуда доносился его

ворчливый голос:

– Интересно, у людей куры такие же, как наши, на клочке земли кувыркаются в золе, разбрасывая её вокруг себя? Всё вокруг замусорили!

Аганазар и Алланазар, стоя возле загона, наблюдали за тем, как конь и ишак перед тем, как отправиться в путь, жадно, с хрустом, жевали траву. А мальчишки, переговариваясь между собой, стояли в ожидании поручений взрослых, каких обычно бывает достаточно в такие минуты.

Наспех позавтракав, сыновья стали натягивать на ноги чоккаи (кожаная обувь кустарного производства), и в этот момент Джемал мама, повернув голову в ту сторону, где возилась Кымыш, проворчала:

– Что, этот аксакал не собирается проводить сыновей?

Не дожидаясь просьбы, Аганазар подогнал к выходу оседланного коня, а Алланазар – ишака-коня.

Как только Оразгелди погрузил свой хурджун с вещами на круп коня, появился запах табака. Кажется, и Джемал мама почувствовала этот запах, в носу у неё засвербело, и она стала чихать. Посмотрев на выпуклое место хурджуна, она озабоченно произнесла:

– Надеюсь, табак вы положили отдельно от продуктов питания? Иначе его запах пропитает всё вокруг, вплоть до хлеба.

Бабушке ответила Огуджума, которая стояла возле двери дома и взглядом провожала мужчин:

– Не беспокойтесь, бабушка, табак лежит отдельно от продуктов питания, я его совсем в другой карман хурджуна положила. Туда, где лежат инструменты для стрижки овец.

– Ну, тогда ладно, – удовлетворённо произнесла Джемал мама, довольная ответом невестки.

Ухватившись за луку седла, Оразгелди вскочил на стремя, и в этот момент увидел отца, который спешил к ним, на ходу вдевая руки в рукава чекменя, чтобы пожелать сыновьям доброго пути. Отец шёл быстрым шагом, ладонью оттирая пот со лба.

Увидев, что в руках отца, оседлавшего их ишака, за размеры и силу прозванного ишаком-конём, нет палки, Аганазар тотчас вспомнил, где её видел. Палку с заострённым концом, сделанную из легкого тальника, мальчик только что видел возле конюшни, рядом с тем местом, где обычно оставляют сёдла для коня и ишака. Сбегав за палкой, он с радостью подал её отцу.

– Акга, вот тебе палка для ишака!

– А, давай сюда! – равнодушно ответил Оразгылыч, сидя на ишаке, откинув длинную полу дона и заткнув её за пояс.

Оразгылычу не нравилась возня с детьми, они только задерживали их, но увидев, как отец подсаживает Аганазара на коня Оразгелди, пришлось и ему молча подчиниться требованию старика. Заставив устремившегося к нему Аганазара наступить на носок его башмака, усадил его на спину ишака позади себя.

Видя, как радуются внуки тому, что взрослые взяли их с собой, Джемал мама, одной рукой придерживая съехавшую набок топбы¹² озабоченно, с нотками переживания произнесла:

– Эй, Алладжан, Акыджан, как только доедете до спорного холма Гапланов сразу же возвращайтесь обратно! Смотрите, не вздумайте дороге повернуть к реке или ещё куда-нибудь уйти! Чтобы быстро вернулись домой!

Довольные тем, что им удалось, оседлав животных, быть похожими на взрослых, мальчишки весело ответили:

– Хорошо, бабушка, пока, бабушка!

Высокая, статная Амангуль, занятая бурдюком, из-под яшмака тайком взглядом провожала мужа, гордясь тем, как вырос её сын, если уже смог оседлать коня. Проводив сыновей и внуков, Кымыш-дузчы на дорогу не спешил идти в дом, он ещё некоторое время стоял у выхода, общаясь с идущими мимо людьми. Опираясь на трость и раскачиваясь из стороны в сторону, он стоял молча, с видом человека, пытающегося вспомнить, что он хотел сказать прохожим, вспомнить, пока эти люди ушли не слишком далеко.

* * *

Человек шесть-семь гапланов, занявших огромное пространство, вместе со своими родными и близкими вот уже

---

¹² Топбы – женский головной убор.

несколько дней находились в песках, стригли своих овец. Весна подходила к концу. В эти дни солнце, зимой любившее кутаться в тучи, казалось ярче, светлее, его лик был похож на лицо человека, принесшего добрую весть. Оно и всходило теперь с каждым днём всё раньше и раньше.

Чувствовалось, что лето уже на пороге. Его жаркие гонцы, опережая время и смешавшись с последними весенними днями, уже всю царили на земле.

Оразгелди проводил стрижку своих овец вшестером вместе с грубым, здоровым Аманом-пальваном, худощавым высоким Ишангулы, Гуртом по кличке «ялак», невысоким Хакберди и Ахметом-забуном.

Оразгылыч как самый младший из них пригонял из отары овцу, стреноживал её и подготавливал для стрижки. Он с трудом поспевал поставлять овец стригалям, так быстро они работали, щёлкая своими острыми длинными ножницами. Надо быть таким ловким, как Оразгылыч, чтобы выхватить из отары нужную овцу и привести её стригалям. Ему это хорошо удавалось, он подходил к нужной овце сзади и сразу же хватал её за заднюю ногу, приволакивал, стреноживал и бросал перед стригалями. Его пропитанная потом и пылью белая рубаха стала жёлтого цвета, прилипла к спине. Бегая туда-сюда, чтобы успеть выполнить порученную ему работу, он время от времени ладонью смахивал со лба пот. Уже больше половины из почти тысячи овец были пострижены. В эти дни и чабан Гуллар, присматривая за отпущенными

на волю постриженными овцами, собирал шерсть и складывал её в большие мешки-канары. Слушая разговоры стригалей, он чувствовал себя частью общества, радовался тому, что его окружает много людей. Иногда он помогал Оразгылычу, в его работе.

Стригали были уверены, если они не сбавят темпа и будут работать так же, то дня через три-четыре закончат весеннюю стрижку овец и отправятся по домам. Поэтому они спешили как можно скорее завершить работу, спать ложились рано, но каждое утро вставали с первыми жаворонками и приступали к работе. Иногда во время работы вспоминали про село. На этот раз разговор о селе начал Хакберди, любитель говорить про девушек и молодых женщин. Сощуриив глаза и хитро улыбнувшись, посмотрел по сторонам и заговорил:

– Если не ослабим темпов, дня через два-три сможем закончить работу. Останется собрать пожитки и на всех парах мчаться в село. И тогда увидим, как женщины будут заниматься шерстью, валять кошмы.

Услышав слова Хакберди, Анна-пальван, только что обстригший один бок овцы, зажав её между ног, приготовился начать стричь другой бок, но тут, словно что-то вспомнив, громко рассмеялся. После чего хитро посмотрел на Хакберди.

– Хакберди, напарник, хочу спросить тебя об одной вещи, только ты должен ответить честно.

Хакберди по тону и многозначительной улыбке Анна по-

чувствовал, что тот ничего хорошего не скажет, тем не менее, ответил:

– Можешь не об одной, а о двух вещах спросить, пальван! – кивнув, приготовился выслушать вопрос.

– Когда ты сказал, что женщины будут валять кошмы, я вспомнил. Говорят, что ты тоже присоединяешься к женщинам и вместе с ними валяешь кошмы? Это правда, напарник?

– А если и так, что тут такого?

– Просто спрашиваю, ты при этом тоже как они – женщины голову платком покрываешь или нет?

Было видно, что ехидный вопрос Анна-пальвана задел Хакберди за живое. Оторвавшись он от работы, хитро посмотрел по сторонам и захихикал. Ему тоже не хотелось выглядеть проигранным перед другими.

– Люди, знаете, что?

Окружающие молча наблюдали за происходящим, видели, что невинная шутка перерастает во что-то большее.

– Вы, может, и не знаете, но народ знает, – он с вызовом посмотрел на Анна-пальвана.

– Говори, дорогой, говори! – довольно произнёс Анна-пальван, зная, что его слова подлили масла в огонь Хакберди.

– Так вот, люди, вы когда-нибудь встречали тварь, которая бы сосала грудь матери до четырнадцати лет? Он перед вами, это Анна-пальван! И даже когда его мать отправлялась с дастерханом и другими женщинами на свадьбу или на ка-

кое-то торжество, он догонял её, заталкивал в ямку и прикладывался к её груди.

Видя, что схватка разгорается не на шутку, люди вопросительно смотрели на Анна-пальвана, как бы спрашивая его: «О чём это он?»

– Ну и сморозил ты, напарник! – Анна-пальван и сам развеселился от этого рассказа.

Когда работа выполняется коллективно, а коллектив дружный, то и спорится она, быстро делается. Ну а там, где собирается несколько человек, всегда бывают и шутки-прибаутки, надо же людям после тяжёлого труда как-то расслабляться.

Когда разговор дошёл до этого места, чабан простак Гуллар, снимавший с костра тунчу с закипевшей для чая водой, повернул голову в сторону спорщиков и невинным голосом спросил:

– Пальван, и в самом деле ты тоже долго сосал грудь матери?

Простодушный вопрос чабана Гуллара пришелся по душе Хакберди, он почувствовал в нём своего единомышленника и сразу подхватил его слова.

– А что, или ты тоже думаешь снова начать сосать материнскую грудь?

– Да нет, просто говорят, тот, кто долго питался материнским молоком, становится сильным и немного глуповатым. Вот я и хотел узнать, правда ли это.

– Разве ты не видишь, что так оно и есть? – Хакберди оторвался от работы и с улыбкой на лице махнул рукой в сторону смотревшего на него Анна-пальвана, после чего весело рассмеялся.

У Оразгелди, собравшегося отпустить только что постриженную овцу, слова чабана также вызвали улыбку. Чабан Гуллар знал за собой привычку неожиданно вступать в чужой разговор. Знал и о том, что не всем это нравится. Каждый раз, когда такое случалось, он давал себе слово больше так не поступать. Но порой он и сам не замечал, как оказывался в центре чужого разговора. Ему стало стыдно за своё поведение, выходит, он огорчил родственника, проявив невоспитанность. Гуллар хорошо относился к Оразгелди, считал его близкой роднёй, что среди своих баяшбелаларов он самый умный и справедливый. Он столкнулся с этим лет пять-шесть назад, когда живущий с ними одной семьёй брат отца, забрав очередь чабана, решил женить своего сына, который был на несколько месяцев младше Гуллара. Оразгелди тогда встал на защиту Гуллара, сказав: «У туркмен не принято отнимать очередь у старшего. Вначале должен жениться Гуллар!» И тогда в этом доме вместо одной сыграли сразу две свадьбы. И с тех пор, понимая, не вступишь Оразгелди тогда за него, неизвестно, была бы у него сейчас своя семья, всегда с уважением относился к нему и старался выглядеть в его глазах приличным человеком.

Залаяла собака, сторожившая отару, все подняли головы

и увидели, как по дороге в их сторону скачет на коне гонец сельсовета. В это время стригали собирались достричь лежавшую перед ними овцу, чтобы затем пообедать. В котле варилось чекдирме – мясо, и его аппетитный запах разносился по всей округе. Уже булькала, закипая, вода в нескольких стоящих на краю костра тунче.

Приблизившись к стригалям и поздоровавшись с ними, джигит, оттирая со лба пот, всем своим видом показывал, что приехал с известием. И без того было понятно, что он, проезжая мимо, не свернул к ним для того, чтобы поинтересоваться их делами. Уставившись в лицо Оразгелди, джигит озвучил сообщение:

– Оразгелди ага, сельсовет просил вас зайти к нему.

– А зачем я понадобился сельсовету?

– Этого я не знаю, ага.

– Ну, раз просил зайти, придётся навестить его. Вот сейчас пообедаем, а потом вдвоём и поедем. Ты тоже слезай с коня, поешь с нами, говорят же, «На сытую голову богатство валится».

Продолжая вытирать пот с лица, джигит возразил:

– Да, нет, Оразгелди ага, я поеду. Ещё одни из единоличников вроде вас, Говшуты, тоже сейчас на стрижке находятся, я должен и их известить, сельсовет их тоже зовёт к себе.

Во время обеда Оразгелди озабоченно размышлял, что значит известие, которое принёс гонец. «Интересно, для чего сельсовет вызывает меня к себе? Юноша говорил ещё про

единоличников Говштутов. Может, они ещё что-то хотят сказать про единоличников?». Недавно до него дошёл слух, что власть собирается увеличить взимаемый с единоличных хозяйств налог. Вспомнив об этом сейчас, он подумал, что слухи становятся реальностью, что Ягды зовёт их для того, чтобы сообщить об этом решении властей. Пообедав и наскоро выпив пиалу чая, он спешно засобиравался, чтобы как можно скорее выяснить, для чего его позвал Ягды сельсовет...

Взяв человек десять-двадцать из колхоза, сельсовет Ягды дня за три-четыре до Оразгелди пригнал сюда принадлежавшую колхозу отару овец для стрижки.

Прибыв сюда, сразу же поставил для себя юрту не далеко от стригалей. Он в основном обитал здесь, время от времени навещая стригалей, чтобы посмотреть, как у них идут дела. Он любил собирать у себя таких же представителей власти и знатных председателей из соседних колхозов, как и он, наблюдавших за ходом стрижки, и устраивать шумные пирушки. Именно в этих целях он поставил здесь юрту. Застелив юрту отнятыми у баев коврами и паласами, а вход в кибитку занавесив ковром, он изображал из себя хана. А когда представители соседних колхозов приехали по его приглашению говорили о нём с восхищением: «Ягды умеет руководить сельсоветом, посмотрите на него, настоящий бек!», он услышав похвалу искренне радовался этому и всегда старался быть достойным этой похвале перед начальством и другими.

Подъехав близко к стоящей на вершине холма юрте где расположился Ягды, Оразгелди в сторонке слез с коня, привязал его, и после чего направился к юрте. Похоже, гонец ещё не вернулся с поручением: не видно было ни коня его, ни его самого. Перед порогом, застеленным о небольшой кошмой, в юрте стояли начищенные до блеска ягловой сапоги Ягды. Значит, он дома, видно, ждёт прибытия вызванных людей. С этими мыслями Оразгелди приблизившись к дому, хотел подать голос, спросить, дома ли Ягды, но в этот момент услышал доносящиеся изнутри приглушённые голоса Ягды, а другой голос принадлежал женщине. Оразгелди остановился. Что здесь делает женщина? Оразгелди не поверил своим ушам. Но голос прозвучал снова, причём, громче, заглушая знакомый голос председателя сельсовета.

– Да подожди же ты, парень...!

– А что случилось?

– Мне показалось, что я слышала чьи-то шаги.

– Какие шаги, откуда им взяться здесь? Стригали не посмеют подойти сюда.

– Может, это твой джигит?

– Ну и что, даже если это он вернулся?! Джигит есть джигит, рассыльный, в лучшем случае скажет: «Шурави, мне нравится попа этой женщины», похвалит тебя...

– Да он же ведь дурак, что хочешь, может сказать...

– Да ладно тебе...

Поняв, что прибыл раньше времени, Оразгелди стал ти-

хонько пятиться, но в это время резко откинулся полог кибитки, и на пороге появилась вышедшая на разведку полная красивая женщина.

Увидев Оразгелди женщина убедилась, что это никакой не джигит, а совершенно чужой человек, она немного растерялась, хотела было вернуться обратно в дом, но потом, сделав вид, что не заметила Оразгелди, повернув голову набок, быстрым шагом завернула за дом. Постояв ещё немного, Оразгелди, покашливая, приблизился к дому и увидел, как только что вышедшая из дома женщина спускается с холма вниз, в долину. Чувствовалось, что ей неудобно оттого, что её застали здесь.

Оразгелди узнал её по тому, что она не носила борук, как местные женщины, а повязывала голову лёгким платком. Это была Ханума. Её имя также отличалось от имён здешних женщин. Возможно, у неё было другое имя, но поскольку Ягды сельсовет называл её Ханума, то и люди подхватили это имя. В Союнали она появилась всего два-три года назад. Разные слухи ходили по поводу её появления здесь. Говорили, что Ханума была женой одного из марыйских баев, собравшегося перейти границу. Она была другой национальности. А когда на границе возник переполох, он бросил имущество, скот и жену и бежал на ту сторону. Другие высказывали предположение, что она является тайным человеком Мамлы – начальника приграничной контрразведки, хорошо знающим о разговорах по ту и эту сторону границы. Вполне

возможно, что так оно и было. А иначе чем объяснить тот факт, что большевики, возглавившие страну и наступающие на пятки баям, позволили остаться в стране жене бая, да ещё поселиться в приграничном селе Союнали? И чтобы подвести эти разговоры к общему знаменателю, народ сделал собственный вывод: Ягды выпросил Хануму у Советов, потому что она была грамотная, и он взял её для того, чтобы женщина работала с его документами. Ханума была круглолицей, среднего роста, и хотя не очень юной, но сохранившей женские прелести, с молодой крепкой грудью. Никогда прежде Оразгелди не видел её с такого близкого расстояния. А увидев, подумал: «Понятно, почему сельские парни глаз от тебя не могут оторвать!», – по-мужски оценив красоту Ханумы. Тем временем из дома донёсся грозный голос председателя сельсовета:

– Джигит, это ты?

– Это я, Ягды. Ты меня вызвал.

– А, Оразгелди, это ты? Входи, – в его голосе прозвучало некоторое беспокойство.

Войдя в дом и немного осмотревшись, Оразгелди увидел Ягды сельсовета, который лежал на просторном матрасе в глубине комнаты, опираясь на пару подушек, покручивая усы и облизываясь с видом кота, караулящего свою жертву.

Казалось бы, человек, которого застали врасплох, должен смутиться, однако на задубевшем от солнца тёмном лице Ягды ничего подобного не просматривалось. Из-за спины пред-

седателя сельсовета выглядывала вышитая женская штанина. Видно, услышав приближение чужого человека, женщина впопыхах не успела надеть нижнее белье и в спешке закинула ему за спину.

Предложив Оразгелди садиться, Ягды, видимо, заметил оставленные штаны, и чтобы прикрыть свой позор, бросил на них одну из подушек, а вторую подушку отодвинул назад, как бы освобождая место для гостя, и подсунул себе под бок. Хотя Ягды сельсовет и вызвал Оразгелди, но он не предполагал, что тот может явиться так быстро. А он вот, сидит перед ним, застав хозяина дома врасплох. В доме к свежему воздуху примешивался приятный запах женских тел с цветочным ароматом. А вообще-то Ягды, считавший Хануму своей второй внебрачной женой, и самонадеянно даже не старался скрыть её от посторонних глаз. Он был уверен в том, что большевики доверили ему судьбу села, увидев в нём надёжного человека, а потому не сомневался и в том, что ему дозволено делать всё, что захочется. И чем больше его слушались, тем больше он убеждался в своей безнаказанности.

Продолжая лежать на боку, подложив под локоть подушку, Ягды выгнулся и взял стоявшую поодаль пиалу с чаем, а Оразгелди указал на стоявший у очага укутанный чайник с заваренным чаем:

– Возьмите, там должен быть настоявшийся чай!

Это предложение пришлось Оразгелди по душе. Торопясь сюда, он после обеда не успел вдоволь напиться чаю. По пу-

ти сюда он почувствовал, как у него пересохло во рту, как хочется пить. Давала чувствовать себя чекдирме из свежей баранины. Оразгелди не пришлось долго ждать объяснений, для чего он был вызван сюда. Не успел он выпить пиалу чая, как Ягды сельсовет, глядя на собеседника широко распахнутыми глазами, приступил к разговору:

– Вчера я через нашего племянника Хангулы позвал одного из таких же, как ты, единоличников. Его зовут Берди Акы, ты его знаешь. Они тоже позади, в Яндаклы, вместе с Таганами стригут своих овец, – Ягды издалека начал. Про себя думая: «Что, если я попрошу его помочь со стрижкой колхозных овец? Как он отреагирует? Не скажет ли он как Берды Акы «В колхоз вы нас не приняли, так что пусть колхозных овец тоже стригут те, кого вы взяли в колхоз. Раз вы отделили нас, а теперь сами и справляйтесь».

Временами, пока Ягды говорил, в его глазах вдруг вспыхивал огонёк надменного недоброжелательства.

Молча слушая, пившему чай Оразгелди с самого начала было понятно, сначала куда клонит председатель сельсовета. Про себя же размышлял: «А если я скажу ему, что у нас и своей работы хватает, не придумает ли этот человек что-нибудь ещё, чтобы при случае обвинить нас? Он ведь может запросто сказать, что этот человек, то есть я, плохо относится к советской власти».

В тоне Ягды звучал неприкрытый упрёк: «Когда-нибудь, и ты обратишься ко мне за помощью, и я поступлю также, вот и

рассчитаемся». И снова Оразгелди мысленно произнёс: «Но ведь Берди Ак сказал тебе то, что надо», отметив про себя, что тон Ягды становится всё требовательней, потому что он занимает такую должность, и поэтому не стал тому перечить.

Послушав Ягды, Оразгелди пообещал по окончании своей работы помочь со стрижкой колхозных овец, отбыл к себе.

Зная, что его напарникам, спешащим как можно скорее вернуться домой это сообщение вряд ли понравится другим, Оразгелди расстроился. В расстроенных чувствах и оседал коня. Натянув поводья и собираясь спуститься в долину с холма, на вершине которого поставил свою кибитку Ягды, он вдруг заметил Хануму. Женщина, словно пёстрая дикая курица, выскочившая из дома при виде незнакомого мужчины, сейчас медленно шагая по полю, прогулочным шагом шла обратно в сторону юрты. Воздух был напоен приятными запахами езгена. Солнце стояло в зените, приготовившись начать вторую половину пути. На раскинувшуюся вокруг равнину пустыня смотрела с согласием, и был в этом какой-то особый загадочный смысл. Самое неприятное в этом было отсутствие малейшего движения воздуха, который мог бы прохладой обвеять лицо.

* * *

Вот уже несколько дней Кымыш-дузчы в ожидании уехавших на стрижку овец сыновей не сводил беспокойного взгля-

да с дороги. По его расчётам, сыновья уже давно должны были вернуться домой. Старику было неведомо вмешательство Ягды, он не знал, что его сыновья вынуждены были задержаться, чтобы помочь со стрижкой ещё и колхозных овец. Получилось по поговорке «Известие от уехавшего вернётся вместе с ним».

Уже подоспела пора уборки пшеницы. Пшеничные поля радовали глаз здоровыми, зрелыми колосьями. Надо было незамедлительно приступить к жатве хлебов. Зрелая пшеница, как и зрелая девушка, не терпит промедления. Про засидевшуюся в девках будет много пересудов, но и всё, а вот созревшую пшеницу, даже если убережешь от скота, спасти от нападения мышей, муравьёв и птиц будет невозможно. Их всегда хватает, этих «налётчиков», того и гляди, оставят без урожая.

Теперь Кымыш-дузчы практически ежедневно наведывался в поле, чтобы посмотреть на созревшую пшеницу. А вчера Сары дуеджи как уважаемого старейшину попросил его серпом срезать первые колосья на его пшеничном поле, тем самым положить начало жатве хлебов. Кымыш-дузчы тогда подумал: «Если бы мои сыновья уже вернулись домой, я мог бы и на своём поле снять первую пшеницу». А потом, успокаивая себя, думал: «Не стоит слишком торопиться, вон многие ещё и не начинали убирать пшеницу». Если на то пошло, то и колхоз ещё не приступал к уборочной страде. Председатель Нурджума ждал, когда Ягды после окончания

стрижки овец вернётся из песков.

Вот и сегодня Кымыш-дузчы проснулся с мыслью, что, может, его парни наконец-то появятся дома. Выйдя во двор и совершив омовение, прочитал намаз, но и по окончании молитвы не вставая с намазлыка, ещё какое-то время бормотал обращённые к Всевышнему просьбы о здравии и благополучии родных и близких, благополучии дома и своих земляков. Завершив намаз и продолжая звать к милостям Аллаха, старик временами бросал взгляд на жену, сидевшую у очага и пытавшуюся разжечь тлеющие угли, подбрасывая туда свежих дров. Она раздувала костёр, дыша горьким дымом. Джемал мама собиралась вскипятить молоко, которое только что принесла старшая невестка, подоив корову. Просунув голову в дверь и поздоровавшись, она протянула свекрови котёл с молоком и тут же скрылась за дверью. Джемал мама хотела вскипятить молоко до того, как проснутся внуки. Когда дом заполнил горький дым, погружённые в сладкий сон дети, задыхаясь от дыма, заворочались, на их сонных лицах проступило недовольство. Однако, когда костёр разгорелся и дым потянулся вверх, в сторону туйнука, они успокоились и продолжили смотреть сладкие сны. У Кымыша-дузчы поднялось настроение при виде того, как его жена сидит у очага, словно окутанная нитями дыма, и теперь пытается освободиться от них. Ему захотелось как-нибудь пошутить, задеть жену. Чувствуя, что сейчас разыграется небольшой спектакль, с усмешкой на лице краем глаза посмотрел на же-

ну. Он знал, что жена беспокоится о сыновьях, любит их, даже когда ругает, говоря: «Эти сукины сыны не собираются возвращаться домой? Помоги и спаси их, Аллах, от всяких там разбойников и недругов!». Она даже пару чуреков приготовила, чтобы раздать по воле Божьей. Кымыш-дузчы хорошо знал свою беспокойную и заботливую жену. Знал, как она переживает из-за того, что сыновья вовремя не вернулись домой. Да и как не знать, всё это было написано у неё на лице. А со вчерашнего дня из-за бесконечных переживаний за сыновей она и вовсе стала выглядеть заболевшей. Народ бежал из страны, и каждый день приносил плохие вести. И какое тут может быть спокойствие для материнского сердца? Он понимал, что если сейчас заведёт разговор о сыновьях, она отвлечётся от тяжёлых мыслей и немного успокоится. Ведь переживания матери, как боль от удара хлыста по пяткам разливается по всему телу, передается всей семье. И если мужчины воспринимают мир глазами и ушами, женщины это делают сердцем. Матери тяжелее переживают душевные страдания, боль души для них сродни болезни тела. Кымыш-дузчы думал над тем, как помочь жене избавиться от этой боли. Для того чтобы облегчить страдания близкого человека, достаточно начать ругать себя или ещё кого-то, отвлечь внимание женщины от застрявших в голове тяжёлых мыслей. Он видел, как каждый раз, когда он задевал жену, та вспыхивала, как тлеющий фитиль, становилась сильнее.

– Знаешь, что, жена, эти твои сыновья...

– Перестань, мои сыновья ничуть не хуже чужих сыновей, а то и лучше, – сразу же поняв, куда клонит муж, Джемал мама тут же дала ему отпор.

– Разве можно так долго возиться со стрижкой? А тут пшеница уже сыплется, вон колосья на земле валяются.

– Ну, да, для тебя стрижка овец простенькое дело. Да ты своих двух паршивых овец во дворе целый день стриг.

– Но они-то, как я, не разменяли восьмой десяток! А я...

– Да помню я, каким ты был в молодости...

Джемал мама произнесла эти слова, кочергой отодвигая горящие угли из-под казана с кипящим молоком. Кымыш-дузчы хорошо знал, что кроется за этими словами жены. Это было связано с одним случаем из прошлой жизни.

В тот раз старший брат Джемал мама Джуманазар бай нанял его батраком для помощи в уборке хлеба. А Кымыш, досыта набив желудок и воспользовавшись тем, что рядом никого не было, расстелил свой дон, под голову подложил папаху и крепко заснул. Когда он выспался, уже вечерело. А пшеницу, которую он должен был скосить, чуть поодаль косил и вязал снопы сам Джуманазар бай. Он тогда со смехом подшутил над парнем: «Молодой человек, из тебя бы получился неплохой сторож на току».

Упоминание о том случае заставило старика ещё раз пережить его. Да, с тех пор прошло много времени, много воды утекло. И пшеница тогда была убрана, и на харман свезена. И Кымыш, женившись на Джемал, стал зятем в том доме.

Но промахи ошибки человеческие, похоже, никогда не забываются. То обстоятельство вспоминалось до сих пор, оно приобрело стойкий фразеологический оборот: «Как Кымыш пшеницу жал». В тот раз Кымыш батрачил на Джуманазара бая несколько месяцев, не только с уборкой пшеницы помогал, но и перетаскал в сарай все созревшие дыни и арбузы. Именно в то время у него появилась возможность частых встреч с двадцативосьмилетней младшей сестрой бая Джемал, которая нравилась ему и которой понравился он сам. Они смотрели друг на друга влюблёнными глазами. Однажды, встретив девушку в укромном месте, он взял её за руку и сказал ей о своих чувствах к ней. В тот раз Джемал, испытывавшая к Кымышу те же чувства, упрекнула его: «Что ты ешь меня глазами, посылай сватов. Наши неплохо к тебе относятся. Мама даже говорит: «Он благородного происхождения». Если тебе мало того, что ты видишь меня, забери к себе в дом и смотри на меня, сколько хочешь!» После того разговора не прошло и месяца, как они сыграли свадьбу...

Разговор, начавшийся с шутки, на этом не закончился. Невольно стали вспоминать приятные мгновения совместной многолетней жизни, и это поднимало настроение, успокаивало.

И все же старику не хотелось оставлять без ответа слова жены, хотя и сказанные в шутку, он чувствовал себя ребёнком, не сумевшим ответить на нанесённую ему обиду. Поглаживая бороду и с усмешкой на губах рассматривая жену,

он размышлял: сказать или не сказать то, что готово было сорваться с языка. А потом вдруг весело улыбнулся.

– Даст Бог, соберём нынешний урожай, после чего я намерен позаботиться о тебе, жена!

Джемал мама поняла, что старик собрался подшутить над ней, но не могла уловить суть его слов.

– А какие у меня ещё могут быть заботы помимо моих детей?

– Ты ведь всё равно не успеваешь переделать все домашние дела, весь день в хлопотах проводишь. Вот я и думаю, а не привести ли мне в дом ещё одну рабыню тебе в помощь?

Услышав слова, произнесённые за спиной, Джемал вначале несколько растерялась, но очень скоро взяла себя в руки.

– Ой, похоже, у него старая болезнь обострилась! – насмешливым тоном произнесла жена Кымышша.

Видя, что своей шуткой сумел оживить жену, довольный Кымыш-дузчы продолжил в том же духе:

– Вдвоём вам будет легче, жена, одна из вас будет тесто месить, а вторая стиркой-уборкой заниматься, за внуками присматривать. Разве не так? И потом, глядишь, как две жены одного мужа сойдётесь и станете подругами...

– Гмм... А ты попробуй привести сюда ещё кого-нибудь, вот тогда и увидишь, что будет! Теперь ты только горсть чёрной земли получишь! И потом, кто-то рвётся выйти за тебя замуж? Покажи мне, где она? А если собирался взять вторую жену, чего тянул до сего дня? Почему раньше не сделал это-

го? Да тебе и первая-то в сорок лет выпала! Давай, приведи в дом вторую жену и посмотри, что с тобой сделает советская власть, которая только и творит, что отбирает у людей имущество, может одну из двух овец забрать. Нашёл время жёниться, выживший из ума старый кобель! – Джемал мама всё больше распалаясь. – Давай, обманывай себя, думая, что с двумя жёнами тебе будет лучше. Не всякая будет ухаживать за тобой, как Джемал, покрывая твои недостатки и выпячивая достоинства...

Как никто, понимая друг друга и ласково подтрунивая друг над другом, Джемал мама и Кымыш-дузчы успокоились настолько, что все дурные мысли о сыновьях улетучились, оставив вместо себя только хорошие мысли.

Как только молоко вскипело, Джемал мама налила его в миску и протянула мужу, который сидел у сачака, собрав кусочки лепёшек, чтобы сложить их в молоко и съесть, когда они размякнут.

– На, попей горяченьким, чтобы внутри тебя тепло разлилось. Даст Бог, и наши мальчики могут сегодня вернуться. Во сне я всю ночь путалась в белой шерсти.

Голоса бабушки с дедом первой разбудили Огулбике. В доме было сумрачно. Акджагуль, Аганазар и Алланазар всё еще пребывали во власти сна. Проснувшись, она потянулась, и села в постели, с трудом раздирая сонные глаза. Но тут в голову девочки пришла озорная мысль. Посмотрев на спящих Аганазара и Алланазара, она стала думать, как бы их

разбудить. Вот будет потеха, если я побеспокою их, подумала Огулбике. Хитро и довольно улыбнувшись, девочка посмотрела по сторонам, потом взяла в руки одну из косичек и расплетённым концом провела ее по щеке спящего брата. Аганазару это не понравилось, и он нахмурился. Затем повернулся на другой бок, чтобы ему не мешали спать. Видно, мальчик подумал, что ему на лицо села муха. Огулбике была довольна, что её озорная выходка удалась. Ей захотелось продолжения. Огулбике постоянно ссорилась с братьями, соперничала с ними. Ей ни в чём не хотелось уступать мальчишкам. Огулбике перегнулась через Аганазара и приблизилась к Алланазару. Его лица тоже коснулась концом косы. Нахмурившись, он тоже беспокоился. Девочка не видела, что сидевший за завтраком дед исподволь наблюдал за ней. «Ах, коза, опять взялась за свои проделки, смотри, как бы на кочергу бабушки не нарваться!» – думал старик. Он знал, что если сейчас подаст голос и сделает девочке замечание, Джемал мама не оставит этого без внимания, обязательно поругает её. Встретившись взглядом с дедом, Огулбике виновато улыбнулась, понимая, что тот сделал вид, что за спиной бабушки ничего не видит. Когда конец косы во второй раз попал в ноздрю мальчика, тот понял, что это никакое не насекомое и не муха. Неожиданно Алланазар резко открыл глаза. Но спросонья не сразу понял, отчего Огулбике нависла над ним. А девочка, довольная своей проделкой, прыснула и, прикрыв рот ладонью, отвернулась, как бы говоря: «Ну,

как, отыгралась я на тебе?» И тут Алланазар понял, что эту игру затеяла Огулбике.

– Коза, что ты делаешь? – мальчик вскочил с места и набросился на сестру. У Огулбике было больше сил, поэтому она мигом уложила Алланазара на лопатки, подмяла под себя. Лёжа на полу, Алланазар стал звать на помощь Аганазара:

– Акгы, оттяни эту козу за волосы!

Прежде Огулбике могла одолеть обоих мальчишек. Но прошло время, и мальчики выросли, возмужали, стали сильнее, поэтому справиться сразу с двумя было не так-то и просто. Вдвоём они могли запросто одержать над Огулбике верх.

В тот момент, когда Джемал мама обернулась, чтобы узнать, что за шум поднялся у неё за спиной, Аганазар, поспешивший на помощь брату, схватив Огулбике за волосы, пытался оттянуть её от Алланазара.

Видя, что внуки снова сцепились и тянут Огулбике за волосы, Джемал мама, не сходя с места, стала стучать кочергой по полу и ругаться:

– А ну, прекратите, пёсьи дети, а то я сейчас встану с места и обоих отхожу кочергой!

Поскольку бабушка видела только конец потасовки, обвинила в случившемся Аганазара и Алланазара. И всегда в таких случаях Джемал мама становилась на сторону поверженного, того, кто был слабее.

– Бабушка, она первой начала, – при помощи брата под-

няв Огулбике с пола, Алланазар пытался объяснить бабушке, что на этот раз в этой схватке виноваты не они.

Но Джемал мама верила не словам внука, а тому, что видела своими глазами.

– Чего вы никак не поделите в такую рань? И вообще, эти двое мальчишек спокойно жить не дают моей девочке...

Своим озорством Огулбике напоминала бабушке Джемал её детство, поэтому она называла её дочкой и очень сильно любила.

Лежавшая рядом с ними Акджагуль тоже встала, разняла мальчиков. Зная о проделках Огулбике, она стала ругать девочку, а потом, махнув рукой, велела:

– Убирайся, чтоб я не видела тебя здесь! – и толкнула её в спину. Глядя на девочку, которая тяжело дышала как после долгого бега, она сказала:

– Бабушка, ты не ругай мальчишек, это твоя коза что-то сделала им!

Поддержанная бабушкой, девочка покосилась на братьев и, тяжело дыша, проворчала:

– Конечно, вы вдвоём напали на меня, а вы попробуйте по одному подойти ко мне, я размажу вас по полу, и потом, за косы не дергать...

Зато Аганазар с Алланазаром сидели с видом победителей, и, довольные собой, улыбались.

Вспомнив, что всю эту схватку видел дед, Огулбике, заплетая распущенные косы, пристыженно посмотрела в его

сторону.

Девочка заметила, что дед смотрит на неё с улыбкой. Поняла, что он мысленно говорит: «Ах, внученька, тебе и в этот раз удалось избежать наказания от бабушки». Радостно улыбаясь проделкам внучки, он ласково кивнул ей. Понимая друг друга без слов, дед с внучкой обменивались выразительными взглядами.

– Раз вдоволь покувыркались, теперь идите умываться, а потом садитесь рядом с дедом и пейте своё молоко! – ласковым голосом Джемал мама выпроводила мальчишек во двор.

Долгожданные стригали вернулись не в тот день, когда их ждали, а спустя ещё четыре дня поздно вечером. В разных концах села залаяли собаки, оглашая ночную тишину и извещая о возвращении людей. Лежавший возле стены кибитки Алабай, подняв голову, только раз гавкнул, а затем затрусил в сторону дороги, чтобы выяснить, отчего лают собаки и присоединиться к их хору. Оразгылыч, загрузивший коня множеством мешков с шерстью, шёл впереди, за ним на ишаке с тяжёлым грузом следовал Оразгелди.

Когда они вернулись, Аганазар и Алланазар, вдоволь наигравшись за день, крепко спали. Акджагуль и Огулбике помогли бабушке вымыть и убрать по местам использованную посуду и тоже готовились отойти ко сну. Услышав стук копыт животных, повернувших с дороги в сторону дома, Кымыш-дузчы понял, что это его сыновья возвращаются, быстренько вддел руки в рукава накинутаго на плечи чекменя и

перед тем, как выскочить во двор, обратился к жене, дремавшей возле очага:

– Жена, кажется, сыновья вернулись!

Обрадовавшись доброй вести и спеша своими глазами увидеть сыновей, Джемал мама вслед за мужем вышла на улицу. Оразгылыч уже был возле дома, поздоровавшись с отцом и расспросив о делах, развязывал узлы на верёвке, которой были обвязаны мешки с шерстью на спине лошади.

– Вернулся благополучно, сынок! – обрадованно воскликнула Джемал мама, после чего стала помогать сыну развязывать верёвки.

– Салам алейкум, мама, – ответил Оразгылыч на приветствие матери. Ему не понравилось, что она взялась помогать ему, нахмурившись, произнёс: – Мама, я сам справлюсь!

– Но я же хочу помочь тебе...

– Нет, мне не нужна твоя помощь! – недовольно произнёс Оразгылыч.

Оразгылыч был сильно уставшим. От его одежды исходил горьковатый запах баранов и коз. Тем временем показался и Оразгелди, ведя на поводу груженного доверху ишака. Мешков с шерстью было так много, что они возвышались над спиной ишака, напоминая гору, отчего самого ишака не было видно. Казалось, огромный кусок холма, закутавшись в густую тьму ночи, катится в их сторону.

Увидев, как родители крутились возле Оразгылыча, радуясь, как дети радуются возвращению отца с базара, он с гру-

стью подумал о том, что чем старше отец и мать они становятся, тем больше становятся похожими на детей.

Разгрузившись, стригали помылись и пошли к родителям на ужин. Время от времени бросая взгляд на спящих детей, они сидели возле очага у расстеленного матерью сачака, ужинали и неторопливо беседовали. Когда очередь дошла до чая, Джемал мама подумала о невестках, которые лежат в своих домах в ожидании возвратившихся мужей, поэтому не захотела, чтобы мужчины засиживались за чаепитием. Не дав волю наговориться, она стала выпроваживать сыновей.

– А теперь отправляйтесь в свои кибитки и укладывайтесь спать в свои желанные постели!

После этих слов матери Оразгелди и Оразгылыч отправились по домам.

Повидав сыновей, Кымыш-дузчы успокоился. До возвращения сыновей он думал, что, как только они вернутся, он сообщит о том, что пшеница созрела, и на следующий же день отправит на жатву. Но теперь, видя, как они устали после многодневного пребывания в песках, пожалел их, решил, пусть они пару деньков побудут со своими семьями, хорошенько отдохнут, а уж потом можно будет взяться и за работу. К людям, выполнившим изнурительную работу, совсем другое бережное отношение. В особенности, со стороны матери и отца.

На другой день после возвращения со стрижки Ахмет, невзирая на увещевания старшего брата и его жены, говоривших: «Отдохнул бы немного, как-нибудь в другой день съездишь, шерсть она есть шерсть, что ей сделается, она не испортится, не завоняет», – отправился в пески, чтобы забрать оставшуюся шерсть. Всё равно ведь рано или поздно ему самому надо будет съездить за ней, так почему не сделать этого сразу, ведь может случиться, что возникнет какое-то дело, и тогда он не сможет это сделать. С разрешения дяди взяв с собой его тяглогого верблюда, он поставил его позади своего ишака. В тот самый момент, когда он уже готов был отправиться, старшая гелнедже (жена старшего брата) чабана Гуллара принесла в большом хурджуне еду и питье, сменную одежду для мужа. После чего сказала:

– Эй, парень, ты скажи своему другу Гуллару, пусть он не ждёт, когда наступит Курбан-байрам или ещё какой праздник, и отправит сюда одну-двух овец пожирнее, а сам скажет, что их волк задрал. И жена его вздрагивает от каждого звука посторонних шагов, думает, что это он приехал домой. Скажи ему, пусть покажется здесь!?».

Ахмет решил, что одну ночь проведёт у чабана Гуллара, уложит в чумалы и канары оставшуюся шерсть, а поутру отправится в обратный путь. В тот же день к вечеру он уже был в коше чабана Гуллара, передал ему отправленные от семьи продукты и вещи, наказы и, как намеревался, заночевал под

открытым небом возле чабана. Наутро, загрузив верблюда и ишака мешками с шерстью, поехал обратно. Он ехал по тропе, ведущей от коша чабана Гуллара, и когда солнце уже пошло вверх, добрался до большой дороги, которая вела в село. Воздух был напоен утренней свежестью, а по небу плыли белые облака, казалось, что какие-то невидимые нити тянут их за собой. Год выдался благоприятным, в свое время и снег выпадал, и мороз был, а потом и дождей пролилось достаточно. Пустыня напоминала покрытое жёлтой соломой озеро. Разросшиеся по уступам холмов кусты одетой в зелёный наряд верблюжьей колючки – яндака, рассыпавшись по этим уступам, напоминали идущих вверх молодых невесток, головы которых были покрыты зелёными курте¹³.

В народе эти места зовут Пендинской пустыней, хотя на самом деле они отличаются высокими, подобно горам холмами, между которыми, то сужаясь, то расширяясь, лежали глубокие ущелья. Знаменитый Бадхыз с его пышной растительностью и множеством диких зверей раскинулся на запад, север и юг Пендинской пустыни. Один конец гряды холмов тянется к Серахсу, в сторону Ирана, другой конец на юго-восток, смешиваясь с землями Афганистана. Именно эти места имели в виду старики, когда говорили: «Огород сажай в Мары, скотину паси в Пенди». Пару веков назад иностранец Лассер, попав в эти края, считал, что это место облюбовано Богом, так много здесь растительности. Он записал в сво-

ём дневнике: «В Пенди овцы гуляют, ведя за собой по три-четыре ягнёнка». А сегодня весна покинула Пенди, уступив своё место наступавшему на неё лету.

Над головой Ахмета пролетела небольшая стайка ворон, словно во сне лениво взмахивая крыльями. Вороны летели со стороны села в поисках пропитания. Вообще-то вороны – ранние пташки, думал Ахмет, а эти, видать, сони, проспали и теперь отправились на поиски своих сородичей. Небо всё еще было серым, как это бывает весенним утром, может, хочет разразиться дождём. Да и день, похоже, не будет таким жарким, как в предыдущие дни. Возможно, именно это обстоятельство подвело ворон. И они не смогли проснуться раньше.

Ишак, нагруженный двумя огромными чувалами с шерстью, поверх которых сидел сам Ахмет, словно не чувствуя тяжести, стуча копытами, легко шёл вперед, за ним следовал верблюд с горой мешков на спине. По краям дороги росла степная трава с длинными корнями, они переплелись между собой, образуя своеобразные мётлы. Время от времени верблюд, натягивая петлю на недоуздке в руках Ахмета, наклонялся, чтобы пощипать траву.

Вдруг какой-то холм сбоку от него привлёк внимание Ахмета своей необычностью. Этот холм напоминал женщину в желтовато-коричневом пуренджеке на голове, с вытянутыми ногами сидящую у костра и занятую какими-то своими женскими делами. Вскоре дорога повернула направо и по-

шла в обход похожего на женщину холма. Ехать ему было легко и приятно, тишина навевала приятные мысли, убаюкивала. Дорога снова стала виться вокруг следующего холма и когда она свернула налево, Ахмет увидел вдалеке всадника. Всадником как он сначала подумал, оказался не кто-то из его знакомых, это была женщина. По какой-то причине спешившись с коня, теперь она пыталась вновь оседлать его. Подтянув подол платья, а полы халата заткнув за кушак, она старалась взобраться в седло. При виде женщины в яркой одежде Ахмет невольно подумал: «Что эта женщина одна делает в пустыне?» И вдруг он узнал её! Его родственник Оразгелди когда во время стрижки овец съездил к Ягды сельсовету, когда тот вызвал его к себе. Вернувшись от него, с возмущением рассказывал: «Что этот Ягды вытворяет!.. Нет, вряд ли он сможет долго продержаться в кресле, в которое его усадили советы. Вроде только вчера оказался у власти, а уже вон как нос задрал, на драной козе не подъедешь. А ещё этот подлец поставил особую юрту для себя на вершине холма в двух шагах от того места, где идет стрижка колхозных овец, и развлекается там с женщиной по имени Ханума». Сейчас Ахмет вспомнил тот рассказ. Несколько дней назад Ягды был вызван на собрание в район, он уехал ещё до окончания стрижки овец. Он собирался скоро вернуться, ведь надо было подвести итог собранному урожаю и позаботиться о его дальнейшей судьбе. Не желая расставаться, он сказал Хануме: «Ты пока тут присмотри как один из руко-

водитель за ходом дел, а я сразу после собрания приеду!»». Ему было невдомёк, что поручения районного руководства задержат его. Узнав об этом, он тогда велел передать:

– Скажите Хануме, я не смогу вернуться. Пусть садится на коня, и сама уезжает. Пусть дом и имущество не волнуют её, ребята сами и соберут, и привезут.

После этой вести на следующий день Ханума оседала коня и тронулась в путь. Ахмету ни о чём таком не было известно.

Поставив ногу на стремя, с раздувшимся от ветра подолом платья женщина взобралась в седло коня. Увидев приближающегося к ней всадника, некоторое время сидела в седле, вглядываясь в его лицо и пытаясь узнать. Приближаясь к ней, придержав коня для приличия в таких случаях, Ахмет вежливо произнёс:

– Здравствуйте! Вы тоже здесь?

– Да. – мягко, приветливо ответила Ханума, подтянув поводья коня, готового рвануть вперёд.

Хотя они жили в одном селе, но до сего дня Ханума и Ахмет не были близко знакомы друг с другом. Вблизи Ханума его видела только один раз, это было в конце прошлой осени, когда Ахмет привёз часть собранного хлопка, чтобы сдать его на общее колхозное хранилище. Она тогда хорошо разглядела его и про себя подумала: «Однако его внешность должна нравиться женщинам!»

– Что, сразу не смогли увезти всю состриженную шерсть? – спросила Ханума, глядя на груженного доверху

верблюда, шедшего впереди Ахмета в одной связке с ишаком.

– Да, с транспортом у нас проблемы возникли, поэтому пришлось вывозить шерсть частями, – ответил Ахмет.

– Удачи вам! Главное, вы уже закончили стрижку. А вот колхоз, несмотря на использование помощи и единоличников, всё равно ещё не закончил стричь своих овец.

По тому, как кокетливо разговаривала Ханума, Ахмет понял, что она не прочь продолжить общение с ним.

– Как хорошо, парень, что я повстречала тебя, иначе мне пришлось бы в одиночестве пересекать эту тоскливую пустыню!

Разговаривая, женщина рассматривала путника, словно пытаясь увидеть, до какого места дойдут её загадочные слова. Похоже, она хорошо знала, какими словами можно увлечь мужчину.

– Слушай, а как тебя зовут, парень? – спросила Ханума. В этот момент её конь шёл впритык к ишаку Ахмета, а сама женщина внимательно смотрела на парня.

– Ахмет меня зовут.

«Можешь брать меня голыми руками!» – читалось в ответе Ахмета.

– Помню, я как-то раз встречалась с тобой.

– Когда? – с интересом спросил Ахмет, посмотрев в лицо женщины.

– Прошлой осенью ты привёз в хранилище сельсовета

битком набитую телегу хлопка. Сапар дараз ещё помогал тебе разгружаться, так ведь?

– Ну, да.

– Я тогда тоже рядышком находилась.

О чём-то вспомнив, Ханума, сощурив глаза, кокетливо улыбнулась. Даже не глядя в лицо женщины, по её тону Ахмет понял, женщина еще тогда положила глаз на него. Было в ней что-то притягательное, да и в разговор с незнакомым человеком она вступила с легкостью, как опытная женщина ничуть не смущаясь. Повернув голову, Ахмет увидел, как на лбу женщины выступили капельки пота, словно она только что напилась горячего чая. Её пухлые губы были похожи на розовый бутон, готовый вот-вот распуститься. Какие-то мысли заставляли её сердце учащённо биться, в глазах женщины появился лихорадочный блеск, а на щеках проступил румянец.

Ахмет не знал, как себя вести с незнакомкой, тем более в таких обстоятельствах. Но он, как и все односельчане, знал, что в селе рядом с Ягды сельсоветом живёт красивая женщина по имени Ханума, что ведёт себя она как настоящая жена хана, уверенна и горда. Знал Ахмет и о том, что в селе с завистью говорили: «Везёт же другим, счастливчик Ягды сельсовет, нашёл себе красавицу и живёт с ней в своё удовольствие. Как сычу, добыча сама к нему в рот пришла!». А после таких слов добавляли: «А что, вдруг и в наши руки попадёт эта красавица, почему бы нет?». Так говорили люди,

заочно влюблённые в Хануму. Кстати, к их числу относился и Ахмет. Но ему и в голову не могло прийти, что его далекие от реальности мечты однажды могут сбыться.

Ахмет еще немного вёл своего груженного ишака рядом с женщиной, не поднимая головы, тихо беседовал с ней, чувствуя себя неуютно. Когда же он споткнулся о какой-то кустик и вздрогнул всем телом, Ханума поняла, что и у Ахмета, как бы он ни старался не показывать виду, участилось сердцебиение, что она увлекла, очаровала его, и, тихо смеясь про себя, хитро улыбнулась. Встретив Хануму и переговорив с ней, Ахмет заметил, как тяжело ишаку нести его груз, поэтому слез с него и пошёл рядом с ним. Ханума приблизилась к нему:

– Давай, парень, вдвоём сядем на коня, твоё село Союнали не скоро появится! – предложила она Ахмету. И не дожидаясь ответа, сама пересела на круп лошади, освобождая впереди место в седле. Натянув поводья, остановила коня в ожидании Ахмета. Удивившись такому предложению, Ахмет посмотрел на женщину и увидел, как она смотрит на него, взгляд её был ласковым, в нём сквозило желание. И когда их взгляды встретились, они без слов поняли друг друга. Ахмет не ошибся. Женщина не могла устоять при виде физически здорового молодого парня. Внутренний голос подсказывал ей, что она не должна сопротивляться неожиданно возникшему, но столь естественному желанию. И Ахмет тоже понял, что сейчас он не может думать ни о чём дру-

гом, кроме этой женщины, что он не в состоянии справиться с охватившим его возбуждением. Все его мысли и желания сейчас сошлись на Хануме.

После этого ласкового предложения Ахмет не мог удержаться и схватив в охапку и снял Хануму с коня. Он был похож в этот момент на голодного волка, который ни за что не упустит свою добычу.

Женщина не сопротивлялась, когда Ахмет нёс её на руках, только шёпотом спросила:

– Куда ты меня несёшь?

– Любить.

После этого и Ханума, отдавшись вспыхнувшему желанию, забыла обо всём на свете, где и зачем она находится. Сейчас, после такой вспышки страсти, этим двум показалось, что под этим высоким небом есть только они, и никого кроме них. Холмы неподвижно стояли там, где и выросли, молча наблюдая за любовной схваткой у подножия соседнего холма...

Немного придя в себя после случившегося, Ахмет решил почаёвничать с женщиной под открытым небом. «Я сейчас!», – сказал он и поспешил туда, где оставил верблюда и ишака, привёл их с собой и устроил рядом с ними, подальше от дороги. Там же и разгрузил их. Затем догнал коня Ханумы, который, волоча верёвку, успел уйти в сторону, и привязал его рядом со своими животными. Когда Ахмет вернулся, неся на плече хурджун с продовольствием, Ханума словно

приклеенная к земле всё ещё неподвижно лежала на спине там же, где её оставил Ахмет, с задранным подолом платья, раскинув в стороны свои полные белые ноги. На её круглом нежном лице появился лёгкий загар. А её карие глаза делали её похожей на любимую кошку, пригревшуюся в доме возле очага. Женщина, размышляя о том, что получила удовольствие прямо в открытом поле, не могла понять, как это вышло, да ещё так стремительно. «О, мой Аллах, оказывается, и в дороге такая радость может случиться! Наверно, Бог знал, что этой радости не хватает мне Божья милость снизошла на меня, а иначе разве могла я о таком даже мечтать?» – с благодарностью думала она.

Воодушевлённый полученным удовольствием, Ахмет достал хурджун с питанием и поставил перед женщиной, потом вскипятил воду и заварил чай. Вспомнив о баранине, которую дал чабан Гуллар, решил приготовить шара – жареное на углях мясо. Сидя рядом с Ахметом, Ханума временами бросала на него нежный взгляд своих красивых карих глаз. В её глазах плескалась радость. От её вспотевшего тела исходил густой, но притягательный и по-своему приятный женский запах. Переполненная чувствами, женщина не заметила, что в суматохе оборвались тесёмки от ворота её платья, волосы были растрёпаны, и сама она была несобранной. И всё равно Ахмету было приятно и хотелось обслуживать её. Пообедав, они сидели рядом, вдыхая запах жареного мяса, заполнивший всю округу, и вид у них был счастливый. Казалось,

своим счастьем они щедро делились и с окружающей природой. Похоже само небо благоволило им, оно опустилось ниже, чтобы слышать их счастливую болтовню. Впоследствии Ахмет часто задумывался над тем, как могло такое случиться в его жизни, он ещё долго помнил эти мгновения нечаянного счастья.

В душе Ханумы по возвращении в село также возникали сладкие мысли, связанные с Ахметом...

* * *

Кымышы держали семейный совет, на котором было решено начать жатву пшеницы в среду, этот день считался благоприятным. Но накануне вечером вдруг задул ветер, затем на небе появились тёмные чёрно-коричневые тучи. «Неужели пойдёт дождь?» – этот вопрос не давал покоя. Этого дождя никто не ждал, он был несвоевременным, поэтому так переживали жители села. А с другой стороны, ничего удивительного в этом не было. И хотя наступила жара, и мальчишки купались в открытых водоёмах, весна ещё не уступила свои права лету. Весна и прежде устраивала такие шутки, в самом конце весны погода вдруг могла разразиться громом небесным, ливнем. Выйдя ночью во двор, Кымыш-дузчы увидел, что тёмные тучи заполонили всё небо, и это вызвало у него озабоченность.

Дайхане часто взывали к Богу дождя Буркуту, просили по-

лить землю, чтобы она могла напитаться влагой, тогда и урожай можно ждать хорошего. Однако сейчас дождь был ни к чему, ведь ячмень и пшеница уже созрели, их надо было убирать вовремя посуху, а если в такое время вдруг прольётся дождь, часть колосьев почернеет, сгниёт. Перемена погоды испугала Кымыша, ему показалось, что тучи вот-вот прольются дождём, и тогда выращенный с таким трудом урожай пшеницы может погибнуть. Войдя в дом, он вдруг стал думать о том, что весенние дожди не бывают затяжными, а значит, не могут причинить урон. «Разве не говорят в народе «Весенние дожди – как ссора мужа и жены коротки»? – с этим умыслом успокаивал себя старик. И потом, он ведь видел во дворе Алабая, спокойно лежащего у забора. Если бы должен был пойти дождь, собака уже давно нашла бы себе укромное место, как это всегда делала перед непогодой. Погружённый в свои невесёлые мысли старик ещё долго не мог уснуть, всё ворочался в постели. А рядом с ним сладко сопели его внуки, здесь же безмятежно спала и его жена.

Он только-только задремал, когда его разбудил возмущённый голос Джемал мама:

– Ты что, и дальше собираешься дрыхнуть? Про свой намаз забыл, что ли?

– Разве ещё не рано? – спросил Кымыш-дузчы, ему очень хотелось спать.

– Не рано. Какое там рано? Парни твои уже уехали на работу. А ты не собираешься поехать с ними на жатву?

Туйнук¹⁴ был закрыт, потому что думали, пойдёт дождь, и от этого в доме стояла духота. Пахло гарью от коптившей в юрте масляной лампы.

Сунув руку в торбу с посудой, висевшую на стене кибитки, Джемал мама с громыханьем доставала оттуда миски, ложки и что-то ещё. Выйдя во двор, Кымыш-дузчы увидел, что беспокоившие его тучи рассеялись, и облегчённо вздохнул. Небо было чистым, и лишь луна, не успев уйти с небосклона, озаряла всё вокруг ярким светом, скользила по небу, словно собираясь опуститься на вершину одного из холмов Пенди.

Проходя мимо курятника, старик услышал громкое кудаханье, хлопанье крыльев кур и петухов и подумал, что туда опять забралась чужая кошка, которая недавно унесла курицу. Посмотрев по сторонам, стал искать какой-нибудь небольшой предмет, чтобы запустить в неё, но в этот момент из курятника показалась Огулбике. В руках у неё была тубетейка, наполненная яйцами. При виде своей озорной внучки дед невольно улыбнулся.

– Что, дочка, такой шум подняла, яйца что ли отнимала у кур? – ласково спросил он.

Девочка была довольна обращением деда, она прошла мимо него в прекрасном настроении, с гордо поднятой головой. Когда Кымыш вернулся в дом, Джемал мама и две её внучки уже расстелили сачак и поставили на него всё для завтрака.

---

¹⁴ Туйнук – отверстие наверху кибитки.

Когда Огулджума с малышом на руках вошла в дом, Акджагуль укутывала чайник с чаем для деда, чтобы он мог постояться.

Появление малыша вызвало улыбки на всех лицах. Амангуль, складывавшая в хурджун питание для полевых работников, увидев вошедшую старшую свояченицу, привстала и уважительным поклоном приветствовала её.

– Рахмангулы джан, ты уже проснулся? – ласково обратилась она к малышу. Огулбике вскочила с места, забрала у матери братишку и стала целовать его в пахнувшие молоком щёчки. Бабушке Джемал не понравилось, как она обращается с малышом. Сидя на месте, проворчала: «Ах, плутовка, да ты съела моего мальчика! Дай его сюда». Мальчишечка радостно протянул ручки к бабушке.

А в это время дед Кымыш, полулежавший возле сачака, подложив под локоть две подушки, подтянул к себе чайник с настоявшимся чаем и приступил к чаепитию. Временами он бросал на жену осуждающий взгляд, которым как бы говорил: «Что, старая, опять начала каркать?» Но тут же менял своё мнение, подумав о том, как его жена вместе с внучками целыми днями хлопочет по дому, ни минуты не отдыхая, и тогда воспринимал её как счастливый подарок своей судьбы.

Решили ещё раз продумать, что брать с собой на жатву, чтобы впопыхах ненароком ничего не забыть.

– Вилы взяли с собой – и железные, и деревянные? Они оба будут нужны для стогования, – беспокойно спрашивала

Джемал мама, и одним пальцем кормила пенкой с остывшего молока маленького Рахмангулы, который сидел на её коленях.

– Взяли. Только что закинул их в телегу, а решето и мешки-чувалы пока что не нужны. Мы ведь не с ночёвкой едем, понадобятся, возьмём в следующий раз. Вначале надо скосить пшеницу, скирдовать, смолотить, так что до того, как понадобятся эти предметы, ещё много чего надо сделать, – ответил сразу на все вопросы жены Кымыш-дузчы, зная, что в противном случае, она будет до бесконечности перечислять вещи, которые им необходимо захватить с собой.

Несмотря на то, что старики и все члены семьи дружно выполняли всё, что надо по дому и хозяйству, всё же забот и хлопот хватало всем.

Накормив завтраком всю семью и поручив внучкам убрать и вымыть посуду, довольная Джемал мама вышла во двор и увидела внуков Алланазара и Аганазара, вьющихся возле деда, который в это время впрягал телегу в ишака. Они старались угодить старику, подавали ему то одно, то другое. Джемал мама сразу поняла, что мальчишки что-то задумали.

– Эй, а вы куда собрались?

– Мы тоже поедem с дедом... Будем помогать акгаму, – в два голоса ответили мальчишки.

– Вай-эй, какая от вас может быть помощь? Наоборот, запутаетесь в кустах, в воде застрянете, с вами хлопот не оберёшься. – Она решила лаской увещевать внуков, смягчила

голос: – Вы лучше останьтесь, а я возьму вас с собой в Дуджи, на праздник по случаю рождения мальчика, а по пути к другой бабушке завернём, у них уже созрел сладкий урюк.

Мальчишки ни за что не соглашались с бабушкой, не поддавались её уговорам. У них были недовольные лица.

– Не-а, мы не поедem с тобой, – в два голоса воскликнули они. – А на праздник возьми с собой Рахманназара.

Старик наклонился, чтобы выровнять оглобли и впрячь ишака в арбу, поправил хомут, словом, возился, готовя животное в дорогу. Внуки помогали ему по мере сил. Подготовив телегу, Кымыш-дузчы обернулся и посмотрел на жену. Джемал мама озабоченно обратилась к мужу:

– Дед, твои внуки тоже собрались на жатву пшеницы. Но ведь они малые дети, устанут, ещё в воде увязнут, ты только намучаешься с ними. Алладжан и так несколько дней температурил, простыл, только-только поднялся.

– Пусть едут! – решительно и коротко возразил Кымыш-дузчы, не обращая внимания на слова жены.

Джемал мама взорвалась:

– В тебе, оказывается, корень зла, старый гохерт¹⁵!

– Пусть они посмотрят, почувствуют, жена, и с этих лет знают, почём кусок хлеба, как он достаётся. А иначе как можно их чему-нибудь научить? Должны же они с кого-то брать пример! – решительно заявил старик и посмотрел на внуков.

Джемал мама знала, что внуки вряд ли послушаются её, если собрались ехать в такое место, и всё равно беспокоилась о них, переживала. Они ещё за завтраком уговорили деда взять их с собой, и теперь ни за что не отступятся от своего решения. И, конечно, бегать за конём и ишаком, когда они молотят зерно, легче мальчишкам, чем взрослым людям.

Уже хорошо рассвело. Было видно, что собиравшийся вчера пролиться дождь передумал, а тёмные тучи уплыли в сторону афганских гор, и от этого всем на душе стало светло.

На противоположной дороге появились на своих ишаках сыновья старшего брата Кымышы-дузчы Сахетдурды и Хуртек. Поравнявшись с домом Кымышы, они поздоровались с дядей и гелнедже.

– Ребята, счастливого вам пути!

– Да, мы едем в поле, уборкой пшеницы заниматься.

– Похоже, ваш колхоз не спешит приступать к жатве?

– Они ещё не успели со стрижкой овец покончить, а начинать жатву собираются. Может, уже сегодня и приступят, – сидя в седле ишака боком, ответил Сахетдурды.

– Ай, слава богу, в этом году пшеница хорошая уродилась! – добавил Хуртек, в его голосе прозвучало удовлетворение.

– Да, пшеница хорошая уродилась, вот только если бы колхоз слушал советы Нурджумы по земледелию, было бы ещё лучше. Если не считать, что он немного грубоват, а временами бывает не сдержан, в земледелии превосходно разби-

рается, в этом деле ему равных нет, – заметил Кымыш-дузчы.

Видя, что задерживает племянников, Кымыш-дузчы взял верёвку, прошёл вперёд, соорудил из неё недоуздок и стал прилаживать его к шее ишака.

– Ребята, вы езжайте, не задерживайтесь. Не ждите меня. Их отцы уехали в поле ни свет, ни заря, – старик кивнул в сторону мальчиков, которые уже устроились удобно в телеге. Двигайтесь, и мы тоже скоро тронемся в путь, вот только испросим разрешения у вашей енге.

Эти шуточные слова Кымыш-дузчы произнёс громко, чтобы их могла услышать Джемал мама, которая покинула их и уже подходила к дому. Когда эти ироничные слова долетели до слуха Джемал мама, она резко обернулась, чтобы ответить мужу, дать ему отпор:

– Смотри, взяв с собой детей, проследи за тем, чтобы они там не остались голодными. Я в твой хурджун каурму положила, даже если не будешь варить из неё суп, хотя бы чай-чорбу сделай детям!

Догнав Хуртека и поехав рядом с ним, Сахетдурды задумался над тем, как старики Кымыш и Джемал мама как муж и жена временами подстрекают друг друга, а то порой и ссорятся. «Интересно, когда мы с женой Огулбиби доживём до их лет, тоже будем так себя вести?» – улыбаясь, спрашивал он себя. То ли привыкли к этому, то ли ещё что, но поведение стариков не очень-то удивляло родню. Напротив, Сахет-

дурды по-своему завидовал тому, как они перебрасываются словами, не желая уступать. Похоже, именно такое поведение помогает им так долго с пониманием жить на свете.

Когда Кымыш-дузчы вместе с внуками подъехал к полю, там уже было полно народу. Кто-то серпом срезал колосья, кто-то вязал снопы и скирдовал их, а кто-то и вовсе бродил по своему полю, присматриваясь к работающим людям. Народу становилось всё больше, создавалось впечатление, что село решило за один день убрать весь выращенный урожай. Колосающееся пшеничное поле было прекрасно. Раскинувшись от края до края, оно напоминало жёлтое море, и это море было ласковым и красивым, как прихорашивающаяся перед зеркалом красивая девушка. Когда они подъехали, Оразгелди и Оразгылыч, отыскав сухое место, чтобы на нём скирдовать снопы пшеницы, выкорчёвывали сорняки, убирали их и подготавливали место для своего хармана. Увидев подъехавших, Оразгылыч отбросил в сторону метлу и пошел встречать своих. На руках снял мальчишек с арбы, после чего привязал ишака в удобном месте. «Вы всё же добились своего!» – бросил он мальчишкам. Переводя взгляды с деда на Оразгылыча, мальчишки победно улыбались, пребывая в отличном настроении.

Хоть и с небольшой задержкой, но жатва началась и уже была в разгаре. В эти дни люди находились в поле от зари до позднего вечера. Те, кто открыл сезон раньше других, уже приступили к молотье, насыпая горы пшеницы. Кымышы,

хотя и приступили к жатве позже других, были уверены, бог даст, они догонят других и сложат свой харман. На счастье, в этом году пшеница уродилась лучше прошлогодней. Полные здоровые колосья радовали глаз. Земледельцы с благодарностью вспоминали последние весенние дожди, пролившиеся именно тогда, когда это требовалось зерновым.

Когда Кымыш-дузчы вместе со стоявшими рядом с ним, засучив рукава, двумя сыновьями и двумя внуками со словом «Бисмилла!» и добром молитвами начал срезать серпом первые колосья пшеницы, сверкающее солнце на небе уже было в зените.

Оразгелди и Оразгылыч, обливаясь потом, убирали пшеницу неподалеку друг от друга. Очень скоро за ними один за другим стали появляться снопы пшеницы. А ещё через какое-то время их стало так много, что они стали напоминать стадо овец, рассыпавшихся по полю для отдыха.

Сначала Кымыш-дузчы вместе с внуками прошёл по полю, по-стариковски основательно выкорчевывая и вырубая выросшие между кустов пшеницы сорняки, раздражающие жнецов. После этого вместе с внуками подошёл к жнецам и стал помогать им, вязать снопы. От каждого снопа он отделял несколько стеблей, показывал внукам, скручивал и вязал вокруг снопа. Время от времени выпрямлялся, чтобы дать отдых уставшей пояснице, посмотрев по сторонам, заметил, как продвигаются вперёд сыновья, оставляя после себя голые бреши, радовался. Оразгылыч, то и дело вытирая рукавом

рубахи пот с лица, жал пшеницу, тихонько напевая какую-то знакомую песню. Белая рубаха Оразгелди пропиталась потом и, приобретя серый цвет, прилипла к спине. У него было хорошее настроение. Посчитал про себя, сколько останется пшеницы для семьи, даже если власть заберёт половину в виде налогов и дани, всё равно останется ещё немаленькая часть, и её вполне хватит для нужд семьи. Пшеница уже не просто созрела, а даже немного перезрела, в таком состоянии она может осыпаться, поэтому Оразгелди стал жать её с осторожностью, аккуратно. Каждый раз, когда хотелось пить и во рту пересыхало, он поднимал голову и просил одного из мальчиков, бегавших возле деда и помогавших ему:

– Идите, кто-нибудь из вас принесите мне кувшин с водой!

И тогда оба мальчика радостно бежали выполнять поручение.

Наблюдая за работой сыновей, Кымыш-дузчы размышлял: «Если ребята будут работать в таком темпе, через пару дней завершат жатву, а там останется молотья. Её они тоже закончат за пару дней. Смолотишь, сложишь харман, забереёшь умолот, а уж потом в углу дома станет чувалов с зерном – хлебами будущего!».

А вокруг разлилось золотисто-жёлтое море пшеницы, колосья качались от легкого дуновения ветерка, создавая впечатление, будто волны перекатываются на поверхности воды. Казалось, что работавшие в поле люди наклонялись, чтобы

отыскать утерянное. Картина эта радовала глаз, поднимала настроение.

В очередной раз разогнувшись, чтобы дать отдых спине, немного отдохнув, Кымыш-дузчы заметил неподалеку от себя небольшую кучку людей, оставивших работу и двигавшихся в сторону толпы. «Что случилось, неужели кого-то ужалила змея?» – встревоженно подумал старик, потому что такое в этих краях иногда случалось. Сощуриив плохо видящие глаза, стал внимательно вглядываться в толпу, словно желая узнать, заранее что к чему, кому же так не повезло. Через некоторое время толпа зашевелилась, её словно вихрем закружило, часть толпы осталась стоять на месте, а другая небольшая часть направилась туда, где Кымыш-дузчы работал вместе со своими сыновьями. Когда они приблизились, старик увидел, что три всадника ведут перед собой четырех человек. Увидев сельсовета Ягды, ехавшего рядом с другими всадниками и, не глядя в его сторону, о чём-то переговаривавшегося, Кымыш-дузчы почувствовал неладное. А тем временем стало понятно, что эта троица не намерена продолжать путь по дороге. Приблизившись, всадники остановили коней. Сидевший на среднем коне хорошо одетый, многим незнакомый здоровый мужчина, под крупным носом которого топорщились густые усы, повернул голову в сторону Кымыша-дузчы и спросил:

– Кто из вас Оразгелди Кымыш оглы?

– Я! – ответил ему Оразгелди, стоявший с серпом в руке

и продвинулся на пару шагов вперёд.

– Если это ты, тогда одевайся, мы и за тобой пришли, – кивком головы он показал на людей, которых шли за ними толпой. Среди них находились сыновья Гуллы эмина Абдулла и Джума, на лицах у них было написано непонимание, за что их задержали. Ещё одним пленённым был высокий худощавый Анна-пальван, а рядом с ним стоял светлолицый по имени Лапар, мало знакомый Кымышу человек. Он стоял, опустив голову и ковыряясь в зубах сорванной тут же щепкой. Видя, что сейчас уведут и его сына, Кымыш-дузчы понял, что ему не удастся найти общий язык с этими людьми.

– За что вы собираетесь задержать Оразгелди? – задавая вопрос, старик смотрел то на человека, обратившегося непосредственно к нему, то на Ягды, отводившего взгляд от старика. – Сыновья Кымыша ни в воровстве не были замечены, ни в кровавых схватках, и границу они не нарушали...

– Яшули, нам велели привести этих людей на допрос. Мы люди выполняем приказ, – неохотно и недовольно произнёс усатый, видя, как Кымыш-дузчы защищает своего сына.

Кымыш-дузчы не удержался и снова задал вопрос:

– А куда вы поведёте людей?

– Пока что в Гаравулдепе.

Поняв, что ему придётся последовать за ними, Оразгелди отдал свой серп стоявшему рядом Аганазару и велел Алланазару: «А ну, полей!», кивнув головой в сторону кувшина с водой. Отойдя в сторонку, умылся, смыв пыль с лица и рук.

Около них стали собираться работавшие неподалёку люди. Оразгылыч почувствовав недоброе, не зная, чем он в такой ситуации может помочь старшему брату суетился. Время от времени бросал ненавистные взгляды на Ягды-кемсита, сидевшего в седле коня с надменным видом.

Надев дон и папаху, Оразгелди был готов присоединиться к остальным задержанным. Не глядя на расстроенных отца и брата, постарался как-то успокоить их:

– Акга, вы с Оразгылычем и внуками продолжайте жать пшеницу. А мы, даст бог, скоро вернёмся.

Сказав это, он жалобно посмотрел на мальчишек, которые, ничего не понимая в происходящем, были похожи на маленьких птенцов, вытянув шеи, сидящих в гнезде в ожидании матери, улетевшей за питанием для них.

Усатому не понравилось, что вокруг растёт толпа, что люди выражали недовольство происходящим. После того, как Оразгелди присоединился к задержанным, пришпорил коня, чтобы поскорее убраться с этого места. И услышал он как кто-то из собравшихся сказал: «Известно, как надо с этими поступить, да больно спина у них крепкая, а то можно было бы у этого усатого вырвать усы и приклеить ему на зад!», но пропустил эти слова мимо ушей.

Кто-то в толпе прыснул, видимо, представив усатый зад здорового мужика, а потом смущённо рассмеялся, словно увидев что-то постыдное. Когда толпа скрылась из виду, Оразгылыч, придя в себя после пережитого шока, вдруг

вспомнил про еду, которую захватили из дома, и пожалел, что ничего не дал с собой старшему брату. Потом он понял, что, проводив брата, не сможет спокойно оставаться здесь, и потому через некоторое время собрался пойти туда, чтобы проведать Оразгелди.

После этого потрясения люди в поле еще некоторое время не могли приступить к работе. Так и стояли на том месте. То, что работники ОГПУ выдернули из их рядов людей и увели с собой, испортил всем настроение. Уже никому не хотелось работать. И самое главное, было непонятно, когда и чем всё это закончится.

Новая власть стала репрессировать народ после того, как пару лет назад придумав слова «кулак» и «раскулачивание». А потом, словно были виноваты эти несчастные люди, для них заново наступил конец света, их стали называть басма-чами.

Люди, которых они забирали каждый раз ранее якобы «на допрос», назад возвращались не скоро, а то и вовсе не возвращались. А кто-то после таких «допросов» возвращался домой искалеченным. О том, что было с ними, рассказывали с опаской, и только самым близким людям. «Там так били, так били, пытали, что ты предпочёл бы умереть, чем терпеть такую боль».

Думалось, для народа, которого много лет угнетали и унижали, для людей, живших только своим трудом, наступила какая-то передышка, появилась надежда на перемены к луч-

шему. Но тут возникло это пресловутое слово «кулак», прикрываясь которым людей грабили и истязали.

Вдруг в горизонте стоящих людей ещё немного на том месте, откуда всадники увели с собой людей, сельчане, что-то задумав, толпой пошли к тому месту, где стояли на поле растерянные Кымыш-дузчы с сыном и внуками.

Впереди всех шёл Алтмыш ага в накинутах на плечи серо-голубом доне. Это был крупный человек с благообразным лицом, его смоляная борода опускалась на грудь. Шаг его был решительным, он чувствовал за своей спиной огромную силу в лице идущих следом людей.

Кымыш-дузчы, его сыновья и окружавшие люди тоже скоро увидели направляющихся в сторону земляков, толпами ждали.

И хотя солнце уже было в зените, жары не было. Тучи рассеялись, и всё же дыхание дождя ощущалось, того самого дождя, который так и не пролился вчерашним вечером. Небо словно укрылось серо-голубым покрывалом, а солнце превратилось в открытый туйнук над ним.

Не догадываясь о намерениях идущих людей, с недоумением стоящий Кымыш-дузчы ответил на приветствие человека, идущего впереди группы.

– Алтмыш, что всё это значит? – удивлённо спросил старик.

Подойдя к Кымышу-дузчы, Алтмыш ага, выражая уважительное отношение к человеку, которого почитали все жите-

ли села, поздоровался с ним обеими руками.

– Мы, Кымыш ага, собираемся отправиться в Гаравулдепе, за людьми, которых только что увели от нас. – По тону его ответа можно было понять, что все остальные одобрили это решение.

Кымышу хотелось воскликнуть: «Люди, да будет ли толк от вашего похода?», но, видя решительность на лицах односельчан, оставил своё мнение при себе. Его до глубины души тронула солидарность этих людей, и он с благодарностью посмотрел на них.

Один из солдат, дежуривших на смотровой вышке рядом с погранзаставой, когда издалека увидев приближающуюся толпу людей, поняв, они пришли к недавно арестованному, побежал к заставе докладывать об этом командиру части. Усатый, поместив задержанных в изоляторе временного содержания, сейчас сидел в кабинете командира заставы. Вытерев носовым платком низ снятой с головы фуражки, он разговаривал с присутствующими в кабинете людьми. Неожиданное известие подействовало на него как удар хлыстом, лицо его стало багрово-красным.

Ему и в голову не могло прийти, что народ, который новая власть уже несколько лет держала в страхе и повиновении, может позволить себе такие решительные действия. Красный сапог большевиков с железными подмётками и ядовитыми стельками, большевиков, ставших врагами богатых людей в 1917 году, теперь добрался и до окраин империи и топ-

тал их. Давил здешних баев, ишанов и мулл вместе с их Кораном.

От услышанного вздрогнул и присутствовавший в кабинете Ягды сельсовет, он растерянно посмотрел по сторонам, в его взгляде застыл вопрос: «Что это значит?». Командир заставы, вместе со стулом повернувшись назад, протянул руку и достал из кобуры маузер, а второй рукой торопливо схватил фуражку и заспешил на улицу. После этого все трое последовали за солдатом, принесшим известие об идущих в их сторону людях. Первые из идущих уже вступили на мост через большую канаву, протекающую между Гаравулдепе и проходящей сбоку от него дорогой. Усатый представитель ОГПУ, ненавидящим взглядом окинув движущуюся толпу, вышел навстречу.

– Ну, и куда вы прётесь? – грубо обратился он к толпе, выставив одну ногу вперёд, словно набирая скорость, а правую руку положив на кобуру с маузером. Люди остановились на мосту, из толпы донёсся решительный голос Алтмышы. Кивнув взгляд стоящему позади сотрудника ОГПУ Ягды-кемситу, произнёс:

– Эй, ты, а ну, скажи, кто тут самый главный начальник?

– Это я. И на что тебе большой начальник? – качнувшись и с трудом удержавшись на ногах, ответил вспотевший работник ОГПУ.

– Если это ты, тогда слушай. Мы пришли сюда не для того, чтобы драться с находящимся здесь твоими людьми. Мы

пришли за своими людьми, освободите их немедленно!

– Мы должны допросить их.

После этого ответа до того молча стоявшие позади него люди вдруг ожили, зашевелились, заговорили все разом:

– В чём их обвиняют?

– Знаем мы, что вы делаете с людьми после ваших допросов!

– Люди устали от ваших репрессий! Когда этому придёт конец?

– Если у вас есть вопросы, разве нельзя задать их людям где-нибудь в сельсовете, а не запереть их в казематах? – держа в руках вилы, Альмыш ага тоном советника говорил о том, что такое поведение властей отрицательно действует на людей, угнетает их.

– Нет, вы только послушайте, что он говорит! – возмутился один из толпы, круглый толстячок невысокого роста, которому не понравились слова работника ОГПУ.

– Освободите наших людей из заключения. Мы их хорошо знаем. Во-первых, они из достойных семей, в своё время много хорошего сделавших людям.

Алтмыш снова хладнокровно обратился к работнику ОГПУ, который, как разъярённый петух, готов был наброситься на него. Работник ОГПУ воспринял увещевания вожака как страх перед властями, а он и есть представитель этой власти, поэтому заговорил зло, напористо:

– Знаешь ли ты, бородач, что поведя людей за собой, ты

выступаешь против власти? Не знаешь, как власть поступает с такими, как ты?

Его голос становился всё громче, всё решительней. Он крутился на месте, то окидывая взглядом толпу, то оборачиваясь к тем, кто стоял позади него, размахивал руками, угрожал.

При виде такого поведения работника ОГПУ люди подумали, что он сходит с ума, и выжидающе замолчали. Вид у них был такой, словно они не работника ОГПУ слушали, а наблюдали за каким-то весёлым представлением. При виде молчащих людей усатый поверил, что его слова возымели действие. Выражение лица командира пограничников всё ещё было задумчивым. Кажется, он думал о том, как бы не случилось чего-то непредвиденного, переступая с ноги на ногу, поверх голов людей бросал взгляды на холмы Пенди.

Работник ОГПУ, довольный тем, что сумел заткнуть рты собравшихся, с видом победителя спросил у них:

– Ну, что, остались у кого-то из вас вопросы?

– У меня есть! – не дав договорить, ответил Халназар ага, стоявший в гуще толпы, опираясь на вилы.

Посмотрев на него, усатый приготовился спокойно выслушать вопрос. Одёрнул полы облежавшей его фигуру рубашки.

– Вот что я хочу сказать тебе, ты действуешь точно так же, как Аман порхан, не дай бог никому быть похожим на него... Ну, а теперь покажи нам своё умение на семи лопатах

попрыгать!

При этих словах Халназара народ тут же представил упомянутого им человека, это вызвало смех. Временами на сельских тоях появлялся пожилой человек по имени Аман-порхан, который устраивал пляски на семи раскалённых лопатах, причём, выступал он под музыку, и делал свой номер так виртуозно, что зрители не могли оторвать от него глаз.

– А и правда, особенно, когда он размахивает руками, точно Амана напоминает! – подхватил слова Халназара Розымырат-пальван, вспомнив обезьяньи ужимки работника ОГПУ. От смеха его смуглое лицо стало багрово красным. Не вынеся такого унижения, сотрудник ОГПУ решил привести этих людей в чувство. Поспешно достав из кобуры свой маузер, он выпустил пулю поверх голов собравшихся.

– Если вы немедленно не уберётесь отсюда, я за себя не отвечаю! – размахивая пистолетом, угрожающе произнёс он. Видя, что дело принимает неожиданный оборот, командир погранзаставы, подойдя к сотруднику ОГПУ и положив руку на его на плечо, стал что-то нащёптывать ему на ухо. Командир погранзаставы понимал, что должен незамедлительно принять меры и разрядить обстановку, иначе это ничем хорошим не закончится. Пойдут разговоры о том, что жители Союнали восстали против советской власти, а это будет означать, что они не справляются со своими обязанностями. Понимал он и то, что если сейчас допустить открытое столкновение с местными людьми, их за это не поглядят по го-

ловке. Когда командир заставы нашептал всё это на ухо работнику ОГПУ, тот сразу сник, пошёл на попятный. Засовывающая маузер в кобуру, зло сплюнул на землю и неохотно последовал за командиром в помещение. Когда командир пограничной заставы вошёл в кабинет, чтобы посоветоваться с усатым работником ОГПУ и Ягды сельсоветом, стоявший рядом с Алтмышем заросший бородой Баба ага, почёсывая спину концом серпа, произнёс:

– Эй, Алтмыш, не получится ли так, что эти нелюди, угрожая оружием, пойдут в наступление?

– Вряд ли они на это пойдут. Здесь рядом с ними находятся три-четыре солдата, остальные совершают обход границы.

– А что, если они сейчас звонят в город и просят прислать помощь?

– Остановись, Баба, а то сейчас у тебя конец света наступит! – Алтмыш ага дал понять своему односельчанину, что сейчас такие разговоры ни к чему.

Солдат, которого позвали с улицы, забежал в помещение и быстро выбежал оттуда и куда-то ушёл. Очень скоро он вернулся, ведя за собой задержанных. На лицах людей появились счастливые улыбки. Увидев толпу односельчан, выходящие за ворота люди не поверили глазам своим. Но вот они, односельчане, стоят с победным выражением лиц. Абдулла, присоединившись к толпе, дрогнувшим голосом произнёс: «Я благодарен вам, люди!». На глаза его навернулись слёзы.

Довольные одержанной победой, жители села вместе с освобождёнными земляками, о чём-то возбужденно переговариваясь, двинулись в сторону поля продолжать работы.

Войдя в помещение, работник ОГПУ, Ягды сельсовет и командир заставы больше не выходили на улицу, хотя люди и ждали их еще немного на пару словечек.

Но добившийся своего народ не обратил на это никакого внимания.

В этот момент люди поняли: если действовать сплочённо, всегда можно добиться своего. А силы для этого у народа есть.

Глава

II

Поскольку конец весны ознаменовался жарой и зноем, то казалось, что весна прошла слишком быстро. И вот уже много времени солнце, каждый день выходя из-за южных холмов Гарабила, разбрызгивало во все стороны свои яркие лучи, торопясь занять удобное место на небосклоне.

Такое поведение солнца было закономерным, и так будет и после того, как его диск, пройдя весь путь до конца, до тех пор, пока 22 июня не повернёт назад.

Временами воздух пышет жаром, словно вырываясь из зажённого тамдыра. В эту пору всё живое спешит спрятаться от жары в тени. Дома, деревья, холмы пускают длинные тени.

И вот в эти дни по селу поползли зловещие слухи, которые обычно возникают накануне какого-то неприятного события.

Говорили о том, что по ночам в дома некоторых односельчан приходят государственные служащие и тихо забирают людей с собой. Там, куда их увозят, людей бьют, истязают, кого-то отправляют в тюрьмы, но кого-то всё же отпускают, и они возвращаются в село, и что некоторые жители села, желая избежать такой участи, готовятся перебраться в Афганистан. Людей, общавшихся с прежними баями и так называемыми басмачами, коллективно записывали в кулаки и

целыми семьями, вместе с детьми ссылали в дальние дали, в чужие края. И практически каждый день эти толки дополнялись новыми слухами, ещё более зловещими и страшными. Люди потеряли покой, они находились в подвешенном состоянии. Переживания отражались на их лицах, они уже не верили, что когда-нибудь наступит спокойная жизнь.

Кымыш-дузчы и прежде часто посещал мастерскую своего друга кузнеца Бегендика. Для односельчан это местечко, как «Спорный холм гапланов», превратилось в одно из наиболее посещаемых мест. Перед кузницей росло большое тутовое дерево с густой тенью. Его тень выручала тех, кто приходил в кузницу по каким-то своим делам. Некоторые люди приходили сюда просто так, зная, что здесь всегда собирается народ, чтобы просто поболтать. И хотя жара была невыносимая, всё же в тени тутовника, с одной стороны которого протекал арык, было намного лучше, чем под солнцем. Через широко распахнутые двери кузницы видно, как Бегендик, раздув мехи, обливаясь потом, расплющивает железо, чинит людям разную утварь, приделывает ручку к лопате. Но и он, время от времени оставляя работу, выходит на улицу, разогнув уставшую спину, садится в тени дерева около людей и слушает интересные разговоры, а иногда и сам включается в них. Отдыхал кузнец недолго, его ждала оставленная работа, и он быстро возвращался в свою мастерскую, будто кто-то за руку вытягивал его из толпы.

Когда Кымыш-дузчы, прихватив затупившийся серп, что-

бы на нём заново нарезать зубья, пришёл в мастерскую, разговор был в самом разгаре. Люди мирно беседовали, вспоминая, кто и что видел, слышал. Временами беседа перемежалась шутками-прибаутками, вызывая на лицах улыбки. Непонятно было, чем закончится беседа, которая то разгоралась, то затихала. Но разговор то и дело касался невыносимой жары. Говорили о том, что нынешняя жара превзошла прошлогоднюю.

– Да это не просто жара, это самая настоящая геенна огненная! Похоже, она хочет расплавить людей!

– Зной даже ночью не спадает, духота такая, что спать невозможно!

– Да, дышать становится трудно, воздуха не хватает!

– Мы-то, взрослые, ладно, как-нибудь перетерпим, а вот детишкам совсем плохо. У нас есть пятилетний внучок, так вот, он метался в постели, всё никак не мог заснуть. Я взял его с собой на улицу и среди ночи с головы до ног окатил из ведра чистой водой, так ребёнок будто в рай попал, такое удовольствие получил!

– Чему ты радуешься? А ты не подумал о том, что, облив водой сонного ребёнка, мог до смерти напугать его?

– Но он же всё равно не спал, не мог уснуть от жары!

– И что, потом уснул, как ягнёночек?

– Кто-то сказал, что и Ягды-кемсит вместе со своей Ханумой по ночам в арыке, что в теснине течёт, купаются.

– Наверно, купаться вместе с женщиной намного прият-

ней.

– Этого я не знаю, но проходившие мимо парни видели, как они плескались в скотном броне на окраине села.

– Наверняка они купались гольшом! – высказал предположение один из присутствующих, старик с реденькой бородкой, окинув собравшихся довольным взглядом.

– Этого я не знаю, но видеть их видели, это точно.

– Да уж, эти молодцы знают цену удовольствиям!

– И потом, на нежной, как у Ханумы, коже от жары может появиться колючка. Если не мыть её и смазывать тело в разных местах топлёным маслом...

При упоминании имени Ханумы у всех поднялось настроение, люди стали представлять, как она, напоминая белую рабу, плавает вместе с Ягды в речке, и это ещё больше развеселило их.

Несмотря на большую разницу в возрасте, кузнец Бегендик и Кымыш-дузчы многие годы поддерживали дружеские отношения. Причём, эта дружбы началась лет тридцать-тридцать пять назад, в ту пору, когда Бегендик появился в селе Союнали. Его появление было связано со старейшиной рода дуеджи Маммет ханом. Однажды Маммет хан отправился в Иолотань и по пути навестил дальнего родственника в селе Союнали-Беден, кузнеца Бяшима. Ему понравился там крупный смуглый носатый человек, он в это время плюшил железо в кузнице Бяшима. Он Маммет хан тогда подумал о нем про себя: «Ты вполне мог бы обслуживать

целое село, работать самостоятельно». И обратился к кузнецу Бяшиму: «Брат, а что, если ты отдашь своего подмастерья нам, чтобы он был кузнецом в нашем селе, а то после смерти кузнеца Хукги мы никак не можем найти хорошего мастера». Кузнец Бяшим тогда не сразу дал согласие, хотя и знал, что к нему обращается очень уважаемый человек, старейшина рода. И лишь потом, когда они чаёвничали в доме, рассказал, что этот парень когда-то пришёл к нему в поисках работы и стал батрачить на него. Парень оказался порядочным человеком, честно работал, старался угодить семье, которая его приютила. И тогда кузнец женил его на своей не совсем здоровой сестре, сделал его своим зятем, рядом для них постваил юрту присматривал за ним, держал возле себя. Сказал, что может отпустить от себя кого угодно, но не этого парня, потому что не должен выпускать его из виду.

Только после этого рассказа Маммет хан понял, отчего кузнец Бяшим не хочет отпускать своего ученика. И вместо того, чтобы обидеться за отказ, сказал:

– Это хорошо, что ты держишь больную возле себя, поддерживаешь, помогаешь.

Но и Бяшим считал неудобным отказывать в просьбе такого уважаемого человека, как Маммет хан. И он продолжил начатый разговор:

– Маммет акга, но, если вам нужен мастер, не буду обижать вас отказом. У этого зятя с моей сестрой есть юный сын, я его с детства держу при себе, научил всему, что умею сам,

а недавно женил его. Когда вы приедете в следующий раз, я его вместе с семьей отправлю с вами.

После этого разговора прошло меньше года, из села Союнали Тахтабазара в село Союнали-Беден Иолотани по делам отправились Джумамырат бай, Ходжа гок и Донмез чеки. Они-то по поручению Маммет хана и переселили племянника кузнеца Бяшима со всеми его пожитками в своё село. Они поставили ему кибитку между сараем старшего сына Маммет хана Акынияз бая и участком Джумамырат бая. А следом за кибиткой рядом с ней при помощи дуеджи была построена кузница. Хоть парень был и пришлым, видя, как хорошо к нему относятся родственники Маммет бая, да и другие односельчане, быстро сдружился с ними. Теперь он считал Маммет хана, его сыновей, Джумамырат бая своей роднёй, поэтому ко всем обращался, называя «акга». А старшую жену Маммет бая Оранияз, которую все считали матерью рода дуеджи, он также называл «эне».

Когда настали смутные времена, и старший сын Маммет хана Акынияз бай решил перебраться в Афганистан, кузнец Бегендик решил ехать с ними. Но Акынияз бай отговорил его:

– Братишка, ты с нами не ходи. На этом пути ты нам не товарищ, намучаешься... Новая власть не станет трогать таких, как ты. У тебя золотые руки, и ты всегда будешь нужен всем. Теперь ты и здесь не будешь нуждаться. Кто знает, что будет завтра, это ведь судьба, и может статься, что завтра мы

сможем вернуться в родные края. Даст бог, наступят добрые времена, и мы еще будем жить, здесь с вами вместе.

После этого кузнец Бегендик прислушался к словам Акы-нияз бая и остался на месте.

И хотя дуеджи были рады появлению у них своего кузнеца, но в селе кое-кому особенно из родственников прежнего кузнеца Хукги, в особенности тем, кто мог как-то наточить косы, серпы, вставить черенок лопаты, было неприятно, что сельчане, как им казалось, быстро забыли своего мастера. Они ревностно отнеслись к появлению нового кузнеца. Побаяваясь Маммет хана, они не отваживались сначала впрямую нападать на новичка, зато при случае непременно выражали недовольство: «Зачем Маммет хану надо было откуда-то привозить кузнеца, мы-то здесь и можем работать не хуже него». Свидетелем таких разговоров стал Кымыш-дузчы, когда однажды пришёл в кузницу Бегендика, чтобы наточить притупившийся серп, устроился в тени дерева среди людей в ожидании, когда кузнец обслужит находившегося рядом с ним человека. Обливаясь потом в жаркой кузнице, Бегендик уста прилаживал черенок к лопате Гачы кичижига. Временами, с завистью глядя на собравшихся перед его кузницей людей, приветливо улыбался им и говорил: «Вот сейчас освобожусь и выйду к вам, отдохну немного в тенёчке».

Неожиданно, словно налетевший вихрь, поднялся шум. Гачы-кичиджик, разглядывая свою лопату, словно товар на рынке, примеряя её к своим рукам, вдруг вышел из себя.

Недовольно произнёс, держа в руках только что собранную лопату:

– Что это за работа такая! Сама лопата смотрит в одну сторону, а её черенок – в другую, а сам черенок крутится в руках, как следует не прилажен!

После такого возмущённого крика Гачы-кичиджика разговор в тени тутовника резко оборвался, люди поворачивали головы с вопросом в сторону кузницы, откуда доносился крик, чтобы выяснить, что случилось. Бегендик уста, не понимая, что же он сделал не так, растерянно смотрел по сторонам, молчал, действуя по поговорке: «У чужой собаки хвост поджат». Увидев на лице кузнеца растерянность, Гачы-кичиджек распалился ещё больше:

– Теперь всякие пришлые, не умея гвоздя прямо вбить, будут у нас тут хозяйничать, кузнеца из себя изображать. Да рядом с этими Хукги уста был настоящим мастером! А эти только кажутся мастерами. У нас в народе про таких, как ты, мастеришек, говорят, что полученные тобой деньги – харам! Грязные!

Несколько человек встали с мест, осмотрели лопату, подержали её в руках, но так и не нашли большого изъяна в работе уста, поэтому никак не могли понять, из-за чего возник весь этот сыр-бор.

Работа и в самом деле была выполнена качественно, придраться было не к чему. Но и эти люди только хмыкнули, изобразив на лице недовольство, проявляя солидарность с

Гачы-кичиджиком.

Чем больше смущался Бегендик уста, тем громче становились крики заказчика. Кымышу-дузчы не понравилось, как повёл себя Гачы кичиджик, что тот назвал Бегендика пришлым. Хмурым взглядом он посмотрел на скандалиста и высказал ему всё, что хотел сказать:

– Эй, сын Патды, ты чего тут развыступался? Или тебе показалось, что здесь находится рынок Тахтабазара?

И только сейчас люди заметили старика, который сидел с хмурым видом позади них и был похож на представителей своего рода гапланов.

Крики сразу же прекратились. Да и Гачы-кичиджик ступешевался, стал похож на собаку, услышавшую вой волка. Выхватив лопату из рук разглядывавшего её человека, обратился к старику:

– Кымыш акга, ты только посмотри на эту лопату, разве так её собирают? Причём, это лопата, которой я собираюсь работать на газы – очистке оросительных сетей. Ладно бы, она была нужна мне для переброски навоза, тогда претензий не было бы. Черенок её, словно змея, извивается и крутится в разные стороны, – и он протянул лопату Кымышу-дузчы. По тому, каким вкрадчивым и заискивающим стал голос Гачы кичиджика, можно было понять, что он хочет сделать Кымышу-дузчы своим единомышленником.

Кымыш-дузчы взял лопату в руки, повертел её и так, и сяк, а затем посмотрел на собравшихся, обдав их презри-

тельным и насмешливым взглядом.

Бегендику показалось, что Кымыш-дузчы остался недоволен его работой, отчего у него совсем упало настроение.

– А ну, скажи, дорогой, чем тебе не нравится эта лопата? Какой ты в ней изъян нашёл?

– Да ты посмотри, Кымыш акга, как крутится черенок этой лопаты! – заверещал Гачы-кичиджик, чувствуя, что удача отвернулась от него.

– Черенок лопаты вставлен, как надо, дорогой, а если черенок кривой, почему ты не принёс другой, ровный? Если у тебя ручка лопаты кривая, мастер-то что может сделать? Принесёшь кривую палку, он вставит кривую, принесешь гладкую – получишь гладкую...¹⁶

– А вот Хукги уста... – начал было Гачы, пытаясь доказать свою правоту, но старик сразу понял, куда он клонит, и не дал ему договорить, резко оборвал его:

– Короче, закрой свой рот! Знали мы твоего Хукги, он ничем не лучше этого мастера!

– Не говори так, Кымыш акга! Хукги уста – человек, мастеровивший стволы для винтовок.

Кымышу-дузчы не понравилось, что Гачы кичиджик никак не унимался, стоял на своём, болтал всякую ерунду. Тряхнув полой дона, старик встал с места и со злостью от-

---

¹⁶ Через несколько лет, вспоминая этот скандал, Бегендик уста говорил: «Я тогда пожалел, что переехал в это село, мне показалось, что меня все ненавидят. И если бы тогда за меня не вступился мой друг Кымыш ага, я бы в тот же день покинул это село».

бросил лопату в сторону.

– Тогда иди и отнеси свою лопату Хукги уста, пусть он поправит её. Предупреждаю: ещё раз тронешь кузнеца, ничего хорошего не получишь. Тоже мне ещё, знаток мастеров нашёлся... Хоть отец твой немаленького роста, отчего твоя мать не родила тебя высоким и стройным? Да потому, что ты вырос из того семени, которое застряло в чреве матери. Так и мастер, какую ты палку принёс, из такой и выточил тебе черенок лопаты. Эх ты, пустобрёх...

Наступила тишина. Довольно долго никто не издавал ни звука. Лишь слабый горячий ветерок доносил шелест камышей со стороны оврага. Разочарованный Гачы кичиджик, подхватив отброшенную Кымышек лопату, ушёл, ворча и не оборачиваясь...

...После разговоров возле кузницы Бегендика Кымыш-дузчы вернулся домой с некоторым опозданием. Когда он вошёл в дом, Джемал мама, у которой уже остывал приготовленный ею обед, говорила сыновьям: «Отец ваш снова где-то приземлился на мягкой подстилке. Вы хоть поешьте, пока еда совсем не остыла!»

Послышался звук шагов и знакомое покашливание Кымыша-дузчы. Оставив за порогом свою обувь, он вошёл в дом, снял дон и папаху и бросил их рядом с тем местом, где обычно садился. В доме было жарко и пахло восхитительно вкусным обедом. Заняв своё место, он тотчас же поделился своей тревогой с сыновьями:

– Вы, наверно, тоже слышали, село опять наполнилось малоприятными слухами.

Оразгелди сразу же понял, что имеет в виду его отец:

– Да, слухи об очередной выходке новой власти уже заполнили всё село.

– Но эти слухи явно не исходят от сельсовета, – включился в разговор и Оразгылыч.

Подвинувшись вперёд, Оразгелди налил из кувшина пиалу холодной колодезной воды и выпил.

Джемал мама, чуть раньше пообедавшая вместе с невестками и внуками на той стороне очага, вытирая только что вымытую посуду, чтобы налить в неё обед для сыновей и мужа, не удержалась, вступила в разговор. До неё тоже дошли слухи о том, что у людей будут отбирать зерно.

– Интересно, забрав у людей всё зерно, что ли они детей заставят глину лизать? – она озабоченно посмотрела на окружающих её внуков, после чего продолжила. – Точно по поговорке: не сеял, не веял, зато на мельнице первый хозяин! И за налоги каждый год забирали пшеницу один раз, а в этом году уже два раза взяли. Видите ли, им ещё нужно зерна. Можно подумать, у нас тут горы зерна сложены, чтобы отсыпать им и отсыпать...

Кымыш-дузчы знал привычку жены вмешиваться в разговор, но сейчас ему это не понравилось, и он, нахмурившись, взглядом сказал ей: «Хватит уже, остановись!»

Джемал мама всё поняла. После этого она велела зеваю-

щим внукам, привыкшим рано ложиться спать, стелить постель и стала укладывать их.

И хотя жатва хлебов закончилась около месяца назад, разговоры о долгах, похоже, и не собирались затихать. В самом начале косовицы речь шла о том, что единоличные хозяйства должны в качестве пошлины отдать государству четверть собранного урожая. Но после того, как пшеница была убрана, это условие изменилось, и теперь надо было отдать государству ровно половину всей убранной пшеницы. Через пару недель после окончания уборочной страды сельсовет со своими людьми начал обхаживать село и требовать от дайхан опять зерно.

Но были в селе и люди, которые ни за что не хотели делиться с государством своим зерном. В ту же неделю специально прибывший из города прокурор, назвав таких, как Сапар-дараз, Гурбан-чанна, «изменниками», на глазах у всех арестовал и увёз в город. Продержав там десять дней, людей, запугав до смерти, отпустили. Вернувшись в село, Сапар-дараз рассказывал:

– Ой, да мы согласны были отдать зерно, лишь бы освободиться. Как же они там издеваются над людьми, что ты готов по их требованию собственными руками отдать им свою жену и мать!

Бескрайняя Россия, вот уже много лет не сеявшая в связи с гражданской войной, а если и сеявшая, урожаяи не снимавшая, потому что сеять и выращивать из-за бесконечных

распрей некогда, репрессировавшая и ссылавшая крестьян, испытывала страшный голод. В те дни Москва направляла срочные депеши с требованием от руководства Туркменистана Атабаева и Попока вагонов с зерном, которые должны идти непрерывным потоком. В этом году урожай зерна в Туркменистане уродился богатым. И даже после того, как государству была передана ежегодная дань, полные чучалы пшеницы стояли в домах людей, и хлеба хватило бы семье на целый год. Но даже если Туркменистан со своим населением отдаст всю выращенную пшеницу, накормить сотни миллионов голодных россиян было бы невозможно. И хотя голод пока ещё не заглядывал в дома местных жителей, но его предвестники уже начали появляться и здесь, угрожая людям и лишая их покоя. Они и без того жили в надежде на то, что оставшейся после дани государству пшеницы должно хватить семье, если к хлебу будет молоко да дыни и арбузы, что они смогут дотянуть до следующего урожая.

Однако руководители государства, похоже, не понимали этого. Они слали требование за требованием. Хотя ничего непонятного здесь не было. Им казалось, что пустыня Пенди состоит не из песчаных холмов, а из укрытых глиной амбаров, из которых можно черпать зерно. Люди не хотели отдавать последнее нажитое честным трудом, чувствовалось, что очерченный вокруг хлеборобов круг стал постепенно сужаться.

Оразгылыч подумал немного и высказал мысль, которую

однажды уже пытался озвучить:

– А что, если и мы припрячем пару чувалов пшеницы, чтобы потом не бедствовать?

– Но это не выход, – возразил Оразгелди, сразу же возразив брату.

– Что же нам тогда делать? На пшеницу, как на зрелую девушку, слишком много охотников появляется.

– Это так. Но, отдаёшь ты своё зерно или не хочешь отдавать, они всё равно забирают его. И потом, где бы ты ни закопал своё зерно, эти ищейки всё равно найдут его и откопают.

– Ладно, найдут, но ведь для них это будет поводом, чтобы говорить: «Кымыши спрятали своё зерно, чтобы не делиться с новой властью, закопали его», – после чего начнутся гонения.

– Да, от них можно ждать чего угодно! – на этот раз Оразгылыч согласился с мнением отца и старшего брата.

– Не знаю, с чем это связано, но в последнее время Ягды сельсовет ополчился на нашу семью, так и хочет какую-нибудь подлость сделать, – Оразгелди вспомнил свою недавнюю встречу с ним на мельнице, и как тот высокомерно повёл себя.

В тот раз Оразгелди, дождавшись своей очереди, ждал, когда смолотят привезённое им зерно. Вдруг откуда-то появился Ягды и прошёл мимо него, сделав вид, что не замечает Оразгелди. Подойдя к мельнику, лицо которого было припорошено мукой, пнул ногой один из стоявших тут же мешков

с пшеницей и заявил: поскольку мельница стоит на государственной земле и использует государственную воду, все, кто молот своё зерно, должны платить налог за мельницу, и что эти средства будут переводиться на счёт государства. Обычно при встрече с Оразгелди сельсовет Ягды, хотя и менялся на глазах, вёл себя достаточно корректно, называл «Оразгелди ага», расспрашивал о жизни, о семье. Но на этот раз он прошёл мимо Оразгелди как мимо пустого места, даже словом не перекинулся с ним. Идя обратно, проворчал: «Однако сыновья Кымыш-дузчы, раньше всех свою пшеницу смололи. Когда можно что-то взять, они первые, своего не упустят». Оразгелди почувствовал, что Ягды говорит о нём, но из-за грохота мельницы не расслышал его слов. О том, что он говорил, после ему рассказал сам мельник. Выслушав старшего сына, Кымыш-дузчы, улыбнулся, словно услышал весёлый рассказ:

– Ай, что с него взять, этот человек любит показать свою власть. Зависть в нём говорит, вот и всё. И потом, разве он когда-нибудь в своей жизни видел такой достаток?! Не каждый может вынести чужое благополучие, – по-своему объяснил случившееся старик.

Как у главы семьи у Кымыш-дузчы тоже хватало забот. В голове постоянно вертелись мысли о том, как сохранить семью, не дать ей распасться, что для этого сделать. И даже во время чтения намаза веря, что Всевышний слышит его, молится о ниспослании мира и благополучия семье. Вот и

сейчас, беседа с сыновьями, он думал о том же, те же заботы и мысли не покидали его. И верил, что, если его сыновья будут дружны и бдительны, им удастся сохранить семейный очаг, никому не позволить разрушить его.

И всё же иногда, видя, как меняется мир, что надвигается неминуемая буря, у старика возникает чувство, будто никому не удастся устоять перед этим ураганом, и тогда испытывал настоящий страх.

Беседа с отцом, Оразгелди и Оразгылыч вдруг разом начали зевать, после чего стали расходиться по домам.

Джемал мама, заняв свое место между внуками Аганазаром и Алланазаром, уже давно досматривала десятый сон. Увидев, что Алланазар выкатился из постели и докатился почти до самого очага, Кымыш-дузчы задержал Оразгылыча.

– Сынок, прежде, чем уйдёшь, ты перенеси Алладжана на его место! А то он лежит на жёстком месте!

– Ну да, они не могут спокойно лежать, начинают метаться, – проворчал Оразгылыч, на руках перенося Алланазара на постель, заодно бросив ласковый взгляд на своего сына Аганазара, который лежал сбоку, раскинув в стороны руки и ноги. В нос ударил исходящий от детей смешанный с чем-то приятный запах. И он вспомнил, как в таких случаях, беззаветно любя внуков, говорила мать: «В запахе ребёнка нет запаха мускуса, как у женщины-кайтармы или мазы¹⁷, дети пахнут раем».

Выходя на улицу Оразгылыч ощутил, что жара заметно спала, лёгкий ветерок доносил со стороны тугаев смешанные с паутиной лягушачьи запахи. Потягиваясь и глядя на звёзды, он ещё какое-то время раздумывал о жизни.

Туркмены обладают огромными землями: в пустыне пасти скот, на лугах разводи пашню. Выращивай хлеб, собирай урожай, живи среди детей своих, радуйся, что у тебя ещё живы родители. Но почему всё время что-то мешает жить радостно, почему всегда возникают какие-то неприятности?

Оразгылыч снова вспомнил о событиях последних дней, о том, что творится вокруг. Посмотрев по сторонам, осторожно зашагал к дому, стараясь не наступить на спящего Алабая.

* * *

Жизнь в Союнали была беспокойной.

Оразгелди, выйдя из главного дома, вошёл в свою юрту. Тусклый свет масляной лампы едва заметно освещал комнату. Огулджума ещё не ложилась, ставя заплату на платье, она думала о муже: «Что-то он задержался у своего отца. Ну, ладно, вот закончу свою работу, и тогда лягу. Ну а лампу он погасит сам, когда вернётся».

Увидев жену, Оразгелди спросил: «Ты ещё не спишь?», – присел на край кошмы у порога и стал снимать чокай.

– Что-то вы в этот раз припозднились, – Огулджума воткнула иголку в определённое место и стала сворачивать ра-

боту, готовиться ко сну.

– Отец – старый человек, беспокоится о нас, – при упоминании отца в голосе Оразгелди появились тёплые нотки.

Сняв с голову борук, Огулджума повязала голову лёгким платком и подвинулась к постели.

– Сам погасишь лампу?

– Погашу.

– Только поставь её в сторонке, чтобы ночью, выходя на двор, на споткнуться об неё!

– Ты тоже, как моя мать, любишь поучать, никак не можешь без своих советов!

– А разве не говорят, что свекровь и невестка из одного теста слеплены? – раздался в темноте тёплый смешливый голос Огулджума.

Вскоре после того, как был погашен свет, в полночь в конце двора раздался лай собаки. Было известно, что она лает какому-то чужаку. Оторвав голову от подушки, Оразгелди задумался: «Кого это принесло?» Тем временем с улицы донёсся приглушенный голос, пытающийся успокоить собаку: «Алабай, Алабай, ты не узнал меня?» Всё еще неузнанный человек уже подходил к дому.

– Оразгелди ага, Джумаэдже!

Полусонная Огулджума услышав знакомый голос своей девичьей клички сначала подумала, что он ей снится. Тем временем голос еще раз громче повторился.

– Оразгелди ага!

– Ох, да это же голос Махмут джана! – Огулджума знала голос брата и спешно надела на голову лежащий рядом с постелью борук и вперёд мужа поспешила к двери, чтобы встретить ночного гостя.

Но у самого входа её остановил голос мужа:

– А ну, зажги лампу!

Огулджума не ошиблась. Ночным гостем оказался один из её братьев, Махмут, ранее вместе со всей семьёй перебравшийся в Афганистан. Огулджума была бесконечно рада встрече с братом, который уже давно пропал из виду. Сердце женщины бешено колотилось в груди, был слышен его стук. Продолжая радостно улыбаться, она, оставаясь воспитанной в строгих правилах женщиной, только после мужа поздоровалась с братом. При тусклом свете лампы с жадностью всматривалась в лицо любимого брата.

Положив рядом с собой папаху, недалеко от себя и винтовку, Махмут устроился удобнее, прислонившись спиной к стене кибитки, сел, скрестив ноги. Беседуя с Оразгелди и Огулджума, временами он бросал ласковые взгляды на сопевших во сне племянников. Окинув взглядом комнату, он увидел, как живёт семья его сестры, какое у неё благосостояние.

Не обращая внимания на слова Махмуда, что он сыт, Огулджума тотчас же занялась приготовлением какмача¹⁸. Она будто знала, что встретит брата, потому что сегодня

к вечеру, не откладывая назавтра, испекла целый тамдыр пышных и ароматных лепёшек – чуреков из муки нового урожая. Женщина радовалась, что ей есть чем вкусным угостить брата, ведь он прибыл сюда из отчего дома, который так почитала Огулджума. Она выставила на середину сачак с ещё не успевшими остыть пышными лепёшками. Ей хотелось угостить любимого брата ещё и пловом из риса нового урожая, но, вспомнив о том, что в доме нет риса, потому что он был припрятан в укромном месте до лучших времён, расстроилась, что не сможет сделать задуманного.

Хлопоча возле очага и готовя угощение, Огулджума не отрывала от брата глаз. После того, как семья перебралась в Афганистан, от них не было никаких известий, поэтому она временами тосковала по родным, думала: «Неужели мы больше никогда не увидимся?» И сейчас ей хотелось ухаживать за братом, накормить его самой вкусной едой, налюбоваться им. Она называла по именам всех живущих в Афганистане родственников, и о каждом по отдельности расспрашивала брата.

Оразгелди сидел возле Махмуда, пил чай, ведя непринуждённую беседу о жизни.

– Ну, и как вы там устроились? Какой у вас там достаток?

– По-разному, Оразгелди ага! Есть там живущие плохо, еле сводящие концы с концами, и раздетые, но есть и состоятельные люди.

– А вы как там живёте?

– Мы, слава Аллаху, живём неплохо. Акынияза акгама и там уважают, его почитают и те, кто приходит отсюда, и сами афганцы. В случае необходимости и тамошний Беркут говорит: «Приведите ко мне туркмена Акынияза!», зовёт его в свою крепость, советуется с ним. И к нам брат относится по-братски, помогает во всём.

– Но некоторые из тех, кто перебрался отсюда, иногда возвращаются обратно, бегут оттуда.

– Оразгелди ага, люди ведь разные бывают. Афганистан – жёсткая страна, там орашаемой землёй, и с водой большие проблемы, да и других забот хватает. Там тоже никто не ждёт нас с распростёртыми объятьями. Там всё надо зарабатывать своими деньгами, способностями и трудом. Свой скот иметь. Мы-то, слава Аллаху, при помощи Акынияза акга приобрели двор, есть у нас и земля, чтобы сеять и сажать, и скотина.

Махмут был самым младшим из детей Маммет хана от старшей жены Оранияза. Став подростком, он был одним из братьев, как младший выполняющий поручения для обоих домов мальчик побегушка после того, как сестра Огуджума стала членом семьи Кымышы, выйдя замуж за его сына Оразгелди, он часто приходил к ним. И хотя в семье Махмут рос избалованным ребёнком, впоследствии вырос в смелого и сильного юношу. Будучи председателем Госкомитета в Тахтабазаре, Акынияз бай отправил юношу в Байрамали учиться на тракториста, просчитав, что так он скорее приобщится к новой обстановке. Потом юноша некоторое время вместе с

русским парнем на тракторе пахали землю в Союнали. В селе даже стали называть его Махмудом-трактористом. Вспомнив о том, что брат жены когда-то был трактористом, Оразгелди подумал: «Похоже, на той стороне нет тракторов, мы ведь днём и ночью слышим доносящиеся оттуда лай собак, ор ишаков, а вот звуков трактора до сих пор не слышали».

Словно прочитав мысли Оразгелди, Махмут улыбнулся:

– Какие там тракторы, Оразгелди ага? Да если бы они и были, а где взять солярку для них? По правде говоря, там нет такого размаха, как у большевиков. Это русские оказались богами металла. Оказывается, трактор начинает пыхтеть от удовольствия при виде тракториста, совсем как конь при виде своего хозяина.

Говоря об этом, Махмут явно весело вспоминал трактор, которым когда-то управлял сам. Чувствовалось что он соскучился.

Готовящееся в казане тонко нарезанное мясо молодого барашка источало аппетитный запах и довольно быстро было готово. Наполнив миску с приятно пахнущим жареным мясом, Огулджума поставила её перед мужчинами. Махмут, некоторое время назад заявлявший, что он сыт, с аппетитом уминал вкуснейшее мясо. Потом Огулджума заварила свежий чай и поставила рядом с ними чайники с чаем и пиалы, после чего села за спиной мужа неподалёку от них.

Отсюда она хорошо видела лицо брата, которое при тусклом свете лампы приобрело красноватый оттенок. Лицо бра-

та напоминало ей то отца, Маммет хана то других братьев Акынияза бая и Ходжу. Ей всегда было тяжело думать о том, что теперь её родной дом находится на чужой стороне. Делая вид, что смотрит на спящих детей, Огулджума незаметно для мужа и брата концом пуренджека оттирала слёзы.

Люди в эти дни, причины своей тяжёлой жизни, которая с каждым днём становилась все невыносимее, видели не в новой власти, а в сельсовете Ягды, который лез во все дела. Они были уверены, если бы захотел Ягды-кемсит, он мог бы предотвратить много бед, найти общий язык с представителями власти и облегчить жизнь своим землякам. Он этого не делал, за это и его не любили. А он слишком старался отличиться, угождая новой власти, и совершенно не переживал за угнетённых людей.

Было предпринято уже две попытки избавиться от Ягды сельсовета. Парочка тех, кто бежал от его гнёта в Афган, ночью переплыли реку, чтобы свести с этим человеком счёты. Но за день до этого счастливчик Ягды с руководителями города уехал на собрание в Мары. Неудачной оказалась, и вторая попытка разделаться с Ягды. На сей раз из Афганистана прибыли другие люди, которые также были злы на Ягды. Хотя, прежде чем идти сюда, эти люди выяснили, что Ягды сельсовет находится вдали от села, в местечке под названием «Дейме ер», где днём и ночью руководит вспашкой полей. Прибывшие глубокой ночью мстители тихо, чтобы не проснулись пахари, одно за другим откидывали с их лиц оде-

яла, но среди них председателя сельсовета не обнаружили. Но и Ягды, хорошо зная о своём положении, проявил бдительность. Он ложился спать головой в другую сторону, к ногам пахарей. Кому может в голову прийти, что он всё предусматривает и поступит именно так? Пришлось мстителем несолоно хлебавши возвращаться обратно. Вспомнив об этом, Огулджума вдруг подумала, а не с такой ли миссией прибыл сюда её брат, и от этой мысли немного разволновалась. Но потом, и сама не поверила собственным мыслям.

Если бы Махмут прибыл с таким намерением, разве стал бы он приходить в дом сестры, подставлять её, если бы вдруг неудача постигла бы его? Огулджума хорошо знала своих братьев, они ни за что не причинили бы сестре зло, напротив, постарались бы всячески защитить и её семью. Они скорее умрут, чем сделают ей больно.

Плотно поужинав и выпив чаю, Махмут наконец решил сообщить о цели своего появления. Повернув голову в сторону сестры, которая сидела за спиной Оразгелди, произнёс:

– Джумаэдже, меня послал сюда Акынияз акгам, чтобы я справился о ваших делах, узнал о вашей жизни.

Оразгелди хотел было что-то сказать, но потом передумал, промолчал. Вместо него заговорила Огулджума, в её голосе были слышны нотки благодарности:

– Да возблагодарит Бог того, кто уважил нас!

– Он сказал, если сестра согласится, заведи её сюда вместе со всем скарбом. Откуда-то он узнал, что новая власть

начала придирается к вам, не даёт покоя.

Оразгелди, опустив голову, сидел молча, словно разговор брата и сестры его не касался, и не замечал взглядов, которые время от времени бросал на него Махмут.

Огулджума осталась довольна словами брата. Она была рада тому, что брат подумал о них и приехал специально для того, чтобы помочь им в трудную минуту жизни.

Какое-то время все молчали, никто не издал ни звука. Махмут по-своему понял молчание и подумал, что Оразгелди пугает переход через границу, поэтому поспешил успокоить его:

– О дороге не беспокойтесь! Пограничники знают нас, не станут трогать. Я не один прибыл, со мной прибыли ещё несколько бесстрашных джигитов, прошедших огонь и воду. Они ждут возле реки моего сигнала. Слава Богу, у нас есть возможность защитить вас и спокойно переправить через границу! – уверенно заявил он ночной гость.

Да, не так-то это и просто – оставить Родину и перебраться на чужбину. Этот вопрос волновал не одного Оразгелди, многие задумывались, надо ли им это. И кому охота покидать родные места, если только нужда не заставит?! Разве так просто оставить родные могилы, святыни своих предков, ведь ты привязан к этим местам тысячами невидимых нитей, и оборвать их не всегда хватает мужества и сил.

Поскольку Оразгелди никак не реагировал на слова брата и ничего ему не отвечал, опять Огулджума заговорила сама,

как бы советуясь с мужем:

– Акгасы, ты же видишь, Махмут джан ради нас сюда прибыл. Прибыл, чтобы переселить нас к себе, помочь с переездом. Ну и что ты скажешь на это?

Оразгелди поднял голову и, не глядя на Махмута, разглядывая жену, резко ответил:

– Если ты хочешь, жена, вон тебе порог, можешь одна уезжать. Я тебя отпускаю! Там у тебя есть мать, братья. Оставь моих детей, и если хочешь, можешь отправляться. И из дома забирай всё, что сможешь унести с собой. Лично я не намерен оставлять Родину и куда-то перемещаться. Что должно случиться со мной, пусть случится здесь!

В этой пламенной речи чувствовалась присущая всем Кымышам прямота. Каждый раз такая резкость возникала неожиданно, когда надо было принимать какое-то решение, разрубать узел.

Огулджума не обиделась на слова мужа. Прикусив конец яшмака, она молча размышляла: «Интересно, а что бы я ответила на его месте?». Конечно, её ответ не был бы таким резким, она бы постаралась смягчить его. Но Оразгелди совсем другой человек, у него характер не тот, чтобы ходить вокруг да около, сглаживать углы. Это ведь Кымышы, они не думают о последствиях, режут правду-матку в глаза. Да и Махмут был немного неправ, когда обратился не к Оразгелди, а к своей сестре, тем самым задел самолюбие зятя как главы семьи. А с другой стороны, обращаясь к сестре, Ма-

хмут как бы обращался к ним обоим, а иначе и быть не могло. Ведь он прибыл сюда не за одной сестрой, он искренне хотел помочь её семье и забрать с собой всех вместе. Но его слова прозвучали так, будто он обращался только к своей старшей сестре.

На самом-то деле Оразгелди отнёсся к приходу Махмута как к поступку настоящего мужчины, и был по-своему благодарен ему за это. Перейти границу, к тому же в такое смутное время было по силам только очень отважному человеку. Не каждый решился бы на такой смелый поступок...

И хотя Оразгелди ответил грубо, Махмут не стал обижаться на него, он понял его как может только мужчина понять мужчину. Продолжая пить чай, он спокойно ждал ответа. Подняв голову, внимательно осмотрел дом и увидел, что при тусклом свете лампы комната казалась разделённой на две части – нижнюю и верхнюю. Нижняя хоть и тускло, но была освещена. Верхняя же часть комнаты была тёмной, создавая впечатление, что она накрыта подолом просторного чёрного платья, и если свет погасить, это чёрное покрывало накроет всю комнату. После некоторого молчания:

– Махмут джан, братишка! – первой подала голос Огулджума, и в нём было столько любви и ласки! – Я благодарна тебе, что ты подумал о сестре и пришёл сюда, чтобы защитить всех нас, я от радости места не нахожу. Я благодарна и Акыниязу акгаму, и брату Ходже, и тебе, мой любимый братишка Махмут джан! Но нам не надо никуда уезжать! –

при этих словах она искоса посмотрела на мужа, после чего и продолжила. – Я буду находиться там, где Оразгелди, и умру рядом с ним.

После такого ответа стало ясно, что каждый должен плыть к своему берегу. Наступила гнетущая тишина. Допив из палы остывший чай, Махмут ещё немного посидел молча, словно пытаясь осмыслить услышанный ответ, после чего обратился к хозяевам дома, спрашивая разрешения попрощаться. После этого Огулджума встала с места, сунула руку между сложенных на сундуке одеял и достала оттуда платок, в который завернула две свежие лепёшки из сачака, а сверху насыпав всяких имеющихся в доме сухофруктов, хорошенько всё завернула и подала брату. Ей хотелось, чтобы её угощение отведали живущие в Афганистане родственники. Она передала большие приветы матери, братьям с женами и детьми. Она ещё долго стояла у порога, не желая расставаться с братом. «До встречи на тоях!» – сказала на прощание, но не была уверена, что ей ещё когда-нибудь доведётся увидеться с братом. Огулджума была сильно расстроена, но, чтобы не производить на брата грустное впечатление, постаралась сдерживать себя, нашла силы, чтобы без слёз попрощаться с ним. С благодарной улыбкой на лице проводила Махмуда.

И Оразгелди, выйдя во двор вслед за Махмудом, провожая его, высказал слова признательности:

– Махмут, счастливого тебе пути! Спасибо тебе за то, что ты из уважения к нам пустился в такой опасный путь!

– И вы будьте здоровы и счастливы, Оразгелди ага! – Махмут, пожав руку зятю, тепло распрощался с ним.

Через несколько минут после того, как Махмут, держа в руках винтовку, спустился с пригорка вниз, в долину, оттуда донёлся стук конских копыт. Потом перестук удалялся, становился тише и тише, а потом и вовсе затих, словно всадник вышел на дорогу, огибающую «Холм спорщиков гапланов».

Кругом царила тишина. Союнали был погружён в глубокий сон. Едва заметные днём холмы вокруг Союнали в ночи напоминали движущуюся в сторону села тёмную толпу. Оразгелди, прислушиваясь к шагам ушедшего шурина, мысленно благополучно перевёл его через реку, ещё немного постоял на улице и только после этого повернувшись, пошёл в дом.

* * *

Председатель сельсовета села Союнали Ягды Нарлы рано утром уехал в город на собрание и с видом победителя вернулся оттуда далеко за полдень. По тому, как он, задрав нос, на всех смотрел свысока, можно было догадаться, что председателя сельсовета что-то взволновало. И когда джигит, беседовавший с небольшой кучкой людей в тени недавно побеленного здания сельсовета, увидев начальника, подбежал к нему, принял поводья коня и спросил: «Шура ага, вы вернулись?», по его тону можно было понять, что у того прекрас-

ное настроение.

– А ты что, сомневаешься в том, что я вернулся? Разве ты не видишь человека, который, как гора, восседает в седле коня? – весело произнёс глава сельсовета.

Обычно, возвращаясь с собрания, особенно летом, он был без настроения, потому что там приходилось выслушивать критические замечания в свой адрес. Хотелось чаю напиться, утолить жажду. И всегда, сойдя с коня, он первым делом задавал вопрос: «У вас нет настоящего чая?».

И пока он не выпьет весь ароматный напиток, никого из ожидающих его людей не примет, даже если мир перевернётся. Ханума в это время сидит снаружи и никого не пускает к нему, объясняет: «Председатель только что вернулся с собрания и поставил перед собой чайник чая. Подождите немного, пусть он хоть жажду утолит, спокойно попьёт чай!» В связи с этим чаепитием по селу ходили разговоры, что Ягды как-то заявил: «Пока я пью чай, пусть никто меня не беспокоит, даже если придёт сам Нарлы гамышчи, не портьте мне настроение!». При этом он имел в виду своего отца.

Приподнятое настроение председателя сельсовета было не беспричинным. На собрании в городе рассматривался вопрос, кого из достойных людей Тахтабазарского района послать на большой съезд в Ашхабад. Делегатами на съезд были избраны председатель райисполкома Маммет Поллы, первый секретарь райкома партии Ата Хымлыев, а в качестве третьего назвали Ягды Нарлы как представителя передового

села.

Но перед тем, по слухам, третьим избранником был председатель сельсовета села Сугты Гулджаш Гара, человек, умеющий заставить слушать себя даже в районе. И поэтому нынешний выбор оказался совершенно неожиданным.

А ведь кандидатуру третьего делегата руководители района, желая угодить ответственным работникам ОГПУ, для себя выбрали ещё пару дней назад.

Вначале они решили, что Гулджаш Гара должен выступить на съезде от имени народа Тахтабазара как активист, но потом первый секретарь райкома Ата Хымлыев, подумав о том, что Атабаев в таких случаях, когда ему нравится чьё-то выступление на таких совещаниях, может сказать: «Этот человек нужен мне» и потянуть его наверх, не пожелал, чтобы такое счастье выпало Гулджашу Гара и поэтому предпочёл выступить с докладом сам. Он тогда сказал: «Конечно, слово дайхан там тоже нужно, но, если своё выступление связать с работой коммунистов района на местах, будет ещё лучше». Поэтому выступление было доверено именно Ата Хымлыеву. После того, как был устранён вопрос с выступлением Гулджаша Гара на высоком собрании, вспомнили о том, что в этом году село Союнали добилось хороших показателей по производству сельскохозяйственной продукции, ну и требуется делегат от села, было решено отправить на съезд представителя этого села. Председатель райисполкома Маммет Поллы высказал своё мнение: «Если надо везти дайхани-

на, там есть Нурджума». Но заместитель начальника ОГПУ, про которого в народе говорили: «Аман орус даже начальника своего может заставить слушать его, его даже Ата Хымлы и Маммет Поллы побаиваются», возразил: «Вам что, люди, разве неизвестно, что он защищает баев и кулаков, всегда их сторону поддерживает?» После таких слов никто не посмел заново голосовать за Нурджуму.

Тогда же решили, что на съезд должен поехать человек из Союнали, поскольку стало известно, что поездка Нурджумы в столицу нежелательна. Так делегатом на съезд был избран председатель сельсовета Ягды Нарлы.

Сойдя с коня, Ягды немного поговорил с ожидавшими его людьми, сказав каждому то, что он хотел услышать, а потом, вспомнив, что Ханума ждёт его, чтобы поскорее узнать новости, заспешил в дом. У порога стряхнул с подошв обуви пыль, одёрнул полы рубахи, собрался и вошёл внутрь.

За столом у стены слева сидела Ханума, прислушиваясь к доносящимся с улицы разговорам. Увидев сошедшего с коня Ягды, стала нетерпеливо ждать его, чтобы подать ему заваренный и настоящий чай. Когда же раздались знакомые шаги и стук подошв у порога, она разволновалась, разгладила растрёпанные волосы и собрала их в пучок на затылке, повязала голову лёгкой косынкой. Она и сама не заметила, как вдруг стала приводить себя в порядок.

Ханума вскочила с места, как только Ягды вошёл в комнату. Кокетливо произнесла:

– Кажется, мой начальник вернулся?!

– Да, дорогая, вернулся твой начальник! – с этими словами он схватил в охапку вышедшую из-за стола женщину и крепко обнял её. Чувствовалось, что любящий взгляд женщины тронул его, возбудил. Он страстно расцеловал женщину в обе покрасневшие от удовольствия щеки.

– Вай, отпусти меня, да отпусти же! – пытаюсь вырваться, Ханума билась в его объятьях. Но у Ягды сейчас было такое хорошее настроение, что он вряд ли стал бы слушать женщину. Прижимая женщину к своей груди, он держал её на руках и кружил с ней по комнате.

Когда почва ушла из-под ног, Ханума испугалась, что может случиться что-то непредвиденное. Двумя руками упираясь в грудь Ягды, она пыталась вырваться из его объятий. Задыхаясь, произнесла:

– Что с тобой случилось, мой начальник, скажи? Увидев народ, что скажешь? – покраснев, с улыбкой спросила она.

Вместо ответа Ягды, облизываясь, словно лиса, попавшая в курятник, высокомерно улыбнулся.

– Ты пока ехал по дороге мимо развалин, случайно не повстречал привидений? – капризным голосом спросила немного успокоившаяся Ханума.

– Ты догадалась, что что-то случилось, дорогая! Но если бы только знала, что именно случилось!

Эти слова Ягды Нарлы произнёс, выпустив женщину из объятий и направляясь на своё место. Усевшись за стол, он

ещё раз жадно посмотрел на женщину, торопливо приводившую себя в порядок, у которой оторвались завязки на вороте платья и оттуда выглядывали её упругие груди.

– И что бы было, если бы я знала?

– А если бы знала, то не я, а ты меня зажала бы в объятьях.

Колесо закрутилось, и теперь его не остановить!

До тех пор, пока Ягды не рассказал о случившемся в городе, Ханума не могла понять, отчего так гулко бьётся его сердце. На рубаше с воротником стойкой и пиджаке, больше похожем на военный мундир, расстегнулись несколько верхних пуговиц, и оттуда выглядывала поросшая густой шерстью, похожей на сорную траву, часть груди. Глядя на Хануму с довольной улыбкой, он опирался руками на стол с видом человека, готового вскочить с места и снова подхватить Хануму на руки и закружить по комнате. Ханума поправила съехавший на затылок платок и заново повязала его на голове. Наполнив пиалу настоящим чаем и подав его Ягды, она недолго ждала его рассказа. Рассказав о том, что на прошедшем в городе собрании его избрали делегатом съезда наряду с секретарём райкома Ата Хымлыевым и председателем райисполкома Маммедом Поллы, Ягды сообщил, что вскоре вместе с ними поедет в Ашхабад. Хануму это сообщение тоже обрадовало. Она поздравила Ягды Нарлы, добивив: «Даст бог, и нам выпадет счастье увидеть Ашхабад». Затем добавила: «Почему всё время кто-то должен ехать куда-то, а не ты? Разве ты меньше них добиваешься успехов?».

– Это ты верно подметила, гелин. Думаю, что при выборе наиболее достойного кандидата учли и наши нынешние показатели по сданной пшенице, и результаты весенней стрижки овец.

Рассказ Ягды сельсовета о поездке в Ашхабад был сродни душевной беседе мужа и жены, которую можно вести только оставшись наедине друг с другом.

После этого Ягды несколько дней готовился к поездке в Ашхабад, словно собираясь в долгую дорогу длиной в полгода. Велел зарезать барана и из свежего мяса пожарить каурму, а из муки нового урожая испечь лепёшки, замесив тесто на молоке и яйцах. Хотя он слышал о том, что там делегатов съезда хорошо кормят, всё же поступил по-своему, заявив «своя ноша не тянет».

Но ещё до отъезда, как и всякий путник, испытывая беспокойство перед дорогой, мысленно несколько раз побывал в Ашхабаде.

А ещё как-то он поговорил с человеком, побывавшим в Ашхабаде, расспрашивал его об интересующих его вещах. Был такой человек в селе. Он вспомнил тогда про Гыджана, который был воином сформированного в 1927 года Туркменского конного полка. Отыскав его в поле, где тот занимался поливом, стал жадно расспрашивать у него об Ашхабаде.

Гыджан – добрый, открытый парень, очень дружелюбный. Решив угостить Ягды чаем, он подвинул тунче в центр огня и

стал кочергой ворошить угли. Рассказ его был отрывочным, он то об одном говорил, то тут же переходил на другое.

– В Ашхабаде со стороны Ирана есть высокая гора, она похоже на холмы наших Пенди и Гарабила, но намного выше и крепче них. На его вершине почти круглый год лежит снежная шапка. Там не увидишь бурную, как наш Мургаб реку, нет там и больших полноводных каналов, город пьёт чистую родниковую воду. Ашхабад красивый город, в нём много высоких и красивых зданий, гораздо больше, чем в Мары. Когда мы служили в этом полку, то три месяца находились в Мары. В Ашхабаде есть прекрасный памятник дедушке Ленину, прямо в центре города. Вам его обязательно покажут. Будет такое ощущение, будто Ленин взобрался на крышу устеленного прекрасными коврами здания и, вытянув руку, держит речь. Когда в 1927 году открывали памятник, там были и мы, туркменские джигиты. Мы стояли рядами, а мимо, с любовью глядя на нас, шли Атабаев, Айтаков и другие руководители Туркменской республики. А потом вас сводят в одно место, музей называется, где собрано всякое старое обмундирование, оружие. Нас каждые выходные туда водили, если там будешь, много интересного увидишь – и старого, и нового. Например, посуду древних людей, обрывки их одежды, там ещё разложены кости и черепа людей. Посмотришь, и вспомнишь своих предков, и даже подумаешь: а не им ли принадлежат эти кости?..

В этом месте рассказа на лице Гыджана появилась озор-

ная улыбка, похоже, ему в голову пришла какая-то озорная мысль, и ему при случае удастся задеть Ягды сельсовета. Глядя на собеседника, шутливо произнёс:

– Друг мой Ягды, даже если ты увидишь эти истлевшие кости, не вздумай примерять их на своих родственников. А то получится, как у Араба Рейхана из дестана «Гёроглы» который, разглядывая прибывшие с верблюдом кости, пытался, сравнивая свои кости с костями их мешков найти среди них кости своего младшего брата Амана Араба, отправившегося в Чардаглы Чандыбил мстить Гёроглы. Уж если и искать кости наших с тобой предков, их здесь не может быть, скорее всего, они находятся где-то там, за горами... Гыджан показывая махал руками в сторону гор шутками напоминал Ягды откуда были его родители...

Его шутка не понравилась Ягды сельсовету, и он не захотел отстать от Гыджана, который сейчас сидел с ехидной ухмылкой на лице, раскачивая из стороны в сторону своё грузное тело.

Возможно, в эти минуты Ягды на какой-то миг задумался над вопросом, как его предки попали на туркменскую землю и за это горевал, что люди до сих пор помнят.

Ему тоже хотелось сказать и напомнить его недостатки отомстить Гыджану, и он ехидно улыбнувшись ему, сказал:

– Тогда, вполне возможно, там гуляет разделанный на части конь без ушей и хвоста! – хитро улыбнувшись, он напомнил Гыджану случай, произошедший с ним в годы его служ-

бы в Туркменском полку.

Напоминание Ягды сельсовету, промахов прошлого напротив, обрадовало добродушного Гыджана. Вспоминая те дни, он качал головой, возможно, представлял своего безухого и бесхвостого коня, ставшего жертвой его неумелых действий.

Об этом факте, случившемся в дни службы, рассказал сам Гыджан, когда вернулся домой после службы. Во время учебной тренировки по нарезанию прутьев, он размахнулся саблей и вместо прута нечаянно отрезал ухо своего коня, со смехом рассказывал он сверстникам, пришедшим поздравить его с благополучным возвращением после службы в армии. Ну а что нужно молодым? Повеселиться, да и разве забудешь такое? С тех пор, если кто-то не справлялся со своей работой или делал её недостаточно хорошо, сельские жители непременно ехидничали: «Что это ты сделал свою работу так, как Гыджан во время нарезания прутьев!»

Хотя Ягды сельсовет и не знал досконально, что именно он хотел узнать, воспоминания Гыджана ничего нового не добавили к тому, что ему и так было известно...

Делегация из Мары прибыла в Ашхабад за два дня до начала съезда.

Солнце уже взошло, но утро всё ещё не утратило свою свежесть и прохладу. Небо было чистым, казалось, что оно целиком покрыто светло-голубой эмалью.

На Ашхабадском вокзале приезжающих под звуки торже-

ственного марша встречала группа государственных деятелей. Не успел поезд остановиться, как перрон наполнился людьми, их было так много, они толпились, и казалось, что здесь их гораздо больше, чем ехало в поезде. Оказалось, что в этом же поезде на съезд прибыла, и делегация из Лебапа.

Приветствуя прибывших на съезд из двух областей людей, руководитель государственной комиссии, народный комиссар республики по земельным делам Ташли Аннамырадов прямо на перроне вокзала произнёс речь, поздравляя их с участием в знаменательном событии. Ташли Аннамырат был стройным и решительным мужчиной, возрастом чуть более тридцати лет, в его тёмных волосах просвечивала первая седина. Его внушительный нос горой возвышался над пышными усами. Одет он был в серо-коричневый костюм, голова покрыта лопатообразной фуражкой, какие в последнее время, подражая Сталину, носили все руководители.

Закинув на плечо хурджун и выходя из вагона, Ягды сразу же увидел своего старого знакомого. «Кажется, и Ташли здесь», подумал он, видя, с каким почитанием смотрят на него окружившие его люди, в душе испытал чувство гордости. И еще по дороге сюда он думал: «Там должен быть и наш Ташли, может, на съезде и его удастся увидеть». И вот теперь человек, встретить которого он не очень-то и надеялся, стоит на перроне и вместе с ещё несколькими чиновниками встречает приезжающих.

До того Ташли Аннамырат несколько лет возглавлял Тах-

табазарский исполком, потом руководил его парткомом. На любом посту он зарекомендовал себя как настойчивый и жёсткий руководитель. Он был направлен на учёбу в Москву, и вот около года назад Ташли вернулся в родные края, занял пост народного комиссара по земельным делам в Ашхабаде.

В те дни в Тахтабазаре часто вспоминали о жестокости этого человека, говорили: «В Пенди никто ни до, ни после Ташли не делал столько для давления, установления советской власти», но всё-таки свояк.

После собрания небольшая группа людей ещё некоторое время общалась с Ташли Аннамыратом и его окружением, общались, как старые знакомые. Когда Ягды прорвался сквозь толпу, чтобы поздороваться с Ташли поближе, тот разговаривал с широкоплечим краснолицим человеком из Лебапа, они вспоминали Москву, радуясь встрече. Человек из Лебапа произнёс:

– Ташли, а как поживает девчушка, которую мы нашли в Москве?

Ташли ответил с гордой улыбкой на лице:

– Базар ага, ваша девочка болтает без умолку, носится, трясая косичками! – в его голосе звучала присущая родителям любовь к своему ребёнку, но вместе с тем и чувство благодарности к своему собеседнику.

У Ташли во время учёбы там родилась дочка. Тогда обучавшиеся в Москве земляки собрались вместе и устроили по

этому поводу шумную вечеринку. Одним из участников того застолья был и Базар ага, с которым сейчас беседовал Ташли.

При виде Ягды Ташли Аннамырат радостно воскликнул: «О-о, Ягды, и ты тут?» и тепло поздоровался с ним. Вспомнился Тахтабазар.

– Ну, и как поживает Пенди?

– Так же, как и при тебе.

– Вы там случайно не отодвинулись немного дальше? – шутливо, но с некоторым подтекстом спросил Ташли.

– Да, там есть и такие, кто убегает туда, а потом, не находя там места, тайком переплывает реку, чтобы вернуться назад.

– Ну, да, граница-то совсем рядом с вами.

– И между нами всё та же река Мургаб.

– Хотят, пусть бегут, однако ведь нет ничего ближе и роднее Отчизны, и вряд ли они найдут место лучше.

При этих словах на лицо Ташли набежала тень, было видно, что этот вопрос по-прежнему тревожит его. Простившись с Ташли со словами «увидимся на съезде», Ягды снова превратился в любознательного человека, впервые попавшего в Ашхабад и мысленно сравнивающего его со знакомыми городами Тахтабазаром и Мары. С восхищением разглядывая величественное здание вокзала, думал: «Да если здешний вокзал похож на дворец, как же выглядят остальные здания?». Вдруг взгляд Ягды упал на стоящих в сторонке в ожидании кого-то нескольких женщин в таких же бархатных халатах, какие носят женщины в Пенди, и в боруках, повязан-

ных сверху тонкими, как у пендинских женщин, платками. «Ого, здешние женщины одеваются так же, как наши!»

Среди них одна белолицая улыбочивая женщина в накинутом на борук небольшом тонком платке показалась ему знакомой.

– Интересно, они и одеваются, как наши, и головные уборы у них такие же, вот только откуда я знаю эту женщину в маленьком боруке? – задумчиво произнёс про себя Ягды.

Один из встречающих подошёл к женщинам и увёл их с собой. Провожая взглядом уходящих женщин, Ягды думал: «Эх, кто же эта кобылка, где я её видел? Она точно подходит какому-нибудь хану или беку».

Делегатов из Мары разместили на втором этаже Дома колхозника. Ягды устроился в комнате с Яздурды Бекназаром, четвертым в делегации, которого включили в последний момент, потому что надо было включить и одного человека из комсомола.

А тот, не успев разложить вещи, достал из хурджуна какой-то свёрток и сообщил: «Здесь учится один из наших племянников, Нагым, это ему из дома передали». Яздурды решил встретиться с пареньком до начала съезда. «С виду он такой маленький, но учится хорошо, очень старательный. Вначале его направили на учёбу в Ташкент, он там отучился. Вернувшись на работу в Ашхабад, он встретил здесь своего земляка, водителя товарища Атабаева Сайыла Нурджуму. Тот и говорит ему: «То, что ты окончил техникум, это толь-

ко половина образования. В этом году здесь открывается институт, который даёт высшее образование, ты поступи туда и выучись, если и в самом деле хочешь получить хорошую специальность!» Ну, а тому только того и надо. И вот теперь он поступил и учится в недавно открывшемся институте. Студент. Он уже успел познакомиться с товарищем Атабаевым и услышать от него слова одобрения. Товарищ Атабаев сказал ему: «Если ты такой старательный, я потом пошлю тебя в Москву, Ленинград для продолжения учёбы».

Яздурды предлагал ему вместе навестить того юношу, познакомиться с ним, но Ягды не согласился. Ему хотелось свободное время посвятить знакомству с Ашхабадом, походить по его улицам, подышать воздухом столицы.

Вскоре после ухода напарника Ягды переоделся и тоже вышел из номера гостиницы. В хорошем расположении духа спускаясь по лестнице со второго этажа, Ягды снова увидел показавшуюся ему знакомой женщину. Она сидела за круглым столом, стоящим в центре застеленного коврами холла и о чём-то оживленно беседовала с другими женщинами, время от времени поглядывая на висящий за спиной женщин портрет Сталина. Иногда она бросала взгляд на спускавшегося сверху мужчину в облегающей, как у военных, одежде, в начищенных до блеска сапогах, с внушительным, как у горцев, носом над пышными усами. Похоже, мысленно она сравнивала Ягды с человеком, о котором сейчас вела речь. Проходя мимо женщин, Ягды услышал, как она говорила: «...

Иосиф Виссарионович ласково обнял меня... «Якши, чох якши!» по-нашему произнёс он добрые слова. При этих словах Ягды сразу же вспомнил, откуда он знает эту женщину.

Это была Бердиева – красивая женщина, которая пять-шесть месяцев тому назад на каком-то большом собрании в Москве вручила лично Сталину в дар от туркменского народа красивый ковёр с его портретом, после чего была обнята вождём и сфотографирована вместе с ним все газеты печатали. Как и тогда, при встрече со товарищем Сталиным, лицо женщины было не просто красивым, но и счастливым...

Гуляя по улицам Ашхабада, гордясь скрипом своих сапог, Ягды снова стал думать о той нежной женщине Бердиевой.

Поведение женщины, гордо восседавшей за столом, вдруг напомнила ему о его Хануме. После этого Ягды с присущей ему подозрительностью стал думать о том, как могла простая женщина Бердиева оказаться рядом со Сталиным. А потом пришла в голову мысли некоторые ханы, беки во все времена для достижения своих целей пользовались чарами красивых женщин. Наподобие истории, когда Ковшут хан, чтобы победить в бою своего противника умело использовала красоту Гульджемал хана...

Может это тоже одно из таких хитрых угождение придуманный республиканским руководителем. И эти мысли напомнили Ягды еще одну сказку о том, как умные мыши надели на шею кота-хана колокольчик. В сказке рассказывается о том, как одному коту посчастливилось стать ханом целой

страны, и что он намеревался уничтожить всех мышей. Прослышав об этом, мыши сильно расстроились. В поисках пути избавления от гнёта кота мыши устроили большое совещание. Тогда одна мышка сказала, что надо на шею кота повесить колокольчик, чем сильно удивила собравшихся. «Мы тогда услышим его приближение и сможем убежать и спрятаться». Но кто осмелится приблизиться к коту и повесить ему на шею колокольчик? Где взять такую храбрую мышь?

Тогда та самая серый мышь, немного подумав сказала:

– Вы отлейте мне колокольчик из золота, пусть у него будет звонкий голос, а остальное я беру на себя, повешу его на шею кота, – пообещала она.

Да если дело только в колокольчике... У мышей, которые вечно рыскают по хранилищам с золотом и серебром, этого добра предостаточно. Мыши-ювелиры в тот же день отлили золотой колокольчик, который сверкал на солнце. А мыши всё ещё ничего не могут понять. «Интересно, как она собирается приблизиться к коту и повесить ему на шею эту погремушку? Может, подкрадётся к нему, когда он будет спать, и сделает своё дело?», – наивно думали они.

На следующий день, прихватив с собой ещё двух смелых мышей, та мышь прибыла прямо во дворец кота. Воспользовавшись моментом, от имени всех мышей поздравила его с избранием ханом и торжественно надела на его шею золотой колокольчик. Подарок понравился хану.

После этого кот, гуляя, восторгался тем, какой нежный

звук издавал висящий на его шее колокольчик. Зато мыши теперь всегда знали, откуда и куда идёт кот, где он отдыхает как его избежать, где спрятаться от него. Вот так мыши на какое-то время обеспечили себе спокойную жизнь...

В назначенный день съезд начался позже намеченного времени. Со своего места Ягды видел людей, занявших места в президиуме за столом, накрытым красным сукном, среди них были и знакомые ему лица. В центре сидели ведущие руководители государства – Атабаев, Попок, Айтаков, временами они оборачиваясь обменивались короткими фразами. В этом же ряду сидел, разглядывая делегатов, симпатичный молодой человек, в котором он узнал председателя Молодёжной организации Туркменистана Чары Веллекова. В прошлом году он приезжал в Тахтабазар во время хлопкоуборочной страды. Во втором ряду президиума сидел Ташли Аннамырат, временами его лицо мелькало между головами Атабаева и Попока. Рядом со светловолосой русской женщиной с края стола сидела Бердиева, словно соревнуясь с ней в красоте, она временами окидывала зал с радостной улыбкой на лице. Все выходящие к трибуне, взмахивая руками в сторону сидящих, краем глаза заглядывая в свои записи, выступали с каким-то особым вдохновением.

В перерывах делегаты высыпали во двор, там для гостей были установлены столы, за которым можно было выпить чаю. В тени деревьев собирались небольшие группы людей, кто-то курил, кто-то закидывал под язык нас, общались меж-

ду собой. Многие толпились у стола с холодной водой.

Ташли Аннамырат во время каждого перерыва находил Ягды и Маммета Поллы, угощал их хорошим насом. Вспоминали былое.

Во время одного из перерывов, ожидая в тени дерева выхода товарищей, Ягды увидел идущих оттуда Ташли Аннамырата вместе с Гайгысызом Атабаевым. Они о чём-то шумно переговаривались. Когда подошли ближе, Ягды кивком головы поздоровался, а затем вслух произнёс:

– Салам алейкум, товарищ Атабаев!

Не успел Атабаев ответить на вежливое приветствие, как Ташли Аннамырат, о чём-то вспомнив, привлёк внимание собеседника к Ягды:

– Товарищ Атабаев, я собирался вам сказать об этом! – после чего, неожиданно согнув палец, подозвал ближе Ягды. Показав на него, сказал Атабаеву: – Гайгысыз, вот этот парень, он из села Акынияза Маммеда!

После этих слов Атабаев внимательно посмотрел на Ягды.

– И что, Акынияз так и ушёл?

– Ушёл.

– Эх, зря он это сделал!..

В этих нескольких произнесённых Атабаевым словах прозвучало сожаление о том, что ушёл такой уважаемый нужный человек, и это задело самолюбие Ягды, которому хотелось привлечь внимание такого высокопоставленного человека к себе. У него испортилось настроение. В брошенном на

него взгляде Атабаева читалось недовольство, словно именно Ягды поступил неправильно, и Атабаев не одобряет его поступка.

В тот момент, когда Ташли подозвал его к себе, Ягды шёл в надежде, что Атабаев станет расспрашивать его о работе, о том, как он по-большевистски борется с представителями класса, ненавидящего советскую власть, и если останется доволен его работой, то и меня, думал Ягды, как и Ташли, отправит на учёбу, а затем предложит другую работу в более высокой должности. А вышло так, что Атабаева больше всего интересовала судьба его близкого знакомого Акынияза Маммеда. Ягды долго не мог прийти в себя, он чувствовал себя оскорблённым и униженным. “Чем я хуже Акынияза Маммеда?” – думал он про себя.

По возвращении домой после съезда он восторженно рассказывал:

– С товарищем Атабаевым за руку поздоровался. Меня ему представил Ташли Аннамырат. Мы с близкого расстояния видели товарищей Айтакова, Попока, Веллекова, слушали их выступления. Там была и Эне Бердиева, в Москве вручившая подарок товарищу Сталину от имени туркменского народа.

На самом-то деле он остался недоволен съездом. Он никак не мог забыть встречу с Атабаевым и короткий разговор с ним:

– Значит, Акынияз так и уехал?

Уехал.

– Эх, зря он это сделал!..

В этом его «зря он это сделал» был понятный подтекст. Тем самым он словно хотел сказать: «Этот достойный сын народа здесь более был нужен». И именно этот смысл больше всего воспринимался Ягды.

* * *

Перед самым Курбан-байрамом жара стала еще просто несносной. И лишь ночью, ближе к утру, воздух становился чуть свежее, зной ненадолго отступал. В это время люди больше всего пили воды, никак не могли утолить жажду. Теперь в Союнали возле домов с колодцами холодной воды собиралось много людей, за холодной колодезной водой выстаивались очереди. Холмы Пенди, по весне одетые в ярко-зелёный народ, сейчас поменяли его на тусклую серо-коричневую одежду. Сейчас они были похожи на обиженных мужьями и отвернувших от них лица пожилых женщин.

Зелёный цвет жизни сохранился только в пойме реки и кое-где на полях. Убрал зерно, теперь дайхане были озабочены тем, как быстро и без потерь собрать выращенный урожай хлопка.

В один из таких дней Ягды, отправившись на собрание, вернулся из города с дурными вестями: «Любого, у кого есть хотя бы ишак с твёрдыми копытами, велено раскулачивать».

В последнее время люди предпочитали, чтобы он вовсе не ездил в город. Потому что оттуда он всегда приносил плохие вести. А по возвращении если успевал, в тот же день, либо на следующий, собирал руководителей колхозов, находящихся в подчинении сельсовета, и проводил с ними собрания. Вот и в этот раз на таком собрании он сообщил о том, что наверху есть такое мнение. А в заключение призвал колхозников содействовать ОГПУ и прокурору, которые в ближайшие дни проведут такую чистку, помочь им в выявлении кулаков, ишанов и мулл.

Неприятная весть взбудоражила всех собравшихся. Зародившиеся в душе сомнения не дали людям возможности услышать другие сказанные слова. Среди них многих уже забрали, под разными предлогами назвав их «байскими прихвостнями» и «родственниками басмачей».

«Интересно, кто теперь на очереди?» Этот вопрос не давал покоя многим людям. И каждый, представляя, как его забирают в тюрьму, приходил в ужас. А что, у кого-то, может, считанные дни остались для вольной жизни? И ведь непонятно, кого на этот раз они будут преследовать. Они и без того действуют непонятным образом, им достаточно, чтобы кто-то кого-то из своих недругов назвал врагом, они приходят в дом полуголодного человека и, обвинив его в кулачестве, забирают с собой. Нынешнее поведение ОГПУ напоминает повадки разбойника Джемхура, не так давно устроившего на дороге к Кушке кровавую резню. О нём говорят:

«Джемхур без разбора грабит людей, и, лишь убив человека, только после этого определяет, кого убил». И если большевики опять взялись за своё, выискивая «байских прихвостней» и «кулаков», значит, жди беды.

Среди тех, кто в панике покидал собрание, были Пайзы и Хан. Им было по пути, поэтому шли рядом. Хан вдруг спросил:

– Как тебе сегодняшнее сообщение Ягды сельсовета:

– Слушай, да устали мы от всех этих гонений. Пусть куда угодно увозят, только поскорее избавят нас от всех этих страданий! А то ведь всё время в страхе живём, залает собака на другом конце двора, начинаешь думать, что это за тобой пришли, – немного подволакивая одну ногу, недовольно произнёс Пайзы.

– Однако, надо что-то делать!

– А что ты можешь сделать? Пару раз дадут прикладом ружья по башке, и как миленький попрешься за ними, ну куда не денешься.

– Да, хоть и говорят, что наши предки были воинственными, но есть в них эта овечья покорность. А то ведь можно было бы с ними разделаться...

По тону собеседника Пайзы почувствовал, что у Хана есть что-то на уме. Остановившись, он одобрительно посмотрел на него.

– А что, может, и в самом деле поступить по поговорке «убегающий спасётся, стоящий будет пойман»? – произнёс

он, поглаживая свой круглый нос с острым кончиком, похожий на очищенную луковицу, вопросительно посмотрел на собеседника. Поскольку у него у самого тоже после собрания Ягды возникли такие же мысли, Пайзы был солидарен с Ханом. Не сходя с места, они решили воспользоваться близостью границы и немедленно переправиться в Афганистан, чтобы, прежде чем определить там куда перебираться насовсем, произвести разведку на месте, посмотреть, можно ли будет там устроиться.

... В дебрях кустарника было душно. Отыскав звериную тропинку среди зарослей, Хан и Пайзы осторожно продвигались вперёд. Временами останавливались, чтобы прислушаться, не идёт ли по их следу пограничник. После чего, обливаясь потом, осторожно продолжали свой путь.

Хан шёл впереди, осторожно переставляя ноги, и всем своим видом напоминал охотника, выслеживающего свою добычу.

Вдруг в шагах двух-трёх перед ним, шурша крыльями, выпорхнула дикая курица (фазан) и взлетела вверх. Хан испытал непонятное чувство, то ли испуга, то ли растерянности. Он даже толком не разглядел эту птицу, но при этом успел подумать: «Какими же красивыми бывают эти дикие куры!» И тотчас же буквально перед собой увидел её гнездо, в ней лежали пять-шесть яиц цвета золы. Обернувшись, Хан жестом подозвал к себе отставшего от него Пайзы. –

– Что случилось?

– Ты только посмотри сюда! – вытянув палец, хан показал ему на лежащие в гнезде яйца.

– Выходит, дикая курица высиживала птенцов?

– Выходит, так.

– Не надо, не трогай, она снова прилетит в своё гнездо, – Пайзы был уверен, что дикая курица прячется где-то рядом. И словно в подтверждение слов Пайзы где-то рядом раздалось знакомое квохтанье перепуганной птицы.

Продолжая путь, охваченный приятными мыслями о дикой курице, Хан вспомнил свои детские годы. Кажется, в ту пору диких кур было намного больше. Сельские мальчишки, углубившись в лесок, сновали между зарослями камышей и тальника. Им попадалось много яиц диких кур, коих в ту пору тоже было очень много. Собрав в подол рубахи яйца, мальчишки часть из них выпивали, а оставшимися кидались друг в друга. Такие у них тогда были игры.

Во время таких игр и на лбу Хана, и на лбу Пайзы не раз разбивались яйца дикой курицы.

Мысль о возможности избежать беды, спрятавшись от врага в соседней стране, и тем спасти свою семью, вселила в душу Пайзы твёрдую надежду. Из-под его папахи скатывались крупные капли пота. Село уже осталось позади, они ушли от него на приличное расстояние.

Дорога, по которой они шли, вскоре должна вывести их к реке, а до этого ещё задолго до неё они должны услышать шумное течение реки.

А если бы Хану и Пайзы нечаянно повстречались пограничники, они заранее заготовили для них ответ. Они собирались сказать им: «У нас пропала корова, мы ищем её».

Почувствовав резкий запах табачного дыма, идущий впереди Хан подумал: «Кажется, мы на что-то плохое напоролись» и обернулся, чтобы предупредить идущего сзади товарища. И в этот момент сбоку, в камышах, раздался звук, словно там ворочался огромный дикий кабан, а следом неожиданно раздался выстрел, звук которого огласил всю округу. Хан вздрогнул, а потом всей массой тела рухнул на землю и растянулся на ней. Идущий сзади Пайзы, хоть и не видел пограничников, бегущих из камышовых зарослей, но, когда услышал выстрел, понял, что это именно они. Он и прежде знал, что солдаты чаще всего охраняют те места у реки, где люди могут переправиться на тот берег. Испугавшись, он бросился в заросли, совсем как прыгающая в воду лягушка, спрятался там. Воины неторопливо переговаривались на своём языке. Затем раздалось ещё два выстрела. Они оба предназначались для Пайзы. Одна пуля, вызвав треск камышей, пролетела мимо, но вторая задела его за ногу. Волоча ногу, Пайзы с трудом добрался до реки и кубарем скатился в реку, чтобы плыть по её течению.

Сельские жители услышали несколько выстрелов, раздавшихся в джунглях, и поняли, что там что-то произошло. Но до следующего дня они так и не смогли узнать, что именно случилось.

И хотя солдаты, прячась в зарослях, одну за другой пускали пули, сколько ни искали его, так и не смогли найти Пайзы. Он словно растворился в этих зарослях. Идя по следу кровавых пятен, они думали, что он приведёт их в село, однако пятна крови вели к реке. Река бурлила, устраивала водовороты и текла своим путём. Увидев, что след Пайзы обрывается у реки, пограничники были вынуждены оставить поиски. Некоторое время они внимательно всматривались в реку, в поросший зарослями камышей и тальника противоположный берег реки на афганской стороне. Решив, что раненый, беглец вряд ли сможет перебраться на тот берег, а река тоже вряд ли выпустит своего пленника живым, они вынуждены были повернуть назад.

После этого они вернулись к труп убитого ими Хана, окружили его и стали обсуждать, что с ним делать дальше. Сейчас вокруг Хана они были похожи на волка, вырвавшего из стада и задравшего джейрана, и теперь торжествовавшего победу.

Зная, что местное население недолюбливает их, считая чужаками, командир, подумав, что второй беглец уже упокоился на дне реки, где им питаются рыбы, пришёл к решению закопать тело Хана, скрывать, а народу сказать, что ничего не видели и не знают. Выкопав среди кустарников небольшую яму, приволокли труп Хана и столкнули в эту яму.

«Моя пуля достала его!», – радостно воскликнул круглолицый солдат, когда Хан грохнулся о землю. Он был словно

вылеплен из солнца, настолько светлым было его лицо, на котором не было видно бровей. И вот этот солдат обратил внимание на то, что лицо Хана не изменилось, он был похож на спящего человека. Как и приказал командир, солдаты засыпали яму землёй, а сверху забросали могилу ветками и листьями, спрятали её от людских глаз.

Проплыв немного по течению реки, Пайзы всё равно не вылезал из воды из-за боязни снова наткнуться на пограничников. Но ему надо было выбираться на сушу, раненая нога дёргалась и болела, боль усиливалась, и он боялся потерять сознание и утонуть. Посмотрев по сторонам и прислушавшись к окружающим его звукам, он всё же решился выбраться на берег. Ухватившись руками за нависающую над водой ветку тальника, он выбрался из реки.

Полежав на берегу и немного отдышавшись, Пайзы сорвал большой лист водяного растения и приложил его к кровоточащей ране и плотно перевязал её куском ткани оторванной от рубахи.

Немного постояв, он прислушался, а затем, опираясь на палку и волоча раненую ногу, доковылял до села. Рассвет только занимался. Большая часть населения села ещё пребывала во власти сна. Чтобы не будить сельских собак, Пайзы пошёл кружным путём и спустился к оврагу с возвышенности, на которой стоял дом Хангулы. Обойдя сарай Гуллы эмина с задней стороны, добрался до брода, из которого сельские жители набирали воду. Увидев женщину, которая

расплёскивая, по очереди наполняла водой свои кувшины, остановился. Если бы он продолжил путь, женщина могла увидеть его, испугаться и закричать. Спрятавшись в укрытии, Пайзы подождал, пока она уйдёт. Когда женщина, шурша подолом платья, прошла мимо него, Пайзы пошёл дальше.

Когда он приблизился к дому, жена, не сомкнув глаз, всю ночь прождавшая мужа, услышав незнакомые шаги, вздрогнула и вскочила с места. Увидев на пороге дома измученного Пайзы, жена не сдержала слёз, запричитала:

– Вай-эй, что с тобой случилось? Чужало моё сердце, что с тобой стряслась беда...

– Замолчи! – приказным тоном произнёс Пайзы, заставив жену замолчать и давая ей понять, сейчас не время лить слёзы и причитать. С женой он заговорил шёпотом, словно боясь, что кто-то может услышать его. – Ты сейчас ни о чём не спрашивай меня. Иди, разбуди старшего брата и срочно приведи его сюда!

Поддержав Пайзы, жена помогла ему лечь в постель, а сама, звеня серебряными монетами на вплетённой в косы ленте, поспешила на улицу. Расстояние между их домами было близким, поэтому Пайзы хорошо слышал, как жена подошла к дому брата и остановилась. «Энеси!» – позвала она старшую свояченицу, после чего камышовый полог откинулся, и он услышал состоявшийся там разговор.

Не успела жена войти в дом, как следом за ней ворвался

старший брат в накинутом на плечи доне. Увидев больного брата, сочувственно спросил:

– Что с тобой случилось?

Пайзы не стал скрывать от старшего брата, случившегося, добавив, что самое страшное случилось не с ним, а с Ханом, что он остался лежать в зарослях. Говоря о Хане с грустью, Пайзы на некоторое время забыл о мучавшей его ране, и даже боль как будто притупилась. Сейчас он сожалел о предпринятой ими попытке, которая обернулась неудачей, его не покидало чувство вины. Горячая кровь ещё не остыла в нём, сердце гулко стучало в груди.

Облизав пересохшие губы, Пайзы прошептал:

– Теперь надо любым путём забрать оттуда тело Хана!

Осмотрев рану на ноге Пайзы и увидев, что она не такая серьёзная, старший брат немного успокоился. Рана была открытой, пуля задела и разорвала мягкие ткани. Кровь остановилась, и сейчас рана напоминала раскрытый рыбий рот. Мысленно подумал о знахаре Нобате: «Мы не можем обращаться к русским докторам, раскрыть им свою тайну, рана открытая, операция не требуется, так что с ней справится и наш собственный табиб Нобат». Рана мучала Пайзы, стиснув зубы, он метался на подушке из стороны в сторону.

Старший брат Пайзы смоченной в тёплой воде тряпочкой осторожно оттер кровь вокруг раны, после чего перевязал рану свежей тряпкой. Подозвав сына брата, отправил его за Нобатом-табибом, велел тому явиться как можно скорее.

Оставив Пайзы, старший брат вышел из дома и направился к близким родственникам Хана, вызвал их из дома и стал о чём-то с ними говорить. И сразу же между стоявшими рядом домами началась непонятная суматоха. Прибыли родственники из ближних мест. Собравшись у дома Хана и поговорив немного, двоих сразу же отправили к председателю Нурджуме.

Когда Нурджума с несколькими людьми прибыл за телом Хана к командиру погранзаставы, тот принял их с видом человека, ни о чём таком не знающего. Его бездушные разозлили Нурджуму. Сощурился глазами, пристально смотрел в лицо командира, будто хотел что-то прочитать на нём, щёлкая суставами пальцев, словно желая оторвать и выбросить их. С трудом сдерживая рвущийся из него гнев, заговорил:

– Живя по-соседству, мы ещё можем пригодиться друг другу, командир!..

– Конечно! – неохотно кивком головы согласился командир и его лицо снова приняло прежнее безразличное выражение.

– Если вам ничего неизвестно, может, тогда нам самим поискать его?

При этих словах Нурджума подразумевал отсутствие солдат. Председатель не хотел, чтобы они болтались под ногами и мешали им в поисках тела Хана. Поверив своему заместителю, что труп надёжно спрятан и его невозможно отыскать, командир, время от времени бросая взгляды на стоящих пе-

ред ним людей и постукивая по звезде на фуражке, тем самым подчёркивая, кто он такой, равнодушно произнёс:

– Ищите, если хотите! Я только хочу сказать, что в патрулируемых нами местах вы вряд ли его найдёте. Думаю, вам лучше всего в другом месте искать вашу потерю!

Выстроившись в ряд, люди стали прочёсывать места, на которые указал Пайзы. В нескольких местах им попадались похожие на кровь тёмно-бурые пятна, но даже пойдя по этому следу, они ничего не нашли.

Да мало ли кабанов носятся по этим зарослям, может, какой-то из них оказался раненым, и это его кровь? Мясо кабанов для русских излюбленная еда. Поиски продолжались до полудня, но так и не найдя тела Хана, решили лучше расспросить Пайзы, где это случилось, либо принести его на руках сюда, чтобы он сам показал. Вернувшись, поисковики рассказали о том, что ничего не нашли, и это зародило у родственников Хана слабую надежду на то, что, может быть, он жив, и ему удалось скрыться. И даже мать, мысленно уже похоронившая сына и оплакивавшая его, поверила, в этот момент что может он быть жив. Да, люди немного успокоились, но дело-то не было сделано, человека не нашли. Было решено ещё раз проверить те места. «Если они отправились в сторону Пырара, наткнулись на пограничника, и раздался выстрел, то там обязательно должны быть не только пятна крови, но и примятая трава, так что искать его надо там».

В этот раз, отправляясь в джунгли, поисковики посовето-

вавшись, последовали совету старейшин взяли с собой колхозного буйного чёрного вола и трёх-четырёх коров.

Не прошло много времени после того, как они добрались до места, а скот разбрёлся в разные стороны. Вдруг раздался жуткий рёв породистого быка, похожий на рёв льва или тигра. У людей по телу побежали мурашки, это был знакомый страшный крик быка, к горлу которого приставлен нож. Люди побежали туда, откуда доносились эти трубные звуки. Они увидели быка, который, учуяв запах свежей крови, копытами рыл землю, как бы говоря: «Он здесь, он здесь!»

Прогнав быка, люди стали осматривать указанное им место, и вскоре увидели немного свежей земли, покрывающей небольшой участок. Оказалось, что душа наскоро присыпанного землёй Хана не успела пока покинуть тело. Лицо его было похоже было на уснувшего человека.

Кровь, которая должна была вытечь из него, потекла только тогда, когда его тело принесли домой и уложили возле печи, среди родственников. Остывая, тело вытолкнуло из себя кровь. И только после этого он стал похож на покойника.

Пайзы попрощался с Ханом, заочно лёжа у себя дома и беззвучно проливая горькие слёзы. «Вот, друг, так мы попытались пересечь границу. И зачем только мы отправились в этот Пырар...»

Считая себя в какой-то степени повинным в гибели Хана, он пытался мысленно разобраться, в чём была его ошибка, и от этого плакал ещё сильнее. На этот раз собственные слёзы

показались ему особенно горячими.

* * *

Когда пришли красные и отобрали у белых власть, туркмены поначалу не придали этому особого значения. «Ай, русские они как-нибудь сами разберутся. Вот увидите, пройдёт время, и они снова станут братьями и друзьями, ведь и те, и другие русские!» И чтобы не получилось по поговорке «два коня дерутся, а между ними гибнет ишак», стремились быть в стороне от их столкновений. Но очень скоро русские, разделившись на два лагеря – красных и белых, начали воевать прожив друг с другом, проливать кровь, и тогда стало понятно, что стали непримиримыми врагами, и если кто-то из них одержит верх, другому пощады не будет никакой. Противоречия год за годом становились всё глубже и острее. Впоследствии кому-то удавалось привлечь на свою сторону людей из народа. В конце концов, сами того не желая, туркмены тоже разделились на два враждебных лагеря. После того, как белые отступили и были вынуждены бежать из страны, большая часть примкнувших к ним туркмен в надежде, что со временем удастся вместе с ними вернуться в страну, последовали за ними. В те годы большая часть народов Центральной Азии, считая жителей этих стран своими единоверцами, стремилась перебраться в Иран и Афганистан.

Король Афганистана Недир хан с пониманием относился

к трудностям народов Центральной Азии и проявлял с ними солидарность, и это стало причиной того, что впоследствии на афганской земле осела огромная диаспора перебежчиков через границу. Людей, обиженных на советскую власть, которых лишили имущества, было очень много. Теперь необходимо было разумно объединить их, создать одну большую силу и направить её в нужное русло.

Англия и в этот раз тоже чутко прислушиваясь к дыханию мира, снова мгновенно усекла это его состояние. И уже почти созрело решение собрать все силы и двинуть на большевиков. Этим можно было многого добиться, отодвинув большевиков со всем их скарбом к Уральским горам. Англичане сначала намеревались это сделать при помощи турка Энвера паша, создать эту силу возле именитых людей Центральной Азии – бухарского эмира Сейита Алима, туркмена Джунаид хана, таджика Ибрагим бека...

Об этом было известно и советскому правительству. Его шпионы, червями въевшиеся в афганскую землю, то и дело отправляли дурные вести, одно другого ужаснее. Постоянно росла угроза. Да и в стране ширилось число сочувствующих им.

Когда будет создана Освободительная армия Центральной Азии, и можно будет не сомневаться: как только она прорвёт границу, немедленно присоединится к народам, живущим в этом регионе. Повстанцы опирались в основном на местное население.

И то, что одним из руководителей этого афганского объединения считался Джунаид хан, увеличивало страхи большевиков на туркменской земле, прибавляло им забот. И раз на одной стороне вопроса находился Джунаид хан, он, хорошо знающий свою землю, первым делом попытается прорвать границу своей страны между Тахтабазаром и Кушкой. Примерно полтора года назад сын Джунаида хана Эшши с небольшой группировкой войск схватился с силами большевиков в местечке Акрабат неподалёку от Кушки и вернулся обратно. Конечно, это не была могучая сила, которая мечтала словно селевой поток разрушала всё на своём пути. Это была всего лишь небольшая кавалькада всадников Джунаид хана, отправленная на разведку состояния границы. Однако большевики, хоть и считали этот отпор врагу своей небольшой победой, хорошо понимали, что это не та ожидаемая ими могучая сила.

В те дни чтобы вовремя помещать образованию этого объединения советский посол в Кабуле одну за другой направлял ноты протеста новому руководителю Афганского правительства Аманулле хану, Недир хану от имени советской власти. В них он выражал недовольство тем, что он даёт прибежище представителям разных национальностей, бежавшим от советской власти Туркестана. Вот содержание одной из таких нот: «Нам известно, что Вы даёте убежище обиженным людям, бежавшим от советской власти, они здесь объединяются, совершенствуются и превращаются в могу-

чую силу. Мы считаем это нарушением ранее подписанного советско-афганского Договора о невмешательстве во внутренние дела наших стран. В случае, если Вы в ближайшее время не измените мнения о беженцах из Туркестана, мы будем вынуждены считать и Вас, как и Англию, Турцию, желающих скорейшего падения советского государства и делающих для этого всё, что только можно, недружественной нам стране, и заново пересмотреть наши отношения с Афганским государством...» Кушкинская крепость накапливала силы, стремясь схватиться с войсками Туркестанского соединения и дать им достойный отпор у ворот. Численность воинов спешно увеличивалась новыми частями, армия дополнялась новым вооружением.

В самой стране тоже росло число людей, связывающих свои надежды с Туркестанским соединением, мечтающие о возврате прежней жизни, а потому сочувствующие им. И было очевидно, что, перебравшись через границу, они сразу же вольются в ряды Освободительной армии, чтобы повести непримиримую борьбу с топтавшими и унижавшими их большевиками. И поэтому здесь до сих пор имя Джунаид хана наводило страх.

Борьба с кулачеством в стране приобрела невиданные масштабы. При райисполкомах были созданы так называемые «тройки», призванные выявлять недовольных властью людей и вести с ними непримиримую борьбу. В те дни газета «Туркменская искра» восторженно писала: «Баи и кулаки

понимают, что их дни сочтены» (28.01.30).

Чтобы оправдать доверие Москвы, секретарь партии большевиков Туркменистана Яков Попок стремился завоевать первенство в создании колхозов в стране. Людей, способных помешать колхозному строительству, безжалостно убирала с пути, отправляли в ссылку. Только в период с 1930 по 1937 годы из Туркменистана было изгнано и сослано в Узбекистан, Казахстан, Сибирь, Украину, на Кавказ сотни тысяч семей. В течение одного года Попок создал 1300 колхозов. Так, строя коллективные хозяйства, большинство жителей страны большевики безжалостно наказали.

В один из дней ещё до рассвета заместитель начальника ОГПУ Аман орус прибыл в Союнали. Похоже, он хотел застать людей врасплох, пока они ещё не очнулись от сна. С ним был ещё один человек в полувоенной форме, с крупным носом на удлинённом лице. Их лошади шли рядом, и они о чём-то разговаривали между собой. Кони немного вспотели. Видно, они выехали из города очень рано, ведь до Союнали путь не близок. Это село раскинулось на левом берегу Мургаба в самом конце страны, а дальше вплоть до Хутора есть ещё пара небольших сёл. У самого Хутора туркменская земля, превратившись в высокие холмы, уже оттуда раскидывается на юго-запад земли, населенные туркменами. В этих краях туркменской земли уже десятки лет обитают казаки-хохлы, вместе с семьями переведённые сюда из Украины по приказу царя в 1889 году для укрепления далёкой юж-

ной границы. Вот почему их село называлось просто Хутором. Сейчас они, как и другие, создали в своём селе колхоз и назвали его «Пограничник», но в народе село по-прежнему называли Хутором, а его жителей хуторянами. Туркмены кривили рот, когда говорили: «Хуторяне с удовольствием едят свинину, как же их не затошнит?», тем не менее, поддерживали с ними добрососедские отношения. Аман орус по пути рассказывал всё это своему попутчику, с любопытством незнакомого с этими местами человека, смотрящего по сторонам.

Доехав до поворота на Союнали, они, тем не менее, не свернули в сторону села, а направились к расположенной в Хандепе погранзаставе. В эти дни ОГПУ срочно проводило работу по выявлению людей, готовых в случае необходимости оказать содействие формирующейся в Афганистане освободительную армию Туркестана. Разматывая клубок, они выяснили, что такие люди – поборники врага есть и в Союнали. Казалось бы, что может связывать Джунаид хана, живущего в тысячах километрах на севере республики с селом Союнали, раскинувшимся на южном конце земли, кроме национальной принадлежности к туркменам, но и он был тут как тут. А что ещё надо ОГПУ, если поступают такие сведения?! И разве не «зоркие» сотрудники Управления заявляли в те дни: «Если он есть, выявим, а если его нет, создадим» ?!

Аман орус лично с удовольствием изучил эти сведения,

полученные при помощи сельских доносчиков. Продавец сельской лавки Хардат, когда надо, пользующийся дружбой с ним, в список жителей Союнали, поддерживающих отношения с Джунаид ханом, с огромным удовольствием включал имена людей, с которым сам лично враждовал. Вот так перед ним лёг листок с пятью именами. К каждому имени Аман орус карандашом дописал свои заметки.

1. Гуллы эмин бай. Находится в селе.
2. Сапа мылайым. Находится в селе.
3. Сары батыр. Умер.
4. Ширек хаджи. Переехал из села.
5. Кымыш бай. Находится в селе.

Он верил, что, если ему удастся хорошенько проработать этих людей, используя методы ОГПУ, сможет получить от них достоверные сведения о Джунаид хане и его деятельности по ту сторону границы. Сейчас именно этот вопрос привёл его вместе со спецпредставителем из Мары в Союнали...

Кымыш-дузчы возился на бахче, следя за тем, чтобы дыни не оказались в воде, перемещал стебли в сухое место, когда за ним прибыли гонец-джигит сельсовета вместе с двумя солдатами. Гонец из сельсовета, не глядя в глаза старика, произнёс:

– Кымыш акга, эти солдаты пришли за вами.

Отложив работу, старик, помыв руки из арыка, спросил:

– Значит, теперь и до меня очередь дошла?

В голосе Кымыш-дузчы прозвучало недовольство.

– Не знаю. Из Хандепе прислали целую кучу всадников, велели привезти этих людей. А те прибыли в сельсовет. Ну а Ягды отправил с ними меня, с поручением, чтобы я нашёл им этих людей.

Остальные нашлись в селе, а вы оказались здесь. Я нашёл тех и отправил, после чего поехал за вами, – гонец говорил вежливо, стараясь показать, что он всего лишь исполняет роль мальчика на побегушках.

И хотя джигит деликатничал, один из прибывших вместе с ним, круглолицый солдат, хоть и был белокожим, на русского не был похож, так вот, он не стал ходить вокруг да около, а резко, по-тюркски сообщил:

– Яшули, тебя будут допрашивать в ОГПУ!

Кымыш-дузчы оседлал своего ишака и поехал впереди всадников. Вдруг он заметил, что его собака, которая любит находиться в селе и играть с его внуками, и которую он взял с собой для охраны дынь, следует за ним. Остановив «скакуна», старик обратился к псу:

– А ты куда направился, Алабай?

Вместо ответа Алабай остановился и, взглянув на хозяина, радостно завилял хвостом.

– Иди обратно. Если ты уйдёшь, кто будет присматривать за дынями? И потом, я не в село еду, видишь же, за мной всадники на конях приехали... И если уж очередь дошла до меня, жди, что скоро и тебя тоже как собаку врага закроют! Иди!

Алабай некоторое время смотрел в лицо хозяина, а потом, словно поняв его слова, повернул назад. Джигиту было тяжело слушать слова старика, в которые был заложен особый смысл. Как односельчанин он хорошо знал этого человека, прямого, скорого на слово, который скорее умрёт, чем промолчит. Знал гонец и о том, что Кымыш-дузчы, если ему не понравятся чьи-то слова, невзирая на лица, ответит резко, поставит человека на место.

Доехав до погранзаставы, солдаты, дождавшись, когда Кымыш-дузчы слезет со своего ишака-коня, повели его в давно ожидаемое место. Когда они уже подходили к кабинету, дверь распахнулась, и оттуда, держа под руки, два солдата выволокли измученного, едва держащегося на ногах Сапа-мылайыма.

Увидев Кымыша-дузчы, тот, захлебываясь слезами, стал всхлипывать.

– Мылайым, ты тоже тут? – Кымыш-дузчы остановился и с жалостью посмотрел на своего земляка. Ему хотелось хоть чем-то успокоить его, но он не знал, что надо делать.

Не в силах произнести ни слова, мылайым только кивнул. Чувствовалось, что он может ещё больше расстроиться. Тем временем солдаты увели его.

Кымыш-дузчы понял, что и его внутри ожидает нелегкий разговор. Войдя в просторный кабинет, он увидел трёх человек, они о чём-то тихо переговаривались меж собой. Сидя на деревянных стульях, они напоминали людей, оседлавших

низкорослых ишаков. Все трое, будто их специально подбирали, были ширококостными крупными мужчинами, они сидели без головных уборов, все трое были черноволосыми. Кымыш как воспитанный человек, войдя в кабинет, поздоровался, однако никто из присутствующих, несмотря на то, что все они были младше него, на приветствие не ответил. Сидевший за центральным столом человек с раскуренной папиросой в руках показался ему знакомым, однако старик не мог вспомнить ни имени его, ни того, откуда он его знает. Сидевшие по бокам от него внимательно разглядывали старика, затем о чём-то пошептались на непонятном ему языке и, похоже, пришли к какому-то решению. Первым заговорил тот курильщик с знакомым лицом:

– Яшули, мы хотим задать тебе несколько вопросов. Только ты должен говорить правду!

– Скажу, молодой человек, разве яшули задолжал тебе вранья?

– Ты видел Джунаид хана? Здесь мы задаём вопросы.

– Хана Джунаида?.. Да, видел. Он невысокого роста...– Только старик собрался поделиться своими воспоминаниями о Джунаид хане, как тот, что задал вопрос, резко перебил его и потребовал:

– На наши вопросы давай конкретные ответы! Джунаид приходил к тебе домой?

– Нет, разве хан ходит в наши дома?

– Тогда к кому он приходил?

– В нашем селе он ни к кому кроме Гуллы эмина не ходит. Да и то это было раз или два...

– А ты присутствовал при разговорах, которые там велись?

– Нет.

– Тогда где ты видел Джунаида?

– Один раз я видел его, когда Афганскую крепость посещал, а во второй раз – когда вышли оттуда и стояли возле реки...

И только теперь Кымыш-дузчы понял, что хотят услышать от него собравшиеся. Какое-то время старик сидел, прикрыв глаза, пытаясь вспомнить далёкие события. У него был вид человека, наслаждающегося приятной музыкой. А те, кто сидел в кабинете, по-своему представив, как Кымыш-дузчы сидит за сачаком и беседует с Джунаид ханом, поняли, что, если старик точно не вспомнит этот разговор, им от него толку не будет. Кажется, они подстегнули старика, и остались этим довольны.

– Вообще-то я видел хана Джунаида... – что-то вспомнив, произнёс Кымыш-дузчы, и на лице его проступила едва заметная издевательская улыбка. И хотя присутствующие видели её, в тот момент не могли понять, чем она вызвана.

...Первый раз причиной вынужденного появления Джунаид хана в Афганистане стали кровопролитные схватки с туркменами, устроенные в 1916 году русскими генералами – Мадритовым в окрестностях Этрека и генералом Галкиным

возле Хивы. Возглавив свой народ, Джунаид хан бесстрашно воевал против царских войск и их пособников, но сил и вооружения оказалось недостаточно, и, к сожалению, ему пришлось отступить. После того, как он исчез, словно растворился, в песках родных Каракумов, как ни старался генерал Галкин, намеревавшийся вздёрнуть его на виселицу в Хиве, отыскать так и не сумел. Тем временем хан уже оказался в Афганистане.

Все эти мерзости происходили накануне революции, когда развращённые генералы русского царя своим поведением притягивали к себе беды. Афганский эмир с пониманием отнёсся к попытке Джунаид хана защитить свой народ и дал ему убежище на территории своего государства. Да к тому же оказал ему почести, выдав «Вольную грамоту», редко выдаваемую кому из иностранцев. Сделано это было для того, чтобы хан мог, ничего не опасаясь, свободно передвигаться по стране. Правда, такую «Вольную грамоту» другой эмир однажды уже выдавал раньше и другому туркменскому полководцу. Её удостоился Тачгок сердар, который вместе со своим войском по просьбе помог афганского эмира отбить его врага. Тогда благодарный Афганский эмир вместе с кучей всевозможных подарков отдана, и шестнадцатилетняя дочь одного из бесстрашных афганских военачальников Тачгок сердара. От этой жены сердара родился один из нынешних ведущих руководителей Туркменистана Гайгысыз Атабаев. Если внимательно присмотреться к нему, можно уви-

деть в чертах его красивого лица признаки принадлежности и к храброму афганскому народу.

Для проживания Джунаид хан тогда в Афганистане выбрал граничащую с Туркменистаном северную провинцию Герат, чтобы отсюда поддерживать связь с Родиной. В те дни, когда он был в бегах, пару раз гостил в доме Гуллы эмина. Будучи человеком осторожным, Джунаид хан нигде подолгу не задерживался. К Гуллы эмину он обычно приезжал на ночь глядя, всё это время беседовал с хозяином гостеприимного дома и опять на рассвете, оседлав коня, покидал его.

О том, кто посещал Гуллы эмина, мог знать только один из его сыновей, приставленный обслуживать гостя, остальные же члены семьи оставались в неведении. Как-то раз, когда у него гостил Джунаид хан, Гуллы эмин как бы советуясь, рассказал своему уважаемому земляку в Афганистане как между афганским Беркутом и приграничными туркменскими сёлами стали возникать разногласия, которые могут перерасти во что-то более серьёзное, а он очень переживает за свой народ.

В прошлом году всадники, отправленные афганским Беркутом, от четырёх сёл потребовали дань – сорок верблюдов зерна. А совсем недавно, уже в этом году, афганцы устроили разборки, заявив, что отправленные ими на Марыйский базар животные по пути были ополовинены, что под этим предлогом специально присланные оттуда вооруженные всадники перегнали через реку две небольшие отары овец местных

жителей. В ту же ночь туркмены оседлали коней и в схватке вернули обратно одну из тех двух отар.

Конечно, такие случаи стали редкими после того, как русские провели вокруг страны границу и назвали её своей. Конечно, они умели не только взимать дань, но и надёжно охранять границу. А если вдруг и находились желающие бежать из страны, то пуля русских настигала их на полпути, навсегда отбивая такое желание. Но в последние годы непримиримые схватки враждующих сторон внутри страны заметно ослабила её. Огромная Русская империя, образованная за счёт захваченных силой за сотни лет земель, заметно пошатнулась в последнее время, дала трещину. Слабела. Большинство русских, заселивших приграничные земли вокруг Пенди, считало, что наступит день, и они смогут снова сесть на поезд, который привёз их сюда, и вернуться в Астрахань, Сызрань и другие места... Собственно, так оно и случилось. На границе остались жить с семьями лишь казаки с Хутора, но и они уже не были в состоянии охранять всю границу, им хотя бы свою территорию защитить.

Кто бы ни раскачивал колыбель революции, если его авторитет был ненадёжным, расплачиваться за это приходилось простому народу. Каждый год с приходом весны обстановка снова накалялась, и это напоминало весеннее обострение хронических болезней. В такие периоды люди начинают винить друг друга в том, что жизнь такая тяжёлая, даром говорится «когда в наша земля твёрдая, бык обвиняет быка»

сосед перестает ладить с соседом, видя в нём врага. То тут, то там вспыхивали стихийные стычки.

Появились разногласия и среди туркменских сёл, уже долгое время находившихся по соседству с афганским Беркутом на берегу Мургаба рядом с границей. И это тоже было одним из следствий нынешнего смутного времени. Вражда набирала обороты, становилась острее, непримиримее. Надо было принимать срочные меры, чтобы эта вражда не вылилась в войну. А что можно предпринять, когда, с одной стороны Беркут накручивает людей и не желает мира? Конечно, хорошо бы решить конфликт мирным путём, при помощи переговоров, попытаться понять друг друга, но как этого добиться? Для этого нужен человек умный, заботящийся о своем народе. В Союнали такой человек был Гуллы эмин. Он был человеком уважаемым и знающим, когда, где, как действовать.

Как-то раз он даже вознамерился отправиться на переговоры с Беркутом, прихватив с собой несколько человек из числа уважаемых старейшин. Но Беркут был не тем человеком, который стал бы слушать того, кто не имеет над ним власти. Надо было найти человека, который мог бы заставить его выслушать другую сторону, или человека, которого бы он побоялся. По мнению Гуллы эмина, на эту роль лучше других подходил Джунаид хан. И когда хан гостил в его доме, Гуллы эмин, воспользовавшись удобным моментом, стал советоваться с ним как известный и уважаемый человек в

Туркменистане, Афганистане один из Сердаров, надеждой народа.

– Хан ага, Вы и в афганском государстве пользуетесь авторитетом, может, вы при случае переговорите с беками той страны о создавшемся у нас положении. Было бы неплохо, чтобы они повлияли на Беркута, повелели ему с соседями жить в мире,

Не прошло и двух месяцев после того приезда хана, пришло сообщение: «Скажите Гуллы эмину, его просьба доведена до хозяев Афганского государства, вопрос решился положительно».

Но когда это было, чтобы конфликты между соседями заканчивались миром? Быть соседями, значит, уважать достоинство друг друга, соблюдать неприкосновенность ранней границы. И поэтому совсем скоро после той доброй вести от Джунаид хана всадники афганского Беркута, жаждущие богатства, снова пересекли реку со своими требованиями. Стало ясно, что Беркут наплевал и на Джунаида хана, и на обещания своего правительства. После этого недовольство среди народа стало расти ещё больше. В приграничных сёлах Союнали, Бедене, Сугты, Ганлыбаш-Гожалы стали возникать небольшие конные вооруженные отряды для защиты населения. Кажется, вернулись старые правила туркменчилика: защити себя сам, опираясь на своего коня и своё оружие. Уже ни у кого не было сомнения в том, что совсем скоро могут начаться кровопролитные бои. В один из тех дней,

проезжая мимо, Джунаид хан по пути снова заехал в Союнали. Появление хана для Гуллы эмина стало приятной неожиданностью.

И тогда разговоры, связанные с положением дел в Союнали, стране, снова захватили Джунаид хана, жившего хотя и за пределами родной земли, но не покидающими его мыслями о Родине. Слушая Гуллы эмина, он сопоставлял его сообщения с теми, которые доносили ему верные люди. Сейчас он убедился в том, что отовсюду получает одинаковые известия. Захваченная русскими страна была похожа на корабль, попавший в шторм, её раскачивало из стороны в сторону, чувствовалось, что ничем хорошим это не кончится, что очень скоро страна может развалиться окончательно. Слушая все эти рассказы о том, что русские, разделившись на два лагеря – красных и белых, ведут между собой ожесточённую борьбу, Джунаид хан, переживая, озабоченно думал: «Как бы не вышло по поговорке: два коня дерутся, а между ними гибнет ишак. Как бы нам, туркменам, не знающим, куда податься, не было бы худо».

Уйдя с головой в тревожные разговоры о положении в стране, Джунаид хан, перед тем, как покинуть гостеприимный дом на рассвете, вдруг вспомнил, что при встрече соби-рался выяснить, что происходило после того, как он вместе с афганским эмиром Недир ханом разрешил конфликт между туркменами и афганским Беркутом. Он пока ещё не знал, что его переговоры с таким уважаемым главой Афганского

государства не дали результатов. Подумав немного и словно о чём-то вспомнив, Джунаид хан поднял голову, легонько погладил бороду, посмотрел в лицо своего собеседника.

– Кстати, Гуллы эмин, а как разрешился ваш тот спор с афганским Беркутом?

Гуллы эмин не сразу нашёлся, что ответить хану. Сглотнул образовавшийся во рту комочек, заискивающе улыбнулся. Протянув руку, придвинул к себе одну из двух лежавших сбоку от него подушек. Гуллы эмин предполагал, что такой вопрос ему будет задан, однако так и не придумал, что он ответит. Потому что после проведённых ханом переговоров Беркут стал злобствовать ещё больше. Беркут ничуть не успокоился, напротив, стал вести себя ещё непримиримее. А ведь Джунаид хан ждал, что Гуллы эмин скажет: «Хан ага, спасибо вам, что вы помогли нам наладить отношения с Беркутом!» Но Гуллы эмин, словно забыв о благом поступке хана, не спешил его благодарить.

Наоборот, Гуллы эмин переживал, что нагрузил хана своими проблемами, хотя у того и так хватает забот, чувствовал себя виноватым из-за того, что поставил хана в трудное положение. Про себя он думал: «Не буду больше беспокоить хана, сами как-нибудь справимся с этими трудностями». Но, поскольку хан лично завёл об этом речь, надо было рассказать ему всё как есть, без утайки. На свой прямой вопрос он должен был получить конкретный ответ. И он ответил стараясь сгладить острые углы:

– Хан ага, кажется, Его Превосходительство ещё наверное не успел переговорить с Беркутом.

Ответ Гуллы эмина заставил хана задуматься. Сощурился глаза и поглаживая бороду, загадочно произнёс: «Когда нет сплочённости, согласия добиться трудно». И было непонятно, о чём он в это время думал.

Седлая коня на рассвете, он обратился к провожавшему его Гуллы эмину:

– Возьми с собой нужных тебе трёх-четырёх человек и утром следующей пятницы приезжай в крепость Беркута! – требовательно посоветовал он ему.

Он больше конкретно не сказал этого, но по его тону можно было понять, что и он будет там, и что его как хана неповиновение Беркута задело за живое.

После этого наступил следующий этап переговоров с афганским Беркутом о перемирии. Гуллы эмин был уверен, что Джунаид хан не бросит начатое дело на полпути и обязательно доведёт его до конца. А время, словно скакун, стремительно бежит вперёд, и вот уже наступил день, когда надо было отправляться в крепость на переговоры. Перед этим Гуллы эмин тщательно отбирал людей, которых возьмёт туда с собой, изучал их характеры, умение говорить, словом, ему нужны были уважаемые толковые люди чья помощь пригодится в таких сложных переговорах.

Первым, кого он хотел бы взять с собой, был Ширек хаджи. Это был уважаемый человек, получивший сан хаджи

после паломничества в святую Мекку. Его почитали по обе стороны реки. В народе он пользовался авторитетом как человек, хорошо знающий все религиозные предписания. А ещё люди поговаривали о том, что он не просто святой, что ему свыше многое дано. Однажды один афганец стащил одну овцу из его отары без пастуха и съел её мясо, после чего его стало раздувать, понятно, что с ним стряслась какая-то беда, на него напала какая-то хворь. А вора всё больше и больше пучило, его живот стал похож на натянутый барабан. По его рассказам люди догадались, у кого он украл барана, поэтому посоветовали ему:

– Отправляйся к хаджи ага и проси у него прощения! Даже если овцы гуляют сами по себе и их не пасут, никто не осмелится даже приблизиться к ним. А если кто осмелится, то его непременно, как и тебя, постигнет несчастье. Не тяни, иди к нему и упади в ноги, иначе тебя разорвёт, и ты умрёшь.

Когда афганец прибежал к нему, Ширек хаджи только улыбнулся, как бы спрашивая: «Ну, как, вкусная была ворованная баранина?» Он простил вора, после чего прочитал очень сильную молитву, и раздувшийся живот начал потихоньку опадать. Люди видели, как после того случая афганец стал вместе с семьёй дружить с хаджи, называть его своим отцом. И поскольку Ширек хаджи был глубоко верующим человеком, считал, что на земле всё делается по воле божьей, в таких делах раньше редко принимал участие. Но Гуллы эмин верил, что в этот раз он не откажет помочь своему на-

роду и сможет убедить святого в том, что пророки завещали своей умме быть дружными, сплочёнными, что это необходимо сделать в интересах страны и народа. В нём день ото дня крепла уверенность в том, что они смогут договориться с афганским Беркутом. Собственно, иначе и быть не могло, ведь он собирается идти к нему вместе с такими почитаемыми людьми, как Джунаид хан и святой Ширек хаджи.

А с другой стороны, всякое может случиться, ведь вопрос касается интересов, споров и раздоров. Тем более, в такое время, когда противник кичится своими силами, а с тобой не очень-то и считается. Не исключено, что бес попутает, и они не найдут общего языка, и тогда люди Беркута могут неожиданно схватиться за оружие и застать парламентариев врасплох. И ещё одним человеком, которого Гуллы эмин взял бы с собой, был Сары батыр. Гуллы эмин вспомнил, как в ту пору, когда племена схватились между собой в трудные моменты ворвался среди них, Сары батыр и он сумел остановить толпу и помог благополучно женщинам и детям перебраться на другой берег. Гуллы эмин верил, что в случае необходимости Сары батыр сможет ещё раз повторить свой подвиг, значит, он тоже нужный ему человек. По мнению Гуллы эмина эти переговоры ни для одной стороны не будут простыми. Поэтому можно ждать любого поворота.

Третьим напарником Гуллы эмин хотел бы взять с собой своего односельчанина Ялкапа сыпайы. В народе его иногда называют Ялкап мылайым. Этот человек в любых обстоя-

тельстввах умел сохранять мягкость, хладнокровие. Он будет нужен тогда, когда обе стороны начнут стоять на своём и не будет достигнуто согласия, вот тогда он сможет с присущей ему деликатностью вернуть разговор в прежнее спокойное русло.

Помогая своему народу в разных ситуациях, Гуллы эмин не раз видел, как доброе слово способно изменить характер переговоров. И в самом деле, Ялкап Мылайым, внешне похожий на афганцев, имел кровное родство с людьми другой стороны переговоров. Его бабушка происходила из рода абдалов, к которому относился известный афганский шах Ахмет шах Дюрраны. Он был уважаемым человеком, поддерживающим тесные отношения со своими дядьями из Герата, и прилично говорившим, по фарси.

А ещё Гуллы эмину хотелось бы взять на совещание в крепости Кымыша-дузчы. Этот человек был прямолинейным, невзирая на лица и не думая о последствиях, всегда говорил то, что думает. Вполне возможно, что там понадобятся и он. А такие разговоры в Союнали не мог смело вести никто, кроме Кымыша-дузчы. С другой стороны, нельзя исключать и тот факт, что такая прямолинейность может повредить делу.

Противник, которому покажется, что с ним не считаются, отстаивая свои интересы, может ещё больше разозлиться. Нет, надо знать, где и как говорить, быть очень осторожным. Гуллы эмин насчет его кандидатуры колебался, не будучи уверен, брать ему с собой в крепость или отказаться от

этой идеи. В конце концов, взвесив все за и против, Гуллы эмин в последний момент всё же решил включить в свою делегацию переговорщиков и Кымыша-дузчы. И потом, почему нельзя взять его с собой? В чём-то его прямиолинейность может понадобиться. И если говорить прямо, никто, кроме Аллаха, не может знать, что там будет и чем дело закончится.

Через несколько дней, в назначенный Джунаид ханом тот день, Гуллы эмин вместе с сопровождающими его людьми рано утром отправился в крепость. Утро было тихим, прохладным. Наездники добрались до пологого берега реки и перебрались на другую сторону. Скоро вдаль показалась крепость афганского Беркута. Заросшая кустарником тропинка то шла у самого берега, то отдалялась от него.

Хотя крепость виднелась отчётливо, расстояние до неё было неблизким. Чтобы добраться до неё, пришлось подстегивать коней и ишаков, на которых восседали переговорщики. И чем сильнее они подстегивали своих четвероногих друзей, тем дальше, как им казалось, отодвигалась крепость с развевающимся на крыше чёрным флагом.

Ожидавшие прибытия союзниц у ворот крепости люди тотчас подхватили коней прибывших гостей, после чего повели их за собой к Беркуту.

В это время Беркут уже в своей гостиной вёл неторопливую беседу с прибывшим до них Джунаид ханом.

Когда в дом вошел Гуллы эмин со своими односельчанами ответив на их приветствие Джанаид хан тоже с уважени-

ем с каждым из них поздоровался за руку. Не понимая, с чем связано такое почтительное отношение хана к прибывшим, Беркут думал, что среди них может быть есть святой, которому следует поклоняться, если ты мусульманин. Подражая Джунаиду хану он тоже немного раздраженно, но вежливо поздоровался как хан с гостями.

Пудобнее разместившись в комнате, гости стали ждать начала трудного разговора. Его начал сам Джунаид хан. Он начал издали, заговорив о том, какие трудные времена настали в мире. Всё вокруг стало непонятным, страна разваливается, люди враждуют между собой, потому что их натравливают друг на друга, и особенно тяжело, мусульманам, и они тоже, не в состоянии что-либо понять, начинают враждовать между собой, тем самым усугубляя свою и без того тяжкую судьбу. Вот и мы сегодня прибыли сюда, чтобы как-то решить наши проблемы, заявил хан. Договорив, окинул взглядом сидящих, те согласно кивали головами, по-своему истолковав его слова и одобряя сказанное. По словам Джунаид хана выходило, что здесь и сейчас, в крепости Беркута, будет решаться судьба не только союналийцев, а всего мира.

Это были слова, состоящие из сплошных загадок, непонятно, куда его мысль потом повернёт, но в любом случае, были необходимы, поскольку заставляли задуматься. Произнося свою речь, Джунаид хан время от времени машинально одной рукой как бы сжимая свою бороду, поглаживал её. В разговоре касался и религии ислама, касающейся всех сидя-

щих, говорил об этом почтительно спокойно:

– Наш Пророк Мухаммет алейхиссалам советовал мусульманам в такие особенно тяжёлые времена объединяться и быть терпеливыми, сплочёнными друг с другом, жить подерживая друг друга. Ведь все мусульмане же братья. Только в этом случае можно преодолеть все тяготы и благополучно выбраться из любой непростой ситуации.

Казалось, что этот вежливый разговор – всего лишь вступление к основной беседе, которая никак не могла начаться. Сейчас Беркут стал похож в озорного мальчишку, попавшего на хулиганстве, а те, кто окружал его, были похожи на людей, схвативших его за руку и просивших больше так не поступать, в то же время опасаясь, что он может сотворить что-нибудь похуже, умоляющих не делать этого. Беркут молча и косо смотрел на собравшихся, не вникая в смысл сказанных ими слов, всем своим видом как бы говоря: «Ладно, вы пока поговорите, а я знаю, как потом поступить». А люди ждали, что он тоже что-нибудь скажет. Беркут же, словно чувствуя это, упорно молчал. И даже попытка Гуллы эмина разговорить Беркута не дала результатов, хотя тот рассказал, что в Союнали имеются две замечательные мельницы, они смальывают пшеницу в тончайшую муку, что в случае необходимости они могли бы помочь афганцам смолоть их пшеницу, и что он, Гуллы эмин, окажет им в этом содействие. Беркута и его обещания ничуть не тронули. Он только с трудом, иногда неохотно поддакивал сидящему рядом с ним Джуна-

ид хану, когда только тот говорил.

Прибывшие на переговоры с Беркутом люди скоро поняли, что здесь им ничего не добиться, даже думали, что уважаемый Джунаид хан даже иногда не в состоянии помочь им достичь согласия в этом вопросе, все были этим удручены. Не зная, как себя вести дальше тогда недовольным ходом разговора Ялкап мылайым тихо произнёс чуть слышно под нос сожаление:

– Мы оказали ему всякие почести, приехав сюда, но, кажется, мне мы его ещё больше настроили против себя. – В его тихом спокойном голосе прозвучала тревога.

И хотя речь Джунаида хана была загадочной, до того они поговорили о проблеме вдвоём, наедине. Тогда Беркут прекрасно понял, что хотел сказать хан, хотя тот и не говорил об этом прямо. «По-хорошему убери свои руки, Беркут, оставь народ в покое, не трогай людей!» И поскольку он был ханом и пришел сюда ради своего народа, во главе с ним, в его словах звучали и просьба, и требование.

Как только Джунаид хан завершил свою речь, Гуллы эмин преподнёс Беркуту привезённый в подарок большой ковёр ручной работы и узелок с серебряными монетами.

Беркут принял подарок с некоторым нежеланием, он был удивлён, словно сейчас делает то, чего никогда прежде не делал.

По мнению Гуллы эмина этот подарок должен остудить пыл Беркута, смягчить его жестокое сердце, успокоить. Бер-

кут должен, после этого просто обязан измениться к лучшему. Когда очередь говорить дошла до Ширека хаджи, он невольно беспокоясь прикрыл рот ладонью, кашлянул:

– Да ниспошлёт Всемогущий Аллах всем нам милость свою, вселит в души всех мусульман благодать, сделает их единоверцами. Когда Аллах хочет облагодетельствовать кого-то, Он даёт не кому-то, а сначала своим единоверцам, живущим в мире и согласии со своими соседями, своим народом.

Кымыш-дузчы сидел молча, не вмешиваясь в разговор, но всем своим видом демонстрируя что он недоволен ходом переговоров. Гуллы эмин тоже увидев холодное отношение Беркута сник и сидел молча, без настроения, время от времени поглаживая своё красивое загорелое лицо. Закинув руки за спину, водит ими, будто ищет рукава накинутого на плечи гарма дона¹⁹ – домотканого полушёлкового халата.

Как человек, пришедший во главе делегации, Гуллы эмин понимал, что сейчас он должен что-то предпринять, найти выход из сложившейся ситуации. Но, как и всегда, когда надо принимать срочное решение, в голову ничего не лезло, не было никаких подходящих мыслей. Сейчас все его надежды были связаны только с Джунаид ханом. Его мучало чувство вины, оттого, что он втянул в это непростое дело такого уважаемого человека в народе, как Джунаид хан, а тот не смог распутать этот тугой узел и оказался в непростительной для

хана ситуации проигравшего битву человека. Думал Гуллы эмин и о том, что может случиться и так, что Беркут, проявляя высокомерие и ни с кем не считаясь, может спровоцировать конфликт, и тогда придётся обратиться к русским, найти к ним подход, чтобы при помощи их оружия пролить кровь жестокого Беркута и покончить с ним.

Двусторонние переговоры завершились даже быстрее, чем предполагали собравшиеся. Когда человек упорно молчит, не всегда можно понять, о чём он думает, а тем более подключить к разговору. Сбоку от Беркута сидел толстячок невысокого роста в чалме. Он неотрывно смотрел на людей, но, как и Беркут, молчал. Он был похож на человека, приготовившегося сказать своё слово после того, как выскажутся все остальные.

Кажется, эта гробовая тишина надоела и Джунаид хану. Повернув голову в сторону Беркута, приготовился поставить точку в этих почти несостоявшихся не давших результат переговорах. В тот момент, когда хан повернулся к нему, Беркут, тоже придерживая ворот накинутаго на плечи дона, ехидно улыбаясь, повернулся в сторону хана. Хан заговорил спокойным тоном:

– Беркут, мы с тобой уже обсуждали этот вопрос. Его превосходительство эмир страны Недир хан в этом вопросе оказался нашим единомышленником, отнёсся по-братски. Хорошо, чтобы вы не конфликтовали с туркменскими сёлами, поддерживали с ними дружественные связи. Ты уж поста-

райся, ведь от тебя многое зависит.

Тон хана союналинцам казался не по ханским не был требовательным, как ханский строгим, скорее объяснялся с ним, просительным, так обычно говорит человек, не верящий в то, что его просьба будет выполнена, тем не менее, он умоляет другого помочь ему.

Пока хан говорил, на лице Беркута проступила опять надменная и вместе с тем язвительная улыбка. Он переменялся в лице, было видно, что ему не нравятся слова хана, и казалось он не собирается идти навстречу кому-то ни было. Сейчас он был похож на разъярённого быка, готового вздёрнуть на рога любого, кто попадётся на его пути. Глаза Беркута сверкали, в них пылал надменный яростный огонь.

Хан сидел, рядом, Беркут боком, поэтому он не видел выражения лица Беркута. Не знал он и о том, что на его лице радостно выплывают чёрные и белые бесы. Сидящий рядом с Беркутом толстячок тоже сверкал глазами, готовый взглядом толкнуть в грудь каждого из прибывших к ним союналинцев. В этот момент Кымыш-дузчы, которому надоела вся эта неприятно смотреть, долго не мог терпеть, он даже не знал, как резко вскочил с места недовольно ударив подолом своего дона. Забыв о том, где находится, неожиданно повернулся к Гуллы эмину и потребовал:

– Поднимайся, Гуллы, уходим! Нашёл себе хана, который привёл нас сюда! Что это за хан, который не режет там, где надо резать, а мямлит и сидит уговаривает какого-то него-

дяя?!

Кымыш в тот момент, не думая о последствиях, как всегда, высказался очень резко, вложив в свои слова всю силу недовольства и неприязни. После этого всем стало ясно, что больше никакого разговора не будет. Люди стали один за другим вскакивать, подниматься с места. Все испытали в этот момент такое чувство, будто их огрели горячей камчой по голове. Возникла непонятная паника, все были растеряны. Высказанные прямо недовольные слова Кымыш-дузчы произвели на Джунаид хана эффект разорвавшейся бомбы. Он и сам не понял, как вдруг, следуя примеру Кымыш-дузчы, взорвался:

– Ах, чтоб тебя!.. – не называя ничьего имени, он вдруг резко вскочил с места, достал из лежавшей рядом кобуры свой маузер и приставил его прямо ко лбу Беркута.

Как только хан поднялся на ноги, два охранника его в хивинских донах и невысоких папах, сидевшие чуть поодаль от хана, положив перед собой оружие, тоже моментально вскочили с места вскрикнув «Ах, да эх!». И сразу передвигали затворы ружей с видом людей, готовых, в случае если хан подаст какой-то знак, открыть пальбу и положить всех находящихся в доме людей. Слова, которые произнёс Кымыш-дузчы, хоть и исходили от него в этот момент, хотелось бы произнести большинство присутствующих. Его слова попали прямо в цель, это было видно и по тому, как разъярился Джунаид хан. В словах хана была сейчас не просьба,

а строгое требование.

– Если ты заставишь меня ещё раз вернуться к этому вопросу, пеняй тогда на себя, Беркут!

Видя, что дело принимает опасный оборот не ждавший такого резкого исхода, испугавшись намертво бледный Беркут, волнуясь, склонил голову и глухим голосом повторял одну и ту же фразу, обещание словно забыв другие слова:

– Хан ага, будет так, как вы сказали! Хан ага, успокойтесь! Я всё понял! Вот увидите, я умею держать свое слово...

На лице Беркута от прежнего выражения высокомерия, пренебрежительного отношения к туркменам, сарказма не осталось и следа. Обливаясь потом, лишь только животный страх испытывал он в этот момент. Он сидел, трясаясь от страха, усы его поникли, да и сам он как будто съёжился, стал меньше...

После совещания туркмены оседлали своих коней вышли из крепости. Коней направили в сторону Союнали к реке. Здесь Гуллы эмин, благодарный хану за оказанную помощь, пригласил его в гости к себе. Но хан сказал, что ему необходимо завтра же быть в Герате, что там будут важные переговоры на высшем уровне и поэтому заедет как-нибудь в другой раз в гости к нему. Прощаясь, он особенно почтительно оценил действия переговоров сказав Гуллы эмин:

– Гуллы эмин, ты оказался человеком, знающим, что делать. Если бы ты жил среди нас в нашем крае, был бы ты ханом или его приближённым.

Потом хан обернувшись, недалеко стоявшему Кымышу-дузчы сказал:

– А ты если с этой прямотой был бы в нашем крае уже остался бы без головы!

Кымыш-дузчы не обиделся на слова хана, напротив, он довольно улыбнувшись, ответил:

– Хан ага, а я не буду с тем краем, который не сможет выносить меня. Меня моё село вполне устраивает. Вы же сами видели, как я гожусь для своего народа!

Ответ Кымыш-дузчы, похоже, пришёлся по душе хану. Он тоже тихо улыбнулся и довольно погладил бороду, как бы говоря: «Однако, каких только людей нет среди наших туркмен!..»

Распрощавшись с Гуллы эмином и его окружением, хан с несколькими всадниками поехал наверх, в сторону Баламургаба. А союналийцы, довольные поддержкой хана, двигаясь по течению реки, вернулись домой. Грозная крепость Беркута осталась позади. Словно покрытая туманом, она грустно смотрела им вслед...

... Тем, кто задавал вопросы, совсем не хотелось, чтобы Кымыш-дузчы отвечал на их вопросы уклончиво, по-стариковски, долго ходил вокруг да около. Они требовали от него точного ответа на каждый вопрос. А старик, вместо того, чтобы отвечать на вопросы односложно «да» или «нет», начинал говорить неторопливо, словно рассказывая внукам сказки, приводя примеры и события, связанные с заданным

вопросом. Правда, старик, многое слышавший о сидящих перед ним людях, причём, нелестного, в глубине души даже побаивался их. Но когда выяснил, что их интересует всё, что связано с Джунаид ханом, успокоился. Аман из ОГПУ и другие поначалу пытались заставить старика отвечать на вопросы кратко, но из этого ничего не вышло. Каждый раз, когда его перебивали, старик на некоторое время замолкал, а после продолжал с того же места, где его остановили. Спустя какое-то время и Аманов из ОГПУ, и другие, увлечённо слушавшие рассказы Кымыш-дузчы, в конце концов поняли, что им не удастся переделать старика, и они оставили его в покое. И потом, из рассказов старика о Джунаид хане они почерпнули немало сведений о нём.

Похожие рассказы о Джунаид хане ОГПУ Аманов слышал и от других людей, которых ему приходилось допрашивать. Старик же начинал вспоминать события, которые свели его с Джунаид ханом, и неспешно рассказывать о них.

Продержав старика несколько часов в застенках, к вечеру Аман орус выпустил его. Сказал: «Яшули ты всё точно рассказал!» – и разрешил ему вернуться домой.

Вот так по требованию ОГПУ Кымыш-дузчы вынужден был ещё раз вспомнить события, которые с течением времени практически почти стёрлись из дряхлевшей памяти.

* * *

Ягды и Нурджума, чтобы успеть на собрание в городе, куда они были вызваны, ранним утром впрягли алашу Нурджумы в телегу Ягды и вдвоём тронулись в путь. Хотя стояло лето, утро было прохладным. Со стороны зарослей дул слабый ветерок, пропитанный запахами лягушек и паутины, и ласково обдувал лица. Глядя по сторонам, они всё время зевали, всё ещё находясь во власти сна, дремали. Им попадались отдельные участки, засеянные хлопчатником, покрытые утренней дымкой, они словно выныривали из тумана. Когда они отъехали от села на приличное расстояние, Нурджума решил завести хоть какой-нибудь разговор, чтобы скоротать время в пути.

– Интересно, для чего нас сегодня вызвали? – обратился он к сидящему рядом с ним Ягды.

– Не знаю, – равнодушно произнёс Ягды.

– Если нас вызывают на ишачью свадьбу, то либо дрова кончились, либо вода...

Но Ягды снова промолчал. Широко зевнув, раскинул руки, потянулся, а вместо ответа повернулся в сторону Нурджумы и согласно кивнул головой.

Поведение Ягды спровоцировало озорство Нурджумы, локтем правой руки, в которой держал плётку, легонько толкнул Ягды в бок, а затем трубным голосом стал подначивать того.

– Да проснись ты, наконец. Всё ещё не можешь выбраться из-под одеяла своих женщин. Конечно, если всю ночь об-

служивал двух жён, откуда силы возьмутся днём! Молчишь, как глухонемой!

Повернувшись к Нурджуме, Ягды весело улыбнулся, словно услышал что-то приятное для себя, отреагировал на слова председателя:

– А что, завидно тебе, товарищ башлык? Может, подберём тебе в городе кого-нибудь вроде Марии?

– Перестань болтать! – сказал Нурджума, не соглашаясь с предложением Ягды. Но по дальнейшим его словам стало ясно, что такое предложение пришлось ему по душе. Его голос стал гораздо мягче, вкрадчивее. – А что, разве в селе мало людей, живущих с двумя, с тремя жёнами?

После этого Ягды стал заигрывать с ним ещё больше.

– Хватит болтать, Ягды! Язык без костей, несешь всякую чушь. Разве мы можем сравниться с теми, кто по несколько жён имел, ведь они люди состоятельные, уважаемые, большинство народа за ними идёт...

– А мы тогда кто? – перебил Ягды, в его голосе звучала насмешка.

– Мы? Мы – Ягды-кемсит и Нурджума.

– Если хочешь знать, друг, то мы тоже своего рода беки, уважаемые люди своего времени, люди, поддерживаемые государством.

– Да какая мы знать? – возразил Нурджума, хотя пренебрежение в его голосе прозвучало слабо.

Довольный тем, что сумел вовлечь Нурджуму в разговор

о женщинах, Ягды похлопал его по плечу:

– Гони быстрее, товарищ Нурджума! Вижу, твои мысли уже скачут вокруг Марии... Ну, точно, настоящий туркмен! Заговори с туркменом о женщинах, он начинает облизываться. А вообще, говорят, эта болезнь перешла к этой нации от кори. Болезнь, оставшаяся от кори, никогда не уходит.

Потом Ягды, о чём-то вспомнив, добавил:

– Слышал, наверно? – увлекшись разговором, Ягды стал как пример рассказывать о том, как восьмидесятилетний уважаемый в народе ишан напутствовал тех, в то время кто собирался совершить набег: «Ребята, вы там присмотрите пухленькую рабыню и для дедушки тоже!»

Приехав в город, Нурджума и Ягды оставили коня и телегу на базаре и поспешили к месту проведения совещания.

На сегодняшнем собрании рассматривался вопрос о раскулачивании которое в последнее время приобрело невиданные масштабы, а также борьбе с допускаемой в этой работе медлительностью.

Борьба с владельцами земель началась гораздо раньше, сразу после победы Октябрьской революции и захвата власти большевиками. Их тогдашней целью было добиться подчинения всех земель страны, а затем по новой раздать дайханам с учётом их отношения к новой власти и её принципам. Но тут грянула Гражданская война, и в эти годы большевикам было не до решения водно-земельных вопросов. Они тогда отложили решение этой задачи до лучших вре-

мён, ведь сначала надо было заняться вопросами защиты и устройства Советского государства. Дайханам тогда показалось, что большевики оставили их в покое и больше не будут мешать им жить. Они очень надеялись на это. Но не успела закончиться Гражданская война, как большевики с новыми силами приступили к решению отложенного до поры до времени земельного вопроса.

Владельцев земли и воды преследовали, а неимущие поощрялись государством. В стране высокими темпами велось колхозное строительство. Во многих местах для дайхан-единоличников коллективные хозяйства были закрыты, власти не желали включать их в новую жизнь сёл. Но даже если их и принимали в колхоз, рассчитывать на какие-то руководящие должности они не могли.

В 1930 году на большом совещании в Москве критике была подвергнута медлительность, с которой велось строительство колхозов – «детища мудрости товарища Сталина». Среди тех, кто допускает нерасторопность, была названа и Туркменская республика. Вслед за этим Москва направила сюда своего верного эмиссара Якова Попока. К этому времени Яков Попок зарекомендовал себя грозным слугой Советского государства, занимаясь раскулачиванием в Брянске.

Заняв должность первого секретаря ЦК Компартии Туркменистана, с особой жестокостью и страстью продолжил работу, начатую в Брянске.

Поэтому такие собрания, как-то, на которое вызвали Ягды

и Нурджуму, довольно часто проводились на местах. Поначалу собрания, проходившие в районе, открывал председатель райисполкома, но с приходом Якова Попока, возглавившего компартию республики, это правило изменилось. Теперь председатель райисполкома и секретарь парткома поменялись местами в иерархии руководящих лиц. Отныне все собрания в районе вступительным словом открывал Ата Хымлыев, заметно раздавшийся в кости и пополневший после прибытия в Тахтабазар. Он говорил о том, что всё хорошее, что происходит в стране, достигается под мудрым руководством партии. В его речи отчётливо проступал подтекст, мол, вы не думайте, партия своим зорким глазом видит все недостатки, которые имеют место быть. Завершая вступительную речь, он таким способом возвеличивал свою должность. В этот раз после Ата Хымлыева слово взял начальник ОГПУ Сызран. Он доложил о состоянии дел с раскулачиванием на местах, как ведётся борьба с кулаками. Он говорил, поглаживая зачёсанные на затылок свои красивые светлые волосы. После него стали по очереди выступать прибывшие с мест руководители. Многие из них говорили то, что от них ожидали, но всё же стараясь хоть как-то защитить своих людей. Хотя были и такие, как председатель сельсовета Байрач Атагелди виррей, который, задрав нос как взбесившийся осёл, и сверкая глазами, назвал имена своих односельчан, в основном братьев и сыновей большой семьи Союн бая, которых следует раскулачить, при этом добавив: «Их следует

уничтожить как класс!».

От имени села Союнали выступил Ягды Нарлы. Во время своего выступления он краем глаза смотрел на начальника ОГПУ, чтобы знать, как тот отреагирует на его слова, потом переводил взгляд на Ата Хымлыева, сидевшего с суровым видом, постукивая карандашом по листку бумаги. Нурджума не сразу понял, откуда в руках Ягды взялся листок бумаги, которым он размахивал во время своего выступления. Обычно председатель сельсовета, если ему предстояло выступить на таком совещании, предварительно обговаривал с ним тему своей речи, советовался с ним. Правда, ему не пришлось долго думать над тем, откуда в руках Ягды взялся лист бумаги. Он вспомнил, что в то время, когда они стояли у входа с другими приглашёнными, курили и закидывали под язык насвай, к ним подошёл какой-то человек и позвал Ягды вместе с председателем другого сельсовета в кабинет заместителя начальника ОГПУ Аманова.

Нурджума предположил, что этот лист был передан Ягды именно в этом кабинете. Когда же Ягды начал читать с листа имена людей, которых необходимо раскулачить, Нурджума почувствовал, как по его телу пробежал холодок. В списке были имена жителей села Союнали.

1. Гуллы эмин, бай
2. Абдырахман бай – сын Гуллы эмина
3. Джума бай – сын Гуллы эмина
4. Кямиран бай – сын Гуллы эмина

5. Оразгелди бай – сын Кымыша бая

6. Оразгылыч бай – сын Кымыша бая

Нурджума снова задумался над тем, как возник этот листок, что был в руках Ягды и в котором были записаны имена людей, которых предполагалось подвергнуть раскулачиванию. «Если в список надо включить людей из села, почему не включили в него других состоятельных людей, а именно только эти две семьи? Если считать, что их туда включил Ягды, так ведь он к этим людям неплохо относится, нет у него к ним ненависти. А вообще-то, человека не всегда можно распознать, кто его знает, а вдруг у него на этих людей имеется зуб? К тому же высокую должность, власть, не всякий может вынести, у иного человека может, и голова кругом идти...» Любопытство Нурджумы с каждой минутой становилось сильнее. Ему не терпелось узнать, кому захотелось толкнуть эти семьи в пасть огнедышащего дракона. Хоть он и прочитал список, этих людей отбирал не Ягды. Выступая как председатель сельсовета, он прочитал заготовленный заранее и выданный ему список людей. По мнению Нурджумы, если бы список составлял Ягды, там были бы совсем другие имена. В селе было немало людей, с которыми хотел бы расправиться Ягды. Но эти семьи никак не относились к недругам Ягды. Это Нурджума знал хорошо.

Кто бы то ни был, это человек, ненавидящий эти две семьи, человек, поддерживающий близкие отношения с Амановым и ждущий подходящего момента, чтобы отомстить

ненавистным людям. И поскольку он хорошо знал жителей села и все происходящие в нём события, сразу же вычислил того, кто мог это сделать – внести в список имена людей, которым он жаждет отомстить. И этим человеком может быть только Хардат кепретил. Он давно точил зуб на Гуллы эмина и сыновей Кымышша-дузча.

Это случилось в те годы, когда старший брат Хардата вместе со своей молодой женой нанялся подёнщиком к Гуллы эмину, работал на его мельнице, а для этого поставил небольшую хижину рядом с ним. И надо же было такому случиться, чтобы глаз молодого Гуллы эмина упал на молодую сочную женщину?! Мало того, женщина была недовольна своим мужем, поэтому и повелась на ухаживания богатого соседа. И однажды случилось то, что случилось – женщина вместе с Гуллы эмином были обнаружены в помещении мельницы, они оба были с головы до ног вымазаны мукой. А в народе уже давно гуляли слухи об этих двоих, об их тайной связи. После этого у бесплодной женщины родился сын, и она назвала его Пирли, чтобы он вырос таким же сильным и энергичным, как Гуллы эмин. И чем старше становился мальчик, тем больше походил на сыновей Гуллы эмина, выставляя напоказ материнский грех.

Что касается семьи Кымышшей, Нурджума вспомнил, что Хардат был зол, особенно на старшего сына Оразгелди, который исправно исполнял роль старейшины рода бяшбелаларов. Когда дочь двоюродного брата Оразгелди убежала за

ещё одного брата Хардата, опозоренный Оразгелди велел парням башбелаларов: «Если уж случилось быть опозоренными, то и вы не оставайтесь в стороне» ... и заставил их остричь волосы его жены и дочери...

И этой случай на ходу вспомнил Нурджума. Он понял, что на днях Хардат посетил своего друга Аманова и вместе с ним решил этот вопрос. Эта догадка полностью удовлетворила его. Точно, так и есть, а по-другому и быть не может.

Течение собрания было мирным до тех пор, пока слово не взяла председатель колхоза «Сарычөп» женщина по имени Амангуль, известная в народе своим необычным прозвищем «наззат». Она сидела рядом с заместителем председателя райисполкома светлолицей татаркой по имени Роза.

Казалось бы, здесь собрались единомышленники, другого мнения быть не может и не должно. Но Хымлыев и Сызран говорили о судьбах людей равнодушно, словно о посевах хлопчатника или животноводстве, разве можно это снести? Встав с места, она заговорила, повернувшись боком к предыдущему выступавшему, председателю сельсовета Атагелди, который сидел с видом победителя:

– Атагелди агасы, как же вы составляли списки этих кулаков?

– А что такого мы сделали? – недовольно произнёс Атагелди, которому не понравился тон выступающей.

– Да вы включили в него имена всех тех, кто вам не нравится... Вот, например, там есть имя Агаджана мурта, разве

они большие баи? Вы когда-то воевали с ними из-за воды, и вот теперь решили поквитаться за это... – вырвавшиеся из уст женщины слова совсем не понравились главе сельсовета Атагелди, он зло посмотрел по сторонам и проворчал:

– Ай, Амангуль просто болтает, она ведь «назат» ...

И хотя он попытался высмеять слова женщины, иронизировать, но, зная, что она говорит правду, свои слова произнёс неуверенно.

А это вызвало на лицах собравшихся едва заметные улыбки.

Этой дородной женщине по имени Амангуль и прежде доводилось на собраниях неожиданно вмешаться в разговор. Приспустив яшмак, она говорила, ни на кого не глядя, говорила прямо всё, что думала, напоминая собравшимся, откуда взялось это прозвище «назат».

...Прежде жители села Сарычѐп, в котором обитала и Амангуль, населяли местечко под названием Моркала – Калаймор. Поскольку эта местность была гладкая без каких-либо изъёмов, то правительство превратило её в аэродром, там же были поставлены ангары для воздушной техники. В тот период вместе с сарычѐплинцами там проживали представители и других народов, они были связаны с самолѐтами.

Когда началось колхозное строительство, сарчѐплинцы выбирали себе председателя сельсовета из числа местных, но он не оправдал доверия государства. В конце концов, на эту должность была назначена дочь муллы Амангуль как че-

ловек немного грамотный, а главное – решительный. После того, как Амангуль получила эту должность, получилось по поговорке «Дай человеку власть, и ты узнаешь, каков он». Поскольку правительство поддерживало её, она, повесив через плечо кобуру с пистолетом и произнося по-русски слова, которые выучила, слыша от соседских русских детей, и возомнила себя повелителем Вселенной. В 1930 годы правительство принимает решение о переселении проживающих в Моркале полукочевых семей, из-за отсутствия воды и пахотных земель, не имеющих возможности заниматься земледелием, в Сарыязы – место, богатое жирными почвами и водой, чтобы сарычëплинцы могли заниматься сельским хозяйством. И однажды, не обращая внимания на возражения людей и их нежелание покидать насиженные места, жителей села вместе со всем скарбом погрузили в два-три вагона. Сарычëплинцам совсем не хотелось покидать родные просторы, а тем более, пускать корни на новом месте, объединяться с каким-то другим селом. Пусть даже они согласятся на переселение, но только на необжитых землях, где много воды, они готовы были строить свою новую жизнь. Люди в дороге и по пути и убедили в этом и ехавшую вместе в поезде председатель сельсовета Амангуль. Она согласилась с желанием односельчан и моментально задействовала. Войдя в кабину машиниста, она потребовала остановить поезд, который уже вот-вот подъезжал к Сарыязы. Но у машиниста поезда было другое задание, поэтому он не стал выполнять приказ жен-

щины. Услышав отказ, та вдруг разъярилась, приблизилась к машинисту и приставила к его виску дуло своего пистолета. И «Наззат!»²⁰ – приказала она по-русски.

При виде пистолета машинист от страха едва не упал в обморок. Машинист был вынужден дать поезду задний ход. Вот так сарычеплинцы, не доехав до Сарыязы, обосновались на пустыре между селом Байрач и рекой...

Произнося речь, Амангуль с присущей ей женской интуицией краем глаза поглядывая на собравшихся, чувствовала, что не всем её слова нравятся, что многие сидят побледневшие, с опущенными головами, с недовольным выражением лица. Больше всего её смущало то, что и Ата Хымлыев, который всегда хвалил её, называя настоящей коммунисткой, сейчас явно лицо было недовольно. Попыхивая сигаретой, он сидел, уставившись в одну точку, и по выражению его можно было прочесть как будто: «Эх, как же я ошибся в этой женщине!» В этот момент Амангуль испытала непонятное, неприятное чувство загнанного в угол человека. Хотя она говорила не о ком-то, а конкретно об Атагелди, получилось, как в поговорке «слепой терпеть не может зрячих». Теперь надо было как-то выбираться из сложившейся ситуации. Вообще-то Амангуль и самой не нравился свой бескомпромиссный характер. Сколько раз ей приходилось краснеть

---

²⁰ . И до сих пор место между станцией Тахтабазар и остановкой Сарыязы, где сарычеплинцы заставили идти назад поезд, до сих пор называют «стоянкой Амангуль наззат».

из-за своей несдержанности! Большинство людей произносятся на собраниях именно те слова, которые от них ждут, и, если надо кого-то хвалить, возносят до небес, а уж если кого надо раскритиковать, будут с удовольствием это делать. Да и кто имеет право плыть против течения? Тем более, когда ты находишься в лодке новой власти, разве не будет это восприниматься как твоё выступление против неё? Тебя ведь могут высадить из лодки прямо посередине пути, и что тогда? Но Амангуль-назат была из тех людей, кто позволял себе такие выходы, о которых потом сильно жалел.

Амангуль вспомнила, как она ехала с собрания в одной телеге с Атагелди...

– Ты ведь женщина, Амангуль. Чтобы выступить в чью-то защиту на большом собрании, не стоит критиковать меня. Нехорошо, если мы, два односельчанина, на таком собрании будем выступать друг против друга. Если ты заметила, товарищ Хымлыев посчитал меня правым. И потом, если ты кого-то и хотела защитить, могла бы потом мне сказать об этом. И уж если на, то пошло, мы в состоянии кого-то отстоять даже в тот момент, когда его будут грузить на поезд, – высказал он своё недовольство её выступлением...

– Конечно, товарищи, и вы, Атагелди ага, должны правильно меня понять. Я вовсе не хотела сказать, что мы не должны бороться с теми, кто ненавидит нашу новую жизнь и покушается на неё! Да я и не из тех, кто может так сказать, вы и сами это знаете! – Амангуль вдруг неожиданно заговорила

в прежнем тоне. – Но, товарищи, когда говорят о необходимости раскулачивания, это вовсе не означает, что надо всех под одну гребёнку чесать. Я тут вспомнила один наказ руководителем от товарища Атабаева, а передал его мне товарищ Ата Хымлыев, когда вернулся с совещания из Ашхабада. Товарищ Атабаев тогда сказал руководителям, которые, кичась своей должностью, не ладят со своим народом, наезжают на него: «Смотрите, не вздумайте всех делать противниками, иначе так вот можно весь народ уничтожить, нам нужны и те, кто сеет, и те, кто овец пасёт. Противника надо знать в лицо, и тогда можете забирать их!». Вот и нам, товарищи, неплохо было бы усвоить урок, преподнесённый нам великим и уважаемым государственным деятелем – товарищем Атабаевым!

После такой пламенной речи всем стало понятно, что Амангуль, которая только что было на грани провала, сумела благополучно выбраться из ловушки, в которую сама себя и загнала.

На Ата Хымлыева подействовало упоминание его имени рядом с именем Гайгысыза Атабаева, причём, в позитивном ключе. Кивая головой с места, он выражал одобрение сказанному Амангуль.

Но после того, как слово для выступления взял худощавый и оттого кажущийся непомерно высоким председатель сельсовета села «Советы», разговор вернулся в прежнее русло – к вопросу о раскулачивании сельских жителей, были за-

читаны имена новых семей. И снова те, о ком шла речь, стали напоминать стало оленей, пришедших на водопой к горному ручью, а те, кто сейчас кроил их судьбы, превращались в охотников, взявших этих несчастных животных на мушку.

После окончания собрания Ягды и Нурджума не спешили возвращаться в село. Раз уж они оказались в городе, надо было решить ещё ряд вопросов, касающихся села. А ко времени их возвращения домой палящие лучи солнца немного снизят свой накал.

Вдвоём они пришли в пункт приёма шерсти и шкур, чтобы сравнить свои счета с имеющимися там общими счетами. На своём рабочем месте с присущей кавказцам приветливостью их встретил начальник конторы, крупный, как слон, армянин Вартан.

– Ого, похоже, союналийцы коней оседлали!

– Да вот, приехали в город, и говорим, давай-ка брата Вартана проведем! – в тот ему ответил Ягды.

– Спасибо! Правильно сделали. Слышал, вы на совещании приехали!

– Ну, да, на собрании побывали.

Во время обмена приветствиями и шутками Вартан махнул рукой в сторону своего стола и пригласил гостей на чай:

– Проходите, товарищи, у меня хорошо настоящий чай имеется!

– Коли так, придётся нам отведать твой чай, Вартан! – с удовольствием принял приглашение Ягды.

Чай и в самом деле оказался великолепным, настоящим, ароматным. Гости вспотев с удовольствием напились ароматного напитка. Отложив конкретные дела, довольно долго беседовали с Вартаном. Тахтабазарцы считали Вартана своим человеком, родившимся и выросшим здесь и хорошо говорившим по-туркменски.

Его отец был первым армянином, перелившимся сюда вскоре после прихода русских. С приходом Советской власти многие из них стали работать в государственной и партийной структурах. Другие, как и прежде, упорно занимались торговлей. Не так давно, ещё до того, как Гулджаш гони²¹ стал председателем райисполкома, их в районе стало особенно много. Но Гулджашу это не понравилось, что они захватили в районе все ремёсла. Он даже не стал скрывать своего отношения к ним, заявив: «Если вы хотите стать одними из нас, дадим вам землю, работайте в колхозе!». Но армяне с его требованием не согласились...

И даже когда сверху приструнили его, Гулджаш-гони не уgomонился.

– Скажите мне, в каком законе прописано, что в торговле и на руководящих должностях обязательно должны работать армяне, тогда я соглашусь с вами, – упорно стоял он на своём. И тогда несколько семей от греха подальше просто перебрались на жительство в Мары. В Тахтабазаре остались только те семьи, которые, как и Вартан, считали этот райцентр

своей Родиной. Но и убывшие оказались не промах, они стали писать и жаловаться на Гулджаша во все инстанции, обвиняли его в национализме. Не прошло и года, как тот слетел со своей должности.

Вартан был не просто крупным, но и очень волосатым человеком, ключья волос выбивались у него из ушей, из носа, не говоря уже о груди, которая была покрыта густой шерстью курчавых волос. Сидя за чаем, Нурджума невольно подумал: «Господи, да он будто пещерный человек, не зря его назначили начальником заготконторы. Если вдруг не хватит шерсти, можно будет обстричь его и добавить недостающий вес».

Посетив все необходимые места, Ягды и Нурджума уже во второй половине дня тронулись в обратный путь, решив, что к вечеру уже будут дома. Жара и духота постепенно отступали. Грунтовая дорога, то извиваясь, то выпрямляясь, была похожа на ленивое течение реки по осени. Теперь арбой управлял Ягды. Рядом с ним сидел задумчиво молчал Нурджума, мысленно перебирая имена тех, кого сегодня назначили в кулаки, и думая об их дальнейшей неизвестной, но уж точно горькой судьбе.

Этот выбор Ягды Нурджуме совсем не нравился. И как теперь донести эту весть до людей, с которым прожил рядом много лет и которых считаешь своей родней и просто односельчанами? А вдруг они вместо того, чтобы отправиться в ссылку, попытаются перебраться в Афганистан? Сейчас ведь и через границу перейти не так-то просто, вдруг они набре-

дут на те места, где затаились пограничник с пулемётами? Никто ведь их не пожалеет, быстренько покончат с ними. Э-эх, туркмены изначально были несчастным народом... Если Нурджума сообщит об этом, люди ведь обязательно подумают, что и он причастен к этому злодеянию. В человеческих отношениях так было всегда. Как ты объяснишь своим родственникам, что это требование свыше, что ты ничего не можешь изменить. А вдруг они не поймут и будут обижаться на тебя?..

Конечно, от Ягды тоже ничего не зависело. И всё равно ему хотелось спросить у него о причинах такого выбора, поговорить об этом. Ему показалось, что за всем этим стоит даже не государство, а какие-то разборки местных людей. Именно эти мысли не давали ему сейчас покоя. Они будоражили его любопытство, Нурджуме хотелось побольше узнать, докопаться до истины.

Телега обошла голое подножие холма и теперь ехала среди зарослей. Воздух был неподвижен, ни ветерка. Было очень душно. Они ехали разгорячёнными и поэтому невольно думали о вечерней прохладе. Хоть бы слабый ветерок задул, он бы разогнал духоту, и дышать станет легче. Но подует чуть позже, когда на землю опустится тёмное покрывало ночи. И даже вершины, растущих по краям дороги камышей и других кустов не шелохнутся. Не слышно сейчас и голосов перепёлок и фазанов, которые обычно чирикают, прыгая и перебегая между ними с места на место. Похоже, всё живое

попряталось от жары в укромных местах и ждёт наступления прохлады. Поэтому и дорога кажется тоскливой и бесконечной. Нурджуме хотелось обсудить с Ягды сегодняшнее собрание, узнать его мнение на этот счёт. Ягды же, выровняв поводья, немного сгорбившись, ехал молча, словно в рот воды набрал.

– Эй, Кабан, ты что, язык проглотил, всю дорогу молчишь? – Нурджума назвал Ягды его детским прозвищем и, словно заигрывая, легонько ткнул того в бок.

– А что мне тебе сказать, Шаллак хан? – парировал Ягды, также называя попутчика его мальчишеским прозвищем.

– Скажи хоть что-нибудь. Например, как ты относишься ко всему этому.

– А, так ты, оказывается, ничего не понял, – Ягды бросил на Нурджуму насмешливый взгляд.

– Я же сказал, нет.

– Ну, а раз не понял, надо было у начальника ОГПУ спросить, они бы тебе всё так доходчиво объяснили, что мало не показалось бы. После этого вряд ли у тебя была бы возможность задавать вопросы.

Ехидные слова Ягды задели Нурджуму. И тогда он, чтобы не отстать от собеседника, решил напомнить тому о детской оплошности:

– Эй, Кабан, ты можешь хоть раз сказать что-то умнее, чем «У Мерджен, оказывается, тоже есть сиськи!»?

Напоминание о той детской шалости больно задело Ягды,

но он постарался не показать виду, усмехнулся, словно говоря «Нашёл, о чём вспомнить».

Ягды и Нурджума были не просто односельчанами, но и выросшими вместе ровесниками. Оба росли озорными и хулиганистыми мальчишками. И вместе они тоже совершали не всегда благовидные поступки. В тот раз их было трое. Нурджума, Ягды и с ними ещё один по имени Агамырат. На тот поступок их подвигло детское любопытство. В те дни до них дошёл и привлёк их внимание слух о том, что на краю села, в укромном месте, в реке купаются и играют в разные игры сельские девчушки. Ну и как было устоять перед соблазном увидеть это своими глазами, когда тебе всего-то 10-12 лет?.. Девичий брод находился среди зарослей и представлял собой небольшой залив. Оказавшись в этом уединённом месте, девчушки чувствовали себя спокойно. Могли без посторонних глаз раздеться донага и купаться, устраивать всевозможные девичьи игры. На соседнем холме оставляли кого-нибудь для дозора, и если появлялся посторонний, немедленно узнавали об этом. Поэтому приблизиться к девочкам можно было только приплыв по реке. Мальчики решили наведаться в девичью купальню, и уже шумно представляли, что они там увидят, обсуждали, как поведут себя девчонки в случае, если увидят их. Радовались предстоящему веселью. Конечно, плыть среди камышей с облепленным водорослями телом не так-то и приятно, да и нелегко. К тому же в местах, где никогда не бывает человек, может быть много во-

дяных змей – ужей, и это тоже пугает. Но сейчас мальчишки были охвачены азартом, поэтому забыли о всяких страхах.

Близко подплыв к заливу, в котором купались девочки, мальчишки увидели даже больше того, что ожидали увидеть. Девочки чувствовали себя уверенно, никаких признаков беспокойства на их лицах не было. Мальчишки, никогда в жизни не видевшие голого женского тела, а тем более, в таких количествах, замерли от удивления. В тот момент спрятавшийся среди камышей Ягды неожиданно для себя вслух произнёс: «Эй, оказывается и у Мерджен есть сиськи!», – назвав имя девочки-ровесницы. Неожиданный мальчишеский голос заставил девчонок броситься врассыпную. Одни из них нырнули в воду, другие, прикрывая ладонями интимные места, поспешили к своей одежде. Обдирая кожу лица и рук, они прятались среди зарослей камышей и колючих кустарников. А у мальчишек не получилось незаметно появиться и так же незаметно уйти. Девчонки узнали их. В селе такое бесстыдство не поощрялось, в особенности, если это имело отношение к девочкам и девушкам.

Через пару дней после того события несколько посрамлённых девочек рассказали своим старшим родственникам об этом. Они нашли Нурджуму и Ягды, где они играли сверстниками, и избили этих любознателей.

Взглянув на Нурджуму, Ягды многозначительно улыбнулся, словно хотел что-то сказать, но опять ничего не сказал, будто ждал, что его попутчик снова вспыхнет, и что-нибудь

наговорит. Нурджуму и в самом деле задело молчание Ягды, и особенно его высокомерный взгляд.

– Вижу я, Кабан, тебя судьба односельчан никак не беспокоит! А ведь сколько ещё людей оказались у самого края обрыва...

– Нурджума, в этом вопросе я, конечно, понимаю тебя. А ещё я скажу тебе одну умную вещь, если узнают, что ты потворствуешь людям, которые не нравятся власти, то и тебе несдобровать, знай это.

– И что они со мной сделают?

– Станешь байским прихвостнем. А могут и сослать куда подальше, следа от тебя не оставив...

– Нет, постой! – перебил его Нурджума. – А ты не задумывался над тем, сколько людей, названных баями, басмачами, ишанами и муллами, покинули родные места? Семья Маммет хана переселилась, Заир чопчи, Таир чопчи, Гувандык бай, Эрсары бай – все они с семьями ушли отсюда... Скажи, что плохого сделали тебе эти люди?

Распаляясь всё больше, Нурджума не знал, какие смешанные чувства вызывают его слова у его собеседника.

– Гмм! – произнёс Ягды, поворачиваясь в сторону Нурджумы и всем своим видом выражая недовольство. – Эй, Нурджума, я у тебя кое-что спрошу, только ты должен честно ответить на мой вопрос! – потребовал он.

– Ну, так спроси!

– А спросить хочу я, друг мой, вот о чём. Кто тебя, меня

поставил руководить людьми? Конечно же, советская власть. А кем ты был без неё? И ты, и я были безлошадными бедняками, седлав ишака, добывали свой кусок хлеба. Про меня вообще говорили: большеглазый раб такого-то.

Последнюю фразу он произнёс с особым напором.

Конечно, Ягды был благодарен новой власти, сделавшей его владыкой целого села, благодаря которой он достиг такой вершины. Любую свою работу он соизмерял с мнением новой власти: «Если я поступлю так, понравится это новой власти?» Поручения новой власти он выполнял беспрекословно, не обращая внимания на то, что она творит, и даже не задумываясь об этом. При этом он верил, что поступает правильно и от этого получал удовольствие.

Находясь среди своих, тех, кого причисляли к роду «рабов», любил пофилософствовать: «Нам большевики пришлось ко двору, они нас не просто равными сделали, а подняли ещё выше. Наступила наша очередь править бал. Те, кто раньше не отдавал нам своих дочерей, называя «гулами»²² (невольниками), теперь почтут за счастье видеть нас своими зятьями. Власть и достаток – вот что делает «гулов» «игами»²³. И с удовольствием расставлял людей своего клана на руководящие должности.

---

²² Гулы – невольники.

²³ Иг – чистокровный туркмен, не смешанный с другими национальностями, как правило, это люди светлокожие, не имеющие на теле слишком густой растительности.

– У меня тоже на многое нет обиды, – чтобы поддержать разговор, Нурджума постарался ответить в тон собеседнику.

– Главное, наш дом цел? Цел. Даже если мы очень захотим, не всё нам под силу, не всё в нашей власти. И потом, говорят же: «Узбек сам себе бек!» – слово узбек он выделил голосом, постарался произнести это слово в узбекской тональности.

Нурджума пристально посмотрел в лицо собеседника, не сдержался, вспыхнул:

– Вот уж точно «у пасынка не может быть желчи»! – иронично произнёс он. Ягды не понравились слова Нурджу-мы, исключавшие его из числа туркмен. Он обжёг его злым взглядом.

Сказанные к месту слова попали в самую точку. Вышло по поговорке: «Если ига назвать гулом, это вызовет у него смех, если гула гулом назовёшь, ему захочется умереть». Глаза Ягды налились кровью, волосы на теле встали дыбом, волоса-тые ноздри стали шире.

Резко откинув поводья в сторону и оскалив свои крупные зубы, он неожиданно накинулся на Нурджуму:

– Я сейчас покажу тебе, кто из нас неродной!

Не ожидавший такого всплеска эмоций, под тяжестью тела соперника Нурджума вместе с попутчиком слетел с теле-ги.

А вокруг ни души. В жару люди по этой дороге не ходят. Да и от села достаточно далеко, будь ты мальчишкой, можно

было спокойно здесь вдоволь наиграться.

Воздух всё ещё не остыл, было душно и в то же время жарко. Только-только начал задувать предвечерний слабый ветерок, раскачивая похожие на короны верхушки астрагала лисовидного.

На землю оба хлопнулись одновременно. И хотя ударились о твёрдый грунт, ни один из них не почувствовал боли. Чтобы не оказаться придавленным тяжелой тушей Ягды, Нурджума быстро откатился в сторону. Хотя они и росли вместе, и не раз схватывались в драке, сейчас его противник набрал борцовскую силу, оказаться под ним ему меньше всего улыбалось. Они снова вскочили на ноги и набросились друг на друга, сейчас они были похожи на двух разъярённых быков, готовых поднять противника на рога. Силы у них были примерно равными. Ягды решил применить какой-нибудь приём, подманить Нурджуму к себе, схватить его и с силой швырнуть оземь. Но поскольку они хорошо знали приёмы друг друга, Нурджума догадался о задумке Ягды. Он постарался не приближаться к противнику, чтобы тот не мог застать его врасплох. Они ещё какое-то время боролись друг с другом, иногда падали на землю, а потом набрасывались опять друг на друга с новой силой.

Начав задыхаться, Ягды вдруг увидел свисающую с края телеги плётку, стремительно оттолкнул Нурджуму, освободив из захвата неожиданного противника свою руку. Второму борцу показалось, что он сейчас скажет: «Ну, хватит, да-

вай, прекратим эту схватку». Но не тут-то было. Когда Ягды схватил плётку, на его лице появилось выражение многозначительного торжества, как у человека, которого защитили.

Первый удар плёткой вызвал у Нурджумы ощущение, будто его тело обожгло огнём. Нурджума разъярился. Когда Ягды собрался ожечь его во второй раз, Нурджума, успел сконцентрировать свои силы, боднул его головой. Раскачиваясь из стороны в сторону, Ягды по инерции ударился боком о телегу. Плётка отлетела в сторону.

У обоих противников рубахи намокли от пота, хоть выжимай. Царапины на лице, руках кровоточили и саднили. Как разъярённые быки, они, задыхаясь, смотрели друг на друга, готовые схватиться по-новому.

Кустики на земле были примяты, как будто здесь валялись свиньи.

Казалось, что Нурджума готов пойти в наступление, но он не стал этого делать. Присев на корточки, руками показал Ягды на оторванный от рубахи огромный кусок ткани.

– Эй, Кабан, ты что натворил?

Ягды ответил взглядом, в котором отчётливо читалось: «Так тебе и надо!» и он ехидно улыбнулся.

– Разве у всех, как у тебя, имеется две жены, чтобы могли быстренько залатать порванную одежду? Вот, приедем в село, заставишь Хануму зашить мою рубаху.

– Вот что она тебе зашьёт! – Ягды показал Нурджуме огромную фигу.

Нурджума понял, что снова задел Ягды, и мысленно усмехнулся. На его лице появилась непонятная улыбка, которой он как бы говорил: «Ты ещё увидишь, на что я способен!» Хитро улыбаясь, он встал с места, обошёл телегу и пошёл к коню. Смахивая со лба капли пота, стал распрягать лошадь.

– Кабан, друг, оказывается ты не тот человек, которого можно назвать коллегой по работе и сотрапезником на свадьбе. Я разрываю нашу связь, пусть каждый со своей вещами остаётся!

Телега, на которой они ездили в город, принадлежала Ягды, а конь был собственностью Нурджумы.

Ягды не сразу понял намерения Нурджумы, потому что не думал, что тот может так поступить. Напротив, он подумал, что напарник решил теперь сам повести телегу, поэтому взял поводья в руки, хочет примирения. Но о примирении не могло быть и речи. Освободив коня от телеги, он сел в седло и поскакал, оставив товарища на полпути. Не в силах справиться с охватившей его злостью, Ягды крикнул вслед тому: «Давай, уматывай, посмотрим, как ты ещё хотя бы раз сядешь в эту телегу!» А Нурджума, не обращая внимания на выкрики Ягды и не оборачиваясь, поднимая столбы пыли, оставив его на полдороге, ускакал с этого места.

С Ягды получилось по поговорке: «Пусть конь твой не остановится на полпути». До села надо было пройти ещё почти половину пути. Не зная, как быть, Ягды некоторое вре-

мя стоял, прислонившись к телеге и озираясь по сторонам. Но на горизонте никто так и не показался, так что помощи просить было не у кого. Ему не хотелось оставлять на дороге без присмотра свою телегу, которой он так гордился, разъезжая на ней как глава сельсовета. Конечно, можно было бы подождать, всё равно кто-нибудь мог появиться на дороге, но просто стоять и ждать он не мог, не хватало терпения. Он, конечно, знал, если его джигит увидит Нурджуму, обязательно спросит, а где его начальник, и узнав, что тот остался на дороге, обязательно примчится за ним. Но и этот вариант был маловероятен, то ли он встретит Нурджуму, то ли нет. Скоро наступит вечерняя прохлада, в прохладную погоду дорога не кажется такой долгой. Подумав об этом, Ягды решил забрать арбу с собой, и по мере возможности перетащить её в село. В самом деле, не оставлять же своё имущество на дороге! Сняв с головы свою папаху, он положил её на папку с документами в арбе. Вроде немного полегчало. Теперь можно и трогаться в путь. Он устроился впереди арбы, сунул под мышки боковые оси телеги и, трясясь, тихонько пошёл вперёд. Поначалу тащить арбу на себе было непросто, но потом стало легче, когда вышли на ровную грунтовую дорогу, она легко покатила вслед за возчиком. Конечно, он считал унижительным для себя тащить на себе телегу будучи председателем сельсовета, но ровный перестук колёс телеги успокоил его. «Дотемна доберусь до села, но телегу оставляю на подходе к селу, иначе люди могут увидеть меня и высме-

ять, мол, сельсовет вместо коня или ишака впрягся в арбу и тащит её на себе. Оставлю телегу, а мой джигит потом заберёт её и притащит домой».

Смирившись со своим положением, Ягды по пустынной дороге потихоньку тащит на себе телегу. Когда колёса телеги касаются грунта, тащить её становится трудно, будто кто-то сзади цепляется за неё, тормозит. Зато на спуске телега катит по инерции, да и сам Ягды несётся вниз как на крыльях. Телега громко тарахтела. Когда телега приближалась к селу неожиданно со стороны рядом где-то у Ягды раздался знакомый ехидный голос Нурджумы:

– Эй, Кабан, тебе не зря такое прозвище дали, оно очень подходит тебе. Посмотришь со стороны и кажется, что телегу тянет настоящий кабан.

Ягды остановился, опустил на землю оси телеги и, глядя на шутивно настроенного Нурджуму, зло проворчал:

– Да заткнись ты, сволочь проклятая!

Сев на освободившегося от телеги коня, Нурджума проехал какое-то расстояние, затем сошёл с дороги и спрятался в укромном месте, чтобы понаблюдать за тем, как Ягды тащит на себе телегу.

– Вот отведу коня на базар, и если мне удастся его продать, другой транспорт я даже искать не буду, тебя впрягу в арбу и буду ездить на ней! – Нурджума похлопал ладонью по шее коня и, победно кивнув в сторону Ягды, изобразил на лице улыбку, в которой читался упрёк.

– Если ты и дальше будешь вести себя так, ей-богу, рано или поздно беду себе накличешь! – ответил Ягды, давая понять, что начал успокаиваться.

Сунув руку в глубокий карман штанов, чтобы достать оттуда табакерку для насвая, он довольно долго провозился, словно пытаясь нащупать свои гениталии. Закинув в рот нас, прислонился к арбе и вдыхая полной грудью свежий воздух, с улыбкой на лице повернулся к Нурджуме, который в это время впрягал коня в арбу:

– Эй, придурок, ей богу, ты чокнутый! Ну и шуточки у тебя!

В село они въехали, когда уже совсем стемнело. Где-то на той стороне Мургаба выли шакалы. Село уже готовилось ко сну и лишь кое-где были слышны голоса женщин, зазывающих домой своих заигравшихся детей. На небе зажглись первые звёзды, они удивлённо взирали на едущих в телеге Ягды и Нурджуму, словно видели их впервые.

* * *

На следующий день после возвращения из города Нурджума отправился в поле, чтобы посмотреть, как идёт полив колхозного хлопчатника, и увидел младшего сына Кымыша-дузчы Оразгылыча. Закатав штанины до колен, Оразгылыч в это время поливал хлопчатник на своей собственной делянке.

Вид здоровых хлопковых кустов, получивших достаточно удобрений и воды, радовал глаз, поднимал настроение. Для дайханина, связывающего надежды с будущим хорошим урожаем, не может быть большей радости, чем видеть прекрасные плоды своих трудов.

Увидев Нурджуму издалека, Оразгылыч удивился, что на этот раз тот изменил своему правилу. Обычно он, кивнув головой в знак приветствия, продолжал свой путь, но в этот раз повернул коня в его сторону. Значит что-то намерен сказать. Он встретил Нурджуму вопросительным взглядом.

– Арма, Оразгылыч, как дела?

– Спасибо, дядя, хорошо! – Оразгылыч, относясь с уважением ко всем выходцам рода чоруш, к которому принадлежала и его мать, называл их дайы – дядями.

– Тювелеме, еген²⁴, у твоего хлопчатника замечательный вид! – Про себя же Нурджума подумал с сожалением: «Доведётся ли вам снять этот урожай?»

– Это же хлопчатник, за ним, как за малым дитём уход нужен, тогда он и растёт замечательно.

Делая вид, что любит хлопчатником, Нурджума не знал, как сообщить Оразгылычу дурную весть, колебался. Любуясь ровными кустами хлопчатника, он думал о том, что Кымышы настоящие земледельцы, они достойные люди, и уж во всяком случае, свой достаток зарабатывают честным трудом.

– Оразгылыч, племянник, мне надо сообщить тебе одну неприятную вещь, хотя мне бы очень не хотелось этого делать! – чувствовалось, что Нурджума переживает.

– Раз надо, значит, говори, дядя, – Оразгылыч вытянул ноги из грязи и встал на сухое место.

– Так вот, племянник, вчера на большом собрании в городе среди тех из Пенди, кого следует раскулачить, названы были и ваши имена...

– Гмм... да, – Оразгылыч тяжело вздохнул, задумался. Потом спросил: – В том списке я один или же и имя Оразгелди акга тоже там есть? – озабоченно произнёс он. Ответ Нурджумы был коротким:

– Да, вы там оба значитесь. Причём, вас должны сослать вместе с семьями.

– И куда же нас сошлют?

Приподняв голову, Оразгылыч посмотрел на Нурджуму, беспокойно ёрзавшего в седле коня.

– Этого я не знаю, еген.

– А нельзя ли сделать так, чтобы сослали меня, а Оразгелди оставили со стариками, присматривать за ними? – эти слова он произнёс, оттирая с покрасневшего лица ладонью пот и как бы советуясь, заботясь о близком.

– Ох, не знаю, еген. Как бы не было уже поздно что-то предпринимать... Мне бы очень хотелось помочь вам. Я не могу представить Союнали без Гуллы эмина, без вас, только это не в моей власти. Вообще-то я не должен был пока даже

говорить об этом, да вот, не сдержался, вырвалось...

Получив неожиданную и такую горькую весть, Оразгылыч после того, как Нурджума покинул его, ещё какое-то время в задумчивости стоял на том же месте, озираясь по сторонам и разглядывая раскинувшееся вокруг прекрасное поле. Вид у него был такой, словно он, глазами прощаясь со своими полем, растениями, в душе он навсегда прощался с Родиной.

Оглянувшись через несколько минут Нурджума увидел, как Оразгылыч, закинув лопату, на плечо, возвращался домой.

* * *

Когда Оразгылыч раньше времени вернулся с поля, отец вместе с внуками Алланазаром и Аганазаром седлал ишака-коня, чтобы съездить на бахчу и проверить её состояние. В это же время из дома выходила Джемал мама вместе с младшим внуком Рахманназаром, который завидовал старшим братьям и просился поехать вместе с ними. Зная, что младший внук всё равно ничего не поймёт, Джемал мама пыталась ласковыми словами урезонить его, уговорить.

– Ты что думаешь, этот ишак слоном стал, чтобы вы могли такой толпой усесться на него? Сядет дед, один брат сядет спереди него, а второй – сзади, а ты куда сядешь? На уши ишака что ли? Тебе места там нет.

Увидев сына, рано утром ушедшего поливать хлопчатник,

с лопатой на плече раньше времени, возвращающегося домой, Кымыш-дузчы заподозрил неладное. Бросив на седло верёвку, которую приготовил взять с собой, повернул голову, чтобы расспросить сына, что случилось. Оразгылыч на ходу спросил:

– Оразгелди акгам дома? – и посмотрел по сторонам.

– Зачем тебе Оразгелди понадобился? – спросил Кымыш-дузчы, глядя вслед Оразгылычу, бросившему лопату у стены и быстро вошедшему в дом.

Весть, которую принёс Оразгылыч, повергла в уныние всю семью Кымышей. Сыновья сразу собрались у отца, чтобы держать с ним совет. Понятно, раз власть взялась за них, теперь уже ни за что не отступит. До сих пор и вот уже много лет она добивалась своего, значит, и теперь решения своего не отменит.

Какое-то время Кымыш-дузчы молчал. Да, беда, обрушившаяся на народ, не обошла стороной и Кымышей. Старику этот груз казался неподъёмным. С не унимающейся внутри тревогой он посмотрел на сыновей. Ему хотелось сказать им, что ссылка вовсе не означает конец жизни, хотелось успокоить своих детей. Но волнение его было таким сильным, что он долго не мог успокоиться, произнести хоть слово. Молчал, хотя и не хотелось молчать. Старику показалось, что чёрные тучи накрыли всё небо, закрыли солнце. Уставившись печальным взглядом в очаг, спустя долгое время он смог выдать из себя:

– Делать нечего, парни, чему бывать, того не миновать... С судьбой не поспоришь...

Оразгелди в тот же день, оседлав ишака, отправился в пески, туда, где паслась их отара. В отаре у него с братом паслись около пятидесяти овец и коз. Можно не сомневаться, если семья отправится в ссылку, власти немедленно завладеют имуществом ссыльных, разграбят его. Надо по возможности спасти скот и отдать его в руки человека, которому можно доверять и который, случись им рано или поздно вернуться домой, отдаст им скот в целости и сохранности. И пару из них забрать домой, чтобы подготовить каурму на дорогу. Был у них человек, которому они доверяли. Это был Ямат бай. После того, как колхоз забрал большую часть его скота, он, найдя подход к председателю сельсовета Ягды, устроился колхозным пастухом для части этого скота. Жена Ямат бая была сестрой Джемал мамы, так что они были не просто добрыми односельчанами, но ещё и родственниками Кымышей.

Когда Оразгелди, отделив от отары чабана Гуллара часть принадлежащих Кымышам овец и разделив её надвое, пригнал с собой порядка тридцати баранов, Ямат бай, только пригнавший овец с пастбища, поставив тунчу на огонь, готовился в коше к чаепитию. Стоявшая на огне тунче уже зашумела, на поверхности воды образовались пузырьки, и она уже готовилась закипеть.

Когда собаки, почуяв чужака, залаяли, Ямат бай посмотрев в ту сторону, увидел вдалеке человека на ишаке, гнавше-

го перед собой в его сторону небольшую отару овец. Ничего не зная о случившемся, Ямат бай был удивлён, увидев и узнав Оразгелди, и не мог понять, с каких пор он заделался чабаном. Прогнав собак, Ямат бай, глядя то на Оразгелди, то на животных, хоть и не понимал, отчего тот пригнал часть овец из отары гапланов, всё же встретил неожиданного гостя по-родственному тепло:

– Племянник, поздравляю тебя с новой должностью!

Прежде чем ответить, Оразгелди опустил голову и выдал из себя улыбку, давая понять, что у него есть разговор.

– Спасибо, дайы!

– Скотина твоя в хорошем состоянии, – заявил Ямат бай, бросив взгляд на овец.

– Но это же чабан Гуллар их пас! – согласился с Ямат баем Оразгелди.

Сидя в тени шалаша Ямат бая за чаепитием, Оразгелди рассказал тому о новом повороте судьбы Кымышей. На спокойном лице Ямат бая, в его миндалевидных глазах промелькнула озабоченность. Тяжело вздохнув, он произнёс:

– Э-эх, и куда всё это приведёт?

– Одному Богу это известно, дайы...

– Ну, да, а что ещё ты можешь сказать, если у тебя другого выхода нет?

На сердце каждого из них лёг тяжёлый камень...

А над песками поднимался жар. Временами откуда-то сзади доносилось ленивое тьяканье собаки. Помимо коричне-

вой суки, занявшей место рядом с Ямат баем в тени шалаша, все остальные собаки попрятались где-то от жары.

... От Ямат бая Оразгелди вернулся поздно вечером. Теперь из его головы не уходили тревожные мысли о судьбе родителей после того, как они отправятся в ссылку. Он думал и о том, чтобы забрать их с собой, но ведь старики не вынесут долгого пути. Не давали покоя и мысли о том, что теперь их жёнам и детям тоже придётся переносить все эти испытания, но если даже он оставит их здесь и отправится в ссылку один, кто за ними присмотрит здесь, кто помогать им будет. Нет, конечно, он не оставит здесь свою семью, заберет всех с собой, а вот что делать со стариками, как бросить их на произвол судьбы? Разве они заслужили такую старость? Им-то всё это за что?

Когда он подъезжал к селу, совсем стемнело. Над холмами Гарабила взошла полная луна, сейчас она была необыкновенно красива. Сейчас вокруг неё в предвечерних сумерках образовались островки редких белых облаков. Обычно эти островки, озарённые светом луны и звёзд, становились отчётливо заметными. Но таков обычай небесных знаков: стоит ночи округлиться, как и они начинают бледнеть, а затем и вовсе исчезают.

Когда Оразгелди вернулся в село, время было позднее, во многих домах уже погасли огни, жители отходили ко сну. Подстегнув своего ишака-коня, он погнал его по пологому берегу арыка позади мельницы Гуллы эмина. Подогнув свои

ноги, он сумел пройти это место, не замочив их. Он увидел, как из дома мукомола вышел Гыты кел, он шёл, что-то бормоча себе под нос.

Оразгелди подумал, что тот, не зная, чем себя занять, приходил к мельнику поболтать. «... Если теперь и Гуллы эмина сажают, то участь таких, как я, будет невыносимой. В его доме если не каждый день, но довольно часто готовилась еда для таких, как мы, голодных. Всегда можно было зайти туда и досыта наесться. Да, пришли большевики и всё перевернули с ног на голову... Мало кому по силам делать то, что делал Гуллы эмин, даже если на это имеются возможности. Пусть бы, например, делал людям добро сын Нарлы чопчи! Но для этого надо иметь щедрость души, и разве Акынияз бай из Афганистана, прослышав, что Ягды стал председателем сельсовета, не сказал: «От Ягды народ не дожждётся хлеба!»? Да ведь Акынияз ага мудрый человек. Иначе разве стал бы помнить о нём Гайгысыз Атабаев в Ашхабаде?» Увлечшись собственными мыслями, Оразгелди почувствовал, что ему стало жарко, сняв с себя дон, он сложил его и закинул на одно плечо. Он так погрузился в собственные размышления, что не почувствовал, что за ним едет на ишаке человек. Оразгелди наблюдал за тем, как тот размахивал руками, словно споря с кем-то и что-то тому доказывая. Чтобы не сбить настроения Гыты кела, Оразгелди ехал за ним тихо, не подгоняя своего ишака.

Видя, что тот ведёт себя странно, Оразгелди подумал о

том, что Гыты кел, дружа с мельником, вместе с ним принял дозу терьяка и теперь находится в возбуждённом состоянии, в приподнятом настроении. Прислушавшись к словам Гыты кела, удивлённо подумал: «Ба, мы-то думали, что пока что никто, кроме нас, не знает о нашей высылке, а оказывается, этот слух распространился по селу со скоростью молнии! Уж если об этом знает Гыты кел, который не очень-то общается с людьми, значит, в селе нет человека, который бы не слышал об этом».

После того, как Гыты кел, кидая камни в собак и что-то бормоча, повернул в сторону своего дома, Оразгелди проехал мимо него, объехал вокруг домов Хангулы, проехал вдоль арыка Беден, какое-то время объезжая вокруг села. Хотя днём было очень жарко, с наступлением ночи воздух остыл, стал прохладным, дышалось легко. Сейчас тяжесть, которая садилась на плечи каждый раз, когда солнце нещадно жарило, сейчас куда-то ушла, тело стало лёгким.

Проезжая мимо Холма споров гапланов, торчащего пупом в одной сторонке села, Оразгелди стал внимательно всматриваться туда, словно пытаясь кого-то увидеть. Он в этот момент с какой-то особой любовью рассматривал этот родной холм. Вспомнив о том, что в этом месте всегда бывает веселье, разгораются споры, люди играют в дюззюм²⁵ он, на какой-то миг забыв о своих тревогах, радостно улыбнулся. Ему показалось, что сейчас он увидел в толпе шутника, как все

гапланы, своего отца Кымышша.

Когда он, привязав ишака в стойле и задав ему корма в виде травы, снмая хоржун местами вошёл в дом, его жена Огулджума, уложив детей, сняла с головы тяжелый борук, повязала голову лёгкой косынкой, беспокойно думая: «Что-то отец наш задержался, может, он остался у чабана Гуллара, решил там заночевать?»»

* * *

Вскоре после того, как по селу пошёл гулять слух о том, что-такие-то семьи будут высланы, сыновей Кымышша пригласили в сельсовет и велели собирать вещи. Казалось бы, перед отправкой в хозяйстве много чего надо сделать, однако и эти дела быстро закончились. Сыновья Кымышша Оразгелди и Оразгылыч, в прежние времена ни минуты, не сидевшие без дела, сейчас не выходили из дома словно в ожидании приказа отправляться. Большую часть времени они занимались какими-то мелкими делами по дому, а потом просто лежали. В дом теперь почти никто не приходил, а ведь в прежние времена здесь было полно народу, люди приходили поболтать, справиться о здоровье, делах, пообщаться, да и за советом приходили. Создавалось такое впечатление, что если они покажутся в этом доме, то и их могут приобщить к этой семье и тоже сослать. И даже старуха Лекган, которая каждый вечер вместе со своими чумазыми внуками при-

ходила поболтать к Джемал мама, не показывалась вот уже несколько дней.

Орагылыч лежал в глубине комнаты, в посудном углу, и смотрел вверх, а когда у него зачесался затылок, вспомнил, что волосы отросли настолько, что пора уже постричься. Поначалу он решил взять бритву и пойти к кому-нибудь из тех, кто занимается бритьём головы. Жена, сунув руку между сложенными одеялами, достала узелок, в котором хранилась бритва, и подала её мужу. Он вышел во двор и увидел старшего брата Оразгелди, который сидел на кошме в тени урюкового дерева и вместе с Алланазаром и Аганазаром, подав им один конец и сунув между двумя полосами щепку размером с палец, скручивал верёвку. Верёвка была уже почти готова. Оразгылыч вспомнил, что и старший брат неплохо бреет голову.

– Оразгелди акга, волосы совсем отросли, не пора ли нам постричься?

– Подожди немного, мы уже заканчиваем, – продолжая скручивать верёвку, ответил, кивнув головой в сторону своих помощников. – А ты пока намочи волосы тёплой водой – добавил он.

Оразгылыч наточил бритву, намочил волосы тёплой водой, а тем временем Оразгелди закончил свою работу и подошёл к брату.

– Твоя бритва должна быть острой.

– И всё равно я её немного поправил. Когда у меня начи-

нают отрастать волосы, я испытывают неприятные ощущения.

– Это с непривычки, – Оразгелди тут же привёл другой пример. – Ты только посмотри на волосы сыновей Патды, так у них на голове целые заросли.

Когда Оразгелди снова намочил подсохшие волосы, Оразгылыч почувствовал, как струйка воды потекла по хребту. Обритая голова брата показалась Оразгелди меньше, чем была прежде, и немного вытянутой. Потом и Оразгылыч, заново наточив бритву, наголо обрил голову старшего брата Оразгелди. Полив друг другу из кувшина, они вымыли чисто выбритые головы, шеи. В тот момент, когда они вытирались, с другого конца двора появилась Джемал мама, она несла в подоле высохшие комочки гурта для внуков. Она увидев их отметила, что её сыновья с обритыми головами стали ещё больше походить друг на друга.

Кымыш-дузчы ушёл на посиделки возле мастерской своего друга Бегендика. Эти смутные дни проходили медленно, да и никому не хотелось сидеть дома. Вот и Оразгылыч, поняв, что затворничество ни к чему хорошему не приводит, напротив, тяжёлые мысли не дают покоя, решил отправиться за травой для скота. Оседлав своего ишака-коня, он направился к реке, в это время там полно свежей зелени, коси, сколько хочешь! Доехав до Холма «споров гапланов», он увидел идущего с обратной стороны дядю Джуманазара бая. Это был человек среднего роста, крепкого телосложе-

ния, вступая в почтенный возраст, только-только отпустивший бороду. Несмотря на то, что вышел из состоятельной семьи, Джуманазар бай был человеком, заработавшим свой достаток честным трудом. Был он настоящим дайханином. На том берегу арыка Беден на клочке земли в два танапа у него был хороший виноградник. При виде дяди Оразгылыч подумал, что он идёт оттуда, со своего участка. Но вот они поравнялись, поздоровались.

– Еген, до моего слуха дошли неприятные вести, похоже, они всерьёз занялись вопросами ссыльных.

– Если слышали, то это так и есть, дядя. Нам велели собирать вещи. И я, и Оразгелди агам уже все узлы увязали и готовы в любую минуту двинуться, как только будет отдан приказ.

Джуманазар бай с сожалением сжал бороду в кулаке.

– О. Аллах, чем эти люди провинились перед новой властью, что она готова растоптать их?!

Оразгылыч молча пожал плечами, как бы говоря: «Кто его знает?». А что он мог сказать? Он ведь понимает, что приговор им вынесен, и теперь никто не в силах отменить его, помочь им.

– Я как раз шёл к вам, чтобы прояснить ситуацию.

– Тогда идите, дядя, агам должен быть дома.

Попрощавшись с дядей, чтобы двигаться дальше, Оразгылыч заметил, каким тяжёлым стал взгляд дяди после того, как он всё узнал.

Добравшись до реки, осмотревшись и отыскав место, где больше всего выросло травы, он бросил на землю серп и конец надетого на шею ишака недоуздка, и нехотя сполз на землю. Привязав ишака, пошёл на берег реки и некоторое время стоял, прислушиваясь к плеску волн, всматриваясь в течение реки. Вспомнив о том, что придётся уезжать, стал внимательно смотреть по сторонам, с грустью думая о том, что, может быть, уже никогда больше не доведётся побывать здесь и увидеть всё это. При мысли о скором расставании с родными местами Оразгылыч стал ещё пристальнее всматриваться во всё, что окружало его сейчас.

По ту сторону реки раскинулась гряда холмов Гарабила, они были величественны, их царственные верхушки тянулись к небу. Часть из них отбрасывала тень, которая чёрным пятном ложилась на поверхность реки. Один из холмов, склонившихся над рекой, здесь называли Бяшдешик, что означает «Пять дырок». В незапамятные времена холм, словно разрубленный мечом, разделился надвое, и одна его часть ушла под воду, отчего склон холма получился ровным, отвесным. И вот на этом отвесном склоне холма было ровно пять отверстий, своим расположением напоминавшие лицо человека: это глаза, нос, рот. В народе говорили о том, что эти отверстия ведут в подземелье, что один конец этих дыр выходит пещерой возле села Байрач в нижнем течении Мургаба, и называется эта пещера Екедешик – одна дыра, что ещё две подземные пещеры обнаружены где-то возле Серах-

са. Высказывались предположения, что когда-то, в трудные времена, люди прятались в этих пещерах, спасались от врага.

Внешне Бящдешик сильно напоминал пирамиды далёкой Египетской Гизы. Возвышаясь над остальными, холм сверху разглядывал село Союнали.

В подростковом возрасте Оразгылычу вместе со своими любознательными сверстниками довелось побывать в этих пещерах. Мальчишкам тогда пришлось обвязаться верёвками и спускаться вниз с вершины отвесной скалы. Самая большая из пяти дыр находилась посередине остальных отверстий, она была похожа на раскрытый рот. В народе говорили, что в эту дыру может пролезть даже гружёный доверху верблюд.

Войдя в пещеру, подростки испытали пугающее чувство, будто они попали в пасть огромного дэва. Они сразу же заметили, что пещера намного больше, чем кажется издали. Отсюда Союнали видится далеко внизу, в долине, и кажется островком, окружённым зелёными деревьями и бахчой. Внутри пещеры было темно, а ещё он слышал, что в некоторых местах могут быть ямы. Мальчишки, держась за концы длинной верёвки, двигались очень осторожно, чтобы ненароком не угодить в эти колодцы. В пещере было душно. Там стоял запах, похожий на запах птичьего помёта. Пройдя ещё немного, мальчишки ощутили другой, ещё более противный запах, похожий на запах вонючего пота. Пройдя порядка двадцати-тридцати шагов, мальчишки вернулись назад. Но

даже то, что им довелось увидеть, убедило их в том, что и в самом деле эти места могли служить укрытием для людей в трудные минуты их жизни.

В этом месте Мургаб изо всех сил прижимался к Бяшдешику, тёрся об него. Может, именно река и была той силой, разделившей холм на две части. Погрузившись в мысли о прошлом, Оразгылыч на какое-то время забыл тревоги и переживания, связанные с предстоящей высылкой. Выбранное им место оказалось возле небольшого озерца, образовавшегося во время половодья после разлива реки. Трава в этом месте была сочная, высокая, но вместе с тем переплетённая с сорняками. Оразгылыч косил траву, очищая от ненужных сорняков, как это обычно делал его отец Кымыш-дузчы. Он собирал сочные водоросли, зная, как любит их корова и с каким удовольствием будет жевать их, и от этой мысли он стал двигать руками ещё проворнее. Откуда-то из зарослей временами доносилось громкое кряканье утки-мамы, созывающей своих утят.

Собрав набранную траву в стог и перевязав верёвкой, Оразгылыч закинул его на спину ишака и отправился домой. Позади остался шум речных волн. Это был даже уже не шум, а сердечный разговор двух страдающих людей, похожий на загадочный шёпот.

Проехав немного и обернувшись, Оразгылыч увидел, что вслед ему, похожая на расстроенную мать, человеческим лицом загадочно смотрит скала Бяшдешик...

* * *

Утро было тихим. Издалека доносились людские голоса. Временами слышался редкий лай собак, он доносился то с одной стороны, то с другой. Поскольку до восхода солнца ещё было время, погода была пасмурной, и от этого появлялись смутные мысли о том, что сегодня солнце может и вовсе не взойти, как это бывает в зимние дни. Предутренняя прохлада сеет вокруг чистоту, и кажется, что так будет всегда. Но на туркменской земле, тем более, в жаркое время года, такая прохлада бывает недолговечной.

Ночь уже уступала свои права, когда несколько всадников на крепких конях, словно вынырнув из предрассветной мглы, въехали в село, будя спящих собак. Люди, заметившие конный отряд и следующие за ними с грохотом телеги, подумали, что они прибыли за остатками пшеницы, которую недавно под предлогом голодающей России изъяли у сельчан и складировали во дворе сельсовета.

Когда всадники во главе с Аманом ОГПУ приблизились к дому председателя сельсовета, уже давно ждавший их на пороге своего дома и беспокойно расхаживавший из стороны в сторону Ягды пошёл им навстречу. Ягды было известно об их прибытии. Аман ОГПУ вырядился как на праздник. На нём была безупречно отутюженная военная форма, обут он был в начищенные до блеска сапоги. Всё это вместе со

свисающим с ремня маузером в кабуре придавало ему грозный вид.

Не дожидаясь конца приветствий, Аман ОГПУ посмотрел по сторонам и с некоторым недовольством обратился к Ягды:

– Ягды, скажи, почему здесь кроме тебя не видно других руководителей села?

Не до конца очнувшийся от сна Ягды с трудом выдавил из себя улыбку и ответил:

– Товарищ Аман, наше село находится рядом с границей, к тому же это место удобно для всяких пересудов и перебежек, кто знает, вдруг ссыльные ночью поднимутся, да и пересекут границу. Я побоялся этого, поэтому других руководителей расставил возле домов ссыльных, чтобы они караулили их. В противном случае, что бы я ответил на ваш вопрос, если бы вы спросили: «Где они?»?

– Вот это ты правильно сделал, – одобрил Аман ОГПУ дальновидные действия Ягды как руководителя.

– Ну да, когда ты берёшь на себя ответственность за народ, следует и о последствиях тоже думать, – гордо заявил Ягды, довольный тем, что его действия получили поддержку Амана. Поднеся руку к низу папахи, он как бы отдал честь.

В этот момент сзади раздался нежный, приветливый голос Ханумы, вышедшей из дома сельского главы:

– Вай, Ягды сельсовет, чего это ты держишь гостей на пороге? Разве не должен был ты пригласить их дом и напоить горячим чаем да свежими лепёшками накормить?

Услышав женский голос, Аман ОГПУ обернулся и увидел Хануму, которая внимательно разглядывала его, в глазах её читался неподдельный интерес.

– С утра аппетита нет пить чай. Вот покончим с делами, там видно будет, – вежливо отказался он, вместе с тем по-мужски заинтересованно разглядывая женщину. И даже допустил мысль, что в постели она наверняка выделяет ещё те пируэты. Аман ОГПУ с завистью посмотрел на Ягды, которому выпало счастье обладать такой прелестной женщиной. Полушутя произнёс:

– Ханума, дорогая, надо будет как-нибудь твоего чаю испить, – в этот момент голос его прозвучал многозначительно– угрожающе.

Было раннее утро, стояла тишина. Дул утренний прохладный ветерок. Окружение было задумчиво-молчаливым, словно всё ещё находясь под влиянием ночи. Всё небо было усыпано гроздьями звёзд. Над Мургабом курилась дымка тумана, река казалась тёмной. Несмотря на столь раннее время, родственники Кымышы все баяшбелалары уже были на ногах. Было получено распоряжение «сегодня связать свои узлы», а это значит, наступил день отправки сыновей Кымышы в ссылку.

Ненавистных всадников ОГПУ родственники Кымышы-дузчы баяшбелалары встретили возле его стоявших в ряд домов. Среди встречающих были и мужчины, и женщины, и разбуженные и не выспавшиеся дети.

Прислонившись к стене дома, Кымыш-дузчы сидел на расстеленной на земле кошме, двумя руками обняв внуков Аганазара и Алланазара, с которым совсем скоро должен будет расстаться навсегда. Сейчас он был похож на старого Беркута, сидящего на отвесной скале и, чувствуя надвигавшуюся на его птенцов опасность, готового в любую минуту громко хлопая крыльями, взлететь. Как только вдалеке показались телеги, сидевшие люди, словно испуганная отара овец, тут же вскочили на ноги. Увидев следующие за всадниками две телеги, Акджагуль и Огулбике, у очага следившие за кипятившимся молоком, испуганно убежали в дом. Вцепившись в колени матери, которая в это время собирала вещи, они заголосили:

– Ой, мамочка, эти проклятые уже едут...

Слёзы и плач двух дочерей болью отозвались в сердце матери. К горлу подступил ком, и она не сразу смогла заговорить. Каждой рукой глядя дочек по головам, она старалась утешить их.

Из соседнего дома донёсся голос плачущей Джемал мама с проклятьями:

– Пусть никогда не увидят белого света те, кто бросил камень в мой очаг, прошу Тебя, сделай так, Аллах милостивый и милосердный!..

Предстоящая высылка создала в доме Кымыша-дузчы гнетущую атмосферу. Она была вызвана вынужденным расставанием с детьми и внуками. Тревога и переживания за-

ставляли его смотреть по сторонам в поисках опоры, поддержки. «Едут, едут!» – вдруг заговорили толпящиеся женщины, испуганно вскакивая с мест. Обычно сдержанная Огулджума сейчас тоже была в панике. И всё же она старалась не показывать окружающим своих переживаний и страданий, держалась мужественно. Она страдала из-за своих детишек, из-за своего любимого мужа, с которым всегда жила в мире и согласии. Сейчас она вспоминала старших братьев Ходжу и Махмуда, счастливо живших под крылом Акинияза. «Если бы они не перебрались в Афганистан, сейчас сумели бы спасти нас от этого несчастья», – думала женщина. Они и сейчас были невдалеке, достаточно было пересечь реку, а там стояло принадлежавшее им туркменское село. Они жили за границей, но всегда думали о том, что когда-нибудь смогут вернуться домой, надо только дождаться хороших перемен. Но разве гордый Оразгелди станет обращаться за помощью к родственникам жены? И даже если бы он сейчас обратился к ним, вполне возможно, они сумели прийти на помощь, переломить ситуацию. Акианияз бай уважаемый человек по обе стороны реки. Да и без того были люди, которые, используя авторитет зятьёв Маммет бая и его сыновей, в случае необходимости пересекали границу и находили общий язык по обе её стороны.

Но знала она и о том, что Кымыши лучше умрут, но не перебегут в Афганистан, точно так же не станут они пользоваться помощью тестя. Как-то раз, в ту пору, когда у Кымы-

ша-дузчы погибли сразу два тягловых верблюда, на которых он возил соль из Ероюлана, она сказала мужу: «Если мы обратимся к моему Акиниязу акгаму, он бы помог нам с верблюдами». Оразгелди тогда резко ответил ей, чтобы она раз и навсегда запомнила: «От Маммет хана мы уже получили то, что нам надо!» При этом он имел в виду именно её.

Огулджума никак не могла понять, почему, ну, почему эта беда обрушилась именно на их семью. Ей показалось, что сейчас Кымыши попали в какой-то ураган и теперь, подхваченные налетевшим смерчем, летят невесть куда смешавшись с пылью и грязью. Маленькой девочкой она видела, как смерч подхватывал и поднимал вверх небольших блеющих овец и коз, а потом с силой бросал на землю.

Раньше Оразгелди не очень-то нравилось, что его двоюродный брат Баллы, называя себя большевиком и не позволяя другим называть его «Баллы, пьяница», сходил с людьми новой власти и, стараясь не отставать от них, глушил водку и вёл себя слишком привольно. Но, прислушавшись к словам отца «Неплохо иметь своих людей в разных местах», никогда ни в чём не упрекал того и ничего от него не требовал. Баллы был человеком порядочным, мужественным, в случае необходимости мог сесть на коня и даже использовать оружие. Словом, мог дать отпор кому угодно.

И теперь, когда встал вопрос ссылки, он мог оказаться полезным. До этого в один из тех дней Оразгелди специально пригласил к себе Баллы. И поручил ему присматривать за его

двумя старшими дочками, которых он собирался оставить со стариками, а сейчас надо было позаботиться о том, как это сделать лучше всего.

– Братишка, я собираюсь оставить этих двух девочек со стариками, ты уж не оставь их без внимания. Да и у стариков сколько той жизни осталось, если вдруг в наше отсутствие с ними что-то случится, тебе придётся взять опеку над девочками, смотреть за ними так, как это делал бы я!

...А толпа всё прибывала. Прослышав о беде Кымышей, к их дому подтягивались родные и близкие, соседи и просто знакомые. Одни шли сюда, чтобы поддержать семью, другие – чтобы всё увидеть своими глазами. На телегу уже грузили вещи, которые ссыльные заберут с собой, – постель, одежду, узлы с едой.

Не понимая, что происходит, однако чувствуя своим детским сердечком, что происходит нехорошее, Рахманназар, крепко держась за подол платья бабушки, смотрел на всё широко раскрытыми глазами непонимания. И не догадывался малыш, что совсем скоро он навсегда расстанется со своей любимой бабушкой, что злая судьба занесёт его вместе с родителями и братьями в далёкие неведомые края. И не мог понять, отчего бабушка, без конца обнимая его и братьев, всё время плачет.

Ласкового Рахманназара жалели все, особенно женщины, они наблюдали за ним и сочувствовали маленькому мальчику. И тоже крепко обнимали и целовали его. Люди не сразу

заметили Розы-чолака, вышедшего с обратной стороны дома, пока он не подошел ближе. Он был в мерлушковой папахе, в руках у него был посох. Сообщив, что пришел разделить с ними беду, он первым поздоровался с Кымышем дузчы. А те, кто был младше, сами подходили к старику и почтительно здоровались с ним за руку.

Ответив на все приветствия, он повернулся к отошедшим в сторонку после приветствий Оразгелди и Оразгылычу:

– Племянники, говорят, не бывает мужчин, не познавших сражений. Вы не потомки тех, кто, побив собаку, ложится на её место. Вы потомки Мухамметгылыч сердара, который всю жизнь защищал свой народ и землю. Воевал с таким мощным врагом, как Хива, и одержал победу. Будьте мужественны! Держитесь! Аллах поможет вам, в этом я не сомневаюсь! Иногда причинённое зло оборачивается добром. Но, где бы вы ни были, вас будет поддерживать дух Мухамметгылыч сердара. Ведь не зря Гёроглы говорил: «Если даже я умру, мой дух всегда поддержит вас».

А в этот момент внимание людей было приковано к словам Розы-чолака. Он, опираясь на посох, с мудростью и достоинством поживший человек напутствовал сыновей Кымыша-дузчы, которых ожидала неведомая жизнь и судьба. И хотя Оразгелди и Оразгылыч никак не откликнулись на напутствие старика, но они были благодарны ему за то, что он старался подготовить их к предстоящим трудным испытаниям. В сторонке от тех, кто прощался с высылаемыми, стоя-

ли в сторонке Баллы и два всадника ОГПУ, ожидая, пока загрузят телеги, они курили и о чём-то тихо переговаривались, краем глаза наблюдая за происходящим.

Огулджума, дома прижимая дочек к груди, побоявшись выпускать их на улицу, простилась с ними там. Вдруг, если девочки выйдут на улицу, кто-то из работников ОГПУ увидит их и скажет: «Они тоже дети ссыльных, пусть садятся в телегу!». Она помнила поговорку: «Пусть собака и не видит, и не лает».

– Оставайтесь с Богом, дети мои! Даст Бог, мы скоро вернёмся, и ваши братья вернуться. Помогайте бабушке с дедушкой, не оставляйте их без внимания. Говорят, нас недалеко увезут, где-то в окрестностях Мары поселят. Если это будет так, ваш отец как-нибудь приедет за вами если надо и заберёт вас с собой! – прижимая к груди, успокаивала она молча плачущих дочерей.

С некоторым запозданием узнав, что их сестру увозят, сейчас братья младшей невестки Кымышы дузчсы Амангуль стояли и разговаривали возле телеги, на которой, свернувшись клубочком, сидела молодая женщина. Только что жена младшего брата Амангуль Юсуба, Гышды торопливо попрощавшись с ней, сообщила, что сейчас и грузят вещи её отца Гуллы эмина, семью тоже, высылают, что она оказалась меж двух огней, и быстро покинула этот дом. Пока мать и сёстры прощались с Амангуль, появились её братья – худощавый Мухамметгулы и пухлый, словно его кормили какой-то осо-

бенно питательной едой, Хезретгулы.

Со вчерашнего дня Амангуль практически не разговаривала, но, увидев родных, не сдержалась, расплакалась.

– Наверно, это судьба, – прошептала она из-под яшмака и беззвучно заплакала.

Безнадёжность, тревоги, переживания и страх пропитали всё вокруг. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, люди пытались заводить какие-то беседы, но их никто не подхватывал, сейчас всем были не интересны никчёмные разговоры. Толпа умолкла, наступило гнетущее безмолвие. Те, кто оставался, с жалостью и сочувствием смотрели на тех, кто вот-вот покинет родные места.

– Спрашивается, зачем новая власть творит такое зло, невесть куда ссылая целые семьи вместе с детьми?

– Похоже, на этом они не остановятся, дальше пойдут.

– Бог их знает.

– Если они будут одного за другим забирать наших людей, село скоро совсем опустеет.

Как и прежде, народ не понимал, что собирается делать новая власть. На словах она обещала обеспечить людям равенство, дать землю безземельным, бездомным дать дом, больным – лекарства, стать народу опорой и защитой, надёжной крепостью. Если верить всему этому, то жизнь должна стать хорошей. Кому же не хочется хорошей жизни?! Люди тогда даже поверили им и сказали: «Намерения у этой власти благородные». И неведомо было тогда народу, что новая

власть и сама не знает, что ей надо делать. Вообще-то, может, это и судьба, но все благие намерения советской власти в тот период не имели никакого значения.

Гул сочувствующей провожающей толпы усиливался. Женщины с детьми стояли в сторонке небольшой группой, закрыв рты яшмаками и пониже натянув на лбы свои боруки. И хотя до сегодняшнего дня семья Кымыш-дузчы была одной из самых уважаемых, самых желанных в селе семей, сейчас никому не хотелось разделить её участь.

Кымыш-дузчы всегда мечтал жить полной семьёй, и эта мечта его сбылась после женитьбы сыновей и рождения внуков. С тех пор он не уставал молиться и благодарить Господа, просить Его, чтобы Он и дальше опекал его семью.

Один из братьев Узбеклыча сын Сахетдурды сидел опечаленным в паре шагов от Кымыш-дузчы, прислонившись к стене дома. Его взгляд сейчас был устремлён куда-то вдаль, словно он рассматривал холмы Пенди, он не принимал участия в общих разговорах, потому что душили слёзы, и не мог выговорить ни слова. Его мысли были о том, как состарился старик, до сего времени по-родственному помогавший всем, что его сыновья сегодня уедут и будут находиться далеко от дома, а когда Кымыш-дузчы уйдёт из жизни, рядом не окажется ни одного сына, чтобы бросить в его могилу ком земли. Так принято у многих народов, в том числе и у туркмен.

Но вот наступил час, когда надо было трогаться в путь. Лица людей выражали смешанные чувства, сочувствия к

отъезжающим, ненависти к представителям власти. Больше всего сердобольные женщины жалели детей, которые вынуждены разделить судьбу своих несчастных родителей, они не могли сдержать слёз, всхлипывали.

Джемал мама, не могла стоять в одном месте. Много раз поцеловав, вдыхая запахи запеленованного Рахмангулы, которого держала на руках, наконец передала его матери, которая уже сидела в телеге. Когда в толпе перед отправлением началось шевеление, она, взяв за руку Рахманназара, подошла к сидящим на коленях деда и похожих на двойняшек внукам Алланазару и Аганазару, попрощалась с ними.

– Идите сюда, детки, я ещё раз обниму и поцелую вас перед отъездом.

Всхлипнув, бабушка широко раскинула руки и обняла сразу обоих внуков.

Аманназар и Алланазар были одеты в новенькие белые рубахи-косоворотки, на головах у них были новые расшитые шёлком красивые тюбетейки, вид у мальчиков был торжественный, словно они собрались на свадьбу. Оба были подпоясаны сплетёнными из хлопковой пряжи полосатыми кушаками.

Увидев, что телеги вот-вот отправятся и Кымыш-дузчы, опираясь на посох встал с места.

Кымыш-дузчы по-прежнему размышлял о горькой судьбе сыновей, невесток и внуков, что он ничем не может помочь им, облегчить их участь. За что ему такое несчастье?! Как

он без них будет жить дальше? Нужна ли ему такая жизнь, если птица счастья упорхнула от него?! Нет, не хотелось ему больше жить. «Почему, почему Бог не забрал меня раньше, чтобы я не мог видеть несчастье своих детей и внуков?!» – рвал он себе душу, зная, что больше никогда не увидит детей и внуков своих, не услышит их милые голоса. И виновных в этом не найти. «Таково требование властей!» – скажут они и махнут рукой. И что ты можешь сделать? Саблей размахивать? Но тогда лишишься и той малости, что останется у тебя.

... И если уж размахивать саблей, где ты раньше был, когда народ, сев на коня, защищал своё имущество, землю и скот? Жил себе спокойно, землю возделывал, говорил, не тронут, если ты не лезешь на рожон... Поздно уже...

Прощаясь вместе с братом с провожающими, Оразгылыч вдруг заметил отца, который, сторбившись, убитый горем стоял с посохом в руке. Не желая, чтобы люди видели сникшего старика, которого раньше никогда не видели в таком состоянии, он с трудом выдавив из себя улыбку, предложил старшему брату: «Пойдём, теперь с акгамом прощаемся!». С этими словами они направились к отцу.

Увидев идущих к нему сыновей, Кымыш повернулся к ним немного качнулся, как будто у него подогнулись колени, и ноги перестали держать его некогда могучее тело.

– Акга, мы поехали, а вы оставайтесь и будьте живы и здоровы! – Сыновья прощались.

Кымыш-дузчы положил руки на плечи сыновей. Вот они стоят перед ним – его опора и надежда.

– Да хранит вас Аллах, дети мои! – его голос дрогнул, стал хриплым. – Я-то вряд ли дождусь вашего возвращения, так что не держите на меня обиды! – Когда старик начал дрожать всем телом, сыновьям показалось из глаза вот-вот текут слёзы. Не желая отпустить от тебя, он крепко прижимал сыновей и печально бормотал: – Дети мои, дети, мои сынки...

Оразгелди, жалея отца, который сильно сдал после разговоров о ссылке, решил хоть как-то снять это напряжение, разрядить обстановку.

– Слушай, акга, нас не будут долго держать, очень скоро отпустят, и мы вернёмся домой!

– Дай-то, Бог!

– Наверно, нас поселят где-нибудь в окрестностях Мары.

– Хорошо бы, Мары хоть и далеко отсюда, но всё же наша земля.

– Мы вернёмся, акга, и дети вернуться.

Сказав это, Оразгылыч подмигнул стоявшим рядом с ним людям, давая им понять, что в его голове родилась озорная мысль. Он знал, что среди людей, сочувствующих им в их беде, есть и те, кто всегда завидовал их благополучной и достойной жизни и теперь в душе злорадствуют. Наверняка они думают сейчас про себя: «Если сытый не дрогнет, голодный не насытится». И поэтому он не хотел, чтобы люди видели слабость Кымышей, ведь они всегда были сильны ду-

хом, высоко держали голову. Сунув указательный палец за пояс посмеиваясь, он переводил взгляд с отца на собравшихся здесь людей.

– Акга, вы не сдавайтесь, держитесь!

– Да я не сдаюсь, сынок.

– Мы с Оразгелди акгамом постараемся вернуться как можно скорее. Но только вы, – тут Оразгылыч запнулся, словно что-то помешало ему, и продолжал улыбаться. Не дожидаясь вопроса «Что только мы?», продолжил в том же шутовском тоне: – Акга, помнится, вы собирались ещё раз жениться, не вздумайте сыграть свадьбу прежде, чем мы вернёмся!..

Люди поняли, что своей шуткой Оразгылыч пытается отвлечь отца от тягостных мыслей и переживаний, поэтому, обмениваясь взглядами, тоже заулыбались. В этот момент. Как будто сквозь тяжёлые тучи пробился лучик солнца. Да и Кымыш, выслушав сына, сам того не замечая, хмыкнул. Понял, что его сыновья не хотят показывать людям свою слабость и свои переживания. Шутовски отругал сыновей:

– Ах, вы дети кобыл!

С сыновьями Кымыш-дузчы попрощался у порога своего дома.

После того, как женщины с детьми расселись в арбе, все тронулись в путь. О чём-то переговариваясь, люди последовали за телегой. Видя, как счастье и благополучие уходят из её дома, Джемал мама, идя вместе со всеми, держась за край

телеги, зарыдала: «Если Ты не накажешь тех, кто растоптал мой очаг, я обижусь на тебя, Всемогущий Аллах!»

Алланазар и Аганазар, сидя поверх высокой горы тюков с вещами, наблюдали за тем, как отдаляется их дом. Они махали руками и шептали: «До свиданья, дедушка, до свиданья, бабушка, мы скоро вернёмся!» Идущие рядом с арбой люди прощались с Оразгелди и Оразгылычем кто кивком головы, кто, пожимая руку и выказывая добросердечие. Идущие рядом с арбой женщины концом пуренджика оттирали слёзы и по-женски жалостливо прощались с ними.

– Возвращайтесь живыми и здоровыми!

– Да услышит Аллах ваши молитвы!

Завернувшись в пуренджек и прижав к груди Рахманназара, Огулджума сидела, прислонившись спиной к тюку с вещами напротив свояченицы, ни слова не говоря, заливаясь слезами. На вопросы женщин коротко отвечала. Не понимая, за что их сослали, они чувствовали, что сейчас навсегда расстаются с родными местами и близкими родственниками, со всем тем, что ничем другим невозможно заменить.

Жена Хуртека Зохрегуль, и жена Сахетдурды Огулбиби, с двух сторон взяв под руки Джемал маму, ласково уговаривали её: «Бабушка Аганазара, вы теперь останьтесь!», и она осталась стоять у калитки, заливаясь горькими слезами и глядя вслед арбе, увозившей её сердце в неведомые дали.

Обернувшись и посмотрев в сторону оставленного дома, Оразгылыч увидел отца, который стоял позади небольшой

группки женщин рядом с тремя их кибитками и раскачивался, как это делает верблюд перед тем, как опуститься на колени.

Бяшбелалары, а это Сахетдурды, Махы, Магсут, Розмырат пальван и другие никак не хотели отстать от арбы. По двое-трое они шли рядом с Оразгелди и Оразгылычем и о чём-то беседовали с ними. На небе в том месте, где вот-вот появится солнце, появился кроваво-красный круг. Похоже, сегодня солнце может и вовсе не взойти, навсегда скрыться за облаками.

Когда арба поравнялась с Холмом споров гапланов, с юга показалась группа людей, провожающих в ссылку Гуллы эмина, его младшего брата и двух сыновей. На последней из телег, где были сложены тюки с вещами, возвышаясь над всеми, гордо восседал Гуллы эмин в красивом домотканом доне.

Как и всегда, Гуллы эмин был спокоен. Похоже, зная, что так должно быть, он уже давно готовился к этому. Отовсюду подходили люди, уважительно здоровались с ним за руку, а затем, произнеся краткую молитву, прощались. Всем своим видом показывая, что внимание людей ему приятно, благодарно кивал головой. Но даже после этого Гуллы эмин не произнёс ни слова. И с людьми, и с Родиной он прощался печальным взглядом. Было в его взгляде смирение, но слабости не было.

Уже хорошо рассвело. Все холмы оставались на своих

местах, но сегодня Союнали будто заново родился. Задул утренний летний ветерок. Холмы Пенди и холмы Гарабила взяли в кольцо долину. Казалось, они встанут на пути арб, везущих ссыльных, и дальше не пустят их, оставят здесь.

Объехав Холм споров гапланов, арбы проехали мимо арыка Беден арык и откуда вырулили на дорогу возле села Дуджи.

После того, как ссыльные выехали на дорогу, работники ОГПУ, сопровождая их верхом на конях, постарались вежливо отстранить от отъезжающих односельчан, которые, не оставаясь продолжали идти рядом с арбами.

И только после этого люди, утирая слёзы, начали возвращаться обратно.

* * *

Огулбике с сестрой Акджагуль, сидя на том же месте, где оставила мать, велев не выходить на улицу и не попадаться на глаза чекистам, выглядывали через щели кибитки на улицу, глазами провожая отъезжающих. Девочки послушно молчали, но лица их были залиты слезами, ведь они были ещё совсем юными, и расставание с родителями и братьями далось им тяжело. Они помнили сказки, в которых в трудные минуты отважный молодец приходил на помощь. Или такие спасители бывают только в сказках?! Хотя и в нынешнее время полным-полно злых дэвов. Кто знает, может, и среди них

найдётся свой Худайберди трусишка мудрый, который умеет умиротворить дэвов, а потом возвращается домой верхом на этом чудище, прихватив с собой мешки с золотом и серебром.

Когда арбы скрылись из виду, толпа около дома начала редеть. Акджагуль, всё ещё сжав тюбетейку зубами, смотрела вслед уехавшим, и всё никак не могла успокоиться, её сотрясали тихие рыдания. Не в состоянии видеть страдания сестры, Огулбике, сама того не ведая, босиком и с непокрытой головой выскочила во двор.

Ей хотелось ещё разок хотя бы краем глаза увидеть своих родных. Спустившись к реке, Огулбике стала пробираться сквозь заросли коротким путём, чтобы оказаться в том месте, где появятся телеги с людьми, раньше них. Когда она добралась до камышей у подножия холма неподалёку от села, с лица её ручьями стекал пот, сердце бешено билось в груди, так что она слышала его стук, похожий на стук босых пяток по твёрдой почве. Среди зарослей камышей она выбрала укромное место, откуда ей была хорошо видна дорога, но саму её увидеть было невозможно. Скоро должны появиться арбы, они пойдут мимо этих зарослей, повернут на северо-запад и поедут дальше.

Отдышавшись, она сидела в своём укрытии, не сводя глаз с дороги, как вдруг у себя за спиной услышала возмущённое криканье диких уток. Огулбике подумала, что эти две утки чего-то не могут поделить, поэтому так и возмущаются, сей-

час они напомнили ей о соперничестве с сестрой Акджагуль.

Вдалеке показалась вереница арб, они ехали со стороны села Дуеджи в сопровождении нескольких конных стражей порядка из ОГПУ. Издалека одежда людей и сложенные на них вещи производили впечатление чего-то яркого, разноцветного, и этот яркий караван постепенно уже начал приближаться.

Но и в этом месте то и дело появлялись односельчане, кивком головы они здоровались с ссыльными, обменивались с ними парой фраз, после чего коротко прощались. Вышедшие вместе с родителями на дорогу дети, не понимая, отчего их знакомые ребята куда-то уезжают, с завистью произносят:

– Мама, вон едут Тылла, Акгам, Яммам и Алладжан тоже... Давай, мы тоже поедем с ними, – думая, что те едут на какой-то праздник. Родители одёргивали своих детей: «Вы что, с ума сошли, думаете, они на свадьбу едут?»

Другие, подбегая к арбам, жалея репрессированных людей, совали им в руки узелки с едой, дыни и арбузы, сухофрукты, после чего с жалостью смотрели им вслед...

... Внутри зарослей было душно. Не было ни малейшего движения воздуха, зато он становился всё горячее, значит, сегодня тоже будет один из жарких дней. Боясь чихнуть и выдать себя, когда арбы подъедут ближе, Огулбике аккуратно раздвинула камыши. Подолом платья вытерла с лица пыль. Она напомнила себе, что ей необходимо быть сдержанной, ни в коем случае не сорваться при виде родных. Через неко-

торое время совсем близко показались первые арбы. Своих родных Огулбике отыскала глазами в пятой в ряду телеге.

Оразгылыч, держась за борт телеги, решительно двигался, глядя куда-то перед собой. Его белая рубака с открытым воротом уже взмокла от пота, на спине появилось огромное тёмное пятно. Одной рукой он постоянно оттирал со лба пот. Поверх сложенных в телеге матрасов и одеял устроились хозяйки двух домов вместе со своими детьми.

Сидя впереди ней части телеги, Амангуль, вытянув длинную красивую шею, с печалью в глазах задумчиво рассматривала холмы Гарабила. Поскольку она сидела вполоборота, Огулбике видела только половину её лица. Но по тому, как она сидит, девочка поняла, как грустит и плачет её гелнедже – жена младшего брата отца.

Зато Огулджума, словно чувствуя, что дочь из укрытия незаметно наблюдает за ней, смотрела вперёд, по направлению движения арбы, полуобернувшись в сторону холмов Пенди.

С болью в сердце смотрела на мать Огулбике. Огулджума, прижав к себе младшего Рахмангулы, кормила его грудью. Одной рукой она ласково гладила ребёнка. На какой-то миг девочке показалось, что сейчас мама, накормив малыша, протянет его ей со словами: «Возьми брата, доченька, пойди, немного погуляй с ним!»

В этот момент мать, подняв голову, вдруг посмотрела в сторону камышей, где в зарослях пряталась Огулбике. Хо-

тя она никого не увидела, материнское сердце что-то почувствовало. Сердце Огулбике бешено заколотилось, будто её увидела мать. Огулджума и после, подняв голову, поверх камышей посмотрела в сторону села. В этот момент на её лицо набежала тень. Огулбике догадалась, что в этот момент мать с грустью подумала: «Там остались две мои девочки!», имея в виду её и Акджагуль. Говорят, когда мать вынужденно расстаётся со своими детьми, её печень начинает плавиться и истекать кровью. Она продолжает это делать до тех пор, пока мать не встретится со своим ребёнком... В этот момент Огулбике тоже хотелось к ним, но с трудом удержалась.

На телеге в свободном от грузов месте устроились Аганазар, Алланазар и Рахманназар, они о чём-то переговаривались между собой и сильно напоминали птенцов Беркута, сидящих в гнезде в ожидании, когда мать принесёт им что-нибудь поклевать.

В самом конце мимо Огулбике, беседуя с двумя мужчинами, за последней арбой прошёл её отец. Позади громче прежнего крякали дикие утки, но девочка даже не подумала обернуться.

Продираясь сквозь заросли с опухшим от слёз лицом Огулбике вернулась домой ближе к полудню.

* * *

Разбудив Акджагуль и Огулбике рано утром, Джемал ма-

ма накормила их завтраком, собираясь усадить их на ишака и отправить на бахчу к деду за селом. По привычке ворча, она, поправляя съехавший набок борук и прилаживая его к голове, напоминала внучкам, чем они сегодня должны заняться: «Сходите и проведайте этого несчастного (с тех пор, как сыновей отправили в ссылку, она с жалостью называла Кымыш-а-дузчы только так), когда увезли его внуков, он места себе не находит от тоски, сходите, проведайте, он там ещё не умер? Заодно поможете ему с прополкой сорняков, а вечером, возвращаясь домой, прихватите с собой мешок травы для чёрной коровы! Да, Господи ты Боже ж ты мой, кто теперь будет есть эти дыни, уехали те, кто бы с удовольствием ел их...»

Собравшись заквасить молоко, она тут же забыла об этом и занялась иными домашними делами. Прихватив кувшин и другую посуду для воды, она направилась к арыку, протекающему неподалёку от их двора.

В летние дни вода в арыке текла лениво, спрятавшись под нависшими над ней камышами. Нет сейчас на её поверхности озорных волн, обычно набегающих друг на друга, шумно толкающих друг друга, подпрыгивающих, как разыгравшиеся ребяташки. Сейчас Джемал мама, когда вспомнила внуков Аганазара и Алланазара, сразу перед её глазами появился их образ, вспомнила, что они любили в полдень приходить к этому броду и с удовольствием искупаться в проточной воде.

К горлу подступил ком, на глаза навернулись слёзы. «Эх, с каким удовольствием они сейчас купались бы тут», – печально подумала словно осиротевшая без внуков, бабушка. Умывшись, Джемал мама поблагодарила Аллаха за то, что рядом с ними остались хотя бы девочки Акджагуль и Огулбике, их утешение и помощницы в старости. «Хорошо хоть, девочки рядом, иначе мы с Кымышем умерли бы от тоски на следующий же день. Значит, нам ещё суждено пожить немного?»

Наполнив посуду водой, Джемал мама стала подниматься по пологому склону наверх и увидела, как какая-то женщина, задрав подол платья, перешагнула через поперечную доску, вместо калитки перекрывающей вход во двор, и направляется в её сторону. Похоже, женщина шла не за водой, в руках у неё не было никакой посуды. Приблизившись, женщина ласково обратилась Джемал мама:

– Бабушка Огулбике, здравствуйте! – подтянув наверх и закрепив на своём месте сползший яшмак, женщина почтительно поклонилась.

Эта женщина не была близкой родственницей Джемал мама, зато тесно дружила она с её невестками, вместе с ними показывалась на свадьбах и поминках, помогали друг другу, когда делали кошму или стегали одеяло. То была одна из тех женщин, желающей своей семье тоже такого же достатка и уважения, какие были у семьи Кымышей.

Джемал мама с благодарностью отозвалась на уважитель-

ное приветствие. После того, как её детей сослали, мало кто появлялся в этом доме, если не считать близких родственников баяшбелаларов. Как будто новая власть поставила на их семье чёрную метку, и теперь люди боялись, что она может перейти и на них, старались обходить этот дом стороной. А ведь в прежние времена бабушка Джемал только и успевала помогать людям, кому словом, кому делом, а кому и хлебом насущным. Соседские женщины постоянно приходили то к Джемал мама, то к её невесткам. А теперь даже порядком надоевшая чумазая Айбёлек в грязном платице, каждое утро приходившая выпить чашку молока, перестала показываться на глаза. Однажды, встретив девочку, Джемал мама спросила её: «Дочка, а ты почему перестала приходить к нам, чтобы выпить молока?» Девочка пожала плечами и, потом заикаясь, ответила: «Теперь ведь у вас нет Рахмангулы, их русские в тюрьму увезли, чтобы их превратить в капыра», – она произнесла слова, услышанные от взрослых людей.

– Давайте, я помогу вам донести воду до дома! – забрав у старухи сосуды с водой, женщина сообщила о цели своего визита.

– Мамасы бабушка, мы решили заняться кошмой сегодня, в благоприятный день. Шерсть для неё я уже давно приготовила – взбила, расчесала, покрасила. А вас я прошу прийти к нам и помочь начать эту работу!

Каждый раз, задумав что-то большое, жители села из суеверия, для того, чтобы работа вышла хорошей, приглашали

для её запуска кого-нибудь их уважаемых женщин своего рода.

Прежде всем этим занималась Джемал мама, но в последнее время постепенно эта роль перешла к её старшей невестке Огулджуме, которая была и опытной, и сноровистой. Но поскольку Огулджума вместе со всей семьёй была отправлена в ссылку, эта почётная обязанность снова перешла сама-собой среди соседей к Джемал маме.

Уважительная просьба женщины вызвала в душе старухи приятное чувство, она словно заново вернулась к жизни, где ей было уготовано своё почетное место, которое сейчас надо будет снова занять. Джемал мама охотно отозвалась на просьбу, сказав, как только заквасит молоко, сразу же придёт к ним.

Расстелив в тени тутовника камышовую подстилку, женщины выложили на ней слой шерсти и теперь сидели в ожидании уважаемой женщины, которая начнёт это важное дело, а потом они сами продолжат работу. Рядом с ними лежали кучки окрашенной в разные цвета шерсти, из них будет выложен орнамент – цветочки, узоры. Пока Джемал мама не пришла, они обсуждали судьбу отправленной в ссылку её семьи.

– Да, если советы начали своё чёрное дело, на этом они не остановятся... А этих наверняка отправят в Сибирь. Интересно, где это?

– Наверно, Сибирь – это место, где кончается земля...

– А как они потом найдут обратную дорогу?

– Куда там, если бы они хотели их возвращения, вряд ли стали бы загонять в такую даль.

– Значит, они ушли с концами.

Заметив приближающуюся Джемал маму, женщины резко оборвали свой разговор, замолчали. Заговорили о каких-то посторонних вещах.

Кто-то из женщин подумал, что Джемал мама могла услышать их последние слова, на их лицах появилось выражение вины, кровь отлила от их лиц. Хозяйка дома приветливо улыбнулась подошедшей Джемал мама и воскликнула: «Идите сюда, мы ждём вас, Джемал мама!», затем взяла гостью за руку и усадила на заранее приготовленной мягкой подстилке. Остальные тоже вскочили с места и почтительно поклонились старухе, звеня подвесками на своих головных уборах. Ответив на приветствия, Джемал мама окинула взглядом женщин, собравшихся вокруг будущей кошмы. Сидевшая напротив неё пожилая женщина в жёлтой косынке, дождавшись, когда Джемал мама займёт своё место, обратилась к ней:

– Мамасы, есть какие-нибудь вести об уехавших?

– Нет никаких новостей. Сидим, призывая Аллаха на помощь.

– Где бы ни были, пусть они будут живы и здоровы.

– Да услышит Аллах твои слова! – благодарно отозвалась Джемал мама. После этого она почувствовала, как её отпус-

кает напряжение последних дней, связанное со ссылкой сыновей. – Вообще-то мы получили сообщение, что всех, кого должны были сослать из Тахтабазара, погрузили в один вагон и отправили в Мары. Вроде бы до этого в самом городе их несколько дней продержали в каком-то сарае, где хранится хлопок. Мы об этом позже других узнали. Наш Баллы, когда был в городе, справлялся о них. Приехав оттуда, сказал нам: «Я видел Оразгелди акгама, отвёз им немного дынь и арбузов, на страже у них оказалось стоит один мой знакомый русский». А ещё он сказал, что мои внуки там же возле их имущества резвятся, играют. Дети есть дети...

Вспомнив про внуков, Джемал мама снова почувствовала свою беспомощность. Понимая чувства старухи, женщины какое-то время молча выражали ей сочувствие. И хотя село вот уже несколько дней гудело разговорами об отправленных в ссылку людях, сведения о них большей частью были вымышленными, не отвечающими действительности.

Джемал мама быстро взяла себя в руки, вытерла слёзы и напомнила себе, для чего она пришла сюда. Произнесла спокойно:

– Наверно, так было угодно Богу, невестки. Если Он захочет кого-то защитить, спасёт даже после сорокадневного голода...

Взяв из кучки клочок цветной шерсти, Джемал мама распушила её своими натруженными руками и со словами «Бисмилла, это не наши руки, это руки наших умелиц-ма-

стериц мам и бабушек, научивших нас этому ремеслу. Начинаем! – и она слепила первый цветок, заранее подготовленный для основы кошмы. После этого зашевелились и другие женщины, подвинувшись ближе к Джемал мама, они стали делать то же самое.

Когда работа наладилась, пошла, снова начались разговоры. Хозяйка дома стала готовить обед, чтобы накормить своих помощниц. Теперь она то и дело покидала своё рабочее место, чтобы посмотреть, как обстоят дела с обедом, следила за казаном, в котором готовилась еда. Потом возвращалась на место между Джемал мама и крутолобой женщиной, и включалась в работу.

Помня о том, что среди них присутствует Джемал мама, женщины, чтобы не травмировать её, избегали разговоров о ссыльных. Но именно сейчас, в эти дни, стоило нескольким людям сойтись вместе, как темой всех из разговоров становились ссыльные и всё, что с ними было связано. Видя, как новая власть обошлась с семьями Гуллы эмина и Кымышадузчы, многие сочувствовали им, но вместе с тем переживали, думая, что скоро и их черёд наступит. Правда, были и такие, как Хардат, готовые на любую подлость, лишь бы отомстить за какие-то былые обиды.

И поэтому, с чего бы ни начинался разговор, он обязательно переходил на волнующую всех тему ссылки.

Хозяйка, для которой делалась эта кошма, с уважением относившаяся к семье Кымышадузчы, понимала, как труд-

но сейчас Джемал мама, ведь она оказалась меж двух огней. Жалела старуху. Сейчас она пригласила её сюда с определенной целью, думая, что, находясь среди людей, старая женщина немного развеется, хоть ненадолго забудет о своих переживаниях. И ей хотелось, чтобы собравшиеся женщины вели лёгкий, ни к чему не обязывающий разговор, в котором могла бы принять участие и Джемал мама, чтобы они шутили и смеялись.

Зной был невыносим, от земли стал подниматься жар. Платья женщин взмокли от пота, хоть выжимай. Похоже, лето настолько вступило в свои права, что ожидать от него поблажек не придётся, так что и сегодня будет очень жаркий день.

Хозяйка кошмы, подняв парочку юных девиц, пришедших поучиться украшать кошму, заставила полить двор. После этого воздух перестал обжигать, но только на какое-то время. И работа по украшению кошмы подходила к концу. Сейчас белое поле изделия превратилось в самый настоящий яркий цветник.

И именно в этот момент сидевшая на другом конце кошмы женщина по имени Гулсоны, соорудив из цветной шерсти цветок, выложила его на белое поле, посмотрела по сторонам и включилась в разговор:

– Вы, наверно, не слышали? – акцентировав на себе внимание собравшихся женщин, продолжила. – Говорят, когда отправляли ссыльных, это кепретчил Хардат бог знает, что

вытворял. А солдаты толкали ссыльных в спины и запихивали в вагоны. А этот негодяй, сидя на вороном коне в стороне от них, довольно бормотал: «Я покончил с родом Гуллы эмина, Кымыша...».

Приведённый не вовремя неуместный пример привёл женщин в замешательство, а ведь они до этого с удовольствием раскрашивали узорами будущую кошму, и у всех было хорошее настроение. Некоторые из них подумали, что этот пример может всколыхнуть огонь в душе Джемал мама, и потихоньку сочувственно посматривали на неё.

Хозяйке дома, пригласившей Джемал маму специально для того, чтобы та развеялась и хоть немного упокоилась, этот разговор не понравился, и она резко одёрнула ту женщину:

– Кто такие грязные слухи распускает?!

Тем временем дальняя родственница Гуллы эмина, дебая женщина с лошадиным лицом возмутилась:

– Что, Гуллы эмины и Кымышы дузчы к женщинам Хардата в постель залезли. До сих пор народу нужны были Гуллы эмин и Кымыш бай. А теперь что, можно поливать их грязью?

После этих слов та женщина, что принесла эту весть, обиженно произнесла:

– Я что, сама всё это придумала? Я сказала только то, что от других слышала. Мне рассказала об этом Акгуль из Келхатара, а та узнала об этом, когда гостила у Самита акга...

Услышав этот разговор, Джемал мама тут же представила, как ОГПУшники толкают людей в вагоны, а вместе с ними и её сыновей с жёнами и детьми. . . А в это время рядом с ними на коне гарцует Хардат, которому уже давно всё дозволено и на всё хватает его власти, поэтому он доволен происходящим, как сказала та женщина.

И хотя большеглазая женщина вроде бы осуждала поведение Хардата, в её голосе звучали нотки торжества. Именно поэтому остальные женщины со всех сторон накиннулись на неё.

Джемал мама подумала про ту женщину: «Небось, грязнуля, ничего не умеющая, а туда же, других осуждать. . .» Однако самой женщине она ничего не сказала и даже не посмотрела в её сторону. Она хорошо разбиралась в людях, поэтому знала и причины этого торжества и то, откуда оно исходит.

Это женщина была дочерью старшего брата сельского главы Ягды, который, получая от него долю того, блага что имел тот, почувствовавший себя выше других, и вела себя высокомерно. И новую власть она понимала не как новый строй, в ней она видела только своего дядю. Недовольство людей новой властью она воспринимала как недовольство её близким родственником Ягды. И ей это не нравилось. И когда женщины выражали сочувствие Джемал маме, это тоже не нравилось ей, потому что в этом она видела неприятие сельского главы Ягды. Сообщив о поведении Хардата, она хотела сказать этим женщинам: «Вот вы обвиняете моего дядю,

а он тут ни при чём, во всём виноват Хардат, это он взялся уничтожать людей!» Таким образом она пыталась разогнать тучи, сгустившиеся над головой её родственника.

После рассказа этой женщины воцарилась тишина. Да и после уже мало кому хотелось общаться, женщины просто перекидывались парой-тройкой ничего не значащих фраз. Выпив последнюю пиалу заваренного специально для неё чая, Джемал мама поблагодарила хозяйку, сказав, что от этого напитка у неё отступила затяжная головная боль, и стала собираться. Хозяйке дома на прощание сказала:

– Остальное, гелин, думаю, доделаете вы сами!

– Бабушка, я же обед готовлю, – хозяйка дома пыталась уговорить Джемал маму остаться. Но та была непреклонна. Не хотелось ей там оставаться, мысли о сосланных родных не давали ей покоя.

– Пойду я. Девочки, наверно, уже вернулись, травы животным накосили. А вы, молодые, спокойно пообедайте сами!

Стояла невыносимая жаркая духота, будто с неба на землю спустился пылающий костёр. Однако женщины, засучив рукава, увлечённо о чём-то беседовали и когда катали кошму, почти не замечали жары.

Когда обед для гостей был готов, прежде чем подать его помощницам, хозяйка дома положила еду в отдельную миску и отнесла сначала в дом Джемал мама.

Вагоны, в которых разместили раскулаченных из Тахтабазара, прицепили к пассажирскому поезду Кушка-Мары, на другой же день состав ближе к полудню прибыл в Мары. Не успел поезд остановиться, как его тут же взяли в кольцо прибывшие на вокзал заранее солдаты. Но выпускать людей из вагонов не спешили. Когда все их пассажиры вышли из другого вагонов и разошлись, кто куда, привокзальная площадь опустела, и только после этого им разрешили выйти наружу. На ссыльных солдаты смотрели подозрительно, как на врагов народа, как на людей, получивших срок за свои преступления и отсидевших в тюрьме. Им казалось, что кто-то из репрессированных, уловив удобный момент, попытается скрыться от своих преследователей.

После этого ссыльных вместе с их скарбом вещами повели вдоль железнодорожного полотна и привели в безлюдное место недалеко от вокзала, на берегу Мургаба. Это место было голой землёй между чайханой Ёлбарслы и железнодорожным мостом через реку рядом с ней и ещё одним мостом, расположенным чуть северо-восточнее и получившим название «пешеходного моста». Мургаб нёс свои воды вокруг этого пустынного места.

Жители Пенди расположились поближе к воде, со всех сторон окружив песчаный холм по течению реки как дуга. Спустя много дней у людей снова появилась возможность

разжечь костры и приготовить еду из захваченной из дома каурмы, накормить семью горячим обедом. Огулджума положила каурму в казанок, который захватила из дома, и сварила в нём чабанскую похлёбку. Накормив семью, заварила чай, сняв с огня закипевшую тунчу, вместе с пиалой протянула мужу, зная, что он любит после сытного обеда чаёвничать.

– Чай уже настоялся, пей!

Прислонившись к тюку с вещами, Оразгелди смотрел на противоположный берег реки. Вид у него был задумчивый, словно он к чему-то прислушивался. Он с удовольствием принял у жены тунчу с чаем и поставил её около себя.

– Я тебе тоже оставлю немного чая...

– Пей сейчас, я уже напилась воды, пока кормила и поила детей.

Помимо выпавших на их долю трудностей, ссыльных больше всего угнетала неизвестность, они не знали, что их ждёт впереди, всё было покрыто мраком. Люди ощущали себя оказавшимися на краю пропасти. Женщины с присущей им сдержанностью, унаследованной от матерей и бабушек, занимались детьми, время от времени исподтишка бросая взгляды на мужей и пытаясь понять, в каком они состоянии.

Наевшись и после обеда немного отдохнув, детишки снова увлечённо играли в свои игры. Проблемы, с которыми столкнулись родители, обходили их стороной.

Алланазар уже успел сдружиться со сверстниками из дру-

гих семей, таких же ссыльных, как и его семья. Мальчишки носились по берегу Мургаба, играли в догонялки, кричали, шумели, убегали друг от друга, словом, получали от жизни свою порцию удовольствий. Вода в реке была тёплой, приятной. И даже когда солнце уже заходит за горизонт, и воздух становится немного прохладнее, вода в реке не остывает, напротив, как будто ещё теплее становится. Сейчас у реки бегало много ребятшек, и одним из них был Алланазар.

Огулджума, держа подле себя двух младших детей, о чём-то тихо беседовала с невесткой Гуллы эмина, Акджемал, но в то же время глаз не спускала с Алланазара, опасаясь, как бы он с ходу не нырнул в реку и удалился от берега. Их окружало подразделение ОГПУ, они охраняли ссыльных. И хотя они запретили ссыльным уплыть далеко от берега реки, не смогли запретить это детям, привыкшим в своём селе нырять в воду и плавать столько, сколько их захочется. Дети, которых прогоняли с одного места, тут же объявлялись в другом месте, прыгали в воду и продолжали наслаждаться купанием в чистой воде реки. Но потом они отстали от детей, возможно, кто-то сказал: «Не трогайте детей, пусть они купаются, сколько хотят». Да и как детям удержаться, когда стоит такая невыносимая жара, а рядом течёт река?!

Через два дня на рассвете, услышав приближающиеся к ним шаги и тихие голоса, Оразгелди проснулся. И хотя ночь уже отступала, было довольно темно. Посмотрев в ту сторону, откуда доносились голоса, он увидел большую группу

прибывших издалека людей, они стали сгружать свои вещи и располагаться рядом с ними.

Вечером мужчины собрались у большого костра в центре стоянки, обменивались мнениями о своём положении. Когда Оразгелди вернулся оттуда, лежавшие рядом дети уже крепко спали. На небе повисла красивая луна, плывя по небосводу, она была похожа на родственницу, пришедшую посочувствовать попавшим в такой сложный переплёт жителям Пенди.

Оразгелди растянулся на узком месте, оставленном ему рядом с Алланазаром, а между ним и матерью спали двое младших детей.

Его младшего брата Оразгылыча вместе с двумя-тремя другими семьями оставили в Тахтабазаре, и это породило в душе Оразгелди слабую надежду на то, что брат, возможно, вернётся домой и будет ухаживать за стариками. Он даже подумал, что Баллы, будучи большевиком, выпивал с их пьющими людьми и сумел убедить их не трогать хотя бы одного из двух сыновей Кымышы, позаботился о них, Оразгелди в душе был благодарен тому. И радовался, что Оразгылыч вернётся домой и сможет смотреть за стариками и девочками.

Целый день его не отпускали мысли о том, как Оразгылыч возвращается в село, как радуются старики появлению сына.

И поэтому, увидев вновь прибывших, испуганно подумал: «Неужели они привезли сюда и Оразгылыча?» Если это так, то все его мечты и надежды развеются в прах.

И хотя он не очень хорошо мог разглядеть лица вновь прибывших, но по их говору понял, что этих людей никогда раньше он не видел.

Взяв мерлушковую папаху, которую использовал вместо подушки, Оразгелди встряхнул её и надел на голову, затем накинул на себя дон и пошёл к реке, чтобы умыться и отогнать от себя остатки сна. От того, что не выспался, в глазах щипало, рот раздирала зевота. В воздухе стоял горьковатый запах гари. Это был запах дыма, которым вчера вечером отгоняли комаров, иначе от них здесь не было спасу. Дети до крови расчёсывали места комариных укусов, поэтому взрослым пришлось принимать меры борьбы с этими кровососами. Отыскав полусырые ветки, разожгли костёр, дым от которого заполнил всю округу. И лишь после этого комары отступили, и люди смогли немного облегчённо вздохнуть.

Пока Оразгелди умывался у реки, приходя в себя после сна, несколько человек из вновь прибывших, при виде реки, побросав вещи, с ходу попрыгали в воду. Другие, присев на корточки на берегу, набирали воду в ладони и пили её, а кто-то попросту ложился на берег и пил воду прямо из реки, опустив в неё лицо. С трудом передвигая ноги, подошёл старик и опустился на землю рядом с Оразгелди. Засучивая рукава, усталым голосом ответил на приветствие соседа:

– Как дела, молодой человек? – а затем, повернувшись в сторону, посмотрел на людей, собравшихся на поляне вместе с вещами. – Значит, мы люди одной судьбы?

– Выходит, так...

– Нас, сынок, в Теджене собрали, – сказал старик, как бы спрашивая: «А вы откуда будете?»

– А мы, из Тахтабазара.

– А-а, тогда вы к нашим родственникам сарыков относитесь.

– Мы живём в одном из сёл на берегу Мургаба, в том месте, где река заходит на туркменскую землю.

Еще через пару дней на широком берегу реки не осталось свободного места от новых прибывающих сюда ссыльных. Стало тесно. По ночам в разных местах разводились костры, они отражались в реке, словно по ней плыли яркие огоньки, которые вот-вот соединятся в одно большое пламя. Из разных мест всё ещё свозили людей для дальнейшей отправки в ссылку. Похоже, они решили согнать сюда всех туркмен, никого не оставив, а потом распахать по вагонам и отправить невесть куда. Собственно, на деле так оно и оказалось. Через неделю после прибытия в Мары солдаты, расхаживая среди толпы, заглядывали в какие-то записи и называли имена людей, которые должны вместе отправиться в путь. Этих людей выводили в сторонку, после чего грузит в вагоны для дальнейшей отправки. Семья Оразгелди была названа вместе с семьями Гуллы эмина и другими земляками прибывших из Тахтабазара.

Солнце беспощадно жарило людей, которым негде было скрыться от его лучей. Утренний ветерок гулял над рекой,

вызывая на поверхности воды лёгкие волны. Хотя их и подготовили к отправке, ни в тот, ни в следующий день группу Оразгелди не тронули с места. Люди собрали свои вещи и были готовы в любую минуту продолжить свой скорбный путь, так что полукочевая жизнь между двумя мостами продолжилась ещё несколько дней.

А народ всё прибывал и прибывал, толпа росла с каждым днём. Люди задыхались в этом тесном мире, в узком пространстве у реки.

С того дня семья Оразгелди стала наполнять водой всю захваченную из дома посуду, чтобы быть готовыми в любую минуту сняться с места. От жары у малышей Рахмангулы и Рахманназара на теле появилась колючка, и Огуджума каждый день купала их в реке. Вот и сегодня, решив, что вода в реке уже прогрелась, она взяла с собой мальчиков и отправилась к воде. Уложив Рахмангулы на снятом с него и расстеленном на земле доне, взяла за руку Рахманназара и повела к воде. Не обращая внимания на капризы ребёнка, который не желал купаться, она раздела его и, держа одной рукой, второй рукой стала зачерпывать воду и обтирать ею мальчика.

– Ну, вот, теперь ты стал беленьким мальчиком. Теперь мой сыночек стал чище всех. А Дурды даже лицо не умывает, поэтому все комары и все мухи садятся на него, – с любовью шептала она сыну. Рахманназар, радуясь тому, что стал беленьким, весело заверещал:

– Мама, теперь и Рахмана искупай, пусть он тоже станет

беленьким!

Огулджума принялась за второго сына. Не обращая внимания на его плач, она первым делом вымыла его ноги, на бёдрах ребенка появилась сыпь, и она по вечерам смазывала эти места прокалённым маслом, после чего вымыла ребёнку голову, умыла лицо. Мальчик после такого купания ожил.

– Что ж ты плачешь, малыш, я ведь помочь тебе хочу, чтобы тебе прохладно было, а ты... Посмотри, каким беленьким стал Рахманназар, – как взрослого человека, увещевала мать ребёнка.

Алланазар в это время вместе с новыми друзьями уже бе-сился у реки, они скакали, прыгали, гонялись друг за другом, и всё это с криками, получая удовольствие. Вдруг его взгляд задержался на мальчике, которого воины ОГПУ вместе с другими ссыльными вели мимо них на вокзал для дальнейшей отправки. Какой-то здоровый знакомый мужчина, закинув за спину вещмешок, решительно двигался вперёд, держа за руку мальчика в белой рубашке и чёрных штанах. Сердце Алланазара дрогнуло. Когда увидел этого мальчика он узнал сразу. Хотя расстояние его между ними было и неблизким, он узнал в нём одного из своих Кымышей. Это был не кто иной, как его близкий друг и двоюродный брат Аганазар, по которому он сильно соскучился уже за эти прошедшие пятнадцать дней.

– Акгы джан! – крикнул мальчик, не в силах сдерживать рвущуюся из него радость, но в его детском голосе были

слышны слёзы. Рванув с места, он быстро догнал движущуюся толпу и стал пробираться сквозь неё. Шедший рядом с крупным мужчиной мальчик, услышав своё имя и узнав голос, обернулся. Это был голос Алланазара. Да и кто другой мог бы называть его таким именем «Акгы джан? Увидев брата, который, раскинув руки, мчался к нему, и Аганазар остановился, а затем рванул ему навстречу:

– Алла джан!

– Акгы джан!

Спустя минуту два мальчика в одинаковых белых рубашках и чёрных штанах, подбитых красной бейкой, стояли в центре толпы, крепко обнявшись и заливаясь слезами.

Эта картина тронула людей, ведь каждому из них пришлось расстаться с кем-то из своих родных и близких. А тут разлучали двух братьев, причём, навсегда. Люди, увидевшие их тоже не сдерживали слёз, тихо плакали и горько рыдали. Было видно, что в этот момент люди думали о тех, с кем теперь навеки разъединены, как и семьи Аганазара и Алланазара. Услышав взволнованный голос сына и, решив, что с ним что-то случилось, Оразгелди вскочил с места и побежал к нему. Каково же было его удивление, когда он увидел улыбающегося младшего брата Оразгылыча, стоявшего в обнимку с Алланазаром и расспрашивающего его о чём-то. Оразгелди глазам своим не поверил.

Поначалу Оразгелди, увидев здесь младшего брата, которого оставили в Тахтабазаре, растерялся, но потом порадо-

вался тому, что встретился с ним здесь. И племянник Аганазар, узнав родного дядю, сразу же кинулся ему на шею, и сейчас стоял в обнимку с ним, а дядя гладил его по голове. Разглядывая младшего брата, Оразгелди подумал, как же он похож на отца и не только лицом, но и статью, такой же крупный и сильный. Волосы его заметно отросли, они будто серебром были присыпаны. Заметив это, Оразгелди грустно подумал: «Не рановато в этом возрасте появилась седина?» Как бы ни улыбался брат, как бы ни старался не показывать виду, чувствовалось, что раскулачивание больно задело и младшего брата, пожалел его. Незнестность и в самом деле пугала всех. Жизнь стала непонятной, тревожной, тёмной. И в этой темноте оказались тысячи несчастных семей, не знавших, какое будущее их ожидает.

Волнуясь от неожиданной встречи, братья, наконец, стали расспрашивать друг друга о жизни.

– Оразгылыч, как вы, все целы?

– Слава Аллаху, акга, всё хорошо!

– Вы тоже здесь оказались?

– Нас привезли сюда пару дней назад. После вашего отъезда спустя какое-то время дополнив людьми число ссыльных, нас тоже увезли из Тахтабазара.

– А я-то радовался, что тебя не забрали с нами, думал, тебя отпустили домой. Думал, что Баллы сумел найти к ним какой-то подход и оставить хотя бы твою семью.

– На этот раз, акга, советы круто взялись за дело, так что

никакому Баллы не под силу справиться с ними. – Тяжело вздохнув, он, словно жалея о чём-то несделанном, грустно произнёс: – Видно, акга, нам такая судьба уготована.

Раздвигая толпу, к ним спешила Огулджума, одного ребёнка держа на руках, а другого ведя за руку. Увидев Амангуль, которая стояла в сторонке, закрывшись яшмаком от ветра, всхлипывая, пошла ей навстречу.

– Оказывается, вы тоже здесь, мама Рахман джана! – она обняла свояченицу вместе с детьми. Затем взяла на руки Рахманназара и, плача, расцеловала ребёнка²⁶.

Оразгелди тихо спросил у брата:

– А вас они куда везут, Оразгылыч?

– Бог его знает, акга! Они ссылают, куда захотят, а мы едем туда, куда они нас посылают.

– Хотя слухи, что они увозят людей – кого в Сибирь, а кого к Сырдарье.

– Ничего неизвестно. Хорошо бы нам вместе оказаться. Но разве они послушают нас?

– Похоже, они предпочтут, чтобы мы были врозь, но никак не вместе.

Не успели братья наговориться, как их тут же окружили

---

²⁶ Пройдут десятки лет, и тогда одна из тех, кому удалось вырваться из ада под названием ссылка, бабушка Амангуль, мать Аганазара, вспоминала эту неожиданную встречу: «В тот раз, когда Алла джан и Акы джан неожиданно встретились и обнялись, среди выслаемых до слёз были тронуты не только окружавшие нас люди, но даже у некоторых солдат, которые гнали нас на вокзал, на глазах появились слёзы» ...

односельчане и знакомые. Но когда воины ОГПУ стали подгонять толпу, требуя двигаться с вещами вперёд, семья Кымыша-дузчы, так неожиданно соединившаяся в этом чужом месте и хотя на короткое время почувствовавшая себя счастливо, как это было всегда, мечтая о возвращении на Родину, с болью в сердце распрощались. «Да поможет всем нам Аллах! Быть вместе с народом всегда праздник!» – с этими словами они попрощались покинули друг друга. Толпа молча смотрела на это грустное расставание, и каждый присутствующий в эти минуты думал о своей разлуке с Родиной.

* * *

Семью Оразгелди отправляли в ссылку ровно через десять дней после прибытия в Мары. Солнце уже пошло на закат, однако температура воздуха всё ещё оставалась довольно высокой. От земли исходил жар. Высокий, с маузером на боку, начальник ОГПУ, вот уже несколько дней вместе с солдатами охранявший ссыльных, взобравшись на пригорок, называл имена тех семей, которые по очереди должны отправляться в ссылку. Пригладив ладонью свои редкие усики под внушительным носом, добавил: «Названные люди должны взять свои вещи и последовать за мной!» Сам же пошёл вперёд. Огромная толпа пришла в движение. Сунув между одеялами прихваченную из дома одежду, Оразгелди закинул весь тюк за спину. Огулджума закрепила на своей спине ме-

шок с провизией и взяла на руки Рахмангулы. В одной руке Алланазар держал посуду с водой, а другой рукой, как было велено, держал за руку младшего брата Рахманназара и осторожно вёл его рядом с собой. Любознательный Рахманназар, глядя по сторонам, задавал множество вопросов:

– Акга, мы теперь домой поедем?

– Гмм-м...

– А мой брат Аганазар к бабушке поехал? Давай поедем домой не в поезде, там жарко!

Не получая от взрослых ответа, мальчик с любопытством озирался по сторонам, считая, что они собрались домой. Бдительные воины ОГПУ подвели людей к грузовому составу, стоявшему поодаль от вокзала. При виде этих вагонов люди поняли, что их точно не оставят поблизости.

Народу вокруг становилось всё больше. Прознав об этой отправке откуда-то, жители окрестностей Мары приехали на станцию, чтобы хотя бы ещё раз увидеться со своими родными и попрощаться с ними навсегда. Некоторые из тех, кто пришёл сюда проститься с родственниками, вытянув шеи, выглядывали из-за спин стоявших стеной воинов, отыскивая глазами своих людей среди ссыльных. Но были и те, кто, сидя в седле коня, носились туда-сюда. И только поздно вечером снова зачитали имена, семьи загрузили в вагоны, и те тронулись в путь.

Видя садящихся в вагон женщин с плачущими детьми на руках, детишек, не понимающих, что происходит, и, вертя

головами, высматривают своих родных в поисках защиты, люди переживали за них, расстраивались, страдали. Работники ОГПУ, похожие на норовистых коней, нахмурившись, отгоняли толпу любопытных:

– Эй, а ну, вернись назад! Куда ты прёшься?

– Брат уезжает, брат...

– Отойди, кулаки не могут быть братьями пролетариям.

Уйди, иначе прикладом винтовки по голове получишь!

– Куда их вообще ссылают, куда повезут?

– Туда, где кончается земля.

– Господи, конец земли – это где?

Поначалу внутри вагон показался просторным, но по мере того, как его заполняли люди вместе со своим имуществом, пространства в вагоне становилось всё меньше и уже. Когда его заполняли, вагон был пустым, и в нём стоял горький запах конского навоза, как будто перед этим в нём перевозили лошадей.

Разместив жену и пожитки рядом с некоторыми своими земляками из Пенди, Оразгелди вместе с Алланазаром пришли помочь еще не поднявшимся толпившемуся у входа народу. Неподалёку от вагона стояли люди и выкрикивали слова прощания и напутствия родственникам из окрестностей Мары, которых также увозили этим поездом. Скоро их возгласы тонули в гуле голосов, но им казалось, что сказанные ими слова непременно доходят до слуха своих родных и близких. Были и те, кто не в силах устоять на одном месте,

метались возле вокзала из стороны в сторону, крича и размахивая руками. Перед тем, как людей увезут в неизвестность, им хотелось ещё хоть раз обнять своих близких, прижать к сердцу. Подойдя к двери вагона, Алланазар увидел своего нового товарища Чолука. Тот был в тубетейке, держался за полу донца отца, который, вытянув шею, с кем-то переговаривался. Протиснувшись сквозь плотную толпу людей, подошёл к мальчику. Увидев друга, Чолук радостно улыбнулся и, немного подвинувшись, дал тому место рядом с собой. Отец Чолука разговаривал со стоявшим прямо перед ним круглолицим белобородым стариком в вывернутой наизнанку кожаной папахе. Было видно, что он только что подошёл, с лица его стекали крупные капли пота. Речь его была взволнованной:

– Пусть ваша дорога будет светлой, возвращайтесь живыми и здоровыми!

– Да услышит вас Господь, дядя Мерген!

– Даст Бог, так и будет!

Разговаривая со стариком, отец Чолука выжидающе смотрел поверх головы своего собеседника вдаль, похоже, он ещё кого-то хотел увидеть. Алланазар встал рядом с другом, и они взялись за руки. Было что-то общее в этих мальчиках, потому что они с первой же встречи прикипели друг к другу, стали неразлучными друзьями. На берегу реки Чолук говорил своему новому другу: «Алланазар, наш дом недалеко отсюда. Если перейти через пешеходный мост и идти по

дороге к базару, идти и идти, дойдешь до Гёкчи, а дальше, как только пройдёшь мечеть Абдуллы ишана, будет там наш дом». Там живёт наш род Атинцы.

Алланазар тоже рассказал, откуда он приехал, на что мальчик воскликнул:

– Ого, как далеко отсюда твой дом!..

В это время его отец спрашивал знакомого старика:

– Дядя Мерген, а почему наш Берди не пришёл?

– Да я и сам только что узнал о вашем отпращивании. И как только узнал, сразу же сел на ишака и помчался сюда. А к нему на работу отправил мальчишку, чтобы он сообщил, что его брата увозят из Мары. Может, ещё покажется.

– Он и вчера вечером, обманув стражей, пересёк реку, привёз нам всякой разной зелени, бахчевых, долго разговаривал с нами.

– Если узнает, найдёт способ показаться здесь.

– Гмм, – хмыкнул отец Чолука и снова беспокойным взглядом посмотрел по сторонам.

Вдалеке, где-то над Мары, появилось густое пыльное облако. Кажется, погода что-то задумала. В словах людей, переживающих мгновения разлуки с близкими, чувствовались усталость и безнадежность, неприятие происходящего. Прозвенел первый звонок, состав вздрогнул, заскрипел, издавая глухие звуки, стал раскачиваться, давая понять, что везёт на себе немалый груз. Где-то далеко прозвучал басовитый гудок паровоза.

Люди всё ещё стояли у входа, своих вагонов, словно надеялись на то, что вот сейчас появится некто и остановит состав, а им всем скажут «выходите!». Они жадно смотрели по сторонам.

Вдруг стоявший рядом с отцом Чолук, вытянув руку и узнав бегущего человека, радостно закричал:

– Папа, вон дядя Берди, смотри, дядя Берди прибежал!

Вдали показался крупный человек, раздвигая руками, словно вёслами, толпу, он пробирался вперёд. Услышав знакомый голос племянника, он с ещё большим усердием стал продвигаться вперёд.

– Чолук, Чолук джан, мальчик наш родной!

– Дядя Берди, счастливо оставаться! – в голосе мальчика были слёзы, его слова утонули в стуке колёс двинувшегося состава.

– Кумуш гелнедже, агам... Чолук джан!..

Его поведение напоминало метания волчицы, у которой увели дитя, и теперь она пытается вернуть его себе, идёт в наступление.

– Дядя Берди, мы обязательно вернёмся в наш Мары...

Стук колёс набирающего скорость поезда поглотил слова плачущего мальчика.

Этот звук заглушил и последние слова Берди, который всё ещё бежал за поездом. В этот момент тысячи людей навсегда расставались со своей родиной. Внутри вагона появился тихий плач женщин, смирившихся со своей судьбой. Женщи-

ны плакали, прикусив яшмаки и сжав кулаки.

И в этот момент кто-то из ссыльных, не в силах справиться со своей бедой, неожиданно запел дрожащим голосом:

– Мару-шаху-джахан, Родина моя,

Как много счастья я познал на твоей земле...

Поначалу люди просто слушали пение, но постепенно стали подхватывать известные им слова, и вскоре в вагоне уже звучал разноголосый хор.

Песня рвала душу. Это была прощальная песня, написанная Гара поэтом около ста лет назад, когда он вместе с родными был вынужден покинуть Мары. С тех пор эта песня стала гимном униженных и оскорблённых жителей Мары, они исполняли её во время прощания со своим любимым городом. Песня стала высоким гимном вечного города Мары. И до сих пор она, как и прежде от души, звучала свежо и мощно.

Скоро купол вечного страдальца древнего Мерва снова накрыл скорбный туман переходящей в ночь тьмы...

На следующий день после отправки ссыльных из Марыйского ОГПУ наверх, в республиканское ОГПУ ушла телеграмма следующего содержания: «Вчера из разных районов республики (из Тахтабазара, Иолотани, Мары, Туркменкала, Теджена, Серахса, Геоктепе, Бахардена, Сакарчаги, Байрамали) прибывшие в Мары раскулаченные количеством 160 семей отправлены в ссылку. Во время отправки кулацкие семьи никакого сопротивления не оказали».

Начальник Марьинского областного ОГПУ
Вадим Гайхаров. Мары, 1932 год.

ГЛАВА

III

1931 год стал временем, когда раскулачивание дайхан в Туркменистане приобрело невиданный размах. Тысячи туркменских семей из Мары, Ахала, Балкана, Лебапа, Дашогуза были сосланы в Сибирь, на Украину, в Узбекистан и Казахстан. Вместе с ними разделить их горькую судьбу пришлось и детям. Всё более успешной становилась деятельность работников ОГПУ, стремящихся показать свою преданность новой власти.

После того, как началось раскулачивание, село Союнали разделилось на два лагеря: на тех, кого раскулачивают, и тех, кто ещё не подвергся этому. Но это расслоение началось не сегодня, начало этому явлению было положено в те далёкие годы, когда большевики, размахивая шашками, утверждали свою власть. С тех пор кто-то был расстрелян, кто-то изгнан из страны, а кому-то новая власть даровала должности и обещаниями привлекала на свою сторону. Но и до сих пор эта власть не любила состоятельных людей и всячески истребляла их.

Через полмесяца после высылки детей Кымыш-дузчы вернулся с бахчи в село в надежде узнать хоть какие-то вести о своих сыновьях. В тот день, когда забрали сыновей, к ве-

черу Кымыш сел на своего ишака и уехал на бахчу. Он знал, что после случившегося не сможет находиться в доме. В их дом пришла беда. В таких случаях свою боль лучше всего терпеть наедине с открытым полем. Здесь ты можешь чем-то занять себя, отвлечься от гнетущих мыслей, можешь что-то увидеть, и это тоже отвлечёт твоё внимание, и ты почувствуешь себя так, словно кто-то искренне сочувствует тебе и разделяет с тобой твою боль.

С этого дня все новости он узнавал от внучки Огулбике, которая практически каждый день приезжала проведать деда, от него же увозила с собой дыни, фасоль и мешок травы для животных.

С поля он привёз с собой и целый хурджун дынь. Обычно, когда он возвращался с бахчи, его встречали внуки, они помогали ему слезть с ишака, разгрузить мешки с дынями, а потом привязывали ишака. Старику почудилось, что вот сейчас откуда-то выскочат Алланазар с Аганазаром. Направляясь к дому, посмотрел по сторонам и спросил у внучек:

– Бабушка дома?

Акджагуль без причины упрекнула Огулбике, которая в это время вела ишака в стойло:

– Смотри, крепче привяжи его, а то привяжешь кое-как, как в прошлый раз, он отвяжется и убежит!

– Не буду привязывать, возьми, и сама отведи и привяжи, если мне не веришь! – Огулбике резко обернулась, готовая бросить верёвку для привязи ишака в руки сестры.

В это время со стороны коровника показалась Джемал, в подоле платья она несла смешанные с саманом лепёшки коровьего навоза. Любящим голосом стала отчитывать внучек:

– Крикливые козы, вы когда-нибудь прекратите цепляться друг к другу!

Джемал мама высыпала из подола кизяки возле очага, и услышала голос Кымышы-дузчы:

– Есть какие-нибудь известия от ребят, жена?

– Ай-ей, какие ещё известия, уехали с концами, ни слуху, ни духу... – расстроено произнесла Джемал мама, и из глаз её покатались слёзы.

– А вдруг откуда-то придут хоть какие-то вести?

– Сидим и просим Бога об этом.

Сейчас этот мир показался старикам особенно суровым.

– Бабушка, если наших увезли в Сибирь, они ещё даже не добрались туда, – включилась в разговор подошедшая к ним Огулбике.

Джемал мама нахмурилась, ей не нравилось, что девчонки вмешиваются в разговоры старших.

– Вечно эта девчонка что-нибудь ляпнет. Спрашивается, откуда тебе знать, что такое Сибирь и где она находится?

– Знаю, дедушка, – уверенно ответила Огулбике и посмотрела на деда, ища в его лице поддержки. – Учительница в школе показала нам одну вещь, картой называется. Так вот, на этой карте видно, как далеко от Ашхабада и Мары находится Сибирь, и ещё дальше от Москвы. А ещё там очень

холодно. Говорят, люди там едят мясо медведя...

Аю, чем болтать попусту, лучше пойди, наполни тунче и поставь на огонь, сделай для деда чай! – распорядилась Джемал мама.

Войдя в дом, чтобы переодеться, Кымыш-дузчы обратил внимание на то, как похудела внучка Акджагуль, которую он не видел несколько дней. Ему стало жаль девочку. «Наверно, ребёнок не может перенести расставание с родителями», – подумал старик, снова вспомнив о своих угнанных детях, расстроился. Пока Кымыш-дузчы пил чай, Джемал мама рассказала ему, что Баллы съездил в Мары и узнал, что ссыльных оттуда уже увезли, что у него на железной дороге в Мары есть знакомый, он ещё раз съездит туда и уточнит, куда – увезли людей. Пока жена рассказывала о Баллы, старик вспомнил, о чём хотел спросить по возвращении в село. Его беспокоило исчезновение младшего брата Ахмета, которого не видели в селе уже больше месяца.

– Ахмет до сих пор не показывался?

– Нет, – коротко, без настроения ответила Джемал мама, наливая и себе в пиалу чая из чайника мужа.

– Хорошо, если этот прохвост не напорется на что-нибудь!

– Ничего не боится. Пообещал перевести в Афганистан оставшееся здесь имущество и скот ещё одного бая. Как бы не попал в перестрелку на границе.

– Видно, нет его поблизости, иначе, где бы он ни был, узнав, что его старших братьев отправляют в ссылку, обяза-

тельно появился бы здесь.

– Хорошо, что его не было здесь в тот момент, – высказала своё мнение Джемал мама. – А то, не приведи Господь, устроил бы тут потасовку и ещё больше накалил обстановку.

Она и в самом деле была рада, что Ахмета в этот момент не было в селе. Джемал маме никогда не нравилась бесшабашность деверя. Она видела, сколько неприятностей бьш-белаларам доставляет поведение этого взрослого человек. В последнее время наставляли Кымыш-дузчы и его старший сын Оразгелди, советовали, как следует себя вести. А других он не очень-то и слушал.

Однажды Джемал мама выразила своё недовольство Ахметом, на что Кымыш-дузчы сказал:

– Хорошо, что все мы разные, и среди нас есть такой смелый человек, как Ахмет. Если бы его не побаивались, нашлось бы много людей, желающих навредить нам. А когда в твоей семье есть такой храбрый полусумасшедший, люди знают, чем может всё обернуться, попробуй они причинить нам зло.

Выпив с мужем чай, Джемал мама выплеснула через открытую дверь остатки из пиалы. Вспомнив о чём-то, позвала с улицы внучек и дала им поручение:

– Пойдите, из тех дынь, что привёз дед, оставьте себе парочку для еды, а остальные разнесите по домам Баллы акгама, Гуллы акгама, Сахетдурды акгама, Ахмет акгама!

Девочки сразу же отправились выполнять поручение ба-

бушки. Дома Кымыш-дузчы устроился поудобнее и за чаем стал расспрашивать Джемал маму о положении в селе. Из разговора о ссыльных Кымыш-дузчы понял, что вестей от детей в скором времени ждать не стоит. Потом какое-то время лежал молча, глядя в туйнук – отверстие наверху кибитки, и был без настроения, словно винил себя в происходящем.

Побыв немного дома и отдохнув, Кымыш-дузчы снова оседлал своего ишака-коня и отправился навестить дома односельчан, где проходили поминки.

Солнце опять начало беспощадно жечь своими лучами, разогрело землю, накалило воздух, так что дышать стало трудно. И даже собак, которые обычно не пропускали людей мимо их домов, сейчас не было видно, они тоже где-то укрылись, спасаясь от жары. Похоже, они нашли для себя затённые места и там дремали.

Кто-то из людей, сидевших на поминках, издалека увидел Кымыша-дузчы.

– Пойдите, подержите ишака Кымыша ага, помогите ему слезть с него! – обратился он к находившимся неподалёку мальчишкам.

Собравшиеся на поминках люди, зная, что Кымыш-дузчы совсем недавно распрощался со своими сосланными сыновьями, что его сердечная рана не только не зажила, но ещё даже не затянулась, сочувствовали старику, сопереживали вместе с ним. Одежда на Кымыше дузчы болталась, будто

была с чужого плеча. Старенький домотканый дон, полы которого путались, цепляясь за ноги, выгорел на спине и стал белым. Он подпоясал его связанным из хлопчатой нити пёстрым кушаком чуть выше талии. Лицо было усталым, серым.

Устроившись поудобнее, Кымыш-дузчы прочитал длинную поминальную молитву, попросив ему Царствия Небесного. Вспомнил покойного добрым словом. Старался найти утешительные слова для родных умершего человека. Помимо того, что они были односельчанами, с покойным у них и участки земли «Сакашык ер» находились по соседству, так вышло, когда нарезали наделы. Старик знал его как трудолюбивого человека, который не вмешивался ни в какие конфликты, и лишь спокойно зарабатывал свой кусок хлеба. Собравшиеся внимательно слушали Кымыша-дузчы и, кажется, по-новому открывали для себя покойного. В сторонке от того места, на траве сидели два похожих друг на друга сына покойного с заросшими бородой и усами лицами. Слушая добрые речи об отце, они придвинулись поближе. Они были благодарны Кымышу-дузчы за добрые слова в адрес их отца.

Немного успокоившись, старший сын покойного дополнил начатую Кымышем-дузчы речь:

– Кымыш акга, отец очень уважал вас. Всегда говорил: «Эта семья честно зарабатывает свой хлеб». А ещё он говорил: «Если хочешь быть дайханином и возделывать землю, надо быть такими же трудягами, как семья Кымыша ага. В противном случае нечего делать на земле, иди в чабаны, на-

нимайся батраком, в другом месте ищи свой заработок!».

С появлением Кымыша-дузчы родственники покойного на какое-то время освободились от тяжёлых мыслей, немного успокоились. Слушая старика, люди с уважением думали о том, что этот человек, семью которого разорили, отправив в ссылку двух сыновей, не сдался, не упал духом, продолжает трудиться во благо семьи, не обращая внимания на свои стариковские недомогания.

Посидев в доме покойного ещё немного, Кымыш-дузчы сказал, что ему пора возвращаться на бахчу, что, поскольку он приехал в село, то у него и здесь есть кое-какие дела, и стал прощаться.

* * *

Работы на земле своего села Ягды сельсовет осуществлял в соперничестве с такими же работами соседних сёл. Перед руководством района он старался выставить себя умелым, передовым руководителем.

Если же в друг на каком-нибудь собрании в городе руководители района поставят его в пример другим, похвалят его работу, он тогда долго не мог прийти в себя от гордости. Правда, председатель не только использовал должность в своих интересах, но ещё и трудится как никто другой. А дел на земле хватало. И ведь у каждой работы был свой срок, свои требования. Только своевременно и качественно вы-

полняя работу, можно добиться хороших результатов. Ягды, за тридцать почти лет прошедший хорошую сельскую школу земледелия, понимал это лучше многих. И потому стремился заранее готовить почву для завтрашних работ.

Вот и в этом году уже с середины лета наряду с повседневным трудом он стал готовиться к осенним земляным работам – газы. Летняя подготовка к газы была связана в основном с мастерами кузнечного дела. Надо наточить и закалить лопаты, отбить их молотками, словом, подготовить инструментарий. «Работает не муж, лопата», – так говорят земледельцы, знающие толк в этом деле, они считают, что для того, чтобы хорошо рыть и чистить оросительные сети, надо, чтобы черенок лопаты радовал ладонь.

В этот раз, подумав о подготовке к газы, Ягды на следующий день пришел в мастерскую кузнеца Бегендика. С некоторым вызовом потребовал от него как от члена колхоза отставить все остальные дела в сторону и заняться исполнением заказов тех, кто будет занят на газы. На что Бегендик ответил: «Я ведь и без того делаю всё, что требуется. Вот и в этом году, если смогу съездить в пески и заготовить немного угля, у меня с твоими заказами задержек не будет, товарищ сельсовет!» Таким образом, он заодно и о своей проблеме напомнил. Ягды сразу же понял кузнеца, пообещал:

– Вопрос с углем я сам решу!

И сдержал своё слово. Несколько человек отправил в пески специально для заготовки угля. Люди несколько дней

провели в пустыне, собирали и жгли саксаул, гандым. После того, как дрова немного прогорят, их плотно засыпают песком, чтобы воздух не проходил. Эти подпалённые дрова несколько дней полежав в земле, превращались в уголь и приобретали необыкновенную силу.

То ли оттого, что он хорошо усвоил свои должностные обязанности и права, только в последнее время в народе всё чаще стали говорить о его чрезмерной властности. Теперь он разъезжал в седле норовистого вороного коня Гувандыка бая, оставленного в селе после его бегства в Афганистан, и был похож на главенствующего в курятнике важного петуха. Люди не переставали удивляться такому взлёту Ягды, встречаясь друг с другом, непременно заводили разговор о председателе сельсовета: «Надо же, как повезло человеку! Спрашивается, за какие такие заслуги он так вознёсся? Вон как задрал он свой нос! Да уж, если повезёт, так повезёт человеку! А то ведь, кто такой Ягды, чтобы ему была такая честь оказана?!»

Теперь, где бы он ни появлялся, люди вставали и предлагали занять лучшее место, суетились вокруг него, старались найти слова, которые были бы ему по душе... И ещё в последнее время стали поговаривать, что на спине у Ягды есть отпечаток ладони с пятью пальцами, своего рода защитный талисман. И у людей были такие поверия, что те, кто имеет на теле такое тавро, отмечены Богом, находятся под Его защитой и благословением. И эти слухи в те дни ещё больше

укрепляли среди односельчан это как достоинство Ягды.

Правда, слухи о том, что на его спине имеются какие-то непонятные следы, существовали и раньше. Первыми их увидели еще в детстве дети, купаясь вместе с Ягды в реке. Но в ту пору эти следы напоминали не ладонь человека, а скорее, следы собачьих лап на мокром песке. И он не был тогда похож на человека с отпечатком ладони на спине, в будущем ставшим сильным богатырём, которого никто не мог повергнуть в борьбе и уложить на спину. Когда он вступал в борьбу, кто-нибудь из сверстников обязательно валил его на землю. Так что уже тогда было понятно, что он никогда не будет пальваном, победителем схваток на всяких торжествах. В том, что Ягды не стал именитым борцом, его бабушка в те годы винила свою невестку Бостан – мать мальчика. Будто бы во сне к Бостан пришёл сам святой символ мужества в легендах мусульманского мира Хезрет Али и сказал: «Я положу глаз на твоего сына, а ну, открой его спину, а ты прочитай молитву и докажи, что являешься мусульманкой!». А она жутко испугалась горой, нависшей над ней могучей фигуры Хезрета Али и от страха не смогла даже слова вымолвить. Али решил, что она неверующая, поэтому нехотя коснулся спины его мальчика. «Эх, если бы его мать тогда выполнила наказ Али, всё могло бы быть иначе!..» – сокрушалась бабка. Но после того, как Ягды был избран председателем сельсовета, и о нём заговорили, почти забытые слухи об его избранности вспыхнули с новой силой. Теперь кое-кто,

веря, что их слова будут доведены до слуха главы сельсовета, непременно произносили: «Я же говорил, что отпечаток пальцев Хезрета Али на спине Ягды сыграет в его жизни решающую роль, что он получит от этой жизни всё, в том числе и власть». Однажды, когда разговоры о «пяти пальцах» святого гуляли по всему селу, Нурджума однажды оставшись наедине с Ягды в конторе, по-дружески спросил:

– Эй, Кабан, говорят, у тебя на спине отпечатались следы пяти пальцев Хезрета Али, это правда?

– Сам я их не видел, но какой-то след под лопаткой имеется. Так говорит Сонауль, – в качестве достоверного свидетеля он назвал имя жены.

– Если жена говорит, значит, и товарищ Ханума тоже должна была видеть, – шутливо произнёс Нурджума, приплетя к этому разговору и Хануму.

Ягды вспыхнул:

– Эй, Шаллак, с тобой как с человеком разговариваешь, а ты не можешь без своих глупых подколок!

В один миг они смотрели друг на друга как разъярённые петухи, вот-вот готовые сцепиться.

– Говорят, Хезрет Али отпечатал свою ладонь на твоей спине, когда ты спал. А сам-то ты его видел, что ещё он сказал тебе во сне? «Будь спокоен, где бы ты ни был, я заступлюсь за тебя!», так?

– Честно говоря, я не очень-то помню, видел я его во сне или нет, а если и видел, то напрочь забыл. Только помню,

как чесалась спина, когда я был мальчишкой, и я чесал её о стены, о деревья, как будто чесоткой заразился...

Нурджума хмыкнул, закинул в рот порцию насвая, а затем, смягчившись, посоветовал:

– Эй, Кабан, вижу я, ты и сам поверил в эту измышленную чепуху. Если послушаешься, мой тебе дружеский совет. Пусть люди что хотят, говорят, ты же больше никогда не говори об этом. Знаешь, что могут с тобой сделать, если ты в наше время станешь говорить, что на твоей спине есть отпечаток пальцев святого Хезрета Али? Ныне новая власть же враждует с религией и её адатами, а если ты будешь гордиться своей связью со святым... Знаешь что, друг, никто не посмотрит, что ты правишь сельсоветом, не только тебя одного, но и всех твоих близких поставят к стенке. Ты же видишь, что новая власть не признаёт никаких святых кроме себя!

Нурджума увидев, что на лицо Ягды набежала тень, решил разрядить обстановку, и продолжил в прежнем шутовском тоне:

– Эй, Ягды, а ну, закатай рубаху на спине, посмотрим, еще раз что там у тебя нарисовалось. Так там не след от ладони Хезрета Али отпечатался, может, это след от ноги вашего свинского пира, или как там его называют по-вашему!

На самом же деле следы на спине Ягды появились совсем по другой причине, и связано это было с нерасторопностью матери мальчика Бостан. Однажды она жарила лепёшки – чапады, раскатала тесто, чтобы аккуратно опустить в кипя-

щее в казане масло, но нечаянно выронила его из рук, и лепёшка шлепнулась в казан. Брызги кипящего масла разлетелись в разные стороны, и попали на спину рядом игравшего тут же ребёнка.

Обожжённый ребенок так сильно плакал, что успокоить его не было никакой возможности. Бостан смазывала ожоги своим грудным молоком, кефиром, прокалённым маслом, ничего не помогало, мальчик кричал от боли не переставая. И лишь когда силы покинули ребёнка, он уснул. Услышав громкий плач ребёнка, в дом заглянула свекровь, спросила: «Что случилось, почему ребёнок так долго плачет?». На это невестка ответила: «Этот ребёнок со вчерашнего вечера не умолкает, не знаю, какой бес в него вселился. Может, сходить надо с ним к ишану ага, пусть помолится, снимет с него порчу и даст талисман». Невестка так и не призналась в том, что случилось на самом деле, скрыла свою вину.

Со временем ранки зажили, но следы от кипящего масла в виде клейма навсегда остались на спине мальчика. Поначалу пятна находились в одном месте, но по мере того, как мальчик рос, она стали рассыпаться спине, при этом увеличиваясь в размере. Шестое пятнышко ушло под мышку, поэтому оно стало незаметным, и на спине остались пять пятен, которые расположились таким образом, что получился рисунок пятерни...

С тех пор, как Ягды обеспечил его углем в достаточном количестве, кузнец Бегендик, засучив рукава, трудился не

покладая рук. Глава сельсовета время от времени наведывался в кузницу, следил, как идёт подготовка инструментария к газы – земляным работам. На этот раз, когда Ягды посетил мастерскую Бегендика, там находилось несколько односельчан. Они расположились в тени ильма, растущего напротив мастерской. В горне гудел огонь, отчего в кузнице жара стояла невыносимая. Обливаясь потом, Бегендик широко распахнув двери мастерской, вместе со своим помощником, крупным молодым человеком по имени Гурбандурды, лупили по раскалённому металлу, правили лопаты.

Здесь же был мулла Акы, тихим голосом он проповедовал религиозные догмы, завладев вниманием присутствующих рядом с ним людей. Он был мастером чтения Корана, и рассказчиком был превосходным. Находясь рядом с ним, люди ни за что не хотели уходить от него. В народе поговаривали о том, как однажды Гыты кел, заслушавшись проповедей муллы, долго дремал и не мог заметить, как пустил струю в штаны.

Вот и сейчас он рассказывал о пророке Ное, который, спасаясь от всемирного потопа, по совету Господа собрал в своём ковчеге каждой твари по паре, в том числе своих сыновей и невесток. Дождь лил, как из ведра, и это было похоже на конец света. Ковчег поднимается всё выше и выше, отрываясь от земли. Ноя можно понять, через Господа Бога он хочет подчинить своей воле всё, что его окружает. Всё, что он делает, совпадает с проповедями муллы Акы, тот тоже

при помощи религии пытается заставить народ слушать его и подчиняться ему.

Ной мог кого-то пустить в свой ковчег, а кого-то не допустить, и эта легенда была сродни тому, что творилось в настоящее время: кого-то брали в колхоз, а кого-то туда не допускали. Люди невольно задумывались: «Оказывается, такое было и в доисторические времена».

Прискакавший на коне вместе со своим джигитом Ягды, не обращая внимания на сидящих под деревом людей и высокомерно ответив на их приветствие, слез с коня прямо у входа в кузницу. Отдав поводья помощнику, стал делать вид, будто интересуется ходом работы, спросил:

– Уста, ну, и как дела идут?

– Нормально, кемсит, – приветливо ответил Бегендик уста, погладив ладонью окладистую бороду, производящую впечатление надетой на лицо торбы.

– Как движется работа?

– По одному, по двое приходят люди, которые поедут на газы, приносят в починку свои лопаты, серпы.

– Давайте, постараемся не подвести, а то некоторые думают, если людей сослали, в селе все работы встанут. Покажем всем, что не на них держится земля...

При упоминании ссыльных на потное лицо Бегендика уста набежала тень, Ягды это увидел, но сделал вид, что не заметил, не придал этому значения. Про себя кузнец подумал: «Этот мерзавец заметил Кымыша-дузчы, кидает камешки в

его огород». Ягды ждал, что кузнец согласится с ним, отреагирует на его слова, но тот промолчал. Напротив, испытал ощущение, будто эти слова сорвались с его языка, бросил виноватый взгляд в сторону Кымыш-дузчы, который в это время с кем-то мирно беседовал в тени дерева. Про себя же подумал: «Спрашивается, к чему было сейчас заводить этот разговор? Разве эти несчастные и без того не пострадали?» Ему не понравилось поведение Ягды, и он про себя выругал его самыми последними словами. Бегендик уста вынул из огня раскалённую лопату и сунул её в воду, чтобы остудить. Вода издала громкое шипение. Так же он поступил и с серпом.

Ягды сельсовет наблюдал за аккуратной работой Бегендика уста, и ему это нравилось.

– А чей это серп? – спросил Ягды, ожидая, что уста назовёт чьё-то имя. При этом вопросительно посмотрел в ту сторону, где в тени сидели люди. Уста, словно ждал этого вопроса, ответил сразу же:

– А серп, кемсит, моего друга Кымыш ага!

Узнав, что среди присутствующих находится и Кымыш-дузчы, Ягды почувствовал, как по его телу пробежала дрожь. Он даже не заметил как резко повернул голову в сторону сидящих, отыскивая взглядом старика. Подъехав к мастерской, Ягды не обратил до этого внимания на толпу, поэтому не заметил Кымыш. Не знал он, что среди людей находится человек, о чьих сыновьях он только что с таким пре-

небрежением отозвался. Старик сидел среди людей и спокойно о чём-то беседовал с ними, делая вид, что никого не видит и никого не слышит.

Увидев старика, Ягды неожиданно немного растерялся.

– Салам алейкум, Кымыш ага! – почтительно поздоровался с ним, давая понять, что не сразу заметил его.

– Как дела, кемсит? – коротко ответил на его приветствие Кымыш-дузчы. Про себя же подумал, что в нынешнем приветствии кемсита нет прежней сердечности, есть холодность. А ведь ещё совсем недавно Ягды при встрече с Кымышем дузчы помнил, что тот хорошо относился к его отцу, поэтому здоровался почтительно, радуясь встрече с ним: «Салам аллеикам, Кымыш акга!», произносил Ягды, на что старик отвечал в том же духе: «Как дела, сын Нарлы гамышчи?» Но после того, как увезли ссыльных, они не встречались. Как-то Ягды спросил у односельчан: «Что-то не видно Кымыша ага?», на что ему ответили, что старик теперь не может сидеть в опустевшем доме, проводит время на поле-бахче, там он днюет и ночует, не в силах справиться со свалившимся на его семью горем. Ягды тогда подумал, что старик вряд ли потянет такую ношу, он может скоро умереть прямо там, в поле. Поэтому сегодняшняя встреча стала неожиданностью, он растерялся, будто живым встретил человека, про которого говорили, что он ушёл из жизни.

Чувствуя себя человеком, которого поймали на месте преступления с поличным, Ягды не стал задерживаться, быстро

покинул это место. Подойдя к стоящему в сторонке джигиту, вырвал из его рук поводья, быстро вскочил в седло лошади и стремительно ускакал.

Глядя вслед удаляющимся всадникам, Кымыш-дузчы, опустив голову, многозначительно улыбнулся, покачал головой про себя подумал: «Ну, что он за человек, зачем так ведёт себя?»

Похоже, ему хотелось что-то сказать, но он промолчал, и больше не вымолвил ни слова. Собравшиеся так и не узнали, о чём думает старик, хотя им этого очень хотелось. Они внимательно смотрели на молчаливого старика.

Вернувшись от Бегендика уста, Кымыш-дузчы поел приготовленную Джемал мамой лапшу с фасолью – унаш, и поздно вечером, оседлав своего ишака-коня, снова вернулся на поле-бахчу.

* * *

Поезд постоянно набирал скорость, как будто кто-то пытался его догнать, а он убегал от погони. Вагоны раскачивались из стороны в сторону. Иногда вагоны так сильно наклонялись, что казалось, они вот-вот сойдут с рельсов и упадут на землю. Но по тому, как мчался состав, можно было сделать вывод, что остановится он не очень скоро. Значит, путь будет неблизким.

Постелив под себя захваченные из дома кошмы, люди рас-

селись по кругу, оставив в центре место для прохода. Каждая семья старалась расположиться поближе к своим родственникам и односельчанам. Когда они только заполняли вагон, он казался просторным, но сейчас в него набилось столько семей вместе со своим имуществом, детьми, стало очень душно и тесно. В вагоне до сих пор стоял острый запах конской мочи, видно, им пропитались его стены. В эти дни составы из Туркменистана шли гружённые хлопком, пшеницей, керосином, скотом, а также ссыльными. Обратные они везли оружие, перемещали конные воинские части. Постепенно, когда в вагоне появились другие запахи; детских пелёнок, человеческого пота, запах лошадей стал еще острее. Внутри вагона было невыносимо душно, как будто его площадь постепенно сокращалась.

Семья Оразгелди разместились в одной стороне с членами семьи Гуллы эмина и несколькими другими семьями из Тахтабазара. Устроив женщин и детей впереди себя, они как будто бы окружили их. Перед входом тоже было небольшое свободное пространство, туда то и дело проходили курящие. Они сидели и жадно втягивали в себя дым от папиросы. Говорили о том, о сём. И хотя глаза по-прежнему были печальными, женщины больше не плакали. Кажется, они смирились со своей судьбой, ведь другого выхода у них не было, они могли только положиться на Бога и молча молить Его о милости и милосердии. Да и разве это место для слёз?!

Для слёз есть другие места, плакать надо по покойникам,

по ушедшим в мир иной, тогда слёзы тронут душу и сердце, они станут утешением для живых. Сейчас плакать нельзя ни в коем случае, не показывать свою слабость перед теми, кто совершает это зло. От них все равно поблажки не будет. То есть это не новый порядок новой власти. Разве не говорили старики «Собака не покажет волку, что ослабла».

Чем дольше они ехали, тем труднее становилось не только дышать, возникли проблемы, связанные с человеческим организмом. Люди надеялись, что состав где-нибудь остановится, и они смогут немного размяться, опорожнить мочевой пузырь и кишечник. Но те, кто вёз ссыльных, похоже, заранее ничего этого не предусмотрели. Состав долго не останавливался. Первыми почувствовали необходимость опорожнить мочевой пузырь дети и старики. От долгого воздержания старики постепенно потеряли покой, под глазами у них появились тёмные круги и мешки.

Люди не знали, кому им пожаловаться. И в каком месте состава сейчас находятся те, кто запихали их внутрь и заперли снаружи дверь вагона и сопровождающий военный куда-то исчезли?

Мужчины, пожимая плечами, от безвыходности начали сходить друг с другом, советоваться, как же им поступить в такой ситуации. Ведь было нетерпимо.

– Слушайте, да мы все скоро лопнем!

– Неужели поезд не остановится?

– Говорят же, сытый голодного не разумеет, наверно, те,

кто везёт нас, забыли, что мы тоже люди!

– Ну, раз они погрузили нас в вагоны для перевозки скота, то и думают, наверно, что мы и есть скоты. Видно, придётся нам под себя мочиться и всё остальное делать.

– Не думай, старина, что к нам отношение лучше, чем к животным!

Голоса людей становились всё громче, они возмущались тем, что на них никто не обращает внимания. Многих охватила ярость. Человек по имени Тятан не мог сдержать своего возмущения: «Вот бы их самих поставить на наше место!». Впервые люди этого человека увидели в Мары, когда туда привезли группу людей из Ахала. Чувствовалось, что человек он смелый, решительный.

– Знаете, что, друзья, нам самим придётся решать этот вопрос! – заявил Сейитмырат ага с густой бородой, он стоял, прислонившись к стенке вагона и нетерпеливо ёрзал. Этот старик ехал в ссылку вместе со своим сыном и сыном младшего брата.

– И что ты предлагаешь? – поглаживая бороду, спросил сидевший напротив него Оразмаммет ахун, выселенный из Серакса.

– Нам бы сейчас топор или хотя бы большой камень...

Получилось, как в поговорке: «Слова найдут своего хозяина».

Когда было сказано слово «топор» сидевший в сторонке, не вмешиваясь в разговоры, плотник Чары усса озабоченно

посмотрел на говорившего, словно речь шла о его собственном топоре, который он захватил с собой в дорогу. Он прислушался к разговору подумал: «Интересно, зачем этим старикам топор, что они собираются делать с ним?» Дверь вагона что ли выломать? – Про себя задавая вопрос, думал он.

Вдруг в этот момент сидевший рядом с отцом пухленький мальчишка лет 9-10 вопросительно посмотрел на него.

– Папа, у нас же есть топор!?

И опять вышло по поговорке: «От детей дома ничего не скроешь».

Отправляясь в ссылку, Чары уста прихватил с собой инструменты в расчёте на то, что они могут пригодиться в ссылке. А вдруг ему придётся поработать плотником?

Все собравшиеся после этого слова мальчика с интересом посмотрели в их сторону.

Но даже после этого Чары уста не спешил доставать топор. Вначале еще один раз поинтересовался и уточнил для чего им нужен топор.

– Ну, хорошо, допустим, у вас появился топор, что вы с ним собираетесь делать? – спросил он осторожно.

– Если у тебя есть топор, дай его нам, дорогой человек, а мы сами решим, что с этим делать!?

Все люди после этого разговора с надеждой повернули головы в сторону плотника Чары-уста.

Люди ещё не успели как следует познакомиться друг с другом, и потому не знали, что у Чары есть топор, и он яв-

ляется плотником. Инструменты Чары-уста были аккуратно уложены среди вещей. Поговорив с людьми и поняв, для чего нужен топор, Чары повернулся к своей родне и обратился к стоявшему рядом с некрасивой девочкой лет шести-семи с торчащими в разные стороны курчавыми волосами пухлому мальчику лет восьми-девяти:

– Джелбар!

– Да?

– Скажи маме, чтобы достала топор!

– И ножовку тоже, папа?

– Если понадобится, я потом скажу..., впрочем, пусть и её тоже достанет!

Когда инструменты были в наличии, немного отодвинув тех, кто устроился в углу вагона, и, вырвав оттуда доску, люди соорудили себе туалет. Вместо двери вход загородили чьей-то старенькой кошмой, закрепив один конец так, чтобы можно было свободно входить и выходить. После этого люди облегчённо вздохнули, словно сбросили с плеч тяжкий груз. Да после этого и внутри вагона стало просторнее.

Как, оказывается, мало надо человеку для счастья! Для этого надо было лишившись самого счастья, найти лишь её малую его часть, чтобы снова почувствовать себя счастливым.

В такой суматохе как-то трудно проявить себя, но сегодня для этого оказалось достаточно топора. И теперь люди совсем другими глазами смотрели на своего спасителя

и на плотника Чары с его торчащими усами, и на его жену Энеджан, и на его детей – сына Джепбара и дочку Джерен.

Плотник Чары, он же уста Чары своим мастерством был хорошо известен в Теджене и Мары.

До прихода большевиков здешние именитые баи, собираясь женить сыновей, приглашали заранее Чары, чтобы только он ставил для молодожёнов нарядные юрты. Вместе со своими помощниками, а их у него было человек пять, Чары уста ставил такие дома за неделю или дней за десять. Причём, это были дома необыкновенной красоты.

Он был мастером своего дела, человеком состоятельным, потому к этому времени успел жениться уже три раза подряд.

... Где-то в середине двадцатых годов у него возник конфликт с храброй женщиной по имени Нурджемал хан, она ездила верхом на коне и имела при себе оружие, знала себе цену. Однажды Чары уста на резвом коне, выданном ему на время строительства дома в Теджене, отправился на Марыйский базар и там лицом к лицу столкнулся с Нурджемал хан. За надменной ханшей следовала целая кавалькада наездников. Женщине понравился конь Чары усты, и она решила отнять у него или купить его, при этом значительно занизив цену. Про себя она подумала: «На что какому-то бродячему мастерку такой конь?». Она нахально преградила плотнику дорогу.

– Уста, под тобой конь или кобыла?

– Ещё какой конь, Нурджемал хан! – крепко держа по-

вотья норовистого коня дерзко ответил Чары уста, догадавшись, что женщина собирается вить вокруг него сеть.

– Да неужели? – недоверчиво и надменно произнесла Нурджемал хан.

– Можешь не сомневаться. Проверь, если не веришь! Он и без того при виде тебя, кобылица всхрапывать начал. При виде кобылы он у меня устоять не может...

Одним из всадников в окружении Нурджемал хан был её бесстрашный сын Ата. Его возмутил дерзкий и неприятный ответ плотника, сравнившего его мать с кобылой. Кнут из сыромятной кожи тут же опустился на голову уста. После этого и остальные стражи налетели на Чары и плётками исполосовали лицо и тело его. Собравшейся на базаре толпе был показан урок: кто посмеет сказать о нас дурное слово, окажется в таком же положении. Они уехали, забрав коня, а Чары уста остался лежать на земле, избитый и униженный.

Дней десять плотник не выходил из дома, не показывался на глаза людям, зализывал раны. Он переживал своё унижение в глазах людей, никак не мог успокоиться. Ровно через десять дней, поздно вечером, когда хорошо стемнело, взяв с собой двух вооружённых помощников, он прибыл в крепость Нурджемал хан. Стоя за крепостной стеной, громко крикнул: «Если уже успела плодотворить-удовлетворить свою страсть, как кобылица, верни моего коня!» – потребовал он.

Да разве же такой самоуверенный человек, как Нурджемал хан, позволит кому-то издеваться над собой?

Стороны отстреливались до самого утра. В перестрелке сын Нурджемал хана Ата получил тяжёлое ранение. Легкие раны получили и сам Чары уста, и один из его учеников. Зная, что после этого Нурджемал хан обязательно придёт к нему мстить, Чары уста, ложась спать, из предосторожности много дней подряд клал рядом с собой оружие. Лишь через год ему стало известно, что в схватке с большевиками Нурджемал хан была убита, а её сын Ата попал в тюрьму, и только тогда он немного успокоился. И вот как потом обернулась жизнь! Иногда случается то, о чём ты и думать не думал никогда...

Как-то раз, узнав, что дочь Нурджемал хан Сульгун хан овдовела, Чары уста решил женить на ней одного из своих учеников. В один прекрасный день, оседлав серого иноходца, отправился он к ней домой в село Гонур. Сульгун хан была знакома с Чары уста, давно его знала. Когда же он сообщил о цели своего визита, Сульгун хан долго молчала, только усмехалась время от времени. Чары уста решил разговаривать её:

– Сульгун гелин, о чём ты задумалась?

– Так это ты погрузил меня в задумчивость, Чары уста! – она кокетливо повела плечами, выставив вперёд свою высокую грудь, как бы говоря: «Ты только посмотри на меня!» Она ещё немного помолчала, потом как-то таинственно посмотрела на плотника и произнесла упрёком, заигрывая: – Скажи, Чары, найдётся ли среди твоих учеников хоть кто-то

храбрец, кто сможет... стать моим мужем?

– Но ведь одиночество только Богу угодно, Сульгун, а сейчас, когда в жилах твоих кровь бурлит...

– Ты не ответил на мой вопрос, уста. Но если бы даже ты ответил положительно, всё равно это было бы ошибкой. Только если кто-то похож на тебя храбростью, только он может стать моим мужем, остальным нечего и пытаться...

Видя, что нравится Сульгун, Чары уста отреагировал мгновенно: «Правда? Там, где три, там и четыре, садись на коня!»

В то смутное время Сульгун хан, как и её мать Нурдже-мал хан и старший брат Ата, не терпела унижений, она была человеком сильным и уверенным в себе. Большевикам, пришедшим в её дом, она сказала:

– Не пугайте, вас никто не боится! Выбирайте любую руку, я готова сразиться с вами, до сих пор никто в нашей семье не умирал, глядя в потолок!

Говорят, она, встретив в укромном месте тех, кто называ-
вая себя большевиками, комсомольцами, ей угрожал и смел
приставляя ружьё к груди...²⁷

---

²⁷ . О том, что Сульгун хан была мужественной женщиной, напишет в сво-
ём романе «Судьба» писатель Хыдыр Деряев. Спустя много лет жена одного из
родственников Чары уста поинтересовалась у Сульгун хан:– Энеси, как получи-
лось так, что вы согласились стать четвёртой женой этого человека, у которого
уже было три жены? В этом вопросе был скрытый смысл, она как бы спрашива-
ла: «С вашим умом и вашей красотой, как вы могли пойти на такой шаг?». На
что Сульгун хан ответила:– Вы, гелины (молодые женщины), видели Чары уста
в шёлковом доне, черных сапогах, нарядных штанах, как он, перекинув через

Имея четырёх жён, в ссылку Чары уста взял с собой первую жену по имени Энеджан.

(...Опередив время, вспомним того 8-9 летнего мальчика Алланазара ставшего моим отцом, а ту некрасивую девочку (как казалось тогда моему отцу) с пышными волосами, превратившуюся в очаровательную девушку, ставшую моей мамой).

...После освобождаясь из ссылки в 1947 году, в конце ноября вернулись на Родину, мама была тойлы – беременная, носила меня, первенца, в утробе).

... А поезд от туркменской земли убегал всё дальше. Без

плечо пахнувший табаком ковровый хурджун, спускается с серого иноходца?– Не видели.– Вот и хорошо, что не видели, иначе и вы стали бы жёнами не своим мужьям, а уста. Он не тот мужчина, перед которым может устоять женщина.... Придёт время, и Чары уста станет одним из тех малочисленных счастливых, кто сейчас отправляется в ссылку, кому доведётся вернуться на Родину. Как только разнеслась весть о возвращении Чары уста из ссылки, в Теджене среди знавших его людей состоялся следующий разговор:– Люди, Чары уста вернулся из ссылки.– Вряд ли он всё тот же Чары уста, который был до ссылки. Наверняка власть выжала из него все соки, и теперь уста, который прежде был на коне и мог подчинить себе любую женщину, будет рад каждому куску хлеба. Многие поверили в это, но один человек не захотел верить в то, что Чары уста может нуждаться в куске хлеба. И он спросил:– Люди, а кто-нибудь из вас видел Чары уста?– Есть такие.– А если видели, у него руки на месте?– На месте.– А если у него руки на месте, подождите немного, и очень скоро вы увидите, как он заживёт лучше многих из нас. Этот человек оказался провидцем, и его слова оказались пророческими. На выделенном ему участке земли Чары уста не стал сажать овощи и другую зелень, а засадил его тальником. Через год стволы тала превратились в черенки для лопат, а куски поменьше пошли на ручки для серпов. И недостаток, волею судьбы зарытый на многие годы, стал снова потихоньку капать в дом Чары уста.

остановки проезжал одну станцию за другой. В стране творилось что-то невообразимое, она раскачивалась из стороны в сторону, унося на своих сумасшедших волнах людей, а потом вышвыривала их как ненужный балласт. Кто-то тонул, но кто-то, удерживая равновесие, продолжал плыть по течению. У утопающего одна забота – любым путём удержаться на плаву, не пойти на дно, спастись. Но когда ты оказываешься поверженным этой жизнью, разве можешь снова встать на ноги? Как удержаться на плаву, как не уйти на дно в этом бурном течении?!

* * *

Наступила ночь, народ попрятался по домам. Скоро время сна. Шевеля кроны деревьев, тихо дул прохладный ветерок. Небо усеяли звёзды, яркие, красивые, как нарядившие на выданье девушки. Чистая луна светит ярко, она похожа на видную невесту-кайтарму, дающую этим девушкам советы, как вести себя в доме жениха. Со стороны холмов Гарабила едет на иноходце Ахмет, добравшись до вершины отрога Бяшдешик, он остановился чтобы осмотреться по сторонам. Он увидел, что его родное село, в котором он не был больше месяца, окутанное невидимыми нитями ночи, погрузилось в сон. «Как там наши? Все ли живы и здоровы?» – подумал он о своём доме, детях, Кымыше дузчы и ещё нескольких своих бяшбелаларах.

Ахмет неспроста исчез из села. Он занимался делом. Через надёжных людей Сойли бай из Байрача сообщил ему, что окажет все необходимые почести и как следует отблагодарит его, и попросил переправить в Пырар его младшую жену, по какой-то причине оставшуюся в стране после его бегства. Ну, а что Ахмет, разве ему впервой заниматься такими делами, к тому же можно заработать кругленькую сумму?! Немедля ни дня, он отправился в Байрач и каким-то образом нашёл подход к младшей жене бая, сговорился с ней. На следующий же день, погрузив на коня целый хурджун серебряных монет раньше спрятанные в укромном месте и усадив сзади себя жену бая, он отправился в Пырар. Граница была близко, но на этот раз пересечь её с легкостью не получилось. Правы оказались те, кто говорил, что советы последнее время еще сильнее укрепляют границу и бдительно охраняют её. Хотел было перейти границу в привычном месте, но чуть не напоролся на наряд пограничников. Почувствовав опасность, конь остановился, как вкопанный, и, наострив уши, испуганно захрапел. Тем временем в зарослях камышей раздавался треск, будто кто-то пробирался. Ахмету не оставалось ничего другого, кроме как повернуть коня в обратную сторону и бежать. Выпущенные пограничниками пули просвистели над его головой, пролетели мимо него.

Спрятавшись в укромном месте, среди камышей Ахмет целый день изучал обстановку на границе, а на рассвете следующего дня, время сладкого сна, в том же месте провёл ко-

ня через реку. Не зная, кто пересёк границу, пограничники всё же почувствовали, что кто-то нарушил её, и стали караулить это место в надежде захватить нарушителя на обратном пути. Ахмет догадался об этом, поэтому больше недели гостил у бая, пользовался его гостеприимством, после чего поехал в другую сторону, на северо-восток, и там, где холмистая часть, граница пока ещё не сильно охранялась и спокойно перешёл на свою сторону.

Он в пустыне от тамошних чабанов он и узнал, что его двоюродных братьев Оразгелди и Орагылыча отправили в ссылку, и очень сильно расстроился. «Значит, уже и за бяш-белаларов взялись?», гневно думал он. Вначале, возвращаясь с опасного задания, он думал смешаться с чабанами и на некоторое время наняться к ним на работу, чтобы затем когда немного забудутся эти дела спокойно появиться в селе. Но беда, свалившаяся на семью Кымышы-дузчы, изменила его планы. «Без его вмешательства не обошлось», – подумал он, имея в виду главу сельсовета Ягды, и решил расправиться с тем, а поскольку все считают, что его нет в селе, подозрение на него не падёт... Мысли о мести лишили покоя, царапали душу, обнажали кровоточащие раны...

Ханума расстелила постель, сняла головной убор, погасила лампу и только что легла спать. Ей послышались чьи-то шаги у порога дома.

Сегодняшнее собрание в сельсовете, где руководящие работники обсуждали ход работ в селе, затянулось допоздна.

В конце собрания Ягды и Нурджума сцепились друг с другом по вопросу перевода пахотных волов из одной бригады в другую, при этом каждый считал правым себя. Как это было в детстве, никто из них не хотел уступить другому...

Ханума подняла голову с подушки и, затаив дыхание, прислушалась. Вообще-то вряд ли там кто-то есть, наверно, ей показалось. А вдруг Ягды с полпути по дороге домой повернул в эту сторону, может, у него сегодня хорошее настроение? А вдруг это были шаги не человека, а собаки Ёлбарса, который ревностно охранял этот дом и при виде чужака оскаливал зубы? Но это в том случае, если он не ушел в гости к соседской собаке, с которой в последнее время сильно сдружился. Каждый раз, чтобы накормить пса, Ханума ходила за ним в соседний двор. Да, нет, это не собака и не птицы, это очень похоже на шаги человека.

Ханума не ошиблась. Это был Ахмет, он сразу не поехал к себе домой, спрятал коня в укромном месте, хотел узнать про обстановку в селе. А потом, обходя стороной знакомые дома своих баяшбелаларов, направился сюда, к Хануме, ему и не терпелось увидеться с ней. Осмотревшись по сторонам, Ахмет легонько толкнул невысокую дверь. Ханума, решив, что Ягды всё же не поехал домой и пришёл к ней, чтобы уточнить, шепотом спросила:

– Кто там?

В её голосе отчетливо прозвучала надежда.

– Гмм, я, да я это...

Ханума не сразу узнала этот хрипливый, грубый глухой голос. Но догадалась что это точно не Ягды, потому что тот на вопрос «Кто там?» всегда отвечал одинаково:

– Открой дверь, тогда и увидишь, кто.

Тем временем голос раздался во второй раз:

– Ханума, это я, Ахмет!

На этот раз Ханума узнала голос, но не поверила ушам своим, понять не могла, как мог Ахмет осмелиться явиться к ней среди ночи, зная, что в этом доме Ягды не редкий гость. Но сейчас она не хотела углубляться в эти мысли, сегодня ночью счастье улыбнулось ей, и она обязательно примет его в свои объятия, ведь она так долго ждала его! В предвкушении ночи любви она побежала открывать дверь:

– Откуда ты взялся, мой инер?! – радостно произнесла она.

Ханума давно мечтала об этой встрече, но не думала, что она может стать такой неожиданной, она не ждала Ахмета, тем более, в такой обстановке. Хотя она всегда помнила Ахмета. Женщинам характерно никогда они не забывать мужчин, которые были им хоть один раз по душе. Встречи с такими людьми они относили к самым счастливым мгновениям своей жизни. После той встречи Ханума часто вспоминала Ахмета: «В последнее время что-то не видно моего бурного инера, хотя бы жив ли он?»

Вот недавно у неё состоялся короткий разговор об Ахмете с прибывшим в их село работником ОГПУ. Этот работник

рассказал ей, как совсем недавно какой-то верховой, прихватив жену бая из Байрача и загрузившись мешками с серебром и золотом, сумел провести пограничников и перебраться на ту сторону реки. А потом как бы между прочим спросил: «Давно ли ты видела в селе Ахмета забуна?» Понятливая Ханума сразу сообразила, куда клонит работник ОГПУ, и, хотя давно не видела Ахмета, без запинки ответила:

– Кажется, пару дней назад он вместе с чабаном Гара шёл в пески, – и всё же в голосе её прозвучала тревога.

Но поскольку речь шла об Ахмете, она не могла оставаться равнодушной, волновалась, конечно.

...Бросившись на шею Ахмету, Ханума так разволновалась, что не удержалась от слёз. В этот момент она поверила, что Ахмет пришёл к ней не откуда-то, а входил прямо из её души. Ахмет радостно обнял женщину.

Не в силах сдержать эмоции, Ханума взяла ладонь Ахмета двумя руками и прижала её к своему сердцу. Ахмет с удовольствием поднял женщину прижал её к своей груди. Это было первое своеобразие приветствие.

Раньше Ягды довольно часто приезжал к Хануме, но недавно его законная жена обратилась к свекрови Бостан эне и сказала: «Если ваш сын не считает меня своей женой, верните меня в отчий дом. А он пусть женится на своей Хануме и живёт с ней». Вот с тех пор его свидания с Ханумой стали редкими и практически сошли на нет.

Разгневанный Нарлы гамышчи отходил плетью своего

взрослого сына. Лупил он его яростно, сравнивая сына с кобелём, который погнался за сучкой, у которой началась течка.

И что теперь? Разве у туркмен допускается выступать против отца? Нет, конечно. Получив по заслугам, Ягды улыбнулся:

– Отец до сих пор считает меня мальчишкой, чуть что, лупит меня.

С тех пор старик стал следить за сыном, и, если тот задерживался на работе, мог пойти за ним, опасаясь, что ноги того снова понесут к Хануме.

Ханума двигалась легко, порхала от радости по комнате, обихаживала Ахмета, прибывшего после дальней дороги и сильно уставшего. Достала лампу и снова зажгла её, поставила в центре комнаты. Вспомнив, что у неё есть готовая каурма, решила на скорую руку приготовить горячую еду. Расстелив сачак, поставила на него чайник с настоящим чаем. Откуда-то с боку достала из мешочка сухое варенье из дыни и тоже выложила на сачак.

– Ты пока выпей пару пиал этого чая, правда, он немного остыл, а я тем временем свежий приготовлю. У меня есть замечательная заварка, ты получишь удовольствие!

– Не надо, не беспокойся, лучше иди ко мне, да иди же сюда! Я немного устал, но не голоден. Перед уходом чабаны хорошо накормили, я ещё и пиалу белого топлёного жира выпил, чтобы не испытывать жажды, а потом ещё две тунчи

чая выпил.

– И все же... – Ханума не отказалась от намерения накормить желанного гостя.

Прислонившись к стене, при свете лампы Ахмету были видны счастливые глаза женщины, её лёгкие движения, белые руки, ловко переставлявшие что-то с места на место. На её нежном лице всё еще были видны следы волнения. Да и как было ей не волноваться, надо же было такому случиться, Бог услышал её переживания последних дней из-за одиночества, и вот перед ней сидит мужчина, о котором она столько мечтала! За чаем Ахмет сказал Хануме, что очень давно не был в селе, расспрашивал её о последних событиях. Ханума рассказала ему, что раскулачивание в селе приобретает всё больший размах, уже две группы людей отправлены в ссылку, а сейчас формируется третья, причём, всё это делается быстро, они будто воровством занимаются и хотят поскорее замести следы.

Она лишь упомянула о непримиримой борьбе с неудобными власти людьми, которую ведут Аман ОГПУ и вновь прибывший прокурор Сары Байлыев, но в подробности вдаваться не стала. Ничего не стала она говорить и об Ягды. Подумав об этом, Ахмет решил, что Ханума выгораживает его, считая своим главным покровителем. Тем не менее, он по-прежнему был уверен в том, что во всех этих бедах замешан и Ягды, потому что тот слишком хорошо знал своих земляков. Ахмет не стал разочаровывать женщину, которая так искренне

радовалась встрече с ним, ничего не спросил про Ягды. Да, Ахмет не собирается прощать Ягды за то, что он участвовал в погроме семьи дяди, но и прямо выступить против него не был готов. Он знал, что в этом случае пострадает его собственная семья, власть не оставит их в покое, истребит всех его родственников. Как бы там ни было, действовать надо осторожно, чтобы ни на кого не пало подозрение, быть хитрее. Это-то так, но разве в Ахмете есть хоть капля хитрости?

Разные мысли вертелись в голове Ахмета. Подав обед, Ханума и сама присела возле сачака рядом с дорогим для неё гостем. В её красивых карих глазах светился зов плоти. Это напомнило Ахмету ту незабываемую встречу возле холмов, те ласки, которыми осыпали они друг друга. Ужин длился недолго, Ахмет был не в состоянии терпеть охватившее его возбуждение, когда рядом находилась готовая ответить прекрасная женщина. В ту же минуту женщина только воскликнула: «Господи, какой же ты нетерпеливый!» ... В её голосе звучало сладострастие. Всю ночь они не сомкнули глаз, истоиво любили друг друга. Время пролетело незаметно, скоро начнёт светать. Ханума мечтала, чтобы эта ночь длилась бесконечно. Ахмет встал с постели, но Ханума тут же своими белыми руками обвила его шею.

– Что, уже?

– Ночь потихонечку закончилась!

– Но ведь ещё даже петухи не прокричали?

– Разве надо ждать, когда петухи закричат и рассветёт?

Прежде чем дать Ахмету уйти, Ханума вышла из дома, присела неподалёку будто по надобности организма, осмотрелась, нет ли кого, и только после этого вернулась в дом, чтобы проводить Ахмета. Обняла его, прижалась грудью. Нет, этой ночи ей было мало, она не насытилась им до конца, и это прозвучало в голосе Ханумы:

– Куда ты теперь?

– Мир велик, а ты будь здорова и счастлива!..

Волосы Ханумы растрепались, но она не обращала на это внимания, сейчас она была поглощена мыслями о том, как замечательно они провели ночь. Перед тем, как выпустить Ахмета из дома, она ещё раз обвила его шею и крепко прижалась к его груди. Кругом стояла тишина, мир ещё не очнулся ото сна. Выйдя из дома, Ахмет моментально растворился во тьме.

* * *

А жизнь в селе шла по новым, непривычным для людей правилам. Их преследовали непонятно за что, отправляли в ссылки, сажали в тюрьмы. Поначалу только с единоличников брали дань в виде яиц, меха, постели, папах, шкур животных, но теперь и колхозников обязали делиться своими запасами. Больше всего мучились семьи, которым нечего было дать, тогда доверенные лица власти объявляли их противниками, не желающими делиться с государством, потому что ненави-

дят советскую власть и хотят возвращения прежней жизни. Живущие впроголодь семьи вынуждены за бесценок распродавать женские украшения, кошмы, ковры, одеяла, чтобы не оказаться под тяжким бременем налогообложения.

Ночь постепенно становилась темнее, задул прохладный ветерок, вокруг стояла тишина. Изредка доносился негромкий ленивый лай собаки, вот ей что-то показалось, и она, на всякий случай, тихонько гавкнула. Но потом, и она успокоилась.

До поздна сидевший в своем кабинете, Нурджума тихонько шёл домой, размышляя о превратностях судьбы, о нынешней непонятной жизни. Ему чего-то хотелось, правда, он и сам не знал, чего именно. Неплохо бы сейчас выпить холодного верблюжьего чала, а можно и чая. Возле дома в тени уже несколько дней лежит арбуз. Мысли его путались, перекакивая с одной на другую, по пути домой он вспоминал отрывки выступлений на собрании.

Прохладный ветерок доносил приятный запах езгена, которым заросли окрестные холмы, и относил его в село.

Проходя мимо Холма споров гапланов, Нурджума вдруг, неожиданном месте услышал из кустов тихий всхрап лошади. Остановился. Прислушался и осмотрелся по сторонам. Когда внимательно взгляделся, увидел среди зарослей камышей и тальника привязанного коня. Поначалу Нурджума не обратил на это внимания, мало ли здесь бегают отвязавшихся коней? Но его удивило другое. Этот конь был осёдлан и

готов в любой момент принять седока. «Интересно, что этот конь здесь делает?» Как бы там ни было, но этот конь принадлежал человеку явно нечуждому, к тому же не опасавшемуся таких, как Гурт, охраняющие этот тальник, чтобы потом использовать его при строительстве дома. Потому что Гурт, которого называют чокнутым, время от времени устраивал разборки с теми, кто смел оставлять здесь коня или держит в тени свой скот. Подойдя ближе, Нурджума сразу же узнал коня с белой отметиной на лбу. Это был конь Ахмета. Он конечно удивился. Подумав о том, что он неспроста оставил коня здесь, а не возле своего дома, Нурджума вдруг вспомнил еще кое о чём, и ему стало не по себе. Если Ахмет вернулся, а его конь оказался здесь, в укрытии, это значит, должно что-то случиться, причём, нечто ужасное...

К седлу коня был прикреплен старенький ковровый хурджун. Оттуда исходило приятный запах гератского табака, и это было свидетельством того, что человек прибыл издалека. Опустившись на корточки, Нурджума стал всматриваться в ночную тьму, словно хотел увидеть что-то невидимое.

Казалось, человек должен появиться откуда-нибудь, но Ахмет всё никак не появлялся. «Интересно, куда он мог пропасть?» Когда Нурджума стал перебирать в уме места, куда мог податься Ахмет в первую очередь, и пришёл к выводу, что искать его надо не здесь, а совсем в другом месте. Раз он прибыл сюда тайно, и ещё и дома не показывался, значит, скорее всего, направился напрямиком к Кымышу-дузчы. Раз

Ахмет прибыл, он не мог уйти, не повидав дядю это, во-первых. А во-вторых, он наверняка узнал, что сыновей Кымыша отправили в ссылку, и прибыл сюда, чтобы отомстить тем, кто в этом замешан. Ещё в то время, когда сыновей Кымыша с семьями грузили в повозки для отправки в ссылку, люди обратили внимание, что среди них нет Ахмета

– Если Ахмет узнает, он многим за это отомстит, так просто он этого не оставит, – говорили люди.

Зная хорошо Ахмета, Нурджума и сам был того же мнения. Увидев приближение чужой тени, лежавшая рядом с домом Кымыша собака насторожилась. Но когда человек произнёс: «Алабай!», – собака узнала голос и успокоилась.

Нурджума замедлил шаг, прислушался. Но со стороны дома не было никаких звуков, кроме громкого дыхания спящих людей. По пути он завернул и к расположенному неподалёку дому Ахмета, но и там ничто не говорило о его присутствии. Нурджума вдруг подумал, что тот наверняка вознамерился отомстить Ягды, всполошился: «Как бы этот идиот не натворил бед!». Заторопился в ту сторону, побежал огородами, чтобы сократить путь. Иногда его ноги запутывались в каких-то зарослях, и он падал. Хотя дом Ягды располагался не так далеко, сейчас ему показалось, что он находится так же далеко, как Пырар. Когда его ноги запутались в кустах, и он упал, слетевшая с головы папаху угодила прямо в сосуд с водой. После этого Нурджума всю дорогу отжимал свою мокрую папаху. Боялся, что мог опоздать. Не заметив

ничего подозрительного, тем не менее, подойдя ближе к дому Ягды, он дважды крикнул: «Ягды! Ягды!» В доме послышалось непонятное бормотание, после чего раздался недовольный сонный голос Ягды:

– Кто это там шляется по ночам?

– Да это я, Нурджума!

– Ну и что, что ты Нурджума? Дашь людям спать?!

Теперь он заговорил громче и недовольно:

– Я тут кое о чём забыл тебя спросить. Поэтому вернулся, чтобы спросить.

– И о чём ты хотел спросить меня?

– Мы ведь решили отдать этих двух волов в бригаду Сапара дараза?.. У них после уборки пшеницы земля до сих лежит непаханой. Или ты забыл, что землю надо осенью пахать, а если не вспашешь осенью, будешь потом сто раз перепахивать?

– Эй, Шаллак, твою мать... Делай, что хочешь, только убирайся отсюда, дай ты людям спать!

Выяснив, что Ягды жив и здоров, Нурджума испытал огромное облегчение, будто сбросил с плеч тяжкий груз.

Но мысль об Ахмете всё равно не давала ему покоя, и он продолжил поиски. Заглянул в зернохранилище, вдруг этот шалапай решил таким образом отомстить новой власти, поджечь урожай пшеницы. Да, от таких людей, как Ахмет, можно ожидать чего угодно.

Вот тебе и раз, надо же, откуда вылез конец клубка! По-

иски Ахмета привели его случайно к дому Ханумы. В доме Ханумы до сих пор светился слабый огонёк. В эту минуту Нурджума вдруг вспомнил слухи о том, что между Ханумой и Ахметом есть какая-то связь. Да, слышать-то он об этом слышал, но не поверил тогда, потому что даже представить себе не мог, как эти два абсолютно разных человека могут сойтись друг с другом. Поэтому и считал, что этот слух был запущен кем-то просто из желания развлечь толпу, что под собой он не имел абсолютно никакой почвы. А после и вообще забыл об этом. Подойдя ближе к двери дома, он услышал доносившийся изнутри какой-то невнятный говор. Как ни прислушивался Нурджума, понять, кому принадлежит голос, так и не смог.

У самой двери в нос Нурджумы ударил запах махорки. Конечно, её курил Ахмет! Нурджума знал, какой тот заядлый курильщик. Казалось бы, здесь должен быть Ягды, а не Ахмет, но нет, это был не он.

Нурджума ведь только что убедился в том, что тот благополучно спит у себя дома, значит, он не мог раздвоиться и пребывать тут и там одновременно. И потом, Ягды тоже не курил, а, как и Нурджума, предпочитал класть под язык насвай.

После этого он с чувством охотника, в чей капкан угодил зверь, отступил в сторону, достал из кармана маленькую тыковку-табакерку, постучал ею о колено и забросил в рот щепотку наса.

Прислонившись к растущему перед домом ильму, Нурджума решил караулить Ахмета, рано или поздно тот покинет дом любовницы, вот тогда он и возьмёт его! «Куда ты денешься от меня!» – довольный собой, думал Нурджума, решив караулить свою жертву у дома Ханумы, дожидаться Ахмета.

Но Ахмет всё никак не выходил оттуда. На рассвете, когда сон бывает особенно сладким, Нурджума всё же не выдержал, задремал. Проснулся он лишь тогда, когда ему показалось, что кто-то погладил его по руке. Это оказалась знакомая собака, она нюхала и лизала его руку.

– А, Бойнак, это ты?

Он хотел погладить собаку по голове, но в этот момент увидел, как, осторожно ступая и озираясь по сторонам, Ханума тихо вошла в дом. «Эх, кажется, я опять упустил его!», – разочарованно подумал Нурджума... Как только Ханума скрылась за дверью, он резко вскочил на ноги и поспешил к дому Ягды. Ему казалось, что всё плохое уже случилось, и он опоздал. Когда Нурджума побежал от дома Ханумы, его мокрая папаха, как подстреленная ворона, упала с головы и осталась лежать под деревом. Бойнак подозрительно посмотрел на мокрую папаху, легонько толкнул её носом и понюхал, но всё равно не смог понять, что это такое и почему Нурджума оставил эту вещь ему.

Насладившись ночью любви с Ханумой, Ахмет поначалу хотел было отправиться домой, но, пройдя немного, свернул

к Холму споров, где в укромном месте был спрятан конь. И уже оттуда направился к Ягды.

Возвращаясь в село, Ахмет думал о том, что должен встретиться с Ягды, однако после ночи любви с Ханумой на какое-то время забыл об этом своём желании. Нет, он помнил, конечно, но ни разу не упомянул его имени. Они оба хорошо знали, когда встречаются две жаждущих друг друга души, третий всегда бывает лишним. Как бы ни был зол Ахмет, когда ехал сюда, от любовных ласк Ханумы ни за что бы не отказался. Даже там, где ему пришлось находиться вдали от дома, он часто вспоминал эту созданную для любви женщину, жаждал встречи с ней.

По-женски чуткая Ханума внимательно слушала Ахмета, всматривалась в него, однако не заметила, что у него есть ещё какие-то другие цели, помимо свидания с ней. Она была благодарна ему за то, что он, вернувшись, поехал не домой, а сразу же появился у неё.

Провожая Ахмета, она крепко обняла его, грустно подумав: «Доведётся ли нам ещё хотя бы раз увидеться?». Ей совсем не хотелось расставаться с ним, поэтому следом за ним вышла на улицу и немного проводила. Затем, посмотрев по сторонам, поспешно вернулась в дом. Сейчас, уставшая от бурной ночи, она хотела спать. Именно поэтому, проводив Ахмета, она не очень внимательно посмотрела по сторонам, поспешила домой. Будь она чуть внимательнее, обязательно увидела бы силуэт Нурджумы, слившийся с деревом напро-

тив её дома. Ведь это было всего в десяти, двадцати шагах от неё. Ночь была лунная, Ахмет, напивавшись ласками Ханумы, как будто немного смягчился, и всё же он не мог простить Ягды, который приложил руку к разорению семьи брата Кымышы-дузчы. Он должен расправиться с ним! Это желание росло в нём потом с каждой минутой.

Направляясь к дому Ягды, Ахмет размышлял: «Не зря же говорят «не пускай чужака в свои ряды!». А теперь получите! Уж на что Гуллы эмин мудрый человек, но и тот не разглядел его, допустил к нам этих чуждых нам людей!» Он всю дорогу ругал Ягды, распаяясь всё больше и больше. Ему захотелось дойти до его дома и немедленно расправиться с ним. Это будет справедливым отмщением за ссыльных сыновей брата.

Спешивший как можно скорее добраться до места Нурджума, подойдя ближе к ряду кибиток родственников Ягды, заметил, как чья-то тень мелькнула между домами и приближалась к дому Ягды. Нурджума прибавил шаг. И тут же услышал низкий хриплый чей-то голос:

– Ягды! Ягды!..

Когда зов повторился во второй раз, из дома донеслось возмущенное бормотанье, а следом сонный, недовольный голос Ягды. Он думал, что это опять голос Нурджумы.

– Ягды, выйди на пару слов, поговорить надо.

Ягды не выдержал, взорвался:

– Да что же это такое? Что за ночь такая выдалась?! – воз-

мущался Ягды, идя к выходу. Зевая, Ягды появился на пороге, и в это время в грудь ему упёрлось дуло ружья Ахмета.

Но тут подоспел Нурджума, он двигался незаметно, по-кошачьи. Подойдя к Ахмету сзади, схватил его за руки и крепко обнял.

– Не надо, не делай этого, браток!

И в этот момент тишину ночи разорвал громкий выстрел.

Не понимая, что происходит, Ягды вздрогнул и отступил назад. Под тяжестью тела Нурджумы Ахмет чуть было не упал, но удержался на ногах и, шатаясь, сделал несколько шагов. Ружьё с грохотом выпало из его рук.

Нурджума обнял Ягды, таким образом спасая от следующего выстрела, который вполне мог раздаться.

Ягды оказался счастливчиком, шальная пуля лишь задела мягкие ткани на голени. Под тяжестью тела Нурджумы оба рухнули внутрь дома.

Ахмет узнал голос Нурджумы. Но никак не мог понять, как тот оказался за его спиной среди ночи. И неведомо было ему, что его намерения были заранее известны, но Нурджума всё же сомневался, пойдёт ли Ахмет на такой отчаянный шаг, а потому искал его и следил за ним. Когда на звуки выстрелов вся родня Гамышчи высыпала на улицу, Ахмет, подхватив ружьё, убегал огородами и был уже далеко.

Неожиданное происшествие окончательно разбудило Ягды, испугало его. Сейчас сельские собаки соревновались в лае возле Холма споров гапланов.

Ягды узнал Нурджуму, который поднимался вместе с ним с пола, и, не понимая, что к чему, удивился:

– Эй, Шаллак, а ты что тут делаешь?

– Да вот, пришёл к тебе...

– Наверно, ты что-то заподозрил! Неспроста ты шастал вокруг моего дома, неспроста! Ты хоть узнал человека, который приставил к моей груди ружьё?

– Нет!

– Тем не менее, ты его назвал «браток» – иним.

Наверно, тебе послышалось, скорее всего, я сказал не «иним». А «энен...» ругань!

Увидев толпу собравшихся у дома родственников, Ягды прикрикнул на них:

– Слушайте, разойдитесь по домам, что вы тут митинг устроили!

При звуках выстрела из дома выскочила босая, без головного убора Бостан эдже – мать Ягды. Она до смерти перепугалась, что с её сыном что-то случилось. Плача, она обняла сына, который к этому времени уже пришёл в себя. «Вай, что всё это значит, сыночек?!»

– Не бойся, мама, со мной ничего не случилось! – выдавив из себя улыбку, Ягды попытался успокоить мать.

– Ты не ранен? – слезливым голосом спросила Бостан эдже.

– Я же сказал «нет!», – зло произнёс Ягды, нервничая из-за поведения матери.

Нурджума, думая о том, что всё обошлось, что замысел Ахмета не удался, попытался встать с места, но понял, что ноги его не держат, поэтому снова опустился на пол. Немного подвинувшись назад, прислонился к стене дома. Это происшествие вызвало переполох в семье главы сельсовета Ягды, но и Нурджуму потрясло и лишило сил. Ему надо немного прийти в себя, иначе он даже до своего дома не доберётся, не говоря уже о погоне за Ахметом. Не разобравшись в происходящем, мать Ягды, увидев сидящего за спиной сына Нурджуму и в темноте не узнав его, решила, что именно этот человек совершил покушение на её сына. Посмотрев в ту сторону, она обрушила на него поток ругательств, заодно обращаясь к стоявшим людям:

– Что вы не связали его по рукам и ногам, этого подлюгу! Адресованные ему слова матери разозлили Нурджуму.

– Эй, Кабан, скажи ей, а то она меня обвиняет в покушении на тебя!

– А ну, зайди в дом! – в этот момент раздался требовательный голос Нарлы-гамышчи.

Повернувшись на голос, Ягды увидел отца в белых штанах и белой рубашке, словно вышедшего из савана. Он стоял, опираясь на черенок лопаты, которую прихватил с собой в качестве оружия, если вдруг понадобится дать отпор. Повернувшись к отцу, Ягды хотел было успокоить его, сказать что-нибудь утешительное. И он ласково произнёс: «Все хорошо, отец, всё закончилось, идите домой, ложитесь спать».

Постояв ещё немного, не произнеся ни слова, Нарлы гамышчи молча последовал за женой, которая только что вышла из дома сына, где успокаивала невестку, и они пошли к своей чёрной юрте.

– Шаллак, дай немного наса! – попросил Ягды, также приклонившись спиной к стене дома, уселся рядом с Нурджумой.

– Да я и сам хочу кинуть в рот, уже зубы сводить начало! – Нурджума достал из кармана донна табакерку и с удовольствием постучал ею по колену.

Воздух был чист и прохладен. Скоро начнёт светать, небо стало серым, будто присыпанным пылью. То тут, то там стали раздаваться крики петухов, оповещающих о приближении утра.

* * *

Перед самым рассветом поезд в каком-то месте сбросил скорость, потом резко дёрнулся, готовясь остановиться. Спящих людей разбросало по сторонам. Огулджума проснулась и, прижав к себе спящего рядом с ней сына, приподняла голову и посмотрела по сторонам. Слева от неё раздался недовольный голос женщины:

– Неужели нельзя было сделать это помягче?

Этот грохот помимо Огулджумы разбудил ещё несколько человек. Они тоже что-то недовольно проворчали, по-

пытались снова уснуть. «Неужели мы приехали по назначению?» – недоверчиво подумала Огулджума.

С улицы начали доноситься требовательные голоса солдат, сопровождающих состав с ссыльными. Они о чём-то переговаривались между собой. Перекинув руку через спящих рядом с ней детей, Огулджума коснулась мужа:

– Акгасы! Акгасы!

– Что?

– Посмотри в щелочку, кажется, мы приехали.

– Куда?

– Ну в эту самую Сибирь.

– Спи спокойно. Если нас везут в Сибирь, то туда мы доберёмся ещё не скоро.

Послышались решительные шаги, приближавшиеся к вагону. Через некоторое время двери вагона оторвались, отодвинутые в сторону. В проёме двери показались головы двух солдат, которые заглядывали внутрь. А затем снова напомнили находящимся внутри людям права и обязанности ссыльных, провели инструктаж.

– Приготовьте посуду для еды, скоро вам подадут обед. Разрешается выйти из вагонов. Рядом протекает ручей, вы сможете умыться, напиться и набрать воды, но переходить на ту сторону ручья запрещается!

– Какой может быть обед ни свет, ни заря? – недовольно произнёс кто-то из сонных обитателей вагона.

– Радуйся хотя бы тому, что дают, брат, а если бы вообще

ничего не давали, разве было бы лучше? – раздался другой голос.

Сегодня, как и во все предыдущие дни, состав проехал мимо большого вокзала и остановился на запасном пути. Сумрачно, ничего не видно вокруг. Дул ранний прохладный ветерок, он облизывал лица сонных людей, понемногу вливая в их усталые тела энергию, гладил их по голове, стараясь успокоить их растревоженные души. Ветерок изгонял из вагона тяжелые застоявшиеся запахи и наполнял его свежим воздухом. Такой распорядок дня говорил о том, что состав вёз какой-то таинственный груз, о котором никому не положено знать, поэтому-то поезд шёл в ночное время. Поскольку в вагоне не было ни окон, ни дверей, ссыльные могли смотреть на окружающий мир только сквозь щели в дощатых стенах вагона. И каждый раз, подъезжая к большим вокзалам, состав замедлял ход и останавливался поодаль. Каждый раз людям казалось, что они доехали до места, что здесь у них будет последняя стоянка. Привокзальные площади всегда были забиты толпами людей. Иногда из каких-то вокзальных помещений доносились запахи готовящегося плова или ещё какой-либо вкусной еды. Эти несчастные поняли, что едут по узбекской земле по музыке, которая лилась из вокзальных репродукторов.

Исполняемые под бравурную музыку весёлые песни напомнили прошлую счастливую жизнь, были приятны для слуха.

На той стороне реки
Персиковое дерево растёт,
Да такое дерево растёт, там Эне джан ей,
Такое дерево растёт.

И хотя поезд каждый раз сбрасывал скорость, вдоволь насладиться песней не удавалось. Через считанные минуты и напоминающий рыночную площадь вокзал, и приятная мелодия песни, и вообще всё это каждый раз скоро останется позади.

Чтобы накормить людей, опять откуда-то привезли специально для них приготовленную пустую похлёбку. Вместе с ней дали хлеб, источающий приятный запах свежих грибов. Впервые, когда ссыльным было велено приготовить посуду для еды, все подумали, что это будет что-то вроде чекдирме – мясное блюдо, которое готовят в селе, когда созывают народ. Однако то, что подавали им, трудно было назвать супом, в этой похлёбке, больше похожей на помои, не было ни капли жира. Остроумный народ сразу же прозвал это блюдо «белым супом». Но когда нет вообще никакой еды, то и белый суп пришёлся ко двору, можно крошить в него свежего хлеба и горячим съесть, чем не обед?

Вручив мужу и сыновьям Алланазару и Рахманназару посуду для еды и воды, Огулджума пока покормила грудью младшего Рахмангулы, немного задержалась в опустевшем вагоне. Пока кормила ребёнка, думала, что ещё может понадобится им там на улице. Больше всего она думала и забо-

тилась о детях.

Кое-что из одежды сложила в узелок и взяла с собой, чтобы вытряхнуть и развесить на воздухе для проветривания. Когда она, держа в одной руке ребёнка, а в другой – узел с одеждой, подошла к двери вагона, две из сидевших в тени вагона женщин протянули руки и помогли ей сойти на землю, забрав из её рук ребёнка и узел с вещами.

Радуюсь воде, женщины заполнили всё пространство вокруг ручья, образовавшего в этом месте небольшое озерцо. Сняв с себя тяжелые головные уборы и положив их рядом с собой, она повязали головы лёгкими косынками, а то и просто накрыли концом своих халатов – чабытов. Они громко переговаривались друг с другом, время от времени покрикивая на детишек, которые не хотели вылезать из воды. Все умылись, набрали воды, напоили детей. В глазах женщин плескалась тоска, они с грустью всматривались вдаль, вспоминая родную землю, свой оставшийся вдалеке дом. И всё же они не падали духом, не теряли надежды когда-нибудь вернуться туда.

Огулджума подошла к сидящим у воды женщинам, и какая-то смуглая худощавая женщина в накинутом на голову платке подвинулась, давая ей возможность сесть рядом с ней.

– Соседка, иди сюда, садись рядом с нами! – приветливо пригласила она Огулджуму.

– Ой, Кумуш, это ты? – удивлённо воскликнула Огулджума, не узнав ту, поскольку она была без борука.

– Ну, да, без борука нас трудно узнать, – ответила женщина, смутившись от того, что сидит без женского головного убора, и немного покраснела.

Кумуш была соседкой Огулджумы по вагону, её семья разместилась рядом с ними. За эти дни женщины успели познакомиться друг с другом и даже сблизиться, по-соседски помогая друг другу. Огулджума уложила Рахмангулы на землю, наполнила ладони водой и с огромным удовольствием напилась свежей родниковой воды, затем в ладони поднесла воду ко рту Рахмангулы и его тоже напоила.

Вода в ручье, протекающем возле железной дороги, была прохладной и вкусной. Огулджума решила выполоскать пелёнки Рахмангулы и прошла немного дальше от сидящих. В одной руке у неё был сын, в другой – узелок с вещами. Подумала, что обычно поезд стоит довольно долго, и всё же она желала, чтобы он задержался подольше, пока она не переделает все свои дела.

Видя, что подошедшая к воде женщина с ребёнком остановилась на берегу, боясь, как бы не поскользнуться и не упасть в воду вместе с малышом, одна из шустрых девчонок, что стояла в воде, протянув руки к Рахмангулы, предложила Огулджуме свою помощь:

– Гелнедже, дайте сюда, я подержу ребёночка!

– Спасибо тебе, доченька, за помощь! – передав Рахмангулы в руки девочки, Огулджума опустилась на корточки. Игры этих весёлых девочек напомнили Огулджуме оставлен-

ных дома её собственных дочерей Огулбике и Акджагуль, по которым она всё время тосковала.

Огулджума не делилась с мужем своим переживанием, не говорила ему о том, что поначалу радовалась, что девочки остались дома и не будут мучиться, как они, но когда увидела, что другие везут с собой дочерей, ровесниц Акджагуль и Огулбике, подумала: «Наверно, зря мы оставили дочек дома, побоялись за них, не хотели подвергать испытаниям. А ведь если бы взяли с собой, были бы на глазах, вон с такими же девочками сдружились бы».

Горькие воспоминания снова отозвались болью в сердце. Перед мысленным взором Огулджума постоянно находились дочери, она видела, как они причёсываются, как ссорятся, как помогают бабушке с дедушкой...

Получив разрешение выйти из вагона, люди сразу же ринулись к воде. Все жадно пили воду, кто, зачерпывая её ладонью, кто просто ложился на берег ручья и припадал губами к воде, а кто набирал в пиалы. Напившись, начинали умываться. Толпа сейчас напоминала чем-то напуганных беженцев. И вот уже появился запах дыма. Это Гуллы эмин вместе с Сейитмыратом ага, вдоволь напившись сырой воды, решили вскипятить воду для чая. А почему бы и нет, когда рядом протекает такой замечательный ручей?! Каждый раз, сойдя с поезда, они находят воду, а потом идут собирать валежник, чтобы развести костёр и согреть воду для чая. На этот раз старики устроились у подножия небольшого пригорка, усе-

лись, опираясь спинами на его склоны.

Мысли о том, как сложится их дальнейшая судьба, никогда не покидали ссыльных. Почему случилось то, что не должно было случиться, почему они вынуждены терпеть разлуку с близкими и родными? Село и привычная прежде жизнь сейчас казалась им утраченным счастьем. О чём бы они ни говорили, разговор невольно снова переходил на размышления о судьбе.

Начатый за чаем разговор, время от времени покачивая головой, поддерживал Сейитмырат ага. Вот и сейчас их беседа снова вертелась вокруг возникших в их жизни проблем и связанных с ними забот.

Сейитмырат ага вдруг спросил:

– Гуллы эмин, неужели нам теперь не осталось ничего другого, как стадом блеющих баранов двигаться туда, куда нас гонят?

Гуллы эмин, привыкший к тому, что его считали способным находить выход из любых ситуаций, понял, что Сейитмырт ага просит у него совета, как бы говоря: «Ты же всегда умел находить выход, почему сейчас ничего не предпринимаешь?».

– Честно говоря, ровесник, мне в голову не приходит никакого иного выхода, кроме как положиться на волю Аллаха!

– Неужели те, кто зовётся Атабаевым, Айтаковым, ничего не видят? Ведь в стране туркмен не останется, они как джины по свету разлетятся. С приходом большевиков часть

разбитого народа бежала за границу, другая часть была вынуждена скрываться в песках. Им потом припечатали клеймо басмачей. Ну а мы вдруг стали кулаками, и теперь везут нас на край света. Или, может, они хотят истребить весь род туркменский?!

– Недирбая я близко не знаю, но Гайгысыз вроде бы приличный человек. С ним я немного знаком. Как-то при встрече Гурбанмырат сердар – Джунейит Хан сказал о нем: «В ваших краях, туркмен, есть один хороший вожак». Да я и сам как-то раз был собеседником Атабаева, когда он гостил у Акынияз бая.

– Но если вы знакомы, почему он не защитит вас?

– Значит, не может. Хотя русские и выделяют кое-кого из наших, называют большевиками, но, видно, не очень-то и доверяют.

Сейитмырат ага согласился с собеседником, сказав, что такие мысли посещали и его.

– Видно, когда им надо, наших сразу причисляют к чужакам, поэтому они остаются в стороне.

Гуллы эмин посмотрел на собеседника и многозначительно улыбнулся: «Да, ты прав, в последнее время это стало особенно заметно», – согласно произнёс он. Когда твоя воля находится в чужих руках, ты всегда будешь неродным, поэтому и отношение к тебе будет как к пасынку.

В своё время оба старика верили, если у руля страны стоит туркмен Гайгысыз Атабаев, он будет покровительство-

вать своему народу, не позволит причинить ему зло. Поэтому сейчас им особенно тяжело было разочаровываться. Но так уж устроен человек, что в трудные минуты всегда на что-то надеется, но не всегда его надежды оказываются оправданными.

Каким бы испытаниям жизнь не подвергала народ, отдельные хорошо живущие люди не чувствуют чужой боли, и это продолжается до тех пор, пока над ними самими не повиснет грозная туча, а затем они слетят со своего пьедестала, и жизнь жестоко расправится с ними. Да, не каждому дано сопереживать другим, а тем в такое смутное время пытаться как-то противостоять режиму равносильно попытке устоять перед сметающим всё на своём пути мощным селевым потоком.

Ничего этого не зная и не чувствуя, дети безмятежно играли в свои шумные игры. И хотя в вагоне они испытывали те же трудности, что и взрослые, оказавшись на воле, охотно предавались своим маленьким детским радостям.

По ту сторону состава, в котором привезли ссыльных, сотрясая землю, то и дело с грохотом проносились поезда. Но поскольку состав ссыльных вытянулся в длину на приличное расстояние и был похож на крепостную стену, территорию за ним увидеть было практически невозможно.

Каждый раз, когда поезд останавливался, обязательным требованием сопровождающих его охранников было не перелезать под колёсами на ту сторону. А то, можно подумать,

кто-то стремился лезть под колёса состава! Народ смиренно принимал положение, в которое попал. А уж если перед ними окажется ручей, кто захочет сунуться в неизвестное, что таится за спиной? Людям, переставшим понимать, где север, где юг, восток или запад, казалось, что их состав ходит по кругу мимо сёл, городов, рек и садов.

Чем выше поднималось солнце, тем сильнее прогревался воздух, в голову приходили мысли о том, что сейчас неплохо было бы оказаться в тени деревьев.

Место нынешней стоянки оказалось удобным как для взрослых, так и для детей. Их шумные игры, возбуждённые голоса радовали родителей. Они с удовольствием наблюдали за тем, как резвились их дети.

Алланазар вместе с отцом и братом обедал недалеко от места раздачи еды. Поев, он взял брата Рахманназара за руку и отвёл его к матери, которая всё ещё находилась возле воды, позвал её поесть, после чего смешался с толпой новых друзей и включился в игру.

Оразгелди полулежал, карауля оставленную для жены еду, а сам посматривал в ту сторону, где в окружении людей находился Гуллы эмин. Там о чём-то живо беседовали, и сейчас это место напомнило ему Холм споров гапланов. Как только Огулджума придёт, он обязательно пойдёт туда. Но обстановка еще через некоторое время вдруг резко изменилась. Охранники ссыльных неожиданно собрались возле своего командира и стали что-то шумно обсуждать, кричать друг

на друга, а после спешно собирать народ и загонять его в вагоны. Явно что-то случилось, раз они устроили такой переполох, только люди сразу понять не могли, что произошло. Естественно, им этого никто не докладывал. Оразгелди поднялся на ноги и стал высматривать жену и сыновей, в его взгляде было беспокойство. Затем он подошёл к стоявшим неподалёку от него двум мужчинам. Вытянув шеи, они удивлённо смотрели в ту сторону, откуда охранники спешно сгоняли народ.

– Что это с ними вдруг случилось? Пожар что ли начался? – спросил, подходя к ним, Оразгелди.

Тот, что ниже ростом, ответил:

– Вот и мы удивляемся, – и пожал плечами, посмотрев вокруг.

Теперь уже абсолютно все – взрослые и дети смотрели в сторону поезда. Сейчас толпа напоминала отару овец, которая спокойно паслась, но вдруг, чем-то напуганная, резко повернула назад.

Подгоняя людей приказными выкриками, солдаты загнали их в вагоны, после чего внимательно провели перекличку людей, которых они везли, сверяя со списком. Только после этого стало известно, что человек по имени Нурыгды каким-то образом обвёл охранника вокруг пальца и сбежал.

– Вот свинья, зачем он это сделал! – стали возмущаться люди, понимая, что теперь всем будет несладко, что отношение к ним изменится, громко осуждали беглеца.

Но побег состоялся, и изменить было ничего нельзя. Осталось только принять это как данность.

Даже после того, как людей загнали в вагоны, поезд ещё долго стоял на путях, возможно, ждали результатов поиска. И только после полудня, скрипя и трясясь, состав с трудом сдвинулся с места. Постепенно набирая скорость, поезд снова повёз людей в неведомую даль. Не смотря на то, что двух умерших сняли, проветрили вагон опять наступила былая духота, нечем было дышать.

* * *

Прибыв в Ташкент, ссыльные поняли, что жара накрыла этот большой город сверху донизу. Сейчас он был похож на раскалённый котёл, и в нём вместе со своим скарбом жарились эти несчастные люди. По ночам при отсутствии движения воздуха духота стояла невыносимая.

Состав с ссыльными остановился перед зданием вокзала, после чего откуда-то, немислимо дымя, прикатил небольшой паровоз, и прицепив к себе состав, отогнал его на запасной путь в безлюдном месте недалеко от вокзала. Отсюда красивое здание вокзала было повёрнуто обратной стороной к тому месту, где остановили состав с ссыльными. Неподаляку виднелись небольшие жилые домишки, образовавшие что-то похожее на небольшое село. Между ними пролегла сквозная улица, по которой шли пешие, ехали на арбах лю-

ди. Некоторые из них останавливались и с интересом разглядывали незнакомых людей с детьми, расположившихся возле вагонов. После побега Нурягды отношение охранников к ссыльным резко изменилось, причём, в худшую сторону. Теперь они совершенно не были похожи на прежних казавшихся милосердными охранников, всячески старавшихся облегчить участь этих несчастных людей. Теперь стоянка поезда длилась не более двух часов, а если он стоял дольше, двери всё равно не открывались. Людей не выпускали из вагонов, еду теперь раздавали у входа в вагон, в этой тесноте. Если поезд останавливался в пути, людям всё равно не разрешали выходить из вагонов, чтобы размять суставы и подышать свежим воздухом. Видно, начальство тоже получило по шапке за допущенную оплошность. Теперь командир только раздавал приказы: «Никого не выпускать, двери закрывать вовремя. Быть бдительными. Видели же, что получается в противном случае!» Он ходил вдоль вагонов с видом недовольного петуха и отдавал приказы. Страдали безвинные люди от духоты, запахов, грязи. Женщины про себя сыпали проклятья в адрес тех, кто подверг их таким страшным испытаниям, и молились, веря, что Господь обязательно услышит их молитвы, поможет им и накажет злодеев.

Люди понимали, что не смогут долго выдерживать такое положение. Они даже думали, что сейчас даже смерть была бы им предпочтительнее, во всяком случае, она бы избавила их от таких унижений и страданий. Хотелось, чтобы поезд

не стоял на месте, под солнцем, а двигался, потому что тогда хоть какое-то движение воздуха начиналось, и людям чуточку становилось легче.

Сидя в душном вагоне, люди продолжали возмущаться поступком беглеца. «Спрашивается, чего ты раньше ждал, почему не бежал из дома, как ты мог бросить здесь жену и детей, оставить их на произвол судьбы, чтобы самому было хорошо?! Ты не просто свинья, ты негодяй, подлец, мерзавец!»

Проклиная беглеца, люди не выбирали выражений. У него была приятная жена с большими карими глазами, среднего роста, крупноватым носом, который совершенно не портил её лица. С ними было двое детей, очень похожих друг на друга мальчик семи-восемью лет и девочка трёх-четырёх годков. В тот день, когда бежал её муж, она, прижав к себе детей, испуганно отвечала на все заданные требовательным тоном вопросы. Пожимала плечами, плакала. И теперь, словно выплавав все слёзы, она сидела молча, закутавшись в пуренджек и опустив голову. Было видно, как страдает женщина, как сильно переживает предательство мужа. Люди с их стороны смотрели косо. И даже её дети больше не подходили к другим детям, словно опасаясь, что они могут вытолкнуть их из своего круга.

Поначалу смотрели на семью беглеца неприязненно, но после, видя, как страдают эти ни в чём неповинные несчастные, смягчились. Теперь весь их гнев был адресован бегле-

цу: «Только попадись нам в руки, сволочь!»

Проснувшись среди ночи, Оразгелди увидел распростёртые возле него тела спящих людей. Как и всегда, пока окончательно не очнётся ото сна, Оразгелди не мог понять, где он находится. И без того, мучимый тяжёлыми мыслями, он лишь недавно заснул. Посмотрев сквозь щель в стене вагона из досок, он увидел, что тёмная ночь ещё не закончилась, а это значит, что он может ещё немного поспать. Поезд стоял в темноте. Подвинув немного к стене свернутый вчетверо тулуп, который использовал вместо подушки, Оразгелди увидел, что спящий между матерью и Алланазаром Рахманназар лежит, закинув ногу на ногу, в неудобной позе. Осторожно подняв ножку ребёнка, уложил его удобнее. Собравшись лечь, чтобы ещё немного поспать, Оразгелди услышал рядом с собой шмыганье носом человека, который явно не спал.

Повернув голову в ту сторону, он увидел жену Нурыгды, которая сидела, похожая на тёмный холм, и шмыгала носом, плакала. Он и прежде видел, что с тех пор, как бежал её муж, женщина перестала спать ночами, сиднем сидела возле детей, оберегая их от неведомых бед и несчастий. Увидев проснувшегося Оразгелди, женщина обратилась к нему с просьбой:

– Вы не могли бы дать мне немного воды?

Взяв сосуд с водой, Оразгелди хотел подвинуться к женщине ближе, но она опередила его и смущённо протянула пиалу. Как только пиала была наполнена водой, она резко

отдернула руку, словно кто-то мог выхватить из её рук посуду, и тихо поблагодарила Оразгелди:

– Спасибо!

Положив голову на подушку, Оразгелди всё равно не смог уснуть. Долго не отпускали мысли о несчастной судьбе этой женщины, никак не мог понять, как можно было бросить такую замечательную семью и куда-то бежать.

В первый раз Оразгелди увидел её мужа в Мары, и он тогда сразу пришёлся ему не по нраву. Ему не понравилось его бледное лицо, бегающие голубоватые глаза. Он тогда подумал: «Нет, этот человек не может быть хорошим, на его лице бесы видны». А однажды, во время какого-то мужского сбора этот человек вдруг начал нести ахинею хвастаясь. А речь шла о том, как он женил младшего брата и какие призы приготовил для победителей скачек и гореша.

И даже стал хвастать, какими блюдами кормил гостей, мол, ни у кого не бывает такого угощения.

Вот и вышло по поговорке: «Змея ненавидит мяту, а она растёт возле её норы». Надо же было такому случиться, чтобы Нурыяглы вместе со своей семьёй расположился прямо напротив Оразгелди.

* * *

С тех пор, как они отправились в путь, Оразгелди ни разу вдоволь не поел. Взятые с собой в дорогу каурму и кульче

– молочные лепешки он расходовал экономно, чтобы детям досталось больше еды. Помимо этого, они захватили с собой сёк – сухое варенье из дыни, вяленую дыню, сушёный урюк, гурт – солёные кисломолочные шарики. Помнится, мать буквально силой заставила их взять всё это с собой, а они не хотели лишнего груза. Сейчас он был благодарен матери за такую заботу, ведь она всё предусмотрела! Для детей это стало хорошим подспорьем, да и неплохим питанием, если ещё и кусок чёрствого хлеба при этом найдётся.

Когда голод совсем уж одолевал, Оразгелди тоже мог закинуть в рот кусочек чего-то – урюка, гурта, потом долго разжёвывать, держать во рту, имитируя чувство насыщения. Белый суп давали всего один раз в день, но если в горячий суп добавить немного каурмы, получается очень даже вкусное блюдо. Как и многие люди, они с женой были благодарны тому, что их вообще кормят, пусть даже так скромно. А если бы и этого не давали, что тогда? Жаль, нет возможности и условий, а то Огулджума, добавив в эту бледную жижу ещё немного воды и прочих продуктов, приготовила бы обед на всю семью, да такой вкусный, что пальчики оближешь! Увы, теперь всё это стало недоступным и невозможным. Но, как и все остальные, Оразгелди уже свикся с существующим положением дел. Он понимал, что сейчас главное не дать в обиду детей и как-то устоять перед этим бурным потоком, не захлебнуться в нём. У них и прежде в семье был мир и лад, но теперь, оказавшись в экстремальной ситуации, он как-то

по-особому стал ценить семью. Каждый раз, когда наступало время обеда, они с женой старались первым делом накормить детей, сам же он лишь изредка окунал ложку в миску с едой, делая вид, что тоже ест. Жене, которая сидела рядом и кормила самого младшего, смазывая его губки едой, он говорил: «А ты что сидишь, клюёшь, как птичка, ешь, всем хватит!» Хотел, чтобы жена тоже хорошо питалась, ведь ей столько надо сил, чтобы выдержать долгую дорогу, да ещё за детьми смотреть! В свою очередь, жена беспокоилась о нём. «Ты тоже поешь, акгасы, как бы в голодный обморок не упал. Возьми хотя бы немного каурмы с хлебом поешь, кульче у нас достаточно, эти лепёшки на молоке и яйцах замешаны, сытные. Да и они хоть что-то дают из еды, так что, Бог даст, не пропадём!»

По натуре своей Оразгелди был человеком сдержанным, никогда не вмешивался в чужие разговоры, и, если его не спрашивали, ничего не рассказывал.

Чаще всего он сидел, прислонившись к стенке вагона, и о чём-то своём думал. Он то и дело вспоминал своё родное село, друзей и близких, то, как их погрузили на телеги и увозили из дома, короткую встречу с младшим братом в Мары, слёзы его сына Аганазара, обнимавшегося с Алланазаром который не хотел расставаться с ними.

Вспоминая всё это, он чувствовал и не терял надежды, что рано или поздно вместе с семьёй вернётся на Родину.

Конечно, погружаться в такие мысли было грустно, но

этого желала душа, они же, эти мысли, успокаивали, вселяли надежду.

На следующий день после прибытия в Ташкент была заменена охрана, которая сопровождала их от Мары. Появление новых людей не вызвало у ссыльных особых надежд, но всё же обстановка как будто немного смягчилась. Командиром отряда был человек по фамилии Морозков, он был высок и худощав, с узким тёмным, как у гула, лицом, с нахмуренными бровями. Лет ему было где-то около сорока. Поначалу он не обращал внимания на ссыльных, считая справедливым наказание, которому они подвержены, относился к ним требовательно. Внутри стоявших вагонов стояла невыносимая духота, от которой людям некуда было деваться, они готовы были на крайние меры, говоря себе «будь, что будет!», но потом, подумав о женщинах и детях, отказывались от своих дурных намерений.

Однажды, во время обхода поезда, когда новый командир проверял условия содержания ссыльных, не успел он поравняться с открытой дверью вагона, как оттуда, не дав охранникам опомниться, прыгнули на землю два человека и сразу же подошли к командиру. Одним из них был Гуллы эмин, другим марыец Гуйч, который немного владел русским языком, объясняя это знание тем, что ему пришлось какое-то время работать на шерстемойной фабрике у русских.

– Товарищ командир, выслушайте наши жалобы! – Гуллы эмин обратился к самому главному здесь начальнику. Сто-

явший рядом с ним Гуйч переводил его слова.

Командиру не понравилось такое своеволие ссыльных, он нахмурился и недовольно посмотрел на стоявших перед ним людей. Положив руку на висевший у него на боку в кобуре маузер, недовольным голосом спросил:

– Кто разрешил вам покинуть вагон?

– Товарищ командир, в вагонах стоит невыносимая духота, людям дышать нечем, они от этого очень сильно страдают! – не обращая внимания на окрик командира, заявил Гуллы эмин. – Если у вас нет намерения до смерти замучить людей, тогда обратите на нас внимание, позвольте людям выйти из горячих вагонов и немного охладиться на свежем воздухе в тени деревьев!

– А если вы снова устроите побег, мы что должны делать? Мы ведь головой за вас отвечаем! Мы что, должны из-за вас в тюрьму сесть?

В вопросе, заданном командиром Гуллы эмину, хоть и звучал упрёк, чувствовалось, что он всё же услышал просьбу измученных людей. Глядя на собравших у выхода из вагона людей, он взглядом дал понять, что сказанное относится и к ним.

Гуллы эмин молчал, не зная, что ответить на вопрос командира. Затем повернулся к Гуйчу и взглядом велел ему переводить:

– Товарищ командир, всё же неплохо бы проявить о людях хоть немного заботы. Вот увидите, ни у кого не появит-

ся желая бежать. А тем более, под таким палящим солнцем. В противном случае, люди перестают управлять своими эмоциями.

В словах Гуллы эмина был прозрачный намёк на то, что, если так будет продолжаться и дальше, всякое может случиться.

Командир раздумывал недолго. Окружившие его люди переглянулись, но ничего не сказали.

Однако ждать ответа от командира пришлось недолго.

Сунув указательный палец за ремень, ответил коротко и решительно:

– Посмотрим!..

И твёрдым шагом пошёл вдоль вагонов. То ли после разговора командир понял, что люди доведены до отчаяния и готовы пойти на крайности, то ли связался с вышестоящим командованием и решил этот вопрос, только после полудня мужчинам разрешили выйти из вагонов и, не удаляясь от них, посидеть на земле. Хотя небольшое послабление, но всё же оно было достигнуто. После этого и вечно хмурый командир показался людям не таким уж и плохим человеком.

Женщины с детьми тоже устроились в тени. Им было сложнее, потому что дети не понимали, почему их удерживают на месте, в то время, как они желают играть в свои игры, шуметь и веселиться. Теперь женщинам с детьми в сопровождении охранников было разрешено дойти до соседнего двора и из крана набрать воды. С этого времени словно

началось броуновское движение – до крана и обратно.

Мужчины тоже кучками сидели в сторонке рядом со своим вагоном. Чтобы как-то убить время, они нарисовали на земле клетки, заполнили их собранными камешками и щепками и стали играть – сторона на сторону в дюззюм – камешки. Среди них были и те, кто, опасаясь властей, тайком читали намаз, молились, в их числе Оразмырат ахун из Серахса, который, махнув на всё рукой, не пропускал ни одного намаза.

Каждый раз, завершив чтение намаза, Оразмырат ахун не спешил вставать со своего дона, который использовал в качестве намазлыка, сидел, перебирая чётки. Старательно произносил какие-то чудодейственные молитвы. И так было каждый день, в своих молитвах он просил у Всевышнего добра для себя и своих близких, для тех несчастных, которые вместе с ним ехали в ссылку в этом адском поезде. Но, похоже, в те дни молитвы даже такого сильного священника, каковым был Оразмырат ахун, до Бога не доходили. Но и Оразмырат ахун не сдавался, он был уверен, что рано или поздно Аллах услышит его мольбы и поможет всем им.

Мужчины группировались отдельно от женщин, сидели в сторонке, время от времени бросая взгляды в ту сторону, где находились их близкие, мысленно вопрошая: «Как они?» Дети таскали воду, они же приносили какие-то сообщения. Когда дети находятся на глазах, родители чувствуют себя спокойно.

Людей заранее предупредили о времени отправления состава, чтобы они могли набрать воды и подготовиться к отъезду. Это сообщение воодушевило народ, почему-то людям показалось, что поезд может повернуть назад и отвести их обратно, в Туркменистан. А ещё людей вдохновляла мысль о том, что во время движения поезда они почувствуют движение воздуха, а это намного лучше, чем сидеть под палящими лучами солнца.

В последний день стоянки в Ташкенте рядом остановилась большая чёрная машина с открытым кузовом. Люди окинули её подозрительными взглядами. В кузове в окружении двух вооружённых охранников находился связанный по рукам и ногам беглец Нурыгды. Когда он спустился с кузова машины, люди презрительно бросили ему в лицо: «Откуда взялся этот негодяй? Где его нашли?.. Неужели этот идиот, прожив на свете сорок лет, так и не понял, что, попав в сети новой власти, ни за что не выберешься из них?» Ну, ладно, этот-то бежал, устроил себе ненадолго свободную жизнь, а что делать остальным, кто пострадал из-за него? Ведь из-за одного этого мерзавца ужесточили режим для всех остальных несчастных людей! Мальчишка, сидевший рядом с матерью, вдруг узнал отца, обрадовался, хотел побежать навстречу. «Папа!» – закричал ребёнок и вскочил с места, но его тут же прижала к земле властная рука обиженной на мужа женщины, матери мальчика:

– Нечего тебе там делать! Нет, вы посмотрите на этого ре-

бёнка, можно подумать, у него отец герой! – с обидой в голосе из-под яшмака бормотала недовольно женщина.

Ссылные, убеждённые в том, что пострадали из-за него, смотрели на беглеца с презрением и ненавистью. Ни на кого не глядя, с завязанными за спиной руками, в сопровождении охранников он молча прошёл сквозь строй людей. Его белая рубаха до колен от пыли и грязи приобрела непонятный цвет. Видно, его хорошо попинали в пути, потому что он вздрагивал каждый раз, когда охранники поднимали свои стволы, пожимал плечами и старался спрятать голову.

Возвращение Нурыгды в таком виде распалило любопытство людей. Загнав его в вагон, солдаты ещё долго не отходили от открытых дверей, возможно, опасались, что он может снова попытаться бежать.

– Подойдёте, когда состав будет отправляться! – солдаты отгоняли от поезда всех любопытных и никого не пускали внутрь.

А людям хотелось узнать, как получилось, что человек, убежавший в другом месте, вдруг снова оказался здесь. Больше всего беглеца возненавидели его односельчане. И сейчас они больше других были довольны тем, что его выловили и вернули в их ряды. В конце концов человеку с беглыми глазками по имени Худайберди удалось уговорить охранников пустить его внутрь вагона, якобы там осталась его посуда для воды, и на ходу перекинуться парой слов с Нурыгды. И вот что он рассказал Худайберди по возвращении

на землю: «Люди, он не считает себя виноватым, говорит, на него напал понос, и он отошёл подальше, чтобы опорожнить кишечник. Вижу, говорит, дальше находится небольшое сельцо. Знаю, что без лекарств остановить его не смогу, поэтому пошёл туда, чтобы попросить что-нибудь от живота. Думал, успею, но не успел, отстал от поезда». Человек по имени Худайберди всем своим видом говорил о том, что не поверил ни одному слову беглеца.

Ближе к вечеру поезд покинул знойный Ташкент. Двери вагонов были задраены, поэтому люди ничего не могли видеть, хотя и слышали, что Ташкент – большой город. Сквозь щели между досками вагона увидеть что-то было невозможно. После трёхдневной утомительной стоянки людям не очень-то и хотелось что-либо высматривать. Ссылные, возненавидевшие Нуриягды за его побег, после того, как вернулись в вагон, вынуждены были смириться с его присутствием. Правда, не совсем. Как только поезд набрал скорость, Тятян бай, недовольный тем, что беглец находится среди них, неожиданно вскочил с места и накинулся на Нуриягды:

– Ты, сволочь, а ну, встань с места! – казалось, сейчас он схватит его за шкуру. – И как только земля носит таких, как ты!

Увидев направившегося к нему Тятян бая, Нуриягды перепугался, боясь, что тот сейчас прикончит его. Поверил, что в гневе схватит его своими сильными руками и задушит, сло-

мает ему шею. Но в этот момент сидевшие перед ним дети, видя идущего на них грозного дядю, закричали от страха и начали плакать.

Чтобы избежать столкновения с баем, Нурыгды быстро спрятался за спину жены, а потом пополз непонятно куда, готовый спрятаться под подолом платья своей жены. Два человека вскочили с места и схватили Тятян бая за руки. Стали уговаривать его: «Не стоит марать руки об эту сволочь!» Тятян бай бросил злой взгляд в сторону Нурыгды:

– Мерзавец, подлец, я всё равно тебя раздавлю!

Задышавшись от ярости, Тятян бай отступил немного и упёрся в Нурыгды ненавидящим взглядом, потом тяжело запыхтел, будто готовясь к новому броску на ненавистного беглеца. Нет, он поступил по-другому. Подняв с пола упавший пуренджек жены Нурыгды, накинул на его голову:

– Этот пуренджек ты должен носить... И знай, если снимешь его, я тебя убью!

Тем временем поезд набирал скорость. Сквозь щели вагона пробивался свежий воздух, и очень скоро в душных вагонах стало прохладнее. Люди облегчённо вздохнули, словно сбросив с плеч тяжкий груз.

От духоты и жары, не сумевшие выспаться в Ташкенте дети сейчас, раскинув руки и ноги, сладко сопели во сне. Да и их родителям, пусть ненадолго, но стало спокойнее.

У входной двери снова вокруг Гуллы эмина опять собрались мужчины, в этой тесноте они сидели кучкой, чуть ли не

прижавшись друг к другу. Без дневного света в вагоне было сумрачно. Во время таких бесед люди, хоть и ненадолго, забывали о своём положении пленённых, увлечённо о чём-то переговаривались. На душе становилось светлее, морщины на лицах расправлялись. Гуллы эмин, в своё время много читавший и много знающий, с удовольствием рассказывал людям легенды из жизни святых, рассчитывая на то, что это хоть как-то утешит их и научит мужественно переносить выпавшие на их долю испытания. В эти минуты им ничто не мешало – ни перестук колёс поезда, ни теснота. И лишь женщины, оставшиеся сидеть возле своих детей, временами бросая взгляд на мужчин, удивлённо думали: «Интересно, им там мёдом, что ли, намазано, целыми днями сидят там, как приклеенные! О чём можно столько времени говорить?»

Толмач Гуйч, дочитав до конца свою ежедневную молитву, которую, кстати, читал по десять раз на дню, отодвинул в сторону стоявший между ними хурджун, из которого доносился вкусный запах каурмы. Он подвинулся ближе к Оразгелди, который, прикрыв глаза, дремал, прислонившись спиной к стене вагона.

– Сосед, а, сосед! – позвал он его.

В голове толмача Гуйча вертелась мысль, которая не давала покоя, неприятная мысль, причины возникновения которой он и сам бы не мог объяснить. Он сел вполоборота к соседу Оразгелди. Пока Гуйч, сощутив глаза, пытался сформулировать своё мнение, на его лбу отчётливо прорезались

глубокие морщины.

– Знаешь что, сосед, мне кажется, они везут нас не с одного места на другое, мне кажется всех разом, целиком, вместе с поездом собираются бросить в огнедышащую пасть какого-то дракона, – наконец, выразил он свои догадки вслух.

Оразгелди хотелось сказать ему: «Ты что, сосед, только сейчас это понял?». Потому что люди уже давно убедились в том, что так и будет. Тем не менее, отвечая соседу, постарался подобрать подходящие слова:

– Сосед, если дракон, о котором говоришь ты, в состоянии заглотить поезд вместе с людьми, значит, он должен быть гигантским...

– А как же! – одобрительно воскликнул толмач. – Пока этот дракон не насытится, не думай, что он когда-нибудь откажется от привычки поглощать людей.

Выпавшие на долю многих мытарства и для толмача Гуйча были чьими-то злыми играми, разрушившими дома тысяч людей. Но ведь те, кто затеял эти игры, должны понимать, что им вряд ли удастся устоять перед мощью народа, что рано или поздно они сами будут повержены. Но, видно, так уж устроен человек, взобравшись на вершину холма, он не верит, что когда-нибудь будет сброшен оттуда...

Прислушиваясь к перестуку колёс поезда, Гуйч печально замолчал. Читая молитвы, он теперь искал ответа на свои вопросы на страницах священного Корана.

Теперь соседи по вагону говорили о том, что сейчас им

немного легче, чем было в Ташкенте, всё же двигаться лучше, чем находиться под палящими лучами солнца, по крайней мере, сквозь щели вагона задувает ветерок, и от этого дышать становится легче. Так много говорили о Ташкенте, думали, что это какой-то необыкновенный, сказочный город, а он оказался чуточку больше и лучше Мары.

Справа от Оразгелди находился один из племянников Гуллы эмина Абдысемет, между ними в стене вагона была приличная дырка размером с ладонь, и оттуда, когда поезд набирал скорость, хорошо задувал свежий воздух. Теперь перед этим отверстием чаще всего сидели дети – Алланазар и Чолук, сын Абдысемета Тылла. Мальчишки по очереди сквозь эту дыру смотрели на мир, а затем рассказывали друг другу об увиденном. Да и сам молчаливый Оразгелди, не зная, о чём говорить, в минуты отсутствия детей возле отверстия предпочитал сквозь неё постигать мир.

Вот уже два дня он сидел возле этой дыры и вот уже два дня видел бесконечные жёлто-коричневые пески. В такие минуты казалось, что и поезд не движется, стоит на месте, время от времени совершая толчки вперёд-назад и плывя по рельсам железной дороги. Однажды во время остановки поезда Оразгелди через дыру увидел казахских женщин, которые предлагали пассажирам связки вяленой рыбы... Некоторые из них подходили близко к вагонам и, перебегая от одного вагона к другому, выкрикивали: «Рыба! Рыба!».

Оразгелди, не ведавший о том, что совсем рядом плещет-

ся Аральское море, удивляясь, думал: «Интересно, где казахи берут рыбу в этой Богом забытой пустыне?» Знал, что казахи занимаются животноводством, невольно предполагал: «Может, их овцы и рыбу таскают в себе?», думал случайный попавший, в мыслях понимая, что такое предположение нелепо.

Помещение вокзала, рядом с которым не было ни единого деревца, в этой глуши казалось одиноким и заброшенным. Правда, в нескольких местах стояли группки людей, о чём-то громко совещающихся. Чуть поодаль были видны верблюды, равнодушно взирающие на окружающих.

По ходу поезда Оразгелди понравилось с этого места разглядывать мир. Иногда доносились знакомые запахи пустынной растительности, и это благоухание земли невольно напоминало запахи родных мест и заставляло тосковать по оставленным там родным и близким.

Через трое с лишним суток поезд прибыл в Оренбург. Оттуда он повернул на восток и повёз людей в сторону Орска, Омска, Томска... одним словом, в сторону Сибири...

* * *

Казалось, жизнь течёт по-прежнему, и похожа на течение Мургаба. Кто-то плывёт по течению, а кого-то бурные воды бросают в водовороты и уносят с собой, а кто-то и вовсе плывёт, стараясь добраться до берега.

Следом за семьями Гуллы эмина и Кымышей беда пришла в дом ещё одного уважаемого человека в селе – Тагана. Таганы были известны как потомки Гулла батыра, проявившего себя в схватке с врагом, когда жили в Мерве, человека смелого и бесстрашного.

Однако вражеская стрела, в конце концов, достала и его самого. Ему проткнули живот, в нём образовалась дыра, сквозь которую как в поддувало заходил и выходил воздух. Знахари тогда приложили к этой дыре кусок свежей телячьей кожи и сверху замотала куском плотной ткани. Все равно не помогло. И никому тогда не пришло в голову промыть рану тёплой водой и сшить её края²⁸.

От этой же раны Гулла батыр и скончался. Его сыновья сумели сохранить уровень наследия отца. Они были грамотными. Один из них поехал учиться в медресе в Бухаре, другие также стали уважаемыми людьми своего времени. С приходом советской власти в числе образованных людей в Союнали оказались, и дети суфия Тагана – сына Гулла батыра. Четверо из пяти его сыновей были заняты на государственной службе, в районе они занимали немалые посты. Именно в тот период возникли разговоры о том, что «в Мары правят

---

²⁸ ...Смотрите, какие кульбиты иногда выдаёт жизнь! Гулла батыр страдал от ранения, но не нашлось тогда человека, который бы промыл рану тёплой водой и зашил её, тем самым спас бы батыра. Наступит время, и его правнук Мырат Абдырахман, праправнук Агаберди Абдырахманов станут видными хирургами страны, способными выполняли операции любой сложности, раскрывая, прошивая животы сотен людей.

Мергены, в Тахтабазаре – Таганы».

Когда началась коллективизация, они в числе первых передали колхозу шесть тягловых верблюдов, двух волов, так что упрекнуть их было не в чём. Но недавно, и они по какой-то причине запутались в паутине жизни. Причём, все Таганы разом крупно запутались. В один из тех дней Ага Таган, работавший главой районной госзаготконторы, на ночь глядя приехал в свой дом в Союнали с каким-то человеком. Это был русский офицер, покрывший голову туркменской папашой, а поверх военного мундира натянувший просторный халат – дон. Этот старый знакомый прибыл к Ага Тагану в надежде, что тот поможет ему перебраться через границу. И Ага Таган, несмотря на то, что этого человека ищет ОГПУ, привёз его сюда, чтобы при помощи родственников перебросить его через границу. Но тогда Таганам это не удалось сразу этого осуществить. ОГПУ же, чтобы захватить его, укрепило границу и перекрыло все пути-дороги.

Братья, посоветовавшись с гостем, решили переждать какое-то время, пусть ОГПУ подумает, что он уже за границей, успокоится, а он пока поживёт у них дома, спрячется там.

Одновременно с раскулачиванием людей на селе новая власть через своих людей на местах заметно усилила пропагандистскую работу среди населения. Обходя дом за домом, они внушали людям, что дорога Советов – единственно правильная дорога, что тот, кто пойдёт по этому пути, обязательно обретёт счастье, что баи и кулаки всю жизнь угнетали

бедных и лишали их возможности жить достойно. Такая деятельность властей была похожа даже не на пропаганду, а на попытку доказать свою правоту после совершённого неблагоприятного поступка, обелить себя.

Если бы тогда Ханума вместе с такой же, как и она отверженной новым порядком, женщиной не пришла бы в дом Таганов, чтобы провести разъяснительную работу и не растолковать этой семье суть новых веяний, если бы она не увидела стоящие в сторонке начищенные до блеска офицерские сапоги и при этом подумала бы, что они принадлежат кому-то из высокопоставленных членов семьи Таганов, тайна, возможно, не была бы раскрыта никогда. Хануме было известно, что работники ОГПУ уже несколько дней рыскают по окрестным сёлам в поисках бежавшего царского офицера. И поэтому эта деталь – начищенные до блеска сапоги – не ускользнула от острого взгляда много повидавшей женщины.

Сообщение, которое принесла Ханума, поначалу застало Ягды врасплох, заставило задуматься. На Хануму он посмотрел недоверчиво.

– Думаешь, это он?

– Не сомневаюсь! – уверенно ответила Ханума.

– Запомни, если твоё сообщение окажется ложным, они нас потом не оставят в покое, жить не дадут. Таганы не те люди, с которых можно запросто растоптать!

– Это он! – снова решительно заявила Ханума.

Когда их соседка жена Гара тикгили заявила жене Тагана: «Каждую ночь из вашего дома кто-то торопливо бежит в туалет и также быстро, даже не посидев там, бежит обратно, иногда он выходит, закутавшись в дон», та ответила ей: «У моего мужа два дня болит живот и беспокоит понос. Когда он спешит, хватается первое, что попадётся под руку, и скорее бежит на улицу».

После этого разговора Ягды поверил, что этот человек и в самом деле офицер царской армии. Ханума тогда заметила, как сверкнули глаза Ягды, в них вспыхнул огонь волка-людоеда.

... У Ягды были свои счёты с Таганами, причём, они были тайными. Хотя его семья уже давным-давно стала относиться к одноимённому роду с Таганами. Младшие Таганы уважительно добавляли к именам старших приставку «акга», свидетельствующую об их родстве. Собственно, и к имени его собственного отца приставляли это уважительное «акга». И всё же время от времени люди возвращались в их прошлое, и когда спрашивали: «Это какой Ягды?», с удовольствием отвечали:

– Да это же сын Нарлы гамышчи – Ягды гул!

Но с тех пор, как его назначили председателем сельсовета, ненавистную для Ягды приставку «гул» стали употреблять всё чаще.

Те, кому Ягды сумел доставить неприятности, говорили: «Да что с них взять, это же низкие люди, от них можно ждать

чего угодно, и только плохого!» Кажется, они верили, что, если бы эту должность занимал кто-нибудь из «иггов», всё было бы по-другому, отношение к людям было бы другим, более милосердным. Поэтому они с удовольствием добавляли к имени Ягды приставку «гул».

И хотя в лицо ему этого не говорили, Ягды хотелось, чтобы нигде не называли его «гулом» – «рабом». Если же он узнавал, что кто-то за глаза называет его так, приходил в ярость: «Я тебе покажу, кто из нас гул!». Хотя эта кличка шла даже не от отца его, а от деда Хайдарали. Ещё до прихода русских, в пору разбойничьих набегов, Хайдарали попал в Союнали одним из пленных. Однажды младший брат Гулла батыра, вернувшись из одного из таких походов, привёз в село двух подростков двенадцати-тринадцати лет и заявил: «А это моя добыча!» Одного из них он отдал старшему брату Гулла батыру, сказав, что может пригодиться в хозяйстве в качестве слуги.

У этих мальчишек, похоже, не было никаких близких родственников, потому что никто их не искал, никто за ними не приходил. Так они и осели в этом селе и постепенно стали своими. Родственники Гулла батыра, подобрав подходящих девушек, женили обоих парней, дали им кров. И оба здесь обзавелись потомками. Впоследствии от мальчика, отданного в услужение младшему брату Гулла батыра, родился сын, ставший со временем Довлат баем – известным и уважаемым в селе человеком. Он был человеком щедрым и благо-

дарным, и никогда не отказывал в помощи людям, приютившим и обласкавшим его. И за свои деньги учил детей, сыновей Гуллы батыра Тагана. За добро платил добром.

Когда в стране установилась новая власть, он почувствовал, что ничего хорошего ждать от неё не стоит, и поэтому заранее принял меры, и вместе со всем своим имуществом, скотом перевёз семью в Афганистан.

А вот отцу Ягды не посчастливилось стать таким же богатым и именитым, как Довлат бай. Своим трудом он кое как сводил концы с концами. Иногда в разговоре Нарлы гамышчи упоминал, что они попали в это село случайно, но при этом обид за своё прошлое не высказывал. Он жил с верой в то, что во всём, что делается в этой жизни, есть промысел Божий.

Однако Ягды из всего этого извлёк для себя урок и стал использовать в своих интересах. В его голове роились мысли, которые не давали покоя, они множили горечь и досаду и постепенно превращались в обиды. И вот уже много времени он готовился отомстить Таганам, хотя те и не были причастны к его прошлому, тем не менее, он и их не мог за что-то простить, говоря: «Все они одним миром мазаны!» Но свои намерения он держал в тайне. Таганы были людьми сильными, образованными, с крепкими связями, с ними шутки плохи, не дай Бог, что-то заподозрят, не сносить тебе головы!

А Ягды в отличие от Довлат бая помнил плохое, а добро не хотел вспоминать.

С тех пор, как он стал председателем сельсовета, его злоба на Таганов выросла до невероятных размеров и превратилась в желание мстить...

Переговорив с Ханумой, он понял, что вот он, настал момент, чтобы отомстить Таганам за всё и всех предков. В тот же день вызванные по звонку Ягды из города работники ОГПУ отправились напрямиком в дом Таганов и арестовали русского офицера. Вместе с ним наручники были надеты и на всех мужчин рода Таганов, и их тоже арестовали и увезли с собой. Не прошло и недели, как русскому офицеру, а заодно и всем четырём Таганам вынесли приговор – расстрел. Но очень скоро выяснилось, что Таганов уберёт Бог, а может, и ещё какая-то сила. Занимающийся в селе комсомольской работой Берди-картёжник занялся спасением своих близких родственников и в этих целях поехал в Ашхабад. Не найдя в Ашхабаде отклика от прокуратуры, Берди картбаз направился напрямиком в приёмную Атабаева. Самого Атабаева не было, тот момент в Ашхабаде, но его принял один из его подчинённых и внимательно выслушал. Поняв, что дело не терпит отлагательства, работник посоветовал Берди не ждать возвращения Атабаева, а отправить телеграмму на имя товарища Калинина и попросить у него содействия. Сейчас такие вопросы в стране решает только он.

Выйдя из приёмной Атабаева, Берди стал думать, кто бы мог помочь ему в составлении текста депеши, и тут же вспомнил своего односельчанина Чары Озбека, с которым

когда-то играл в детстве, а сейчас он занимал пост заместителя министра сельского хозяйства и земельных дел. Берди направился к нему. Буквально через несколько минут девушка-секретарь отпечатала в двух экземплярах составленный ими нужный текст телеграммы и передала его Берди.

Берди-картбаз человек настойчивый, если он что-то задумал, обязательно доведёт до конца. С помощью Чары Озбека и одного помощника Атабаева телеграмма ушла к Калинин. И чем чёрт не шутит, когда Бог спит? Вдруг поможет? Почему бы не рискнуть. Ровно через неделю Берди картбаз вернулся в Тахтабазар. Подождав в Ашхабаде ответа от Калинина два дня, он уехал в Мары, там он тоже пробыл два дня, занимался своими комсомольскими делами.

Был ветреный серый день, небо обложено облаками. Ветер шевелил кроны деревьев, растущих по ту сторону вокзала. Издалека казалось, что они укрыты густым дымом. Поезд, с которого только что сошёл Берди картбаз, умчался в сторону Кушки. Он сделал большое дело. Правда, Берди-картбаз пока ещё не знал об этом. О том, что его хлопоты были не напрасны, что расстрел Таганам заменён ссылкой и тюрьмой, о чём сообщалось в телеграмме из Москвы, он узнает только по возвращении в село. В один из тех дней он встретил в городе Амана из ОГПУ. Узнав Берди, тот остановился. Посмотрел на него недружелюбно, нахмутив брови, тем самым выражая своё недовольство.

– Ты, комсомол, беспокоя больших людей, хотя бы зна-

ешь, кого защитить решил?

– Знаю!

– Кого?

– Товарищ Аман ОГПУ, я позаботился о своих родственниках. Они не враги советской власти, ничего плохого ей не сделали. Об этом же я сообщил и товарищу Калинин. И потом, я бы не смог сидеть сложа руки, когда мои близкие оказались без вины виноватыми.

– Но ты ошибаешься, парень!

– Возможно.

После того, как Аман ОГПУ, многозначительно улыбнувшись, покинул его, Берди понял что его тоже взяли на заметку, ещё долго стоял на месте и смотрел ему вслед. Он почувствовал, как встреча с этим человеком вызвала дрожь во всём теле.

В те же дни Ягды всюду говорил: «Я сам с этим вопросом пошёл прямо к начальнику ОГПУ, сказал, что хотите, сделайте, только не стреляйте!». Что ни говорите, но и мы в районе не последние люди, авторитет имеем, поэтому нас слушают. И потом, Таганы тоже нам не чужие люди, мы с ними одного рода-племени». Он специально так говорил, ведь кто его знает, а вдруг они вернутся домой, и тогда люди скажут, кто их защитил.

Но люди тоже не дураки, их такими речами не провести. Зато Берди, сделавший большое и важное дело, заслужил людскую благодарность. А ещё люди думали о том, что, най-

дись в то время кто-то вроде Берди, может, удалось бы отстоять семьи Кымышаша-дузчы и Гуллы эмина. Увы, мысль эта была запоздалой.

* * *

Солнце неожиданно выскочило из-за холмов и сразу поднялось очень высоко, однако ночная прохлада не успела развеяться. Солнце казалось неподвижным, словно собиралось висеть на небосводе до конца дня, обдавая землю жаром.

В кибитку с откинутой шторкой стал поступать свежий воздух. Внутри Джемал мама вместе с внучками Акджагуль и Огулбике была занята замесом теста для выпечки хлеба. Вчера после обеда девчонки унесли с собой около пуда пшеницы и смололи её на ручной мельнице соседей. Домой вернулись с головы до ног покрытые мучной пылью. Мука получилась мелкой, шелковистой на ощупь, готовить из такой муки одно удовольствие. Джемал мама хотела заняться тестом пораньше, но пожалела девчонок. Они вчера так хорошо потрудились, устали, и теперь спали беспробудным сном. Пусть выспятся девочки, тогда и займёмся работой.

Акджагуль рядом с бабушкой месит тесто. Её маленькие кулачки ещё не набрали силу, чтобы вымесить густую массу как следует. Для этого нужны руки сильные и умелые, как у старшей невестки Огулджумы или же у другой невестки Амангуль. Вот уж они были настоящими мастерицами, тесто

в их руках играло и радовалось. В прежние времена невестки, затевая хлебное дело, всегда звали к себе девочек: «Идите сюда, смотрите, как надо тесто месить, пригодится!» Свекровь тогда вставала на сторону девочек, их жалела, словно те хотели отнять у них детство: «Делайте сами свою работу, а девчонок не трогайте. Придёт их время, и они успеют всему научиться!» Но раз могла тогда Джемал мама, как и её невестки, подумать, что это время наступит так скоро?! И вот теперь старухе приходится самой учить девочек тому, чему должны были бы учить их матери.

Посадив Акджагуль рядом с собой, она говорила ей, что надо делать, при этом объясняла, что тесто необходимо хорошо вымесить, тогда и лепёшки будут пышными и мягкими. Время от времени она подливала в миску с тестом тёплой воды из стоявшего рядом кумгана.

Огулбике сидела в сторонке, бросая взгляды то на бабушку, то на Акджагуль, по-кошачьи лениво потягивалась. В её взгляде откровенно читалось недовольство тем, как месит тесто Акджагуль. Немного обиженно подумала: «Если бы бабушка мне доверила вымесить тесто, я бы сделала это намного лучше, когда Акджагуль месит его своими кулачками, тесто издаёт слабые звуки, поэтому и липнет к рукам. А ты попробуй с силой бить по тесту, увидишь, как оно сразу же начнёт отставать от рук!» Но в этом доме почему-то все работы вначале доверяли Акджагуль. Огулбике это обижало, она видела в этом частичку недоверия к себе. И согласиться

с этим никак не могла.

Огулбике всё же не выдержала:

– Ну, что ты как неживая, меси сильнее!

– Не твоё дело, я сама знаю, как мне месить тесто!

– Ну, так и делай, как положено, если знаешь!

Склонившись над миской с тестом, Акжагуль пожаловалась бабушке:

– Бабушка, скажи же ей, надоела она мне своим бормотанием, сидит возле меня и жужжит, как надоедливая муха!

– Опять за своё, негодницы! Немедленно прекратите перепалку! – Джемал мама сделала замечание обеим внучкам. Потом повернулась в сторону Огулбике: – До тебя тоже дойдёт очередь, детка, пусть она ещё разочек добавит воды и промесит тесто, перевернёт его, остальное доделаешь ты! – ласково произнесла она.

Поскольку от полной семьи осталось всего ничего, теперь в этом доме не пекли полный тамдыр лепёшек, как это было в прежние времена. Сколько могут съесть два старика да две девчущки? Двух-трёх чуреков им хватает на два-три дня. Летом вообще мало хлеба идёт, фрукты-овощи да бахчевые выручают. Джемал мама, хоть и заставляет внучек делать тесто для лепёшек и дрова к тамдыру подносить, всё равно большей частью жалеет их, бережёт, близко к горящему тамдыру не подпускает. Вместо этого она обращалась к соседкам, позвав их к себе: «Эй, невестки, кто из вас свободен, идите сюда, помогите выложить лепёшки на стенки тамды-

ра!» Если Джемал мама звала, никто из соседских женщин не отказывал, напротив все спешили на помощь и делали это с удовольствием. Обычно лепёшки выкладывали в тамдыр свояченицы – жены Хуртека, Сахетдурды, Гуллара, Ахмета или Баллы. Иногда это делала другая соседка, сестра Таганов, жена племянника Мухамметназара со странной кличкой Лекган.

Молодые женщины почитали Джемал маму как хозяйку всеми уважаемой семьи. Так Джемал мама потихоньку привыкала к своей новой жизни. Правда, плохо, что эта новая жизнь пришла к тебе в старости, когда ты уже мало на что способна. Да ещё и злые языки не давали спокойно жить. В селе то и дело распространялись разные слухи о судьбах ссыльных. На этот раз говорили о том, что половину тех людей, которых забрали работники ОГПУ, оставили в Ташкенте, а женщин и детей увезли дальше, в Сибирь, бросили их в лесу и сказали: «Живите, как хотите!», а там такие морозы, что превращают плохо одетого человека в кусок льда. Конечно, тех людей очень жаль, но ведь их это сейчас не касается, а значит, об этом можно с удовольствием рассказывать. В тот день, когда она услышала об этом, Джемал мама долго не могла уснуть, а когда всё же уснула, ей приснился странный сон. Во сне она побывала в той самой холодной Сибири, о которой в последнее время так много говорили. Кругом стоят высокие снежные сугробы. Люди проваливаются в снег, но всё равно продолжают двигаться. Джемал мама

высматривает среди этих людей своих детей. Но их нигде не видно. У людей, сидящих на гигантских голых деревьях, похожих на скелеты каких-то неведомых чудовищ, Джемал мама спрашивает, не видели ли они её детей: «Вы не видели Кымышей?» «Да они только что здесь были», – отвечают с дерева и смотрят по сторонам. Среди устроившихся на дереве людей Джемал мама узнаёт сына Гуллы эмина Кямирана, ну, да, этот смуглый юноша с продолговатым лицом и есть Кямиран. Он, как и остальные, пожимает плечами и махнув рукой, говорит о чём-то непонятном. Джемал мама спрашивает у него:

– Кямиран, даже если другие не знают, ты-то должен знать моих, где они сейчас, скажи мне! Вы же односельчане, и увозили вас и вместе!

Кямиран снова пожал плечами и махнул рукой, как бы говоря: «Откуда мне знать?»

Расспросив ещё несколько человек, Джемал мама направляется в ту сторону, которую они указали. А про себя думает: «Боже, разве может быть столько снега! Наверно, он лежит и не тает никогда потому что если столько снега растает, он же всё вокруг затопит!» Идти по снегу тяжело, она с трудом переставляет ноги, будто кто-то тянет её назад. «А если я не найду их и там, куда меня направили, где же ещё мне их искать?» – озабоченно думала Джемал мама, направляясь в указанную сторону.

И вдруг под развесистой арчой она увидела внуков Алла-

назара и Аганазара. Вот они, оказывается, где. Джемал мама, всхлипывая, торопится к мальчикам, чтобы обнять и расцеловать их.

Мальчишки её не узнали, вздрогнув, отступили.

– Алла джан, Акы джан, куда вы бежите от меня? Это я, ваша бабушка! – Джемал мама пытается напомнить мальчикам о себе, бежит за ними.

А те всё дальше убегают от неё. А ведь бабушка хотела расспросить у них об остальных членах семьи, бежит за ними, но разве же ей угнаться за этими юнцами? Старуха, пытаясь бежать по толстому снежному насту, всё кричит и кричит: «Алла джан, Акы джан, куда вы?» ...

– Бабушка, бабушка, проснись, тебе дурной сон приснился, ты кричишь во сне – среди ночи будила её внука Акджагуль.

Хоть и трудно было месить ногами сибирский снег, проснувшись, Джемал мама захотела досмотреть сон. Ведь ей только осталось догнать своих внуков, которые бежали от неё, словно юные жеребцы. Но если ты стар, разве уснёшь сразу же, как только положишь голову на подушку? Как ни старалась Джемал мама, заснуть больше так и не смогла. Но мысли её всё ещё были там, в заснеженной Сибири, где она только что, хоть и во сне, побывала. Джемал маме не хотелось верить во все эти слухи, и не только верить, но даже слышать их не хотелось. Потому что теперь в селе не слышно утешительных вестей, одна чернота. И хотя Джемал мама не

может видеть и слышать своих ссыльных сыновей, сердцем чувствовала, что они живы, и мысленно оберегала их и о том молила Аллаха.

Сколько бы сообщений о ссыльных не доходило до слуха Джемал мама, она уже не пыталась что-то уточнять или выяснять. «На каждый роток не накинешь платок!» – говорила она себе и в этом вопросе полагалась только на Бога. Старалась сторониться тех, кто распространял малоприятные слухи.

Но что самое неприятное, иногда эти толки становились реальностью, пусть даже не с точностью, но где-то близко к тому.

Как ни старалась Джемал мама держаться, последние сведения, потрясшие село Союнали, не давали ей покоя. И всё же она старалась ничему не верить.

– Мало что ли на свете людей, которые болтают невесть что? Ухватят какую-то нить, а до конца не дослушают, домыслят. Если русские хотели расстрелять их, зачем надо было везти их так далеко, разве здесь мало места? Эти слухи распространяют бездушные и глупые люди, те, кого обогрела новая власть, – бормотала старуха себе под нос.

Вчерашний сон немного успокоил её. Во сне она видела огромные сугробы снега, небольшой, но всё же огонь, который горел возле её внуков. Несмотря на непонятные места сна, народ всегда верил, что снег – это белое, к добру, огонь священен, и тоже к добру. Хотя во сне она была расстроена

из-за того, что не смогла догнать внуков, наяву, очнувшись и успокоившись, осталась довольна теми признаками, которые увидела во сне. Это придало ей сил, потому что поняла: Бог услышал её молитвы, ведь она всегда просила Его о милосердии.

В этот раз из города новости привёз глава сельсовета Ягды. В последнее время вести в село чаще всего приносит он. Стоит спросить у человека, от кого он это узнал, как ответ сразу же касался Ягды.

Джемал мама, услышав об этом, решила, что надо узнать обо всём из первоисточника, то есть от Ягды. Ведь он же человек власти, может что-то знает. И думала отправить к нему старика, когда он вернётся с бахчи. Но за ним надо будет посылать девчонок, а так неизвестно, когда он вернётся. Напротив, когда к нему приходят внучки, он наказывает им: «Скажите бабушке, дыни уже созрели, начнут гнить, пусть она возьмёт с собой всё необходимое и здесь делает заготовки. Нельзя погубить с таким трудом выращенные дыни!

Тесто замешено, накрыто, чтобы подходило. Джемал мама решила сама сходить к Ягды, но подумала, пока найдёт его, может много времени уйти. Она отправила Огулбике за женой Ахмета.

Женщина не заставила себя ждать, пришла быстро.

– Вы звали меня, мамасы? – она поздоровалась, склонив голову в почтительном поклоне.

– Да, звала. Хочу попросить тебя об одной услуге. Я пойду

по своим делам, вдруг задержусь, ты тогда проследи, чтобы тесто не убежало, не прокисло. Ты приходи, посмотри, если вдруг оно подойдёт, разожги огонь в тамдыре и испеки чурек!

– Хорошо, мамасы, – женщина поправила спустившийся яшмак, дала согласие помочь.

– Вчера из города вернулся Ягды гул, при новой власти подбный Акынияз баю, Гуллы эмину, и что-то болтал про ссыльных. Вчера к нему ходил Солтаняз, спрашивал о своих. Разве устоишь, когда что-нибудь сообщают о них? Вот и я хочу сходить и своими ушами услышать, какие вести он принёс, не от посторонних хочу узнавать. Да, они брали у нас два-три чувала, якобы для перевозки зерна, но ведь от них не дождёшься не только благодарности, но и возврата чужого имущества. Если окажусь в той стороне, постараюсь найти и наши чували.

– Мамасы, вы спокойно занимайтесь своими делами, – заявила женщина, довольная тем, что бабушка попросила её о помощи, считая, что внуки слишком малы, чтобы справиться с таким серьёзным делом.

Сделав свои дела и раздав поручения, Джемал мама вышла из дома, рассчитывая найти Ягды либо в зернохранилище, либо где-то рядом.

С востока дул лёгкий ветерок. На песчаной дороге лежал тонкий слой пыли. Идя по улице, Джемал мама на ходу отвечала на приветствия встречных людей, ни с кем не задер-

живаясь. А вокруг всё те же знакомые дома, знакомые места. После прихода новой власти в Союнали многое переменилось, неизменным остался только облик села. Поэтому, когда видишь это, кажется, что в мире ничего не изменилось.

Роскошные дома, построенные состоятельными людьми рядом с чёрными кибитками, теперь занимали совсем другие люди, но дома эти по-прежнему были похожи на высокомерных петухов, устроившихся в курятнике. Джемал мама шла в сторону двора Гувандык бая, называемого в последнее время «складом для зерна», и думала о том, что внутри двора высятся горы пшеницы, собранной как от колхозников, так и от единоличников. На этих горах зерна любят сидеть всякие птички, они с удовольствием клюют бесплатное зерно. Чаще всего Ягды бывает там. А ещё она вспомнила ежегодные торжества, устраиваемые в честь отправки в город караванов с зерном.

На верблюда, который пойдет первым, накидывают ковёр, с двух сторон вешают дубашлыки – тоже своего рода торжественные свадебные накидки, словом, кутают несчастного верблюда во что ни попадя, и он становится похожим на товар, предназначенный для продажи. Мало этого, сверху на него ставят ещё и ковровый хурджун, из которого выпирает гора зерна, это должно символизировать богатство. А между двумя передними ногами верблюда, в том месте, где кончается его шея, натянут красное полотнище с надписью: «Родина, принимай отменное зерно из Союнали!». Симпатич-

ному парню дадут в руки флаг и усадят на верблюда, и вот уже по долине Пенди потечёт река пшеницы город где принимают зерно.

Прежде союналийцы всем селом торжественно провожали этот красный караван, к тому же он напоминал им прежние караваны, которые проходили через их село со звенящими колокольчиками, идущие из Афганистана, Мерва, Бухары, Машата.

В первых таких караванах пару раз принимал участие и Оразгылыч. Как-то, вернувшись оттуда, он рассказал: «Хорошо, что я сам поехал туда, в приёмном пункте в городе собралось столько народу, верблюдов, арб и другого, что невольно подумалось, где-то ещё остались люди?». Кажется, люди думали, если сегодня не сдадут своё зерно, завтра уже будет поздно. Из тысяч чувалов я с трудом отыскал наши, помеченные. В разных местах высятся горы зерна. Стоит только взвесить своё зерно, как сотни рук парней тянутся за ним, они хватают чувалы, как пушинку, взбираются на гору зерна и вытряхивают пшеницу из чувалов. А чувал брезгливо отбрасывают в сторону, будто боясь подцепить какую-нибудь заразу».

Джемал мама, вспоминая рассказ Оразклыча, уже походила к зернохранилищу, когда в воротах показался ворчливый, высокого роста, стройный Сапар дараз. Остановился, чтобы поздороваться с Джемал мама:

– Салам алейкум, гелнедже!

– Как дела, Сапар, как поживает Овлак гелин?

– Гелнедже, что слышно о ваших?

– Кроме людских слухов мы никаких сведений не имеем.

А люди находят, о чём рассказать, можно подумать, они оттуда вернулись и всё видели своими глазами.

– Ну, да, это же люди, им дай поболтать. А в колхозе работа никогда не кончается. В прежние времена после уборки урожая наступало какое-то затишье, можно было отдохнуть. Помните, как собирался народ на Холме споров гапланов, Кымыш акга и другие, играли в камешки – дюзюм, кече-кече?! Но теперь всё это ушло в небытие, как будто и не было никогда. После уборки урожая было велено идти на зерновой сарай и там работать. Ну, поработал я. А теперь Ягды подозвал к себе и говорит: «Здесь работы почти не осталось, ты отправляйся в город, на хлебоприёмный пункт, там нужны такие сильные мужики, как ты, чтобы ворочать мешками и чувалами с зерном». Но в город ведь надо ехать с ночёвкой. Спрашивается, в двух шагах находится город, чтобы на ишаках и конях ездить туда и обратно? Мало того, так и питание твоё там же за твой счёт, короче, ничего хорошего...

Сапар-дараз, хотя и не очень понимал, что происходит в стране, был одним из тех, кто со своей парой волов вступил в колхоз.

На своих волах он вспахивал колхозную землю, сеял, выращивал урожай и тем кормился. По тому, с каким жаром он рассказывал всё это, было ясно, что он только что схватился

с Ягды, поругался с ним.

Из слов Сапара, дараза Джемал мама поняла, что он обижен на Ягды и раскаивается в том, что вступил в колхоз. Она постаралась успокоить его:

– А может, колхоз и должен быть таким? Вы ведь и раньше помогали. Если колхозники не успевали закончить газы – очистку оросительных сетей, вы шли помогать. А когда вам нужна была помощь, они к вам приходили. Примерно так всё делается.

Вспомнив о том, что она собиралась заодно и свои чувалы забрать, Джемал мама, расспросив Сапара дараза, вошла во двор приёмного сарая. В это время глава сельсовета Ягды стоял возле арбы, которую загружали зерном, и беседовал с ещё двумя мужчинами. Сунув одну руку за плотно затянутый широкий ремень, немного наклонившись, что-то объяснял заведующему этим складом зерна, разговаривал с круглоголовым человеком в тубетейке. В сторонке от них третьим стоял незнакомый смуглый человек в сталинской фуражке. Это был спецпосланец райкома, приехавший из города в Союнали специально для того, чтобы проследить за тем, как идёт отгрузка зерна. Не вмешиваясь в разговор Ягды с его собеседником, он стоял молча и только на губах его играла чуть заметная усмешка.

Заметив приближающуюся к ним Джемал маму, они замолчали, решив вначале выслушать её. Выражение лица Джемал мамы не понравилось Ягды, он насупился. Убрав ру-

ку с пояса, носовым платком вытер вспотевший лоб.

– Ягды, я решила повидаться с тобой, поэтому и пришла сюда!

– А что вас привело ко мне? – для приличия спросил глава сельсовета, хотя прекрасно понимал, для чего эта старая женщина пришла к нему.

– Ты вроде бы привёз из города какие-то вести о ссыльных, так? Уже кого-то из них расстреляли, кого в Сибирь отправили, словом, уже решили их судьбу. Вроде бы это ты говорил, вот я и решила услышать обо всём этом из первоисточника. Видишь, не смогла усидеть дома, пришла к тебе. Послать к тебе было некого, дед на бахче, да и не хочется ему возвращаться в село...

– Ай, у меня, старая, для тебя утешительных вестей нет, вернее, мне вообще нечего тебе сказать. Правда, на собрании один из руководителей сказал, что они отправились в сторону Сибири. Но куда именно он не называл, так что, прости, ничем тебе помочь не могу, – выдал из себя Ягды.

Ягды вспомнил то собрание, на нём первый секретарь райкома заявил, что проделана большая работа, и они избавились от тех, кто тормозит развитие советского государства, при этом выразил огромную благодарность Ягды за проявленную им в этом деле активность. Ничего он этого не сказал старой матери, постарался немного смягчить её сердце, как-то успокоить. Но мать была неутешна, тоска терзала её душу. Сейчас по её жилам текла не кровь, по ним бежал огонь,

он сжигал её изнутри. «Похоже, люди ничего не придумали, всё, что они говорят, правда», – подумала Джемал мама про себя.

– Сын Нарлы чопчи, ты прекрасно знаешь, как ждут здесь люди любой весточки. Почему ты не спросил, кого именно отправили в Сибирь? – в голосе старой женщины было отчаяние.

– Ай, откуда им знать? – с важным видом ответил он, но посмотреть прямо в глаза старухи не посмел. Сейчас перед ним стояла женщина, которая когда-то, когда он жил в нужде, ласково называла его «сынком».

Проводив сыновей в ссылку и поняв, кто такой Ягды на самом деле, Джемал мама заметно охладела к нему. Нет, теперь старой женщине совсем не хотелось называть его «сынком», как это было раньше. Теперь она, как и другие, считала его чужим, поэтому, как и все, называла его не иначе как Ягды гул, кемсит.

Ничего не говоря, старая женщина пошла обратно. И снова мысли унесли её в Сибирь, к её детям. Смешавшись с ними, она быстро забыла про Ягды. Грусть-тоска разрывала её сердце, она шла, сгорбившись. Перед глазами стояли родные внуки, она видела, как они шумят, бегают, играют, потом перед её мысленным взором появились сыновья, невестки, они смотрели на неё...

– Как же я буду жить без вас, родные мои! – вслух произнесла Джемал мама и вдруг расплакалась.

Солнце поднялось высоко, и с высоты нещадно жарило, воздух раскалился докрасна. Но занятая своими мыслями старуха ничего этого не замечала.

Уже подходя к дому, она вдруг вспомнила о своих чувалах. Вместо того, чтобы вернуться назад, мысленно отругала себя: «Эй, глупая женщина, у тебя отобрали настоящих хозяев этих чувалов, и кому теперь нужно это старьё, которому сто лет в обед исполнилось?»

* * *

Репрессии в стране начались с новой силой. Большинство арестованных уже оказались в лагерях Туруханска, Воркуты, Магадана. В те дни поезда непрерывно перевозили людей из конца в конец страны!

От наплыва ссыльных уже стонали Сибирь, Казахстан, сотни других регионов бескрайней страны.²⁹

Впоследствии поезда так наловчились перевозить людей, что казалось, им никакие другие грузы и не нужны.

Погода заметно изменилась, когда доехали до Оренбурга. Удивительное дело, Средняя Азия сейчас пылает в огне, из-

---

²⁹ Автор известного романа «Судьба» Хыдыр Деряев, проведя в Сибирских лагерях 19 лет, рассказал об этом времени однажды: «... Когда нас везли в Сибирь, наш состав остановился на каком-то полустанке вдоль Транссибирской железной дороги и простоял целый час. Я в это время стоял у окошка и считал проходящие поезда. Так вот, за тот час, что мы там стояли, мимо нас проехали 22 поезда с заключёнными...»

нывает от жары. А погода здесь похожа на весеннюю, то льёт дождь, то вдруг выходит яркое солнце. В последние два дня время от времени льёт дождь, дует влажный ветер.

Теперь по обе стороны поезда движется бесконечный лес, людей удивляет, сколько же здесь деревьев выросло. Иногда между деревьев промелькнут стога сена, чем-то напоминающие избушки, а рядом с домами стоят люди, провожающие взглядом проходящие поезда, много любопытных детей. «Сколько же здесь деревьев, хватило бы на строительство множества домов. А какие здесь гигантские деревья, вдвоём не обхватишь!..», – с завистью говорили пассажиры этого необычного поезда.

Куда ни глянь, всё вокруг в лесах, стоит задуть ветру, и колышутся кроны деревьев, словно волны зелёного моря. И даже плывущие по небу тёмные тучи были не в состоянии нарушить эту картину.

Где было туркменам видеть такое изобилие деревьев?!

А ссыльные ехали всё с такими же мучениями. Изменилась местность, но не изменилось их положение. Страдания этих людей были вызваны равнодушием, а то и вовсе презрением сопровождавших их охранников, считавших их представителями класса угнетателей, всю жизнь измывавшихся над сирыми и неимущими. Они были убеждены, что своим отношением к ссыльным доказывают свою верность большевистским идеалам. Раньше в небольшие окна вагона, расположенные под самым потолком, сыпался песок пустыни, те-

перь же оттуда задувало холодным ветром, который к ночи становился морозным. «Закрой его, акгасы, дует же оттуда!» – попросила мужа однажды Огулджума, в это время, лёжа на боку, она кормила грудью маленького Рахмангулы. Она просила заткнуть дыру в стене вагона как раз напротив того места, где сидел Оразгелди. Раньше задувавший это отверстие воздух доставлял удовольствие, но теперь всё было совсем наоборот.

За стенами вагона стояла ночь.

Народ в вагоне крепко спал, посапывая во сне. Приподнявшись, Оразгелди вытянул из-под себя кошму и одним концом заткнул дыру в стене, из которой нещадно дуло, затем надел на себя жёлтый тулуп, лежавший у него под головой вместо подушки, и спиной прислонился к этому месту.

Под монотонный стук колёс Оразгелди думал о том, как меняется погода, перед глазами возникло вчерашнее небо. На нём, словно клочки серой шерсти только что остриженных овец, толпились облачка, толкаясь и наезжая друг на друга. Оразгелди представил, что это не облака, а овцы, при каждом дуновении ветерка они разбегались в разные стороны, а чабан никак не мог собрать их в кучу. Ветер принёс запахи хвои – приятные запахи леса. Теперь уже и взрослые по утрам и вечерам старались одеться потеплее. Таково требование российского лета. Как только поезд въехал на просторы России, погода заметно изменилась. На ночь детей старались укрыть тёплыми одеялами. Особенно холодно было по

утрам и ночам.

– Кажется, мы приехали в Сибирь! – высказывались люди.

– Небо вон какое хмурое.

– Аю, у этих людей бывает когда-нибудь лето? – Но если это Сибирь, какое может быть лето?

– Про свое лето теперь забудь.

– Неужели так и будет?

Перемена погоды повлияла на всё сразу. И даже после того, как поезд выехал из Челябинска, никто и не думал интересоваться состоянием ссыльных, их проблемами. Состав спешил. На небольших полустанках он только притормаживал немного, но потом снова набирал скорость. О том, что следующим пунктом их путешествия будет Петропавловск, ссыльные узнали во время стоянки в Челябинске. А вообще-то смирившихся со своей судьбой людей не очень-то и интересовало, куда их везут. Сейчас главное для них – как можно скорее добраться до места. Беспросветная жизнь в тесном вагоне всем уже порядком надоела, стала просто невыносимой.

Тем более, что и в этот раз даже во время большой стоянки никто не интересовался судьбой людей в поезде, и это стало вызывать подозрение и дурные предчувствия. Люди стали высказывать предположения, что в Челябинске, как и в Ташкенте, сменилась охрана, на смену прежней пришли ещё более злые люди, и они попросту забыли об этих несчастных. Другие не стали искать виноватых извне. Они попросту

предположили, что в Челябинске из такого же, как у них, вагона мог сбежать кто-то из ссыльных вроде Нурыгды, поэтому они обозлились и решили не обращать на них никакого внимания, подвергли их таким жестоким испытаниям.

Первой стала ощущаться нехватка воды, дети плакали и просили у родителей пить. Запас воды в вагоне кончился, но поскольку раньше им время от времени выдавали еду и воду, люди и не пытались делать большие запасы воды. И очень скоро жажда стала мучить не только детей, но и взрослых, и это стало неразрешимой проблемой. Дети ничего не хотели понимать, они всё время просили пить, им невозможно было что-то объяснить. А за стенами вагона всё время лил дождь, казалось бы, проблем с водой не должно быть, но, увы, это людям никак не помогало.

Но так уж устроен человек, ему всегда хочется того, чего сейчас нет. И если голодная курица видит во сне зерно, то жаждущим людям снятся их родные полноводные реки Мургаб, Джейхун, Теджен, бьющие из горных недр родники с прозрачной холодной водой. Алланазар, только что поделившийся последним глотком воды с двумя братьями, сидел с опухшими от жажды губами и представлял протекавший прямо за их домом арык. Наверно, его сверстники до сих пор купаются в нём, гоняются друг за другом, устраивают шумные игры, а рядом с ними шумит поток воды. Казалось бы, они могли бы и напиться из этого арыка, но нет, предпочитают прыгать в арык, в разные стороны разбрызгивая воду.

Эта вода им нужна не для утоления жажды, а лишь для получения удовольствия от игр.

Забыв о том, что всё это видит не наяву, только в мыслях, Алланазар упрекнул мальчишек:

– Эй, вы почему не пьёте воду? Вот рядом с бродом, среди камышей, течёт чистейшая вода, пейте же оттуда!

Но даже если сейчас весь мир будет плавать в воде, для тех, кто едет в поезде, толку от этого никакого. Бесконечное нытьё детей, требующих воды, стало пугающе действовать на их несчастных родителей. Женщины утирали концами своих пуренджеков слёзы, пытаясь хоть как-то утешить плачущих детей, обещая им, что очень скоро они будут там, где очень много воды.

Мужчины не находили себе места, они не знали, что делать, как вести себя, и не видели ответов на свои немые вопросы. Взрослым сейчас было ничуть не легче, чем детям, они облизывали пересохшие, потрескавшиеся губы. Заканчивались припасы еды, а сопровождающие их люди и не думали хоть чем-то кормить ссыльных. Только у женщин ещё немного оставалось еды, да и то, потому что ни расходовали её экономно, берегли для детей. Больше всего людей мучила жажда.

Каждый раз, когда состав, подъезжая к какой-нибудь станции, сбрасывал скорость, в людях начинала теплиться надежда: вот сейчас поезд остановится, откроются двери, и их выпустят наружу, чтобы они могли напиться и запастись во-

дой. А заодно и накормят их.

Но ничего такого не происходило, никто не интересовался судьбой без вины виноватых каторжников. В конце концов всё это заставило уважаемых людей снова собраться у входа в вагон. Небольшая группа, в которую вошли Гуллы эмин, Сейитмырат ага, Оразмырат ахун, Тятян бай, собралась у входа для совета. В издаваемом составе грохоте они с трудом слышали друг друга, не говоря уже о других «жилецках» вагона. Что-то говорит Сейитмырат ага. Гуллы эмин, временами поглаживая свою прикрывающую грудь красивую окладистую бороду, включается в беседу. Сидя на корточках, Тятян бай слушает старейшин, до хруста ломая пальцы, и давая понять, что он готов в любую минуту выполнить любую просьбу. В головах, собравшихся вертелась одна и та же мысль: «Где же раздобыть воды? Кто-нибудь заинтересуется нашей судьбой?». Эта мысль не давала покоя мужчинам, которые чувствовали свою ответственность за случившееся.

Наконец настал долгожданный момент. Подъезжая к какому-то вокзалу, поезд начал сбрасывать скорость. Все сидевшие у входа мужчины вскочили на ноги. В это время их груди стучали с надеждой сердца... Мужчины стали дружно колотить по дверям вагона, хотели привлечь внимание охранников к себе. Гуллы эмин, одной рукой упираясь в стену, а другой колотя по двери, громко произносил известные ему два-три слова на русском языке: «Орус, бода, бодо, боды!..», – кричал он во всё горло, просил воду.

Но дверь вагона всё равно не открывалась, будто её запечатали на веки вечные. А раз дверь не открывается уже два дня, где взять воды? Выломать стены вагона, вырвать дверь? Что тогда будет? Неужели те, кто везёт без вины виноватых ссыльных, не понимают, что они тоже люди, такие же, как они, с руками и ногами, чувствами и желаниями. Им тоже надо есть и пить, отправлять естественные надобности? Ещё как понимают! Но при этом знать не желают, потому что не считают их за людей, воспринимают их как стадо безмолвных баранов. А ведь им всего-то и надо кусок хлеба да немного воды, они ведь больше ничего для себя не просят! Разве эти люди не смирились со своей судьбой, и вот уже несколько дней ничего не требуют для себя, молча едут в этом отвратительном вонючем вагоне? Им вдруг стало понятно, что позаботиться о ссыльных должны только они сами, больше никто этого не сделает.

На стенах вагона, намного выше человеческого роста были наискось расположены небольшие отверстия, вероятно, для циркуляции воздуха внутри помещения. Когда стало холодать, люди заткнули их подручными материалами. Когда на улице шёл дождь, через отдельные плохо заткнутые отверстия начинала сочиться влага, капли падали на сидящих внизу людей. Это не ускользнуло от внимания жаждущих людей. Как-то раз вода стала капать на Беки Сейитмырата, молодого человека лет двадцати пяти-двадцати семи, намочила его новенькую белую рубаху со стоячим воротником. Он

отодвинулся ближе к детям, и вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Радостно улыбнувшись, он обратился к сидящему рядом с ним Агаджану мурту:

– Агам, хочешь пить?

– А почему ты об этом спрашиваешь?

– А что, если я найду для вас воду? Тогда садись я поднимусь на твою спину.

И парень рассказал Агаджану, каким образом собирается добывать воду.

Держа в руках белую детскую рубашу, Беки взобрался на поставленные плечи Агаджана мурта и протянул руку с рубашкой к отверстию. Казалось, что он хочет заткнуть эту дырку. Когда Беки освободил отверстие от тряпок, которыми оно было заткнуто, оттуда в вагон ворвался холодный влажный воздух вместе с каплями дождя...

Люди с огромным удовольствием принимали от Беки мокрые тряпки и отжимали их в посуду. А на улице шёл дождь. Теперь все по очереди подавали ему свои тряпки, а он только успевал мочить их и отправлять вниз. Говорят же, если Бог закрывает одну дверь, Он обязательно откроет другую. И это был именно тот случай.

Мокрые тряпки прикладывали к пересохшим губам, людям стало так хорошо, что они начали верить: для них ещё не всё закончилось, впереди их ещё что-то должно ждать.

* * *

После отправления из Мары поезд с ссыльными пробыл в пути шестнадцать дней, и лишь на семнадцатый день остановился на небольшой станции Кашиков между городами Акмола и Караганда. Вначале «пассажиры» этого необычного поезда подумали, что это просто остановка, каких было много на их пути, что, постояв немного, состав поедет дальше. Ведь уже много дней они ехали по территории России, проезжая такие крупные города, как Оренбург, Орск, Торск, Челябинск, Петропавловск. Не зная, куда точно едут, люди были уверены в том, что едут они в эту пресловутую Сибирь. А поезд, пройдя через многие незнакомые места, снова прибыл в Казахстан, правда, теперь уже с другой стороны.

– А ну выходите, прибыли, ссыльные, прибыли на место! – доносились с улицы требовательные крики.

Когда дверь вагона, словно занавес, была отодвинута в сторону, охранники увидели толпу людей с горящими взглядами. Спустившись из вагона на землю, они стояли молча, не двигаясь с места, будто не верили, что наконец-то их долгое путешествие закончилось.

Народ был уставшим, обессиленным. После Петропавловска к ним снова стали подходить, давать им воду и еду, интересоваться их состоянием. Именно это привело их немного в чувство. Больше всего ссыльные переживали, когда на стоянках из вагона доставали тела людей, умерших в дороге, накрытыми они лежали внутри вагона.

Глядя на бескрайнюю степь, раскинувшуюся за одноэтажным вокзальным домиком из красного кирпича, ссыльные испуганно думали:

– Неужели это и есть то место, где нам суждено провести остаток своей жизни?

– Ого, сколько тут земли!

– Голая равнина, хоть скачки устраивай!

– Ага... Кажется, счастью нашему пришёл конец.

– Почему?

– Эй, разве ты не видишь, здесь есть хоть какая-то жизнь?

– Зато посмотри, какой здесь простор! – произнёс Оразгелди, с жадностью настоящего хозяина земли разглядывая открывшуюся картину. – Сколько хочешь, сажай хлопчатник, пшеницу, земли на всё хватит!

– Ты думаешь, хлопчатник здесь вырастет? – возразил стоявший рядом с ним Агаджан мурт.

– А что, если есть земля, есть вода, что ещё надо хлопку? Разве он в Египте не растёт...

– Ну, не знаю. Вполне возможно, что в Египте и растёт. А ты наверх посмотри, небо вон какое серое, обложено тучами... Если всё лето не видно солнца, про пшеницу не знаю, но хлопчатник точно не вырастет. Для хлопчатника нужно много солнца, а оно есть только на нашей земле, – с грустью произнёс Агаджан мурт, вспомнив, вероятно, в эту минуту покинутую Родину.

Это станция Кашиков появилась в ту пору, когда строи-

лась здесь железная дорога, расчёт был на то, что со временем сюда начнут переселяться люди. Здание вокзала было построено в европейском стиле, оно выглядело намного наряднее двух-трёх появившихся чуть позже построек. От дождей и ветра его фундамент за многие годы потемнел, но особого ущерба зданию это не нанесло, похоже, строили его добросовестно.

Считалось, что казахи заселят эту местность и осядут здесь, а это здание станет для них своего рода маяком, но не тут-то было. Народ, тысячелетиями вместе со своим скотом кочевавший с места на место, невозможно заставить сидеть на месте. Предки казахов были саками-скифами, они были похожи на огузов, считали всю планету своей, поэтому кочевали с места на места.

По обе стороны вокзала стояли толпы людей, прибывших встречать поезд. Они стояли возле тракторов и телег, курили, о чём-то переговариваясь. Они ждали, когда ссыльным позволят выйти из вагонов. Прямо перед зданием вокзала стояли три здоровенных мужика, они выделялись из окружающей толпы своим хозяйским видом, и были похожи на пастухов, выбирающих из отары своих баранов. На двоих была надета коричнево-серая военная форма, на поясах одинаковые ремни с маузерами на боку. Один из них, среднего роста плотный крепыш был работником ОГПУ Шадмановым, которому поручено следить за порядком в номерных барачных посёлках, в последнее время, словно грибы после дождя, вы-

росших между Карагандой и Акмолой. Это был не понятной национальности человек лет сорока-сорока пяти, лицо его было плоским, словно придавленным пятой верблюда, подбородок вздёрнут, нижняя губа выпячена. Советская власть именно таким людям – неизвестно рода и племени доверили руководство. Он был комендантом 31-го барака. Справа от него стоял подтянутый в облегающей его стройную фигуру форме человек по фамилии Кочетков, его сверху направили сюда для контроля за приёмом ссыльных. Третьим был Иван Захарович Решетников, волжанин, в прошлом году посланный сюда вместе с семьей. Здесь его назначили председателем 31-го барачного хозяйства.

Посоветовавшись, решили определить половину вновь прибывших туркмен это хозяйство.

После того, как ссыльные вышли из вагонов, на земле немного размяли ноги, сняли свои вещи, специально назначенные люди забегали, размещая их по повозкам. Первыми в телеги посадили женщин и детей. Когда же было сообщено, что до места им добираться ещё два-три дня, люди поняли, что им снова придётся затянуть пояса.

Багаж, который не поместился на телеги, поделили между собой мужчины и несли на себе.

И вот эта огромная толпа отправилась в путь. Их окружала тоскливая, безлюдная казахская степь, которая начала оживать с появлением людей. Люди шли вперёд, а вокруг ничего не менялось, картина оставалась прежней, отчего им на-

чинало казаться, что они кружатся, топчутся на одной местности. Земля была влажной. Наверно, здесь несколько дней подряд шли затяжные дожди. Почва была тёмно-коричневой, тоскливо-загадочной. Временами по обочинам дороги появляются жёлтые островки ромашек. Откуда-то доносится знакомый голос перепёлки. Казахское лето не похоже на обычное жаркое лето, скорее, оно походит на туркменскую весну, которая вот-вот расцветёт во всей своей красе.

Тройка, которая следила за высланными и только что стояла перед зданием вокзала, теперь превратилась в надзирателей толпы. Прохаживаясь между телегами, они покрикивали на людей, сидевших в их телегах, отдавали приказы. Когда на каком-то отрезке пути по этой бескрайней степи люди вдруг снова ощутили знакомый горьковатый запах полыни, не сразу поверили в это. Разве это не дыхание Родины, по которой они так истосковались?

Когда они сошли с поезда, ссыльным объявили, что они прибыли в Акмолинскую область Казахстана, что место их поселения находится в 75 километрах от города Акмолы. Многие тогда, посмотрев по сторонам, подумали: «Если это казахская земля, то что-то не видно их приземистых домишек, верблюдов и табунных лошадей?». К тому же в окружившей их толпе людей видно только одно казахское лицо.

Поэтому, если не считать горьковатого запаха полыни, ничего не указывало на то, что они находятся на земле Казахстана.

Сейчас под ногами ссыльных раскинулась огромная Сибирская низменность, называемая Голодной степью, на северной окраине которой находится Тобольск, на западе Тургайская область, на востоке – Семипалатинск, на юге – Сырдарья.

Эти земли ещё во времена Сибирского правителя Кучум хана, спустя двадцать с лишним лет после первого разбойничьего набега крещёного татарина Ермака, впоследствии ставшего Ермаком Тимофеевичем, которого алтайцы утопили в реке Катунь, эта земля полностью перешла после этого к русским. Народ, предками которого были тюрки, разделился на племена и роды, был вынужден, оставив родную землю, мигрировать в Китай, Центральную Азию. Оставшиеся под началом русских люди были насильно окрещены и стали адептами новой религии. Не подчиняться русским и не желая менять веру, малочисленные казахи переезжали с места на место, и в конце концов стали одним из сибирских народов.

Не знали люди, которых сейчас гнали в неведомое место, что уже отданы на растерзание этой Голодной степи.

Теперь толпы ссыльных каждый день проходили мимо барачных посёлков один за другим с надписями: «Барак № 3», «Барак № 10».

И видели они, что беда, называемая ссылкой, коснулась не только их, ею охвачена вся огромная страна.

Комендант Шадманов сидел на самой первой повозке и руководил всем этим караваном. Время от времени оборачи-

ваясь с недовольным видом, покрикивал на возчиков: «Двигайтесь быстрее, вы ползёте как казахи, которые своего покойника через семь кладбищ проносят. Если мы будем так двигаться, не то что за три дня, а и за пять дней не доберёмся до места!». А когда повозки начинают кое-как тащиться и отставать, он останавливал переднюю повозку и подтягивал отстающих. В этот момент он был похож на собирающего своё стадо пастуха.

Председатель Решетников был более внимателен к тем, кто шёл рядом с его телегой. Он останавливал телегу и ждал, пока подтянутся идущие за ней люди. Один раз он празвернул коня, чтобы справиться об отстающих, и увидел, как идущий сбоку Сейитмырат ага, пытаясь проскочить перед конём, запутался в собственных ногах и упал на землю.

Решетникову всё же удалось остановить коня до того, как тот добрался до Сейитмырата ага. «Стой!» – крикнул он и остановил коня. Испугался, что конь может затоптать старика. Кровь прилила к его лицу, отчего его лицо и шея приобрели багрово-красный цвет. Немного придя в себя, он соскочил с телеги и сразу же протянул руку ему, не желая, чтобы другие увидели его падение.

– Вставай, старик! Держись за мою руку!

– Ноги что ли сплелись, не пойму, отчего я упал, – проворчал Сейитмырата ага, отряхивая одежду.

– Нельзя падать, тем более сейчас, – эти слова он обращал не только к Сейитмырату ага, но и всем, глядя куда-то через

плечо и о чём-то думая.

Старик посмотрел по сторонам и виновато улыбнулся... Полушутливое обращение Решетникова, а также то, что он усадил рядом с собой в телегу обессиленного старика, заставило людей задуматься. «Интересно, что за место, в которое нас везут? Кому там доверят нашу судьбу? Хорошо бы, чтобы это был человек вроде Решетникова, тогда и наша жизнь могла бы быть не столь ужасной. Видно же, что он нормальный человек, способный понимать чувства других людей».

Огулджума с детьми вместе с ещё одной семьёй сидела в доверху груженной вещами телеге. Тесно там было всем. Возницей у них был широколобый старик с бородкой клинышком, вид у него был благообразный, отчего делал его похожим на муллу. Видя, как перегружена его телега, он садился в неё только после того, как уставал идти пешком, чтобы дать отдых ногам. Всё остальное время, держа поводья коня в руках, шёл рядом, волоча ноги в просторных сапогах.

Выполняя мелкие поручения матери, Алланазар то спрыгивал с телеги, что снова садился в неё. Он присматривал за Рахманназаром, чтобы тот, ворочаясь с боку на бок, не слетел с телеги, пока мать, лёжа на боку, кормила грудью маленького Рахмангулы. То немного отставая от телеги, то, поравнявшись с шедшим рядом отцом, скакал как резвый жеребёнок.

От всего этого мальчик получал удовольствие. Больше всего ему нравилось идти рядом с дедушкой Потапом, изоб-

ражая из себя возницу, управляющего конём. Понимая душу ребёнка, старик время от времени давал поводья в руки Алланазара, ласково предлагал: «На, сынок, ты тоже немного управляй конём». Глядя на Алланазара с любовью, он ещё что-то говорил на непонятном языке. Алланазар по глазам старика видел, что он говорит какие-то добрые слова, но постигнуть их он не мог. Старик и ребёнок понимали друг друга без слов, у них были родственные души. В этой толпе людей возница выделялся своим благообразным видом священника, поэтому он был для них обычным старым возницей. О его судьбе люди ничего не знали. И только работники ОГПУ вроде Шадманова знали, что этот высокообразованный человек много лет служил писарем в царской канцелярии. Да он и сам, опасаясь ещё большего наказания, не очень-то распространялся о своём прошлом. Сюда старика привела та самая работа на царя. Та самая участь, как и других выселенных. Алланазар сдружился с этим стариком, чем-то напоминающим его родного деда – Кымышу-дучзы.

И в этот раз Огулджума, видя, что хлеб высох, и еды стало совсем мало, выставила узелок с сухим вареньем, сушёной дыней и урюком. Видя, что муж ничего не ест, только делает вид, что ест, едва касаясь выложенных ею продуктов, сказала:

– Возьми, положи в рот!

Но Оразгелди снова ничего не взял, только сказал: «Дети поедят».

– И детям хватит, и тебе тоже достанется, – она с жалостью посмотрела на осунувшееся лицо мужа. Заставив его поесть, она собрала кое-что из угощения и протянула Алланазару. – Иди, сынок, угости дедушку арабакеша!

Старик как раз в это время на арбе собирался обедать и с удивлением смотрел на семью: «Интересно, что они с таким удовольствием едят?»

Подбежавший Алланазар молча оставил перед ним, что-то незнакомое а когда дед распробовал это, довольно закивал головой: «Вкусно!» Старик был благодарен, что эти люди вспомнили и о нём, угостили его.

Эти двое – старик и мальчик, люди разного возраста, не понимая языка друг друга, нашли общий язык своими сердцами. Именно на этой дороге началась неожиданная дружба русского добродушного старика с туркменским мальчиком, которая окажет влияние и на их дальнейшую жизнь.

Была объявлена остановка. Алланазар расстелил рядом с телегой выданную матерью подстилку, после чего снял с телеги Рахманназара и помог матери сойти на землю. Держась за край телеги, Огуджума спускалась на землю, держа на руках Рахмангулы.

– Ты уже проснулся? – ласково спросила малыша мать.

Каждый раз, когда объявлялась остановка, люди быстро соскакивали с телег, и начинали шумно переговариваться между собой, собиралась целая толпа. Воспользовавшись такой возможностью, ссыльные старались и детей накормить,

и самим что-то перекусить. При возможности кипятили воду, чтобы заварить чай и выпить горячего, из каурмы, залив кипятком, готовили шурпу. Видя сзади идущего отца, несущего на спине тяжёлый груз, Алланазар подбежал к нему, помог по мере возможности снять ношу со спины. На расстеленный дорожный сачак снова выложили сушеную дыню, сухое варенье, сухофрукты, буханку чёрного хлеба, выданную по пути, поставили сосуд с водой. Сев за сачак, Оразгелди взял полоску сушёной дыни, разломил её пополам и вместе с куском хлеба дал одну часть Алланазару, а другую – Рахманназару.

– Возьмите, поешьте лучше хлебом!

Оразгелди и себе отломил кусок хлеба, сделав из него бутерброд с кусочками сушеной дыни стал медленно есть. С любовью посмотрел на маленького Рахмангулы, который, положив ручку на грудь матери, сосал её, аппетитно чмокая. Видя, что Рахманназар с завистью смотрит на материнскую грудь, произнёс:

– Похоже, он и сейчас не отказался бы от груди, – и вспомнил, как тяжело отнимали мальчика от груди, что он и сейчас, только позови, от этого не откажется. Каждый раз, когда он видел, как маленький Рахмангулы, дрыгая ножками, лёжа сосёт молоко матери, его охватывало чувство радости.

Посмотрев на братишку, Алланазар заметил:

– Совсем, как ягнёночек, шлёпает губками и сосёт молочко!

Слова Алланазара вызвали улыбку Огулджума.

– Так он и есть наш ягнёночек! – и погладила отросшие волосики младшего сына.

Чувствовалось, что им ещё долго добираться до места, так что дорожные мучения их ещё не скоро кончатся. От однообразной природы уставали глаза, вместо этого высокое небо вселяло больше надежд. По ночам звёзды удивлённо смотрели на толпу незнакомых людей, невесть откуда появившихся здесь. Да и яркая луна взирала вниз с изумлением, разглядывая невиданных здесь прежде людей.

Может, здесь ещё вчера тяжёлое войско хана Кучума разбило врага, может, эти разбросанные вокруг небольшие холмики – заброшенные могилы тех сибирских воинов? Оттого и тоскливо тут... Шадманов, Решетников и другие присланные из города надзиратели превращались во властных командиров победившего войска, а ссыльные – в захваченных ими пленников.

Где-то в мире когда-то вспыхнувшая война, видно, всё ещё не закончилась. Она, похоже, никогда не кончается, только меняет оружие, снаряжение и контингент чтобы повторяться снова и снова.

Впереди ссыльных на впряжённой в одну лошадь двухместной пролётке ехал Шадманов. И хотя пролётка не была перегружена, лошадь вспотела.

Вдруг лошадь, посмотрев вперёд, подняла голову, всхрапнула, словно увидела что-то подозрительное, и замедлила

шаг. Увидев перед собой радующее глаз раскинувшееся зелёное море пшеницы, Шадманов остановил коня. Озабоченный какими-то своими мыслями, с высокомерным выражением лица посмотрел по сторонам. Поравнявшись с Шадмановым, ссыльные тоже увидели это бескрайнее море пшеницы. Так устроен человек, когда в пути ему попадает что-то хорошее, он верит, что впереди его тоже ждёт хорошее. Вот и ссыльные тоже увидели пшеничное море, поверили, что это к добру. Они же все дайхане, поэтому испытали чувство, словно побывали на родной земле, и эта пшеница колосится на их родине. Лица людей просветлели, мир стал намного лучше.

Сняв со спины ношу, Оразгелди уселся на тюк и вытер с лица пот. Раскинувшееся перед глазами пшеничное поле напомнило ему пшеничные поля Пенди, отчего на душе стало как-то легко. Вспомнил, как его отец, Кымыш-дузчы, почти перед каждой жатвой, с любовью поглаживая колосья, говорил: «Пшеница изначально была райской культурой. Если бы праотец наш Адам, послушавшись сатану, не послушался бы прамать нашу маму Еву, не попробовал бы в тот раз пшеницу, про которую Бог ему говорил: «Не ешь!», может, и не вышел бы из рая никогда. Когда Бог прогонял Адама и Еву из рая, сунул им в руки горсть пшеничного зерна со словами: «Возьмите, пусть это будет вашим спутником на всю жизнь».

Ширококостный светлолицый человек по имени Рехмет эрсары, который подружился с Оразгелди сблизился в пу-

ти в последние два-три дня, поравнявшись с Шадмановым, который, остановив коня, стоял в своей пролётке, обратился к нему:

– Уважаемый комендант, вы не знаете, в этом озере вода питьевая?

Рехмет эрсары, увидев из далека зелёное пшеничное поле подумал, что это озеро. Поле и в самом деле было бескрайним и издалика вполне могло сойти за большой водоём.

От неожиданности Шадманов вздрогнул, будто кто-то незаметно подошел сзади и ударил его по голове.

– Говоришь, питьевая вода? Можете быть спокойны, если вам здесь чего-то и не будет хватать, то воды будет вдоволь. В этих краях и на земле, и на небе очень много жидкости!

Рехмет эрсары не на пустом месте завёл разговор о воде, мало того, что они пострадали от жажды в поезде, так и здесь уже стал ощущаться дефицит воды. Поэтому было решено сойти с прямой дороги и идти окольными путями, мимо населённых пунктов, хотя это и было дольше. Ответив Рехмету эрсары, Шадманов тут же отвернулся от него и, обращаясь ко всем сразу, словно по бумажке, неторопливо, уверенно, указывая рукой на пшеничное поле вдаль, сказал:

– Люди, можете считать, что вы почти добрались до места. Вон то пшеничное поле относится к месту, где вы будете жить. Ещё один раз сделаем остановку, передохнём, и тогда уже будем на месте!

Сообщение о том, что нескончаемая дорога наконец-то

может закончиться, немного сняло напряжение с утомлённых ссыльных. Люди оживились, чувствуя, что их мучениям скоро будет конец.

Когда перед людьми в дороге появились эти, напоминающие волнистые озера пшеничные поля, им еще недавно скошившим зерно на своем поле, казалось, что оставленные дома добро как будто встречает их снова в этих местах.

Увидев приближающуюся толпу, люди, занятые на полевом стане – кто починкой трактора, кто ещё чем-то, стали выходить им навстречу. Шадманов уже слез со своей повозки и бодрым шагом шёл вперёди, по-хозяйски посматривая по сторонам. Он решил, что сегодня ссыльные передохнут на полевом стане, а завтра с утра он поведёт их в посёлок. Кобура его маузера, словно привязанный к телеге узелок, всю дорогу болталась из стороны в сторону, придавая ему воинственный вид.

– А эти кто, таджики что ли? – вытирая руки промасленной тряпкой, вглядываясь в толпу, словно отыскивая знакомых, спросил у Шадманова худошавый человек в кепке.

– Нет, это туркмены, – сухо ответил Шадманов.

– Всё равно все они из Туркестана...

Здесь уже ждали таджикских ссыльных, собранных из Бухары и Душанбе. В этом посёлке ходили слухи о том, что сверху Ивана Захаровича и Шадманова обязали поселить этих ссыльных в 31-м бараке.

Стоявший тут же старик, о чём-то глубоко задумавшись,

внимательно разглядывая вновь прибывших ссыльных, тихонько покачал головой и тяжело вздохнул.

– Добро пожаловать, коли прибыли. Все мытарства будете испытывать вместе с нами. Чего-чего, а этого добра здесь превеликое множество! – под нос себе проворчал старик и вернулся назад.

Отправившись из Акмолы и проведя в пути два дня, ссыльные только на третий день добрались до места – до 31-го барака.

* * *

В тот же день после обеда Кымыш-дузчы узнал о том, что его племянника Ахмета вместе с семьёй задержали и увезли ОГПУ-шники в Гаравулдепе. Он был на бахче. Услышав об этом, он горевал и разозлился на племянника: «Говорил же я этому ослу, чтобы прекращал свои игры, что с ними лучше не шутить, окажешься побеждённым!.. Если тебя поймали, так тебе и надо! Вот только дети за что должны страдать, они-то в чём виноваты? Из-за этой свиньи безвинным людям приходится страдать. А Ахмет... разве он когда-нибудь успокоится?..» Как бы ни сердился Кымыш-дузчы на племянника, оставаться равнодушным к судьбе его детей он не мог, беспокоился о них.

Потом мысли его от детей Ахмета переметнулись к Гаравулдепе, куда их всех увезли. «Ай, наверняка этого Кабана

избили. Хорошо, если не искалечили, они ведь могут это сделать, если ты не будешь говорить того, что они хотят услышать, они бьют человека по причинным местам, некоторых делают инвалидами...» – озабоченно думал старик. Обмотав верёвкой накошенную траву, они вместе с внучкой с трудом подняли этот стог на ишака, а сверху ещё закинули хурджун с дынями, после чего старик собрался ехать в село. Надел на себя дон, сложенный в сторонке, пока он косил траву, подпоясался кушаком из хлопковой пряжи и потуже затянул его, взял лежащую в тени папаху, отряхнул её от земли и надел на голову.

И вот ишак-конь вошёл в село. Старик от внутренней жары в дороге сильно хотел пить. Когда увидел вдаль свой дом, подумал: «А хорошо было бы, если жена заварила чай!» Подстегнув ишака, заспешил домой.

За чаем Джемал мама рассказала мужу о поимке Ахмета, о том, что его увели со связанными за спиной руками, а затем увели и его плачущих жену и детей.

После этого Джемал мама, рассказала, как она рассчитывая на помощь, ходила к Ягды, но не нашла его. Ханума, всегда знавшая о его местонахождении, сообщила, что он рано утром повёл людей к екизябу очистить, собирать хворост.

При упоминании имени Ахмета на лбу Ханумы неожиданно выступили мелкие капельки пота.

– Вы, бабушка, идите. Как только Ягды появится, я постараюсь направлю его за детьми. Ведь он тоже глава села. А

вот сможет ли он помочь Ахмету, не знаю, – не глядя в глаза старухи, она постаралась скрыть охватившее её волнение.

Старику не понравилось, что его жена, зная, кто такой Ягды, всё равно отправилась к нему за помощью.

– Нашла к кому обращаться за помощью! Неужели ты думаешь, что он всё тот же Ягды, который батрачил в своём доме, а ты его подкармливала: «Идём, сынок, выпей горяченького молочка!» ?.. Все это добро давно забыл он. Теперь он кум и хан Союнали, не простой человек, ему всё сходит с рук, и если бы он хотел помочь, почему не помог, когда разрушали твою семью?

Чем больше старик говорил, тем больше распалялся. Недопитый чай выплеснул на улицу.

– Эх, женщина ты, не надо было тебе идти к Ягды. Небо и то ближе, чем они, знай это, жена, нет больше прежнего Ягды, который называл нас «эне», «акга», вон как он задрал свой нос... Сейчас власть в его руках, и он властелин нашего села! Не нужно нам от них ждать никакой помощи!

Кымыш-дузчы, не теряя времени, взял приготовленные женой продукты для семьи Ахмета, положил в хурджун несколько дынь и поспешил к пограничникам, в ближнее Хандепе. Пройдя мимо разрозненных домов Хангулы, поравнялся с кладбищем, расположенным у дороги между селом и погранзаставой. Вспомнив, что там лежат его близкие, прочитал молитву за упокой их душ. Подумал о том, что и он в скором времени соединится с ними, представил, как он

сидит, свесив ноги в свежеврытой могиле.

Впереди показалась пограничная застава Гаравулдепе. На какое-то мгновение старик подумал о том, что с ним может случиться там, но тут же переключился на безвинных детей Ахмета, которые сейчас сидят в темнице и плачут, а когда увидят его, кинутся на шею: «Дедушка, дедушка, забери нас отсюда!» Именно эти мысли не давали ему чувствовать усталость и подгоняли вперёд.

Старик обратил внимание на разросшиеся по обочинам дороги пышные кусты верблюжьей колючки – яндака. Те, что росли у самой дороги, были покрыты пылью, как будто на них накинули тонкую серую косынку. Зато поле около Беденяпа было чудесным, радовало глаз весенним зелёным цветом.

– Эх, стать бы сейчас верблюдом, чтобы с хрустом поедать эту колючку! – вдруг подумал старик. Это поле напомнило ему, как они в детстве пасли верблюдов, и мысли увели его в прошлое.

В те далёкие дни Кымыш вместе со своими старшими братьями Арнагылычем и Озбекгылычем пас верблюдов. Иногда к ним, опираясь на посох, приходил их старый дед Мухамметгылыч сердар, на нём был чекмень. И первым делом интересовался своим старым конём: «Как он, пасётся?» Подходил к коню, задумавшись о чем-то, гладил его по лбу. Однажды, увидев взмыленного коня, отругал он их внуков:

– Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не трогали этого

коня?!

Но Арнагылыч и Озбекгылыч, несмотря на запрет, каждый день садились на коня, на нём они ездили за верблюдами. Иногда они стегали старого коня плетью, чтобы он скакал быстрее, а тот был не в состоянии делать то, что требовали от него мальчишки. Этот конь был известен как последний боевой конь Мухамметгылыча сердара.

Поскольку это поле напомнило Кымышу детство, ему вдруг почудилось, что сейчас вот-вот здесь появится его дед Мухамметгылыч сердар...

Ведь он же в легендах, когда нужен народу, всегда приходил на помощь.

Стоявшие у ворот заставы пограничники прекрасно знали, что Кымыш-дузчы живёт в соседнем селе, однако слушать его не хотели. Один из них был курносый русский парнем высокого роста. Второй, напротив, невысокого роста, с чуть раскосыми глазами, с акцентом говорящий по-тюркски татарин. Узнав, что старик пришёл навестить кого-то из арестованных, ответив небрежно, попытался отделаться от него: «Старик, ты лучше уходи, в любом случае, тебе никого не покажут, командира сейчас здесь нет, а остальные не могут дать тебе свидание». Слушая тюркскую речь татарина, старик, посмотрев ему в глаза, понял, что тот говорит неправду. Ничего не говоря солдатам, он слез со своего ишака-коня и отошёл к зарослям тальника рядом с протекающим возле заставы арыком. Привязав ишака, расстелил на земле свою

маленькую кошму и устроился на ней. Вначале пограничники переглядывались, не понимая, что старик задумал. «Может, наступило время намаза, и он сейчас будет отбивать поклоны?» – думали они. Но Кымыш-дузчы не читал намаз, не садился на своего ишака и не уезжал, продолжал сидеть на месте.

Его поведение со временем стало действовать на нервы стоящим на посту пограничникам. Немного говорящий по-туркменски татарин быстрым шагом подошёл к старику и сделал ещё одну попытку избавиться от него. Нахмурившись и сделав недовольное лицо, он неприязненно произнёс:

– Старый, а теперь ты чего ждешь?

– Здесь я буду ждать вашего командира!

– Тебе же было сказано, что его здесь нет!

– Нет, так придёт когда-нибудь. Я никуда не спешу, подожду его здесь.

Лицо татарина стало злым:

– Тебе же сказали, что большой начальник придет завтра!

– Завтра, так завтра, я подожду.

Поняв, что со стариком ему не договориться, татарин постоял некоторое время, испепеляя его своим злобным взглядом, и удручённо ворча, пошёл обратно. Поговорив немного с напарником, он оставил его стоять на посту, а сам отправился во внутрь, туда, где сидит командование. Через некоторое время оттуда с оружием в руках выскочило несколько

воинов, они были похожи на рой испуганных пчёл, над которыми нависла опасность. Кымыш-дузчы увидел, как следом за ними из помещения вышел тот самый командир, задававший вопросы в тот день, когда расспрашивал его о Джуннаид хане. Похоже, они собрались все вместе изгнать несговорчивого старика. Старик озабоченно посмотрел в лицо приближающегося командира, невольно подумав: «От этих что угодно можно ожидать!» Однако не увидел ожидаемого осуждения, никаких признаков гнева. Командир и внешне был похож на человека умного и образованного, интеллигентного.

Когда они приближались, опираясь руками о землю, Кымыш-дузчы поднялся с места. Командир остановился перед стариком, и татарин, понимая, что командиру потребуется переводчик, шустро подбежал к ним.

Старик рассказал, что в его отсутствие задержали его племянника и вместе со всей семьёй привезли сюда, а он не смог усидеть дома и прибыл сюда, чтобы справиться об их судьбе. Добавил: что, теперь советская власть видит врагов и в женщинах, и детях, если стала захватывать и их, его это очень удивляет, что село пустеет на глазах. Разве это пристало такому уважаемому государству? С свойственной ему прямо-той Кымыш-дузчы высказал всё, что у него было на уме, абсолютно не задумываясь о том, чем всё это может кончиться.

Командир молча выслушал старика, не перебивая, не задавая вопросов. Поняв, что речь идёт об Ахмете и его семье,

слегка кивнул головой, словно о чём-то вспомнив:

– Знаешь что, старик, если ты пришёл за женщиной и детьми, я с тобой соглашусь. Мы как раз получили сообщение из города, что ОГПУ разрешает нам вернуть их. К ним обратились с просьбой из вашего сельсовета руководителя. Мы собирались отпустить их завтра, но если хочешь, можешь забирать их прямо сейчас.

Для старика, шедшего сюда с мыслью, что его ожидает трудный разговор, это сообщение стало неожиданным и приятным. И хотя он собственными ушами слышал о милостивом разрешении ОГПУ, не очень-то этому поверил. Разве это ведомство способно на такие поступки, ему бы только хватать, стрелять, сажать. Но тут Кымыш-дузчы вспомнил рассказ жены о том, как она ходила к Ягды просить у него помощи.

«Неужели этот подлец стал человеком, позаботился об этих несчастных детях? – спросил себя старик и поверил, что так оно и было. – Что ни говори, всё же он свой. Раз на раз не приходится, конечно, но всё же хотя бы иногда и от него польза бывает», – старик в душе был благодарен Ягды. Насчёт детей Ахмета заботилась Ханума через свои каналы, об этом не знал никто. Старик благодарил командира искренне: «Спасибо тебе, сынок! Храни тебя и твоих детей Бог!» А потом попросил:

– Раз уж я здесь, может, позволишь мне и с племянником повидаться?

Неразговорчивый командир, сняв с головы фуражку, носовым платком вытер со лба пот, и хотел было уходить, будто не услышав последней просьбы старика. Солдаты расступились, пропуская его вперёд. На ходу отдавая короткие приказы, командир, не оборачиваясь, ушёл вглубь заставы.

Через некоторое время два пограничника вывели Ахмета из заключения и подвели к старику. Старик издалека узнал вытянутую обриту голову своего племянника. Его могучее тело как бы нависало на идущего перед ним солдата. Увидев родственника, Ахмет обрадовался, лицо его просветлело. Почтительно поздоровался с ним.

– Когда прозвучало «Ахмет Одеклыч, на выход!», – я подумал, что меня снова поведут на допрос, а тут вы, о, Боже!..

Старик с жалостливым выражением лица внимательно смотрел на племянника, лицо его осунулось, да и сам он будто немного ужался. На его торчащей голове были следы запекшейся крови, видно, его пытали. Старик разозлился: «Спрашивается, что он такого сделал, чтобы его так пытаться?! Он что, к твоей сестре в постель залез?» – про себя выругал он палачей. пытки, которым подвергся племянник, напугали и самого Кымыша-дузчы.

Из всех племянников Кымыша Ахмет был самым смелым и решительным. Кымыш-дузчы знал, что его безбашенного племянника побаиваются не только сельские руководители, но и вооружённые пограничники, и работники ОГПУ. Как ни старались они, до сих пор им не удавалось перейти дорогу

Ахмету, схватить его. Понятно, что счёт всему этому ведёт ОГПУ. Сейчас не то время, чтобы гарцевать на коне и размахивать саблей. Но есть такие, как Ахмет, его, правда, беспокойная судьба усадила на коня, но он верил, что провидение хранит его, и он никогда не попадётся. Но если всё же случилось такое, он никогда не жалел об этом. Потому что понимал: с волками жить, по-волчьи выть.

Тем не менее, в разговоре с племянником Кымыш-дузчы упрекнул его:

– Подлец, ты опять во что-то ввязался?!

Вместе ответа Ахмет грустно улыбнулся, словно жалея о прошлом, и только спустя какое-то время произнёс:

– Они как-то узнали, что я вместе с женой бая из Байрача перебросил в Афган целый хурджун денег. Пытаются это на меня навесить. Ай, Кымыш акга, посмотрим, куда выведет кривая!

– Ну, да, что ещё тебе остаётся, как положиться на судьбу, – согласился с племянником Кымыш-дузчы.

Сидя в окружении охранников, дед с племянником поговорили немного, вспомнили про ссыльных. Ахмет старался убедить дядю, что положение, в котором он оказался, не такое уж и невыносимое. Старик передал племяннику узелок с продуктами, попрощался с ним и отдал одну дыню, две другие дыни отдал солдатам.

После того, как увели Ахмета, вывели на улицу его жену и детей и подвели к старику.

Посадив на ишака-коня детей Ахмета, старик вернулся в село, когда уже хорошо стемнело. На душе у него полегчало после того, как ему удалось вызволить из застенков жену и детей Ахмета и вернуть их домой.

* * *

Джемал мама шла по грунтовой дороге. Она отправилась в Дуюджи. На ней было выгоревшее на спине старенькое платье. Платье, которое когда-то сидело на ней, как влитое, теперь стало мешковатым, просторным, возможно, оттого, что женщина состарилась и немного усохла. Казалось, что на ней одежда с чужого плеча.

Солнце уже было в зените, многие в это время были заняты работой, поэтому улица была безлюдной. По пути она собиралась зайти в кооператив, поэтому специально пошла этой дорогой. Под мышками она несла какой-то узелок, в него что-то было завёрнуто. И снова мысли Джемал мама, как это бывает обычно, когда она остаётся в одиночестве, переключились на ссыльных. Всю дорогу она что-то бормотала, будто кому-то что-то рассказывая.

– Место, куда их отправили, видать, не близкое. Неужели эта проклятая холодная Сибирь так далеко находится? До сих пор нет никаких вестей. Как бы невестки не допустили детских простуд... Мой худенький внучек Рахмангулы, Рахманназар джан, родной... Алла джан, Акгы джан, где вы сей-

час, родные мои?! Не голодны ли вы, не мёрзнете ли?..

И снова, как и при каждом воспоминании о ссыльных, на глаза Джемал мама навернулись горькие слёзы. У неё вдруг закружилась голова, и она с трудом удержалась на ногах, чтобы не упасть, запутавшись в подоле платья. Каждый раз, думая о ссыльных, Джемал мама горевала испытывала удушье, ей не хватало воздуха.

Погрузившись в свои мысли, Джемал мама забыла, что собиралась зайти в кооператив, и чуть было не прошла мимо.

Она скоро увидела, что у входа кооператор Хардат стоит и о чём-то оживлённо беседовал с несколькими людьми. Увидев он идущую в его сторону Джемал мама, он поспешил закончить разговор и быстро ушёл внутрь, делая вид, что не заметил старуху. Джемал мама увидела это. Его поведение напомнило старой женщине разговоры о том, что этот человек приложил руку к ссылке Кымышей и Гуллы эмина и не может смотреть в глаза родственникам.

Бегство Хардата еще раз подтверждало все эти слухи, к бедам этих двух семей он имел непосредственное отношение.

Увидев всё это и по-своему сделав вывод Джемал мама отложила этот дело на потом. Ей не хотелось видеть морду Хардата. Не заходя в кооператив.

* * *

Было темно. Укрытый чёрной шалью ночи, мир казался каким-то таинственным и непонятным. Но когда задул утренний ветерок, воздух стал прохладным, свежим, наполненным сладкими запахами созревших дынь. Кымыш-дузчы, хотя и лёг очень поздно, проснулся, как обычно, очень рано. Ночь была душной. Старик долго не мог заснуть из-за обилия комаров и всякой мошкары. В такие душные ночи комарам самое раздолье, они становятся беспощадными. Только дым может отогнать комаров, поэтому старик стал среди ночи собирать валяющиеся на земле сухие ветки. При этом подумал, что больше всего дыма даёт полусухой ослиный кизяк, и отругал себя за то, что не позаботился об этом с вечера. Где ж его искать сейчас, в темноте? Правда, там, где он привязал своего ишака, этого «добра» должно быть предостаточно. Вот только как отличить камни от кизяка ночью, если глаза не важно видят даже днём?!

До утреннего намаза времени было достаточно. Задул ветер, и комаров с мошкаррой как не бывало. С ними справляется только ветер, вот и сейчас утренний ветерок угнал насекомых куда-то в другие места.

Воздух звенит от тишины, не слышно даже шороха в окружающих зарослях. Хотя оттуда должно доноситься громкое похрюкивание сонного кабана. Но сейчас царит удивительная тишина.

После полуночи звёзды на небе Пенди становятся особенно красивыми. Ночи в Союнали всегда удивляли приезжих

людей. Они говорили: «Такое впечатление, что ваше село намного ближе к небу, чем другие места, вон какие крупные здесь звёзды, и так низко висят, что, кажется, до них можно дотянуться, если взобраться на вершину одного из окружающих холмов и снимать с неба, как коробочки хлопка».

Небесные светила привлекли внимание Кымыша. Он ещё не полностью очнулся ото сна. Сейчас и луна, и звёзды были похожи на нарядно одетых молодых женщин, собравшихся идти на свадебное торжество. Вид у них был красивый и гордый. Кымыш заметил угасающую серебристую полосу Млечного пути.

Снова рассыпанные на небе крупные красивые звёзды вдруг напомнили ему постаревшую Джемал маму, она сидела, накинув на голову белый платок, и прижимала к груди любимых внуков. Вид у неё был счастливый.

В последнее время старик как-то сблизился с небом. В одиночестве, да ещё долгими ночами звёзды были ему неплохими собеседникам. Отныне старик постоянно делился своими бедами со звёздами и луной. Они понимали старика, сочувствовали и жалели его. Иногда он так увлекался беседой со светилами, что казалось, они тоже понимают человеческий язык.

Кымыш-дузчы переехал на бахчу, еще тогда, когда цветки превратились сначала в завязь, а потом в небольшие, похожие на огурцы, дыньки, которые уже катались по земле.

И даже на следующий день после отправки сыновей в

ссылку он нашёл в себе силы, чтобы вернуться сюда. С тех пор ему не очень-то хотелось возвращаться в село. А если он туда и наведывался, то очень редко. Здесь ему было лучше, никто не мешал думать о сыновьях и любимых внуках, переживать за них. Старик радовался, вспоминая, что успел угостить родных первыми дыньками до их отправки в ссылку.

Старик проснулся слишком рано, но понял, что ему больше не уснуть, поэтому занялся приготовлениями к утреннему намазу... Умывшись водой из протекающего рядом ручья, набрал в тунче воду и поставил на огонь. Отбивая поклоны в утреннем намазе, старик вдруг в предрассветной мгле заметил человека, идущего со стороны южных холмов Пенди в его сторону.

«Интересно, кого это несёт сюда в такую рань?». Но потом решил, что это, возможно, кто-то из чабанов, отправившихся на поиски отбившихся от стада овец, либо человек, ищущий свою отвяжавшуюся корову. «Хорошо, если он не затопчет стебли дынь, а пройдёт по меже», – озабоченно подумал старик. И как бы внимательно ни вглядывался он в лицо приближающегося человека, узнать в нём кого-то из знакомых походке так и не смог. Дойдя до ручья, преградившего ему путь, незнакомец опустил на колени и, зачерпывая ладонями чистую холодную воды, стал жадно пить. И лишь утолив жажду, засучил рукава рубахи, снял с головы просторную папаху и положил рядом, после чего старательно умылся. Влажными руками протёр голову, бороду и усы.

После этого незнакомец встал и пошел в сторону Кымыш-дузчы. Шагах в девяти-десяти от Кымыш-дузчы незнакомец остановился.

– Салам алейкум, брат мусульманин! – приветствовал он старика. Ответив на приветствие, Кымыш-дузчы вопросительно посмотрел на незнакомого мужчину. Пришелец догадался, что старик пытается узнать его. Он сказал: ровесник, ты меня не знаешь и никогда раньше не видел. Я иду изда-лека. Родом я из Ахала...

Старик и без того понимал, что этот человек неспроста пробирается куда-то под покровом ночи. Человек был широк в кости, круглолиц, чем-то смахивал на казахов, с густой белой бородой. Под домотканым полушёлковым халатом на нём была длинная до колен белая рубаха-косоворотка. Длинные завитки его просторной папахи спадали ему на лоб.

Первым делом незнакомец поинтересовался насчёт утреннего намаза.

– Вы наверняка успели утренний намаз сделать?

В ответ услышал:

– Только что.

Тут же сняв с себя верхний халат, расстилил его как намазлык, на месте начал молиться.

Старик после молитвы незнакомца снял с огня кипящую тунче, заварил в ней чай и поставил перед ночным гостем. Выложил на подстилку рядом с чаем половину лепёшки,

принесённую вчера внучками со словами, что это они испекли вместе с бабушкой, а также немного сухого варенья из дыни. Незнакомец сначала молча жадно пил чай, но к угощению, хоть и смотрел на него неотрывно, прикоснулся не сразу. Лишь выпив две-три пиалы чая, вспотев, размякнув и придя в себя, отломил от лепёшки небольшой кусочек.

Во время чаепития незнакомец время от времени бросал на старика испытующие взгляды, будто хотел что-то сообщить, но делать этого не торопился.

Кымыш-дузчы и не пытался о чём-то расспрашивать гостя, пока тот сам не заговорил. Да и без того по лицу человека было видно, как он устал, измучен и чем-то озабочен. Окружающая тишина, деликатное молчание старика, не задававшего лишних вопросов, успокаивающе подействовали на гостя.

Старик не ошибся. Гость заговорил сам. Утолив жажду чаем, он заговорил каким-то просветлённым голосом:

– Знаете что, ровесник, появились эти нелюди, называющие себя большевиками, сейчас они жить нам не дают, топчут, уничтожают, со света сживают. – Наши предки, люди грамотные, образованные, мечети и медресе посещали, верующие мы. Ты же и сам видишь, как новая власть ненавидит нас. Что нам оставалось делать, пришлось побросать всё и окольными путями пробираться в мусульманское государство, чтобы свою веру сохранить. И вот уже сколько дней передвигаемся ночами, осторожно, днём же прячемся среди

зарослей камышей и прочей растительности, сидим дотемна. Дорога оказалась длиннее, чем мы ожидали. Иран к нам ближе, но туда сейчас и вовсе не сунешься, они усилили охрану границы. Вот и получается, птица лишится крыльев, а кулан – копыт, если кто из них попытается пересечь границу. Когда мы однажды пытались пройти ту границу, нас заметили, стреляли, один из наших парней ранен. Нам ничего не оставалось, как пойти этим путём, хотя он и длиннее. Так и двигаемся, день за днём одолевая нелёгкий путь.

Когда гость вылил в пиалу остатки чая, старик заново наполнил тунчу и хотел снова поставить на огонь. Гость был искренне благодарен старику за такой тёплый и сердечный приём.

– Агам, достаточно, спасибо тебе большое! Я получил огромное удовольствие. Сколько дней без чая приходилось обходиться, что даже если выпить воду из арыка, она не утолит жажды. Но твой чай вернул меня к жизни, прибавил сил.

Легонько кивая головой, Кымыш-дузчы внимательно слушал гостя, сопереживая его судьбе и сравнивая её с судьбой своих сыновей.

Ещё он подумал, что Ахал находится очень далеко отсюда, что этот человек вынужден вместе с детьми бежать из своей страны, от своей хорошей жизни и переносить все эти испытания. «Когда они пришли к власти, много чего обещали: докторов для излечения больных, обучить грамоте безграмотных. Казалось бы, живи и радуйся! Но нет, теперь им

этого мало, надо искать врагов, терроризировать людей... И ведь с каждым днём всё хуже и хуже становится...».

Слушая гостя, он мыслями снова вернулся к своей разделённой семье. Алланазар и Аганазар заняли места по обе его стороны, а на коленях занял место двух старших братьев Рахманназар... А вот его сыновья плетутся рядом с телегами, покидают родные места. Сколько ни думал старик обо всём этом, никак не мог найти случившемуся оправдания, и понять этого никак не мог.

По тому, как гость озирался по сторонам, Кымыш-дузчы догадался, что тот собрался уходить, но при этом у того есть ещё что сказать.

Вокруг всё ещё было тихо, только тишина эта была какой-то таинственной, напряжённой. Всегда ближе к осени в этих местах Пенди мир казался немного хмурым и немного загадочным.

– С твоего позволения я, пожалуй, пойду, яшули! Говорят же: путнику хорошо в пути!

– Позволение от Аллаха, гость. Если побудешь ещё немного, я тебя снова напою чаем, накормлю чем Бог послал. Жаль, что не получилось сходить в село и доставить оттуда еду вам в дорогу... – немного расстроено произнёс Кымыш-дузчы.

Видя, что гость поднялся с места, потуже затянул кушак, старик стал готовиться к его проходам. Взяв с сачака остатки лепёшки, немного сухой сушёной дыни, он передал всё это

гостю, завернув в платок, служивший ему сачаком.

– Возьми, брат, в дороге пригодится!

– Да возблагодарит тебя Аллах за доброту твою и милосердие! – чувствовалось, что гость был тронут, а когда заговорил, голос его дрогнул. А старик, видя, что хлеба гостю дал мало, снова повторил: «Неплохо бы мне в село сходить». Но гость не согласился ждать, он спешил.

– Агам, ты мне дай с собой ещё бурдюк воды и проводи в путь-дорогу. А то мои, наверно, уже все глаза проглядели. Пока совсем не рассвело, мне надо добраться до них!

Прощаясь с гостем, Кымыш-дузчы, словно вспомнив о чём-то, вдруг резко повернулся, отыскал в углу своего пристанища старый полосатый хурджун, после чего они с гостем прошли по бахче и быстро наполнили дынями. Старик подумал о том, что дыня порой может заменить и хлеб, и воду, и был несказанно рад тому, что вовремя вспомнил об этом. После этого, они вдвоём загрузили хуржун дынями на ишака-коня.

– Иди, брат, да поможет всем вам Аллах!

– Агам, как же мне отблагодарить тебя за все твои милости? Как я смогу вернуть тебе твой транспорт – ишака? – и голос гостя снова от волнения дрогнул.

– Когда вы доберётесь до места, поверни его головой в сторону села и дай пинка под зад, стегни плёткой, и ишак, где бы он ни был, найдёт дорогу домой.

Идя рядом с ишаком, Кымыш-дузчы проводил гостя до

самого края бахчи. Как знаток здешних мест и порядков, наставлял гостя, чтобы тот не спускался к реке и не пытался перейти её вброд, потому что охрана, там усиленная. Лучше между холмов чуть дальше будете идти, зато этот путь будет более надёжный.

Стуча копытами, ишак-конь с ночным гостем ушёл в сторону холмов и только к вечеру третьего дня ишак спустился с холма.

Увидев своего любимого ишака-коня, Кымыш-дузчы понял, что его ночной гость из Ахала благополучно пересёк границу.

Конец первой книги

Несколько слов из биографии писателя Агагельды Алланазарова

Агагельды Алланазаров родился в 1948 году в селе Марчак Тахта-базарского этрапа. После окончания 8 классов поступил в Марыйское педучилище. После окончания год работал учителем в школе № 6 г. Мары. С 1969-1971 гг. служил в десантных войсках в Прибалтике. После службы в 1971 году поступил в Московский Литературный институт им. А. М. Горького и окончил его в 1976 году. В этом же году начал работать редактором в издательстве «Туркменистан». С 1983–1988 гг. возглавил Бюро пропаганды СП Туркмениста-

на. В 1988–1992 гг. главный редактором издательства «Туркменистан». В 1992 году был назначен заместителем председателя Комитета по печати при Кабинете Министров Туркменистана. С 1995–2001 гг. работал директором издательства «Туркменистан». С 2001 года он был утвержден директором Государственной книжной палаты Туркменистана Туркменской государственной издательской службы.

Агагельды Алланазаров увлекся литературой еще в школьные годы. Он пришёл в литературу как поэт.

Его своеобразные стихи 80-х годов обратили на себя внимание известных писателей и большой аудитории читателей. В разные годы были выпущены как в Ашхабаде, так и в Москве несколько книг на туркменском и на русском языках: «Дом солнца», «Три веселых капитана», «Пишу “А”», «Собака, которая летала однажды», «Сказки», «Весёлая азбука», «Играй, моя дудочка», «Выше, чем гора», «Догоняю ветер», «Вам такое и не снилось» и др.

Его первая повесть «Семь зёрен» была напечатана в литературном журнале «Совет эдебияты» ныне «Каракум» еще в студенческие годы в 1975 году, была тепло встречена читателями и высоко оценена известными писателями. Последние годы издавались прозаические произведения: «Поклажа для инера», «Разбитые вёрсты», «Путешествие к себе и в даль», «Собака которая летала однажды», «Семь зерен», «Разбитые версты», «Белый парус», «Белый конь», «Морские дни пустыни» и др.

По повестям Агагельды Алланазарова сняты два полнометражных художественных фильма. В последние годы он создал несколько романов: «Тюлень», «Жаркое лето Хазара» и пятитомные, многоплановый роман-эпопея «Очаг» в пяти томах.

Его пьеса «День рождения Лиса», написанная для детей поставлена в нескольких театрах и идёт более 30 лет.

Агагельды Алланазаров – член Союза писателей СССР, лауреат молодежной премии Ленинского комсомола Туркменистана (1983г.). У него имеются и другие государственные награды.